А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Том 2. Пьесы 1856-1861

Александр Николаевич Островский

Аннотация
Александр Николаевич Островский. Собрание сочинений в шестнадцати томах. Том 2. Пьесы 1856-1861
В чужом пиру похмелье
  Действие первое
  Действие второе
Доходное место
  Действие первое
  Действие второе
  Действие третье
  Действие четвертое
  Действие пятое
Праздничный сон — до обеда
  Картина первая
  Картина вторая
  Картина третья
Не сошлись характерами!
  Картина первая
  Картина вторая
  Картина третья

Воспитанница
- I
- II
- III
- IV

Гроза
- Действие первое
- Действие второе
- Действие третье
  - Сцена первая
  - Сцена вторая
- Действие четвертое
- Действие пятое

Старый друг лучше новых двух
- Действие первое
- Действие второе
- Действие третье

Свои собаки грызутся, чужая не приставай!
- Картина первая
- Картина вторая

За чем пойдешь, то и найдешь. (Женитьба Бальзаминова)
- Картина первая
- Картина вторая
- Картина третья

Комментарии

Аннотация

Во второй том собрания сочинений А.Н. Островского вошли пьесы 1856–1861 годов, такие, как «Доходное место», «Гроза», «За чем пойдёшь, то и найдёшь (Женитьба Бальзаминова)» и другие пьесы.

http://ruslit.traumlibrary.net

Александр Николаевич Островский
Собрание сочинений в шестнадцати томах
Том 2. Пьесы 1856-1861

В чужом пиру похмелье

Комедия в двух действиях

Действие происходит в Москве.

Действие первое

ЛИЦА:

Иван Ксенофонтыч Иванов, отставной учитель, 60 лет.

Лизавета Ивановна, его дочь, 20 лет.

Аграфена Платоновна, вдова, губернская секретарша, хозяйка квартиры, занимаемой Ивановым.

Тит Титыч Брусков, богатый купец.

Андрей Титыч, его сын.

Сцена представляет бедную комнату в квартире Ивановых. Налево на первом плане окно, дальше дверь в комнату хозяйки; прямо дверь выходная, направо дверь в комнату Лизаветы Ивановны.

Явление первое

Иван Ксенофонтыч входит, размахивая руками, за ним Аграфена Платоновна.

Иван Ксенофонтыч. Невежество! Невежество! И слышать не хочу невежества! *(Садится за стол и раскрывает книгу.)*

Аграфена Платоновна. У вас все невежество. А

сами-то что? Только слава, что ученый человек! А что в нем проку, в ученье-то в вашем? Только одно мнение, что я ученый человек, а хуже нас, неученых. Живете, как бобыль — ни кола, ни двора.

Иван Ксенофонтыч. Невежество! Невежество!

Аграфена Платоновна. Наладил одно! Невежество да невежество! Я к вашей пользе говорю. Мне что! Я женщина посторонняя.

Иван Ксенофонтыч. А коли вы, сударыня, посторонняя женщина, так и не мешайтесь в чужие дела. Оставьте меня; видите, я делом занимаюсь.

Аграфена Платоновна *(помолчав).* Мне как хотите. Я, жалеючи вас, говорю. Куда вы денетесь с дочерью-то? Девушке двадцать лет; нынче без приданого-то никто не возьмет; а у вас ни кругом, ни около — все нет ничего, бедность непокрытая.

Иван Ксенофонтыч. Как ничего? У меня есть пенсия, есть уроки.

Аграфена Платоновна. Что ваша пенсия! Что ваши уроки! Разве это приданое? Пока живы, ну, конечно, на пропитание хватит; а вы то рассудите: вы пожилой человек, ну, сохрани бог, помрете: куда будет Лизавете Ивановне голову приклонить?

Иван Ксенофонтыч. Она куда пойдет? Она будет детей учить. Будет заниматься, сударыня, тем благородным делом, которым отец занимался всю свою жизнь.

Аграфена Платоновна. Уж куда какая невидаль! Хорошее житье, — по чужим людям шляться из-за куска хлеба! Чужой-то хлеб горек! А вы послушайте-ка меня, глупую, давайте-ка я примусь сватать вам жениха; благо, здесь сторона купеческая.

Иван Ксенофонтыч. Какое же это благо? В чем тут благо? Кроме невежества, я ничего не вижу.

Аграфена Платоновна. А я вижу. Вот, например, Андрей Титыч, что к нам ходит, чем не жених? И молод, и богат, и из себя красавец.

Иван Ксенофонтыч. И дурак набитый, читать по-русски не умеет. Это ваш жених, а не Лизин. Вас будет пара.

Аграфена Платоновна. Уж какой он мне жених! Очень нужно ему старуху-то брать! Он с своими деньгами-то получше вашей Лизы найдет. Ему уж давно от невест проходу нет, от богатых; да не хочет, потому влюблен до чрезвычайности в Лизавету Ивановну. Вот что!

Иван Ксенофонтыч *(вскочив).* Что? Да как же он смел, скажите вы мне? Кто ему позволил? Это

житья нет! Лиза моя… ведь это сокровище, это совершенство! А он, безграмотный, смел влюбиться! Мужик! Невежа!

Аграфена Платоновна. Ах, батюшка, да разве кому закажешь! Ведь она не королевна какая! А почем знать, дело женское мудреное, может, она и сама его любит. Чужая душа-то темна. Девушки об этом не сказывают.

Иван Ксенофонтыч. Вздор, вздор! Этого быть не может. Я и слушать не хочу. *(Переходит к другому столу.)* Не мешайте мне заниматься, Аграфена Платоновна; вы видите, у меня дело есть.

Аграфена Платоновна *(переходит за ним)*. А может, и вздор; я так говорю, по своему понятию. А жаль малого-то, уж очень сокрушается. Дома-то радости нет, отец-то у него такой дикий, властный человек, крутой сердцем.

Иван Ксенофонтыч. Что такое: крутой сердцем?

Аграфена Платоновна. Самодур.

Иван Ксенофонтыч. Самодур! Это черт знает что такое! Это слово неупотребительное, я его не знаю. Это lingua barbara, варварский язык.

Аграфена Платоновна. Уж и вы, Иван Ксенофонтыч, как погляжу я на вас, заучились до того, что русского языка не понимаете. Самодур — это

называется, коли вот человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он все свое. Топнет ногой, скажет: кто я? Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежать, а то беда…

Иван Ксенофонтыч. O tempora, o mores! [О времена, о нравы! *(лат.)*]

Аграфена Платоновна. Так вот Андрюша-то и боится, что отец ему жениться не позволит… Ну да это ничего, я баба огневая, я обломаю дело; только было бы ваше согласие. Я за двумя мужьями была, Иван Ксенофонтыч, всеми делами правила. Я теперь хоть в суде какое хочешь дело обделаю. Стряпчего не нанимай. По всем кляузным делам ходок. Во всех судах надоела. Прямо до енарала хожу…

Иван Ксенофонтыч. Об чем вы говорите, я не понимаю.

Аграфена Платоновна. Все об том же об Брускове, об купце.

Иван Ксенофонтыч. Послушайте: Плутарх в одной книге…

Аграфена Платоновна. А насчет плутовства — это точно, он старик хитрый.

Иван Ксенофонтыч *(обращая глаза к потолку)*. О, невежество!

Аграфена Платоновна. И это есть. Хоть он и

плутоват, а человек темный. Он только в своем доме свиреп, а то с ним что хочешь делай, дурак дураком; на пустом спугнуть можно. Теперь как хотите, Иван Ксенофонтыч, так и сделаем. Честно так честно, а то и на штуку поймаем. Так запутаем, что хоть плачь, а жени сына на Лизавете Ивановне.

Иван Ксенофонтыч. Что я слышу! Громы небесные! И вы не поразите эту женщину!

Аграфена Платоновна. За что ж вы бранитесь? Я вас люблю, вам добра желаю *(утирает слезы),* а вы меня всяческими словами ругаете.

Иван Ксенофонтыч. Как хотите, Аграфена Платоновна, любите или не любите, только оставьте нас с дочерью в покое.

Аграфена Платоновна *(покачав головой).* Эх, Иван Ксенофонтыч, Иван Ксенофонтыч! Жаль мне тебя! Человек-то ты добрый, да больно ты прост. Беден ты уж больно. Вот и одежонка-то…

Иван Ксенофонтыч. Я беден, да честен, бедным и останусь. Не хочу я знаться с твоими с богатыми.

Аграфена Платоновна. А нынче так жить-то нельзя. *(Отходит от стола.)* Как хочешь ты, Иван Ксенофонтыч, обижай меня, а я все-таки всякое добро для вас готова сделать, да и завсегда

буду делать, за вашу кротость и сиротство. Мне за это бог пошлет. *(Уходит в свою комнату.)*

В середнюю дверь входит Лизавета Ивановна, скидает шляпку и кладет на стол. Иван Ксенофонтыч, не замечая ее, читает с жаром и размахивает руками.

Явление второе

Иван Ксенофонтыч и Лизавета Ивановна.

Лизавета Ивановна. Здравствуй, папа!

Иван Ксенофонтыч. А, здравствуй! Подай мне шляпу.

Лизавета Ивановна. Куда ты, папа? Отдохни немного! Ты и так много трудишься.

Иван Ксенофонтыч. Нельзя, Лиза, нельзя! Отдыхать некогда. Молодым людям учиться надобно, и так, Лиза, у нас мало учатся, мало. Достань-ка мне Горация да подсыпь табачку, весь вышел.

Лиза достает ему книгу и насыпает табаку.

Ну, прощай! Чай пить не дожидайтесь, может быть, затолкуюсь с ребятами.

Лизавета Ивановна. Бедный папаша!

Иван Ксенофонтыч *(надевает шляпу, идет к дверям и возвращается)*. Лиза, ты меня извини, я тебе задам вопрос…

Лизавета Ивановна. Что такое, папа?

Иван Ксенофонтыч. Давеча вот эта глупая женщина *(показывая на комнату хозяйки)* говорила, только не утвердительно, а так, одно предположение, что, может быть, ты… Только ты, Лиза, не сердись!

Лизавета Ивановна. Что же она говорила?

Иван Ксенофонтыч. Она говорила, что, может быть, ты влюблена в этого молодого купца, который ходит к нам за книгами. Ну, разумеется, я не поверил.

Лизавета Ивановна. Охота тебе, папа, слушать ее!

Иван Ксенофонтыч. Я ее и не слушаю, она вздорная болтунья, необразованная женщина. Только вот что, Лиза: ты теперь в таком возрасте… Молодая девушка, тебе скучно со мной, со стариком… ты, сделай милость, прыгай… веселись… влюбись в кого-нибудь, я тебя прошу об этом. Только ты не скрывай от меня, скажи мне — я сам с тобой помолодею; я все за книгами. Лиза, у меня душа зачерствела.

Лизавета Ивановна. Ах, папаша! Если б я полюбила кого, я б тебе сказала… А то нет еще… Этот молодой человек… так себе; только уж очень необразован, ни стать, ни сесть не умеет. И ты,

папаша, мог подумать?

Иван Ксенофонтыч. Ну, ну, ну, виноват! *(Целует ее.)* В последний раз, больше не буду. *(Смотрит на часы.)* Пора, пора… *(Бежит бегом из комнаты, Лизавета Ивановна смотрит вслед ему.)*

Явление третье

Лизавета Ивановна *(одна, подходит к столу, садится и берет работу; молчание).* Нет, уж мы очень много трудимся! Что ни говори, как себя ни утешай, а тяжело, право, тяжело! Уж я не говорю об деньгах, не говорю о том, что за наши труды нам платят мало; хоть бы уважение-то нам за наш честный труд оказывали; так и этого нет. На что уж наша хозяйка, и та смотрит на нас с каким-то сожалением! А всего мне обиднее, что смеются над папашей. Он, точно, немного странен, да ведь он всю жизнь провел за книгами, его можно извинить. И что в этом смешного, что человек ходит в старой шинели, в старой шляпе? А у нас такая сторона, чуть не в глаза хохочут. Конечно, это невежество, с образованием это пройдет, а все-таки тяжело. Вот вчера, как я шла из церкви, какие-то молодые купцы вслух смеялись над моим салопом. Где же я лучше возьму? Ты же приносишь людям пользу почти бескорыстно,

тебя же презирают. *(Подносит платок к глазам.)*

Андрей Титыч входит.

Явление четвертое

Лизавета Ивановна и Андрей Титыч.

Андрей Титыч. С нашим почтением-с, Лизавета Ивановна!

Лизавета Ивановна. Здравствуйте, Андрей Титыч! Садитесь.

Андрей Титыч *(утираясь).* Покорнейше благодарим-с. Летел к вам скоропалительно, инда взопрел-с. Тятеньки нет-с?

Лизавета Ивановна. Нет; ушел на урок.

Андрей Титыч. По-латыни два алтына, а по-русски шесть копеек-с.

Лизавета Ивановна. Что вы такое говорите?

Андрей Титыч. У нас в ряду один учитель ходит, горькой, так над ним смеются, дразнят, значит. Ты, говорят, окромя свинячьего, на семь языков знаешь.

Лизавета Ивановна. Как же вам не стыдно смеяться над людьми почтенными! Как это дурно!

Андрей Титыч. Что ж такое! Шутка не вредит-с. Хороший человек на свой счет не примет.

Лизавета Ивановна. Бросьте эту привычку, нехорошо. Зачем обижать!

Андрей Титыч. Нельзя нашему брату не смеяться-с; потому эти стрюцкие такие дела с нами делают, что смеху подобно.

Лизавета Ивановна. Что у вас за слова такие! Какие-то стрюцкие!

Андрей Титыч. Уж это слово им недаром дано-с. Другой весь-то грош стоит, а такого из себя барина доказывает, и не подступайся, — засудит; а дал ему целковый или там больше, глядя по делу, да подпоил, так он хоть спирю плясать пойдет. *(Помолчав.)* Я теперь от тятеньки скрываюсь-с.

Лизавета Ивановна. Как скрываетесь? Зачем же?

Андрей Титыч. Женить хотят… насильственным образом.

Лизавета Ивановна. Что ж, разве вам невеста не нравится?

Андрей Титыч. Такую нашли — с ума сойдешь! Тысяч триста серебра денег, рожа. ю как тарелка, — на огород поставить, ворон пугать. Я у них был как-то раз с тятенькой, еще не знамши ничего этого; вышла девка пудов в пятнадцать весу, вся в веснушках; я сейчас с политичным разговором к ней: «Чем, говорю, вы занимаетесь?» Я, говорит, люблю жестокие романсы петь. Да как запела, глаза это раскосила, так-то убедила народ,

хоть взвой, на нее глядя. Унеси ты мое горе на гороховое поле!

Лизавета Ивановна. Да разве вы своей воли не имеете? Не нравится вам девушка, ну, и не женитесь, так и скажите отцу.

Андрей Титыч. Какая тут воля! Эх, Лизавета Ивановна! Нешто у нас так, как у людей! *(Махнув рукой.)* Крылья у меня ошибены, то есть обрублены, как есть. Уродом сделали, а не человеком. Словно угорелый хожу по земле. У нас так не водится, чтоб сын смел выбрать себе невесту по душе, значит, как следует; а привезут тебя, покажут, ну и женись. А коли скажешь, что, мол, тятенька, эта невеста не нравится: а, говорит, в солдаты отдам! Ну и шабаш! Уж не то что в этаком деле, и в другом-то в чем воли не дают. Я вот помоложе был, учиться захотел, так и то не велели.

Лизавета Ивановна. Неужели это правда? Право, мне не верится. Что-нибудь да не так.

Андрей Титыч. Уж это так точно-с, будьте покойны. Диви бы негде было учиться али бы денег не было; а то денег угол непочатый лежит, девать куда не сообразим. Коммерческая академия существует на Покровском бульваре. На что ж она построена? Смотреть на нее? Кабы у нас, значит, вообще по купечеству такое заведение было,

чтобы детей не учить, так бы и не обидно. А то этого нет. Перед другим-то, перед своим братом и совестно. Вот у тятеньки приятель был, тоже русский купец, с бородой ходил, а сына-то в Англию посылал. Теперь свое дело, по машинной части, лучше их знает. Стало быть, их и выписывать не надо и денег им не платить. Что их баловать-то! Я, может, не глупей его, а теперь смотри да казнись. Кажется, если бы меня учить, я бы до всего на свете дошел: потому страсть имею. Вот тятенька меня поедом ест, а за что? Сам не знает. По фабрике кто первый? Все я. Я вперед знаю, что требуется.

Молчание.

Лизавета Ивановна, вы ведь не поверите, что я вам скажу: я к скрыпке оченно пристрастие имею.

Лизавета Ивановна. Ну, так что ж?

Андрей Титыч. Вот теперь пятый год учусь… знаете где? На чердаке, в чулане. Беда, как узнает… «Да что это! Да к чему это! Да с твоим ли рылом, скажет, такие нежности разводить!» В театр никогда не допросишься. А и допросишься, да опоздаешь немножко, так беда. У нас все равно, что загулял, что в театре просидел, это на одном счету. Ту причину пригоняют, что у нас один брат

помешанный от театру, а он совсем не от театру, так, с малолетства заколотили очень.

Лизавета Ивановна. Знаете ли, Андрей Титыч, я вас научу. Когда вы заметите, что ваш отец в хорошем расположении духа, вы ему откровенно и выскажите все: что вы чувствуете, что у вас есть способности, что вы учиться хотите.

Андрей Титыч. Он такую откровенность задаст, что места не найдешь. Вы думаете, он не знает, что ученый лучше неученого, — только хочет на своем поставить. Один каприз, одна только амбиция, что вот я неучен, а ты умнее меня хочешь быть.

Лизавета Ивановна. Мне, право, вас жалко, Андрей Титыч! Ходите к нам почаще. Вы моего отца знаете, он образованный человек, он вам может много пользы принести, да и я, с своей стороны, постараюсь, что могу.

Андрей Титыч. Эх, Лизавета Ивановна, жаль только, что мне развязки никакой не дано.

Лизавета Ивановна. Какой развязки?

Андрей Титыч. Не умею я по-французски говорить и походки настоящей не имею. Вон теперь в магазинах приказчики разговаривают по-французски, ногами шаркают, барышни им глазки делают.

Лизавета Ивановна. Полноте вздор говорить!

Андрей Титыч. Да как же-с! Уж коли знаешь французский язык да есть походка, так тут можно смело… значит, что только завидел, орел ли в небе, щука ли в море, — все наше.

Лизавета Ивановна. Вы мне, пожалуйста, глупостей не говорите, я вас прошу.

Андрей Титыч. Ведь женщины, они души в человеке понять не могут-с: только ловкость нужна, ну и насчет одежи, чтобы первый сорт-с.

Лизавета Ивановна. Я вам откровенно скажу, Андрей Титыч, с вами очень мудрено разговаривать. Вы не подумавши говорите такие вещи, которые могут казаться обидными. Неужели вы думаете, что мы принимаем и ласкаем вас за ваше платье?

Андрей Титыч. Да что со мной, дураком, толковать-с; я просто пропащий человек, от своего собственного необразования. Болтаю, что в голову придет, всякие наши рядские глупости. Вы думаете, что я не чувствую вашей ласки, — да только я выразить не умею. Мне как-то раз показалось, Лизавета Ивановна, что вы на меня повеселей взглянули, так я загулял на три дни, таких вертунов наделал, — беда! Одному извозчику что денег заплатил.

Лизавета Ивановна. Ну, зачем же это? Разве вы не знаете, что это дурно?

Андрей Титыч. А что ж мне делать-то? Куда мне деваться-то? Я как сумасшедший сделался. Я в жизнь ни от кого хорошего слова не слыхивал. *(Подходит к Лизавете Ивановне.)* Лизавета Ивановна!

Лизавета Ивановна. Что вам угодно?

Андрей Титыч. Дайте мне ручку поцеловать.

Лизавета Ивановна. Что вы за вздор говорите! Ну, для чего это?

Андрей Титыч. Да что ж за важность! Может, в последний раз. Ведь вас не убудет.

Лизавета Ивановна. Да нехорошо, и совсем не нужно… ну, а впрочем… *(Оглядываясь, протягивает ему руку.)*

Андрей Титыч *(целует).* Умер бы у вас и домой не пошел! Уж очень тяжко мне! Эх, доля, доля! *(Плачет.)*

Входит Аграфена Платоновна.

Явление пятое

Лизавета Ивановна, Андрей Титыч и Аграфена Платоновна.

Аграфена Платоновна. Здравствуй, Андрюша! Что с тобой?

Андрей Титыч. Так, ничего-с.

Аграфена Платоновна. Как ничего? Ты словно как мокрая курица.

Андрей Титыч. Подвесить себя хочу-с.

Аграфена Платоновна. Как так?

Андрей Титыч. Известно как: за петельку на гвоздик.

Аграфена Платоновна. Что за напасть такая?

Андрей Титыч. Да что, разговаривать-то не хочется. Женить хотят, вот и все-с.

Аграфена Платоновна. Плохо твое дело.

Андрей Титыч. Обидно-с! *(Раскланивается.)* А впрочем, прощайте-с. *(Подходит к Аграфене Платоновне.)* Что ж, отдайте энту штуку-то; еще, пожалуй, история выдет.

Аграфена Платоновна. Ну вот, на что она тебе?

Андрей Титыч. А то, пожалуй, и не надо; делайте, что хотите. Уж семь бед, один ответ. До приятнейшего свидания. *(Кланяется и уходит.)*

Явление шестое

Лизавета Ивановна и Аграфена Платоновна.

Аграфена Платоновна. Видали вы, что мужики-то значат? Так вот посмотрите. Насильно хотят малого женить. Самое низкое обыкно-

вение! Нешто человек может любить против желания? Какие на это права? Какие законы? Живут неопрятно, ну ничего и не понимают. Ломят по-своему, что на ум взбрело спросонков… А я было его, барышня, признаться, для вас прочила.

Лизавета Ивановна. Я думаю, Аграфена Платоновна, прежде нужно было меня спроситься.

Аграфена Платоновна. Да что спрашивать-то? Дело видимое. Человек хороший, богатый, вас любит. Куражу не имеет сказать вам, потому что умных слов не знает от своего от дурацкого воспитания. А случится, когда ко мне в комнату зайдет, так и заливается-плачет: все бы я, говорит, сидел у вас, все бы глядел на Лизавету Ивановну, жизни готов решиться, только бы жениться на ней. Сколько мне подарков переносил, чтобы я вам за него словечко замолвила.

Лизавета Ивановна. Какой еще он жених, ему учиться надобно в школе где-нибудь.

Аграфена Платоновна. Любовь-то не спрашивает, все ли науки знаешь. Влюбляются и вовсе безграмотные. А что ж ему делать? Он бы и рад учиться, да батюшка-то у него ишь какой сахар!

Лизавета Ивановна. Мне смешно вас слушать, Аграфена Платоновна. Ну, рассудите вы сами, какая же мне неволя идти в такую семью: сын

необразованный, а отец дурак.

Аграфена Платоновна. Не тысячу же лет этот старый хрыч жить будет. Потерпите маленько, а потом сами барыней будете. Оно, точно, вам будет не сладко; да денег-то у них, у леших, больно много. Зато что захотите, муж все для вас будет делать, разве только птичьего молока не достанет.

Лизавета Ивановна. Неужели вы, Аграфена Платоновна, до сих пор меня не знаете? Я ни за какие сокровища не захочу терпеть унижения. Ведь они за каждую копейку выместят оскорблением; а я не хочу их переносить ни от кого. То ли дело, как мы живем с папашей! Хоть бедно, да независимо. Мы никого не трогаем, и нас никто не смеет тронуть. *(Работает.)*

Аграфена Платоновна *(взглянув в окно).* К нам дрожки подъехали. Ах, батюшки! Да ведь это он!

Лизавета Ивановна. Кто он?

Аграфена Платоновна. Андрюшин отец, Тит Титыч.

Лизавета Ивановна. Это, должно быть, к вам; а к нам ему незачем.

Тит Титыч входит.

Явление седьмое

Лизавета Ивановна, Аграфена Платоновна и Тит Титыч.

Тит Титыч. Где Андрюшка? Сказывайте скорей, а то искать примусь.

Аграфена Платоновна. Почем мы знаем, где твой Андрюшка. Ступай, откуда пришел; нечего тебе здесь делать!

Тит Титыч. Не с тобой говорят. Барышня, выдавай Андрюшку! Да не вертись; видишь, я сам за ним пришел; я шутить не люблю! У меня слово — закон.

Лизавета Ивановна *(встает).* Я вас не знаю и знать не хочу. Подите вон отсюда!

Тит Титыч *(садится).* Полно вилять-то! Все суседи говорят, что он у тебя скрывается. Ты, надо полагать, за него замуж норовишь; так нет, шалишь, не пообедаешь!

Лизавета Ивановна *(закрывает лицо платком).* Господи! Что же это такое!

Аграфена Платоновна. Ступайте, барышня, к себе в комнату. Что вам с мужиком разговаривать! Я одна с ним управлюсь.

Лизавета Ивановна уходит.

Явление восьмое

Аграфена Платоновна и Тит Титыч.

Аграфена Платоновна. Ты что буянишь-то! Ты куда, в кабак, что ли, зашел? Кричи поди у себя дома, а здесь язык-то прикусишь. Я, брат, так раскассирую…

Тит Титыч. А вот я обыск исделаю, квартального позову.

Аграфена Платоновна. Так тебе и позволят в благородном доме безобразничать!.. Да ну, коли на то пошло, делай обыск. А не найдешь, чем ответишь?

Тит Титыч. Не ваша печаль, это наше дело. За безобразие заплатим.

Аграфена Платоновна. Ты думаешь деньгами отъехать? Нет, ведь старик-то не алтынник, он с тебя ничего не возьмет. Чем ты смотришь — и того не возьмет. Он заслуженный человек, за тридцать лет пряжку имеет. Он тебя в смирительный упрячет.

Тит Титыч. Видали мы виды-то! Черт Ваньку не обманет, Ванька сам слово знает. Вы мне Андрюшку подайте; видишь, я сам за ним пришел.

Аграфена Платоновна. Сам с усам! Жалко вот, что тебя не боится здесь никто; а то так бы тебе

Андрюшку и представили, невидимой силой. Да коли нет его, чудак человек, значит, негде взять. Он дома давно.

Тит Титыч. Да ты врешь, может быть?

Аграфена Платоновна. А ты сходи посмотри, либо пошли кого-нибудь.

Тит Титыч. Нет уж, я лучше сам пойду, только если не найду его, я уж за тебя примусь. Слышишь! *(Берет шапку.)*

Аграфена Платоновна. Погоди, куда ты? Еще мне с тобой поговорить надо. Ты думаешь, ты скоро разделаешься. *(Вынимает из стола бумагу.)* Ты это видишь?

Тит Титыч. Что это такое? Кажи!

Аграфена Платоновна. Читай! Только из рук не выпущу; мы вашего брата знаем.

Тит Титыч *(надев очки).* «Я, нижеподписавшийся купеческий сын, Андрей Титов сын Брусков, обязуюсь жениться на дочери титулярного советника, девице Елизавете Ивановне Ивановой, в чем и даю сию расписку». *(Перестает читать и снимает очки.)*

Аграфена Платоновна. Понял?

Тит Титыч. Как не понять! Это, то есть, насчет грабежу. Ну, народец! Что ж вы с эвтой бумагой делать будете?

Аграфена Платоновна *(запирает в стол бумагу).* Уж старик знает, что делать. Порядок известный: дело по делу, а суд по форме.

Тит Титыч *(почесав затылок).* По форме? Нет уж, лучше мы так, между себя сделаемся.

Аграфена Платоновна. Известно, лучше: только ведь с тобой честью-то мудрено.

Тит Титыч. Уж и ваш-то брат нам солон приходится. А вы пожалейте душу человеческую.

Аграфена Платоновна. Что тебя жалеть-то! Давай три тысячи целковых, вот и квит.

Тит Титыч. Ишь ты, ишь ты заломила! Ведь я не сам деньги-то делаю; трудами доставал, пóтом.

Аграфена Платоновна. Да, потеете вы в трактире за чаем. Ты лучше и не торгуйся; а то сам придет, пожалуй, и трех не возьмет. Уж это я так беру смелость, хочу без него дело сделать.

Тит Титыч. Полтораста рубликов.

Аграфена Платоновна. Что? За такое дело полтораста рублей! Да как у тебя язык-то поворотился!

Тит Титыч. За что деньги-то давать, ты сама рассуди. Ведь задаром-то жалко.

Аграфена Платоновна. За что? За твое нравство! Не ходи по лавке… Говорю, не торгуйся, а то прогоню; так ни с чем уйдешь.

Тит Титыч. Ты меня выведешь из терпимости, в те поры я в себе не властен: я тебя прибью.

Аграфена Платоновна. Любопытно это будет посмотреть! Я караул-то на всю Зацепу закричу. Свяжем тебе лапки назад, да еще три тысячи заплатишь.

Тит Титыч. Надоела уж ты мне. Говори последнюю цену.

Аграфена Платоновна. Последнюю?

Тит Титыч. Да, последнюю.

Аграфена Платоновна. Без разговору — две тысячи.

Тит Титыч. Возьми пятьсот.

Аграфена Платоновна. И говорить не хочу, что за торговля! *(Молчание)* Ну, давай полторы.

Тит Титыч. Семьсот пятьдесят.

Аграфена Платоновна. Ну, вот тебе последнее слово: тысячу рублей и ни копейки меньше.

Тит Титыч. Ни копейки?

Аграфена Платоновна. Ни копейки.

Тит Титыч. Ну, по рукам!

Аграфена Платоновна. Давай деньги.

Тит Титыч. Давай бумагу.

Аграфена Платоновна. Клади деньги на стол, и я положу.

Тит Титыч отсчитывает деньги и кладет на

стол, Аграфена Платоновна вынимает из стола бумагу.

Разменяваются. Аграфена Платоновна кладет деньги в стол и запирает. Тит Титыч кладет бумагу в карман.

Тит Титыч *(садится).* Разбойники, грабители!

Аграфена Платоновна. Ну, теперь ступай с богом. Дела все покончили, больше не об чем с тобой толковать.

Тит Титыч. Нет, погоди, дай хоть поругаться-то за свои деньги. Разбойники, грабители! За что только вы с нас денег не берете? Обмануть, ограбить, обольстить человека!

Аграфена Платоновна. Как с тебя и не взять-то! Ведь уж ты жила известный, сам норовишь на грош пятаков купить.

Лизавета Ивановна проходит из боковой двери в середнюю.

Должно быть, старик пришел. Ступай, ступай!

Тит Титыч. Обманули мальчишку, дурака, опутали, а с отца деньги взяли. Честно это, благородно? А еще благородством похваляетесь!

Иван Ксенофонтыч и Лизавета Ивановна входят.

Явление девятое

Тит Титыч, Аграфена Платоновна, Лизавета Ивановна и Иван Ксенофонтыч.

Лизавета Ивановна. Папаша, посмотри, что у нас делается.

Иван Ксенофонтыч молча смотрит на Брускова.

Тит Титыч. Ты что на меня смотришь? На мне, брат, ничего не написано. Деньги-то взять умели! Вы меня хоть попотчуйте чем за мои деньги-то.

Иван Ксенофонтыч *(смотрит на всех вопросительно).* Он сумасшедший? Сделайте одолжение, милостивый государь, оставьте нас.

Тит Титыч. Обобрали, а теперь гоните. *(Показывая на Лизавету Ивановну.)* Ишь, какая красавица! Как не прельститься на нее. Ловушку для нашего брата подстроили. У вас тут такая шайка подобрана, что вы и старика какого из ума выведете, а не то что мальчишку глупого.

Иван Ксенофонтыч. Поди вон!

Тит Титыч. Что ты кричишь-то! Я ведь ничего, я так, шучу с тобой.

Иван Ксенофонтыч. Поди вон, говорю я тебе.

Тит Титыч *(встает).* Пойду. *(Подходит к Ивану Ксенофонтычу и ударяет его по плечу.)* Поедем

ко мне! Выпьем вместе, приятели будем! Что ссориться-то!

Иван Ксенофонтыч. Уйди ты от нас.

Тит Титыч. Ну, прощай. *(Подходит к двери.)* Ишь ты, какой сердитый! Да уж теперь не испугаете. Вот она, бумага-то, здесь в кармане. Разбойники, грабители! *(Уходит.)*

Явление десятое

Иван Ксенофонтыч, Лизавета Ивановна и Аграфена Платоновна.

Иван Ксенофонтыч. Что это за человек?

Аграфена Платоновна. Тит Титыч Брусков, Андрюшин отец.

Иван Ксенофонтыч. Что он говорил? Какие деньги? Какие грабители? Кто его ограбил?

Аграфена Платоновна. Ну, да за дело, чтоб не шумел в чужом доме. За дело ему! Так их и надо. Я-таки, признаться, сорвала с него малую толику. Жаль, что мало! Нам годится, а с паршивой собаки хоть шерсти клок.

Иван Ксенофонтыч. Да за что?

Аграфена Платоновна. Все жалеючи вас, Иван Ксенофонтыч, да вашу дочку; глядя на вашу бедность, решилась на такое дело. Что ж, ведь тут дурного ничего нет.

Иван Ксенофонтыч. Да каким образом? Не мучьте вы меня, говорите.

Аграфена Платоновна. А вот каким образом: как Андрюша-то уж очень влюбленный был, вот как-то раз и зашел ко мне, и расплакался, а я ему нарочно и говорю: тебе, мол, нельзя к нам ходить, будут соседи говорить и то, и се. Что хорошего! Наше, мол, дело женское, мы никакого такого разговору про себя не хотим. Ты, говорю, оставь, не ходи. Он это, сударь мой, стал меня просить, плакать, руки целовать. Я взяла подпоила его да и говорю: все может, Андрюша, случиться, отец твой не нынче-завтра умрет, ты будешь на воле, тогда, пожалуй, нас с Лизаветой Ивановной и забудешь, других найдешь. А он-то божится, он-то разные клятвы произносит. А у меня на ту пору случись лист гербовой бумаги.

Иван Ксенофонтыч. Ну!

Аграфена Платоновна. Ну, я своей рукой написала расписку, что он обещается жениться на Лизавете Ивановне, все как следует, по форме, а он и подписал.

Лизавета Ивановна. Какой стыд! Какой срам! Папаша, что мне делать! *(Рыдая, падает на грудь отцу.)*

Иван Ксенофонтыч. Ну, ну…

Аграфена Платоновна. Ну, вот за это и взяла с Тита Титыча тысячу целковых.

Иван Ксенофонтыч. А расписка где?

Аграфена Платоновна. Я ему отдала.

Иван Ксенофонтыч *(обнимая дочь).* Бедное дитя мое! *(Плачет.)*

Аграфена Платоновна. Да об чем вы плачете?

Иван Ксенофонтыч. Куда нам с тобой деться от грубости, от оскорблений, от невежества!

Лизавета Ивановна. Папаша, уедем отсюда поскорей!

Иван Ксенофонтыч. Уедем, уедем!

Лизавета Ивановна. Ты поди, брось ему деньги. *(Садится у стола.)*

Иван Ксенофонтыч. Да. да, и расписку возьму. Он мне ее отдаст, я ему деньги возвращу. Как ты думаешь, ведь он отдаст? Отдаст? Он не смеет не отдать — мы не виноваты. Я разорву ее, вот и конец, и не об чем нам плакать с тобой! *(К Аграфене Платоновне.)* Подай деньги!

Аграфена Платоновна. Иван Ксенофонтыч, пригодятся.

Иван Ксенофонтыч. Подай деньги! Подай!

Аграфена Платоновна *(вынимая из стола).* А чем завтра топить будете? *(Отдает.)*

Иван Ксенофонтыч. Прощай, Лиза!

Лизавета Ивановна. Прощай, папаша. *(Обнимает его.)* Поди, выкупай наше бесчестье.

Идут к двери.

Аграфена Платоновна *(вслед им).* Вот хлопочи для людей, старайся, сама ж виновата останешься. Кто же вас знал, что вы такие сумасшедшие!

Действие второе

ЛИЦА:
Тит Титыч Брусков.
Настасья Панкратьевна, жена его.
Андрей Титыч, Капитон Титыч } сыновья их.
Ненила Сидоровна, знакомая Брусковой.
Иван Ксенофонтыч Иванов.
Захар Захарыч, стряпчий.
Луша, горничная девушка.

Богатая гостиная в доме купца Брускова.

Явление первое

Луша (стирает пыль) и Капитон Титыч (крадется к двери).

Капитон Титыч. Луша, здесь никого нет?

Луша. Никого.

Капитон Титыч. Как тут хорошо, просторно, а в кухне сегодня угарно. Что в кухне-то сидеть за охота. Я такой же сын, как и Андрюша, а меня все в кухне взаперти держат.

Луша. Захотел ты сравняться с Андреем Титычем! Андрей Титыч у нас молодец, а ты что! Так,

дурачок.

Капитон Титыч. Да, дурачок, как же! У вас будешь дурачок. На цепь еще посадите! *(Ходит по комнате и делает трагические жесты.)*

Луша. Купидон Титыч, представь что-нибудь из тиатрального.

Капитон Титыч *(становится в позу).* «Прочь с дороги! Посторонитесь! Лев ушел из клетки! Бык с бойни сорвался! Посторонитесь!» *(Разгорячившись.)* Давай теперь сюда, кто меня дураком сделал, убью сразу.

Луша хохочет. Капитон Титыч, услышав, что идут, крадется к двери и скрывается. Настасья Панкратьевна и Ненила Сидоровна входят.

Явление второе

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна и Луша.

Настасья Панкратьевна. Милости просим, Ненила Сидоровна, садиться покорнейше прошу. Луша, принеси-ка нам вареньица.

Луша. Сейчас-с. *(Уходит.)*

Настасья Панкратьевна. Как дела ваши?

Ненила Сидоровна. Дела ничего, слава богу. Одна печаль у меня: дочерей больно много.

Настасья Панкратьевна. Видно, матушка,

Немила Сидоровна, всякому своя ноша тяжела. Вот вы об дочерях, а я об сыновьях. Что у кого болит, тот о том и говорит. А по-моему, дочери все-таки легче.

Ненила Сидоровна. Глаз да и глаз нужно, Настасья Панкратьевна. Ведь нынче время-то какое! Люди-то какие! Верите ли, боишься в сад выпустить.

Настасья Панкратьевна. Что дочери! Дочерей и запереть можно, да и хлопот с ними меньше, ни учить, ни что. Ну, конечно, замуж выдавать хлопотно, возни много. А вам и то с полА-горя, Ненила Сидоровна, ведь вы денег много даете за дочерьми-то, так вам нечего бояться, что в девках засидятся.

Ненила Сидоровна. Про это что толковать. Дочь не домашний товар; как не как, а надо с рук сбывать. Ну, там уж не наша беда; живи, как хочешь. А покедова-то вот! Ведь у нас приказчики, ну и другого постороннего народу много.

Настасья Панкратьевна. Присмотр нужен, я про это вам и докладываю, зато уж больше-то никаких хлопот. Мальчики-то ведь на воле, Немила Сидоровна, как за ними усмотришь; везде ходят. У меня всего-то два сына: Андрюша да Купидоша, да и то голова кругом идет. Андрюша мальчик

шустрый, проворный, до всего понятливый, так, сударыня моя, от дому совсем отбивается: то не хорошо, другое не по нем, учиться, говорит, хочу. Что ж, мы разве его не учили! И рихметике и граматике гимназист учил. На что ему много-то знать? И так боек, а как обучат-то всему, тогда с ним и не сговоришь; он мать-то и уважать не станет; хоть из дому беги.

Ненила Сидоровна. Да, вот насчет ученья-то. У нас соседка отдала сына учиться, а он глаз и выколол.

Настасья Панкратьевна. Это долго ли. А вот теперь влюбился. Да в кого! Немила Сидоровна, в кого! Во что влюбиться-то! Так, одна непокорность к родителям.

Ненила Сидоровна. В кого же, Настасья Панкратьевна? Скажите по секрету.

Настасья Панкратьевна. Что за секрет; весь околоток в трубы трубит. Знаете учителя Иванова, так в его дочь; ну, и погибает совсем.

Ненила Сидоровна. Знаю, знаю, видала. Скажите! Где же глаза-то у него были! Так, творение какое-то… ни живности, ничего.

Настасья Панкратьевна. Ну, вот сами рассудите.

Ненила Сидоровна. Что говорить!

Настасья Панкратьевна. Каково матери-то?

Ненила Сидоровна. Подсыпали чего-нибудь. Это бывает.

Настасья Панкратьевна. Уж я и сама так думаю.

Ненила Сидоровна. А вы вот что… нехорошо только говорить-то…

Настасья Панкратьевна. Ничего.

Ненила Сидоровна. А сразу снимает. *(Шепчет ей на ухо.)*

Настасья Панкратьевна. Помогает?

Ненила Сидоровна. Помогает. То-то вот, хитры они, ан хитрей их есть. На всякий приворот средство есть; только знать нужно. Я много знаю: и от глазу, и от запою, и против бородавок у меня симпатия есть.

Настасья Панкратьевна. Так надоть попробовать, а то что же хорошего! Мы теперь его женить хотим; нам надо невесту с большими деньгами, потому сами богаты. Что за неволя нам бедную-то брать.

Ненила Сидоровна. Разумеется.

Настасья Панкратьевна. Ну, вот, матушка моя, теперь есть такая на примете, отец нашел; а он скрывается от отца-то. Всякая мать баловница; другой раз расплачется, — глядишь, и жалко,

и сама его прикрываю по малости. А все-таки нехорошо.

Ненила Сидоровна. Нельзя похвалить.

Настасья Панкратьевна. А другой, Купидоша, так совсем какой-то ума рехнувший по театру. Да табак курит, Немила Сидоровна, такой крепкий, просто дышать нельзя. В комнатах такого курить нельзя ни под каким видом, кого хочешь стошнит. Так все больше в кухне пребывает. Вот иногда скучно, позовешь его, а он-то и давай кричать по-тиатральному, ну и утешаешься на него. С певчими поет басом, голос такой громкий, так как словно из ружья выпалит.

Ненила Сидоровна. Говорят, маленьких нехорошо по голове бить, глупеют от этого.

Настасья Панкратьевна. Кто их знает, может, и правда.

Капитон Титыч выглядывает из-за двери.

Да вот он.

Ненила Сидоровна. Кто? Дурачок-то? Позовите, Настасья Панкратьевна.

Настасья Панкратьевна. Купидоша, Купидоша!

Капитан Титыч робко входит.

Явление третье

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна и Капитон Титыч.

Настасья Панкратьевна. Что ты, Купидоша?

Капитон Титыч. Я так, ничего… Пятачок мне надо.

Настасья Панкратьевна. На что?

Капитон Титыч. Табачку купить… Без табаку-то скучно.

Настасья Панкратьевна. Ну, хорошо, дам. Представь что-нибудь нам с Немилой Сидоровной.

Капитон Титыч *(трагически).* «Изумлю мир злодейства, и упокойники в гробах спасибо скажут, что умерли!»

Ненила Сидоровна. Что это, матушка! Что это такое! Страсть какая! Он у вас, должно быть, порченый!

Андрей Титыч входит.

Явление четвертое

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна, Капитон Титыч и Андрей Титыч.

Настасья Панкратьевна. А вот мой другой сын, Немила Сидоровна.

Ненила Сидоровна. Этот умный?

Настасья Панкратьевна. Умный. *(Сыну.)* Отец тебя нынче целый день ищет, никак хочет вечером к невесте ехать.

Андрей Титыч. Я опять убегу-с.

Настасья Панкратьевна. Что ты, что ты! Уж от своей судьбы не уйдешь! Что кому суждено, тому и быть.

Андрей Титыч. Да почем же вы, маменька, знаете, что мне суждено жениться на дуре неотесанной!

Настасья Панкратьевна. Ну вот, изволите видеть, Немила Сидоровна, можно с ним разговаривать?

Ненила Сидоровна. Ах, молодой человек, молодой человек!

Настасья Панкратьевна. Что ты, умней отца с матерью хочешь быть! Выше лба глаза не растут, яйцы курицу не учат.

Андрей Титыч. Маменька, да ведь мне с ней жить-то будет!

Настасья Панкратьевна. Как ты можешь грубить! Кто с тобой говорит-то? Мать али нет? Должен ты это понимать.

Андрей Титыч. Да что понимать-то? Понимать-то нечего.

Настасья Панкратьевна. Вот видите, какую заразу на него напустили.

Ненила Сидоровна. Послушайте, молодой человек, я постарше вас, все эти штуки, все эти подходы и все эти дела видала.

Настасья Панкратьевна. Так, так, Немила Сидоровна. А ты слушай, что старшие-то говорят. И ты тоже, Купидоша. Все это вам на пользу.

Андрей Титыч. Да что слушать-то? Слыхал я эти разговоры-то.

Настасья Панкратьевна. Не груби, говорю тебе, не груби!

Ненила Сидоровна. Молодой человек, вы мало жили, мало видели свет, вы еще не знаете, как люди хитры.

Настасья Панкратьевна. Да, да. У нас у кучера поддевку украли в одну минуточку. И кто же украл-то? Приятель его.

Ненила Сидоровна. Вот вы теперь влюблены, мне ваша маменька говорила: вы думаете, это спроста?

Андрей Титыч. Этот разговор надоть кончить-с.

Ненила Сидоровна. Нет, позвольте-с. Мы тоже бывали молоды, у меня у самой семь дочерей.

Настасья Панкратьевна. Да, да, вот слушай,

что умные-то люди говорят, и ты тоже, Купидоша, слушай.

Ненила Сидоровна. Будем прямо говорить. Кругом вас, по соседству, есть какие грузди! Из всякого сословия! Уж можно сказать, что наша сторона этим отличается! Чего б, кажется, лучше! Так нет, вам не по сердцу. А эта что? Диви бы собой… *(делает жест руками)* или что другое! Вот только стыдно говорить-то, а то бы сказала. Во что влюбиться-то молодому человеку?

Настасья Панкратьевна. Да, да.

Ненила Сидоровна. Значит, механика и выходит… с их стороны.

Андрей Титыч. Говорите, что угодно, мне все равно-с. Ей моею женой не быть. Такие девушки не про нас-с. Где нам, дуракам! Мы их и понимать-то не умеем. Говорить-то всякий умеет, кто почаще, кто пореже, да толку-то в этом немного; слушать-то нечего. Вот кабы я умел вам объяснить, какая в этом разница — образованная девушка или необразованная, так бы другой разговор был. А то не умею. Да хоть бы и умел, так вы не поймете ничего. Значит, лучше молчать.

Ненила Сидоровна *(Настасье Панкратьевне).* Попробуйте, что я говорила.

Настасья Панкратьевна. Непременно попро-

бую.

Андрей Титыч. Вы хотите меня теперича женить, — так найдите невесту, чтоб хоть маломальски была на человека похожа. Я, пожалуй, женюсь, ведь уж не отбегаешься. А эта ваша мне уж очень противна. Маменька, спрячьте меня куда-нибудь от тятеньки! А то уж жените, что ли, поскорей, чтоб я не мучился.

Настасья Панкратьевна. Какая же в этом мука, глупый! Ничего, окромя хорошего. Ты, я вижу, такой же дурак, как и Купидошка.

Капитон Титыч. «Умолкни, чернь непросвещенна!»

Настасья Панкратьевна. Полно орать-то! Ишь, затрубил.

Капитон Титыч. Брат, дай три гривенника, пойду нынче в театр, душу отвести.

Андрей Титыч. На, Капитоша. *(Достает деньги из кармана и отдает Капитону Титычу.)*

Луша *(вбегая).* Сам приехал! *(Уходит.)*

Капитон Титыч за ней прокрадывается в дверь.

Настасья Панкратьевна *(Андрею Титычу).* Поди, спрячься в спальню, там и сиди. Я скажу, когда выйти.

Андрей Титыч уходит.

Ненила Сидоровна. Прощайте, Настасья Пан-

кратьевна. К нам как-нибудь.

Настасья Панкратьевна. Прощайте, Немила Сидоровна. Вы такая, право, умная и обходительная женщина, что мне завсегда очень приятно вас видеть. Я, признаться вам сказать, сама-то не из дальних, ведь уж не скроешь; так мне лестно позаняться от умных-то. Как-нибудь на днях беспременно заеду. *(Провожает ее до дверей.)*

Ненила Сидоровна уходит. Тит Титыч входит.

Явление пятое

Настасья Панкратьевна и Тит Титыч.

Тит Титыч *(садится молча на стул).* Фу ты, черт возьми! Впервой отроду со мной такая беда! Меня не уважать! Меня ругать! Меня! Брускова! Нет, погоди!

Настасья Панкратьевна. Кто тебя не уважил, Кит Китыч? Кто смел?

Тит Титыч. Молчи, не твое дело! За мои же деньги да меня обругали! Меня выгнали! *(Топает ногой.)* Жив быть не хочу! Настасья!

Настасья Панкратьевна. Что прикажете, Кит Китыч?

Тит Титыч. Отыскать Захарыча сию минуту.

Настасья Панкратьевна. Да он тут где-то путается: я его в окно сейчас видела. *(Подходит к*

окну.) Эй, Луша!

За сценой смех.

Что ты там с молодцами все играешь! Нет на вас времени!

Луша за сценой: «Я ничего-с. Чего изволите?»

Сыщи сейчас Захарыча да приведи сюда.

Тит Титыч. Чтоб я перенес такую обиду над собой! От дряни, от учителишки! Да что ж это за времена пришли! Нет, стой! Я сроду ни от кого обиды не видывал. Настасья! Смеет меня кто обидеть?

Настасья Панкратьевна. Никто, батюшка, Кит Китыч, не смеет вас обидеть. Вы сами всякого обидите.

Тит Титыч. Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу. Я за это много денег заплатил на своем веку.

Настасья Панкратьевна. Много, Кит Китыч, много.

Тит Титыч. Молчи! Они только тем и взяли, что я в чужой квартире был. А ты, поди-ка, здесь со мной потолкуй, так я тебя уконтентую по-своему.

Захар Захарыч входит.

Явление шестое

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна и Захар Захарыч.

Тит Титыч. Эй ты, Сахар Сахарыч, благодетель я тебе али нет?

Захар Захарыч. Благодетель, батюшка Тит Титыч.

Тит Титыч. Ты человек, внимания не стоющий, потерянный человек, а я тебя призрел. Не гнушаюсь тобой, к себе в дом пущаю.

Захар Захарыч кланяется.

Дочь твою пристроил… за межевого, за вольнопрактикующего. Уж не моя это вина, что он пьяница.

Захар Захарыч. Был вольнопрактикующий, а теперь праздношатающийся.

Тит Титыч. Все-таки я тебе благодетель. А ты отчего у меня давно не был?

Захар Захарыч. Нет никаких возможностей, Тит Титыч, терпенья никакого не хватает. Мальчишки очень одолевают. Как только к рынку подходишь, и откуда их нанесет, туча тучей, бегут, укают: у-у-у-у. Приказчики из лавок подсвищут: такой гам подымут, хоть сквозь землю провались.

Тит Титыч. А ты вечером ходи. Да не в том дело. Можешь ты такое прошение написать, чтобы в Сибирь сослать по этому прошению?

Захар Захарыч. Кого, Тит Титыч?

Тит Титыч. Троих человек. Тебе все равно, что одного, что троих?

Захар Захарыч. Все равно, Тит Титыч.

Тит Титыч. Надоть сослать учителя Иванова, дочь его и хозяйку их. Я так хочу.

Захар Захарыч. Что же писать прикажете?

Тит Титыч. А ты вот что пиши: что обидели такого-то купца, а с сына оного купца учитель, против всяких прав, взял расписку, чтобы жениться на его дочери. Вот тебе и расписка. Я никаких денег не пожалею, коли сделаешь. Можешь ты это сделать?

Захар Захарыч. Могу-с.

Тит Титыч. Ну, так садись и пиши при мне. Вон тебе чернила и бумага на столе.

Захар Захарыч садится за стол.

Да дай ему графин водки!.. Нет, не надо.

Захар Захарыч. Для воображения, Тит Титыч!

Тит Титыч. Нет, после, а то я тебя знаю. *(Жене.)* Ну, теперь ты мне сына подай. *(Захару Захарычу.)* А ты строчи!

Настасья Панкратьевна. Да его нету дома. Кит

Китыч.

Тит Титыч. Настасья! Кто я?

Настасья Панкратьевна. Кит Китыч Брусков.

Тит Титыч. Что я приказываю? Ты знаешь, у меня слово — закон!

Настасья Панкратьевна. Слушаю, Кит Китыч. *(Подходит к двери.)* Андрюша, Андрюша, поди, отец кличет.

Андрей Титыч входит.

Явление седьмое

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна, Захар Захарыч и Андрей Титыч.

Тит Титыч. Ну, Андрей, что мне теперича с тобой делать?

Андрей Титыч. Что вам угодно-с, вся ваша воля.

Тит Титыч. Ты благодари бога, что сердце у меня прошло. Попадись ты мне давеча, я бы тебя изуродовал. Ты для чего скрываешься?

Андрей Титыч. Тятенька, можно с вами говорить откровенно?

Тит Титыч. Ты, что хочешь, говори, только дело, а то смотри!

Андрей Титыч. Я вам, тятенька, во всю жизнь свою ни в одном слове не перечил.

Тит Титыч. Еще бы ты смел!

Андрей Титыч. Конечно, я должен повиноваться своим родителям. А коли которую вы мне теперь невесту сватаете, да ежели она мне не нравится, что же должен я делать?.. На всю жизнь страждить? Ежели мне нравится другая?

Тит Титыч. Знаю, знаю.

Андрей Титыч. Почем же вы их знаете-с?

Тит Титыч. Сейчас сам был у них.

Андрей Титыч. А сами видели, так лучше всего-с. Истинно достойная девушка, можно чести приписать. Не то что…

Тит Титыч. Вот я тебе такое достоинство задам! Ты уж лучше меня не серди. Молчи, я тебе говорю. Вон, видишь, строчило пишет. Это вот прошение на них. *(Захару Захарычу.)* Пиши хорошенько! *(Сыну.)* Они с тебя, дурака, расписку взяли, а с меня за нее тысячу целковых вытребовали.

Андрей Титыч. Кто же это-с?

Тит Титыч. Все они же. И красавица твоя тут же. Так вас, дураков, и обманывают. А ты рот-то разинул, ты думаешь, тебя так, даром станут любить, на красоту свою надеешься. Как же не так. Еще хорошо, что на тысяче помирились, а то заломили было три.

Андрей Титыч. Кому ж теперь на свете верить

после этого! Истинная правда, тятенька, что нас кругом обманывают.

Тит Титыч. Вот для этого-то для самого я и хочу тебя женить, чтоб ты не баловался. Ну, теперь, что ты еще будешь разговаривать, я послушаю.

Андрей Титыч. Ничего не могу говорить против вас, потому сам кругом виноват-с.

Тит Титыч. Так-то вот лучше. Собирайся к невесте.

Иван Ксенофонтыч входит.

Явление восьмое

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна, Захар Захарыч, Андрей Титыч и Иван Ксенофонтыч.

Иван Ксенофонтыч. Милостивый государь, извините, я ничего не знал…

Тит Титыч. А, теперь извините, за разум взялся! Нет, уж поздно. Видишь, вон пишет! Это прошение на вас с дочерью.

Иван Ксенофонтыч. Милостивый государь, ни я, ни дочь тут ни в чем не виноваты. Это, без нашего ведома, сделала глупая женщина… Мы живем смирно, мы никого не трогаем, мы занимаемся своим делом.

Тит Титыч. Знать ничего не хочу!

Андрей Титыч. Тятенька, что ж вы мне говори-

ли? Вот она правда-то, наружу выходит.

Тит Титыч *(топнув).* Молчи, не дыши!

Иван Ксенофонтыч. Вот ваши деньги, возьмите их.

Тит Титыч. Деньги! Ты деньги принес? Что за диковина такая! Деньги назад принес! Тут нет ли подвоху какого? Сахарыч, как ты думаешь, взять деньги али нет? Обману нет ли?

Захар Захарыч. Деньги возьмите, ничего.

Тит Титыч. Ну, давай деньги.

Иван Ксенофонтыч отдает.

Все ли? На, Андрей, сочти.

Иван Ксенофонтыч. Все, все. Не мучьте вы меня, не считайте.

Тит Титыч. Так тебе и поверить! Как же!

Андрей Титыч. Все-с.

Тит Титыч *(берет деньги).* Ну, теперь ступай! А за обиду я с тобой разочтусь. Видишь, пишет.

Иван Ксенофонтыч. Отдайте мне расписку.

Тит Титыч. Какую это расписку? Что Андрей-то дал?

Иван Ксенофонтыч. Эту самую.

Тит Титыч. Что ты, очумел, что ли? Слышишь, Сахар Сахарыч, расписку просит.

Захар Захарыч. Как можно-с! Он ее представит, тогда хлопот-то не оберешься.

Тит Титыч. Ишь ты, что выдумал! Какую штуку гнет! Нет, брат, нас не надуешь! Мы тоже волки-то травленые! *(Смотрит на него.)* Ха-ха-ха-ха-ха!

Захар Захарыч *(тоже глядя на Ивана Ксенофонтыча).* Ха-ха-ха-ха-ха!

Тит Титыч. Он, должно быть, для того и деньги-то принес, чтобы расписку выручить, а потом за нее вдвое заломить. Ему мало показалось. Надувательная система.

Иван Ксенофонтыч *(потерявшись).* Нет, я потому деньги принес, что нам чужих не надобно… мы живем бедно… мы живем своими трудами… мы смирно живем. Я вам еще денег принесу, сколько у меня есть… я достану, заработаю.

Тит Титыч. Ишь ты, как распевает. Ха-ха-ха!

Захар Захарыч. Ха-ха-ха!

Иван Ксенофонтыч *(бросается к Титу Титычу).* Подай расписку, подай! Я у вас отниму ее, я вырву… мое дело правое… мы не виноваты…

Тит Титыч *(отстраняя его рукой).* Тише, тише! Сахарыч! Ловкий народ, а? Ха-ха-ха!..

Захар Захарыч. Ха-ха-ха!

Иван Ксенофонтыч *(падая на колена).* Отдайте, Христа ради, отдайте! Я ее изорву, при вас же изорву.

Андрей Титыч. Маменька, попросите. У меня

сердце все изорвалось, да говорить-то я не смею.

Настасья Панкратьевна. Отдайте, Кит Китыч. Ведь он старичок, жалко старичка-то.

Тит Титыч. Ты молчи! Не твое дело… Аль отдать? Сахарыч, отдать?

Иван Ксенофонтыч. Отдайте, отдайте! Я не выду без этого! Как мне показать глаза дочери! Это сделала глупая хозяйка. Разве моя Лиза может? Она плачет теперь… Да что я говорю! Где я говорю об ней! Я с ума сойду!..

Захар Захарыч. Ни, ни, ни!..

Тит Титыч. А я говорю, что отдать. Ты молчи, не смей разговаривать! А то еще дело заводить, путаться. Как же, нужно очень!

Захар Захарыч. Что вам дела бояться! Ваше дело правое. Я за него возьмусь.

Тит Титыч. Да, тебе еще деньги платить! Нет! не надо! Подай расписку.

Захар Захарыч подает.

Ступай домой, прощай! Когда надо будет, пришлю. Улепетывай!

Захар Захарыч берет картуз и становится у дверей.

(Учителю.) Так ты говоришь, что вы не знали этого дела?

Иван Ксенофонтыч. Не знали, не знали.

Тит Титыч. Значит, это хозяйка обработала. Ну, бой-баба! На твою расписку. Я не в тебя. *(Подает расписку.)*

Иван Ксенофонтыч *(разрывает ее и с хохотом топчет ногами).* Будьте вы прокляты! Как это вас земля-то терпит! Как эти стены не обвалятся на вас! Дочь моя! Сокровище мое! *(Убегает.)*

Тит Титыч. Что он говорит? Как он смеет? Держи его! Вот видишь ты, с какой сволочью связываешься. Подите все вон! А ты, Андрей, собирайся к невесте ехать.

Все уходят.

Явление девятое

Тит Титыч *(один; сидит довольно долго молча, потом ударяет кулаком по столу).* Деньги и все это тлен, металл звенящий! Помрем — все останется. Так тому и быть. Мое слово — закон. Жена, Андрей, подите сюда!

Настасья Панкратьевна и Андрей Титыч входят.

Явление десятое

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна и Андрей Титыч.

Тит Титыч. Андрей, я тебя отделяю; полтораста тысяч тебе серебром и живи, как знаешь.

Андрей Титыч. Тятенька…

Тит Титыч. Молчи! Не смей со мной разговаривать!

Настасья Панкратьевна. Как это можно, Кит Китыч! Он у нас еще ребенок совсем.

Тит Титыч. Не твое дело. Я мальчишкой из деревни привезен, на все четыре стороны без копейки пущен; а вот нажил себе капитал и других устроил. Хороший человек нигде не пропадет, а дурного и не жаль. Слушай ты, Андрей, вели заложить пару вороных в коляску, оденься хорошенько, возьми мать с собой да поезжай к учителю, проси, чтоб дочь отдал за тебя. Он человек хороший.

Андрей Титыч. Помилуйте, тятенька, он и прежде-то бы не отдал, а теперь мне и глаза показать нельзя.

Тит Титыч. Я тебе приказываю, слышишь! Проси, кланяйся в ноги. Он и постарше тебя, да кланялся. Как он смеет не отдать, когда я этого желаю! Я на приданое ей денег дам. Ступай! Небось, не откажется.

Андрей Титыч. Да они никаких денег не возьмут.

Тит Титыч. Молчи!

Настасья Панкратьевна. А как же, Кит Китыч, та-то невеста?

Тит Титыч. Вы со мной не смейте разговаривать! *(Идет к двери.)* Если он не отдаст за тебя, — ты лучше мне и на глаза не показывайся. *(Уходит.)*

Андрей Титыч. Что только за жизнь моя! *(Махнув рукой.)* Ах, маменька, поедемте! Уж знаю, что толку ничего не будет, одна мука.

Уходят.

Доходное место

Комедия в пяти действиях

Действие первое

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Аристарх Владимирыч Вышневский, одряхлевший старик, с признаками подагры.

Анна Павловна, жена его, молодая женщина.

Василий Николаич Жадов, молодой человек, племянник его.

Аким Акимыч Юсов, старый чиновник, служащий под начальством Вышневского.

Онисим Панфилыч Белогубов, молодой чиновник, подчиненный Юсову.

Антон, человек в доме Вышневского.

Мальчик.

Большая зала в доме Вышневского, богато меблированная. Налево дверь в кабинет Вышневского, направо — в комнаты Анны Павловны; по обе стороны на стенах по зеркалу и под ними столики; прямо входная дверь.

Явление первое

Вышневский в байковом сюртуке и без парика и Вышневская в утреннем наряде. Выходят из

половины Вышневской.

Вышневский. Какая неблагодарность! Какая злоба! *(Садится.)* Пять лет вы за мной замужем, и в пять лет я не могу ничем заслужить вашего расположения. Странно! Может быть, вы недовольны чем-нибудь?

Вышневская. Нисколько.

Вышневский. Я думаю. Не для вас ли я купил и отделал великолепно этот дом? Не для вас ли я выстроил в прошлом году дачу? Чего у вас мало? Я думаю, ни у одной купчихи нет столько бриллиантов, сколько у вас.

Вышневская. Благодарю вас. Впрочем, я ничего от вас не требовала.

Вышневский. Вы не требовали; но я должен был чем-нибудь вознаградить вас за разность в летах. Я думал найти в вас женщину, способную оценить жертвы, которые я вам принес. Я ведь не волшебник, я не могу строить мраморных палат одним жестом. На шелк, на золото, на соболь, на бархат, в который вы окутаны с головы до ног, нужны деньги. Их нужно доставать. А они не всегда легко достаются.

Вышневская. Мне ничего не нужно. Я уж говорила вам не один раз об этом.

Вышневский. Но мне нужно же наконец поко-

рить ваше сердце. Ваша холодность меня сводит с ума. Я страстный человек: из любви к женщине я способен на все! Я купил вам в нынешнем году подмосковную. Знаете ли, что деньги, на которые я ее купил… как бы это вам сказать?.. ну, одним словом, я рискнул более, нежели позволяло благоразумие. Я могу подлежать ответственности.

Вышневская. Ради Бога, не делайте меня участницею ваших поступков, если они не совсем честны. Не оправдывайте их любовью ко мне. Я вас прошу. Для меня это невыносимо. Впрочем, я не верю вам. Пока вы меня не знали, вы жили и поступали точно так же. Я даже перед своей совестью не хочу отвечать за ваше поведение.

Вышневский. Поведение! Поведение! Из любви к вам я готов даже на преступление. Чтобы только купить вашу любовь, я готов заплатить своим бесчестием. *(Встает и подходит к Вышневской.)*

Вышневская. Аристарх Владимирыч, я притворяться не могу.

Вышневский*(берет ее за руку).* Притворитесь! Притворитесь!

Вышневская*(отвернувшись).* Никогда.

Вышневский. Но ведь я вас люблю!.. *(Дрожа, опускается на колени.)* Я вас люблю!

Вышневская. Аристарх Владимирыч, не уни-

жайтесь! Вам одеваться пора. *(Звонит.)*

Вышневский поднимается. Входит Антон из кабинета.

Одеваться Аристарху Владимирычу.

Антон. Пожалуйте, готово-с. *(Уходит в кабинет.)*

Вышневский идет за ним.

Вышневский *(в дверях).* Змея! змея! *(Уходит.)*

Явление второе

Вышневская *(одна, сидит несколько времени задумавшисъ).*

Входит мальчик, подает письмо и уходит.

От кого это? *(Распечатывает и читает.)* Вот еще мило! Любовное послание. И от кого же! Пожилой человек, жена красавица. Мерзко! Оскорбительно! Что делать женщине в таком случае? И какие пошлости написаны! Какие глупые нежности! Послать его назад? Нет, лучше показать его кой-кому из знакомых да посмеяться вместе, все-таки развлечение… фу, как гадко! *(Уходит.)*

Антон выходит из кабинета и становится у двери; входит Юсов, потом Белогубов.

Явление третье

Антон, Юсов и Белогубов.

Юсов *(с портфелем).* Доложи-ка, Антоша.

Антон уходит. Юсов поправляется перед зеркалом.

Антон *(в дверях).* Пожалуйте.

Юсов уходит.

Белогубов *(входит, вынимает из кармана гребенку и причесывается).* Что, Аким Акимыч здесь-с?

Антон. Сейчас прошли в кабинет.

Белогубов. А сами-то как сегодня? Ласковы-с?

Антон. Не знаю. *(Уходит.)*

Белогубов стоит у стола подле зеркала.

Юсов *(выходя, заметно важничает)*. А, ты здесь.

Белогубов. Здесь-с.

Юсов *(просматривая бумагу)*. Белогубов!

Белогубов. Чего изволите-с?

Юсов. Вот, братец ты мой, возьми домой, перепиши это почище. Приказали.

Белогубов. Мне приказали переписать-с?

Юсов *(садясь).* Тебе. У него, сказали, почерк хорош.

Белогубов. Мне очень приятно слышать-с.

Юсов. Так ты слушай, братец: ты не торопись. Главное чтобы было почище. Видишь, куда посылать…

Белогубов. Я ведь, Аким Акимыч, понимаю-с. Каллиграфически напишу-с, всю ночь просижу.

Юсов *(вздыхает).* Охо-хо-хо! охо-хо-хо!

Белогубов. Мне, Аким Акимыч, только бы обратили внимание.

Юсов *(строго).* Что ты шутишь этим, что ли?

Белогубов. Как можно-с!..

Юсов. Обратили внимание… Легко сказать! Чего еще нужно чиновнику? Чего он еще желать может?

Белогубов. Да-с!

Юсов. Обратили на тебя внимание, ну, ты и человек, дышишь; а не обратили — что ты?

Белогубов. Ну, что уж-с.

Юсов. Червь!

Белогубов. Я, кажется, Аким Акимыч, стараюсь-с.

Юсов. Ты? *(Смотрит на него.)* Ты у меня на хорошем замечании.

Белогубов. Я, Аким Акимыч, даже в пище себе отказываю, чтоб быть чисто одетым. Чисто одетый чиновник ведь всегда на виду у начальства-с. Вот извольте посмотреть, как талия… *(Повора-*

чивается.)

Юсов. Постой. *(оглядывает его и нюхает табак.)* Талия хорошо… Да еще, Белогубов, смотри, пограмотней.

Белогубов. Вот правописание-то я, Аким Акимыч, плохо-с… Так что, поверите ли, самому обидно.

Юсов. Эка важность, правописание! Не все вдруг, привыкнешь. Напиши сначала черновую, да и попроси поправить, а потом уж с этого и пиши. Слышишь, что я говорю?

Белогубов. Уж попрошу кого-нибудь-с поправить, а то все Жадов смеется-с.

Юсов. Кто?

Белогубов. Жадов-с.

Юсов *(строго).* Да сам-то он что такое? Что за птица? Еще смеется!

Белогубов. Как же-с, ведь надо показать, что уче-ный-с.

Юсов. Тьфу! Вот что он.

Белогубов. Я даже никак не могу определить его Аким Акимыч, что он за человек-с.

Юсов. Ничтожество!..

Молчание.

Сейчас я там был *(показывая на кабинет),* так говорили *(тихо):* не знаю, что с племянником

делать! Пойми из этого.

Белогубов. А ведь как о себе-то много мечтает-с.

Юсов. Высоко летает, да где-то сядет! Уж чего лучше: жил здесь на всем готовом. Что ж ты думаешь, благодарность он чувствовал какую-нибудь? Уважение от него видели? Как же не так! Грубость, вольнодумство… Ведь хоть и родственник ему, а все-таки особа… кто же станет переносить? Ну, вот ему и сказали, другу милому: поди-ка поживи своим разумом, на десять целковых в месяц, авось поумнее будешь.

Белогубов. Вот глупость-то до чего доводит-с, Аким Акимыч! Кажется, то есть… Господи… этакое счастие! Поминутно должен Бога благодарить. Ведь так я говорю, Аким Акимыч, должен он Бога благодарить-с?

Юсов. Еще бы!

Белогубов. Сам от своего счастия бегает. Чего ему еще нужно-с! Чин имеет, в родстве с таким человеком, содержание имел готовое; кабы захотел, мог бы место иметь хорошее, с большим доходом-с. Ведь Аристарх Владимирыч ему не отказали бы!

Юсов. Ну, вот поди же!

Белогубов. Мое мнение такое, Аким Акимыч,

что другой человек, с чувством, на его месте стал бы сапоги чистить Аристарху Владимирычу, а он еще огорчает такого человека.

Юсов. Все гордость да рассуждение.

Белогубов. Какое же рассуждение! Об чем мы можем рассуждать? Я, Аким Акимыч, никогда…

Юсов. Еще бы ты-то!

Белогубов. Я никогда-с… потому это ни к чему не ведет хорошему, окромя неприятности.

Юсов. Как же ему не разговаривать! Надобно же ему показать-то, что в университете был.

Белогубов. Какая же польза от ученья, когда в человеке нет страху… никакого трепету перед начальством?

Юсов. Чего?

Белогубов. Трепету-с.

Юсов. Ну, да.

Белогубов. Меня бы, Аким Акимыч, столоначальником-с.

Юсов. У тебя губа-то не дура.

Белогубов. Я ведь больше потому-с, что у меня теперь невеста есть-с. Барышня и отлично образованная-с. Только без места нельзя-с, кто ж отдаст.

Юсов. Что ж не покажешь?

Белогубов. Первым долгом-с… хоть нынче же…

как вместо родственника-с.

Юсов. А об месте я доложу. Мы подумаем.

Белогубов. Мне бы уж это место на всю жизнь-с. Я хоть подписку дам, потому выше я не могу-с. Мне не по способностям.

Входит Жадов.

Явление четвертое

Те же и Жадов.

Жадов. Что, дядюшка занят?

Юсов. Занят.

Жадов. Ах, жалко! А мне очень нужно его видеть.

Юсов. Можно и подождать, у них дела-то поважней ваших.

Жадов. Почем вы знаете мои дела?

Юсов *(смотрит на него и смеется).* Какие у вас дела! Так, вздор какой-нибудь.

Жадов. С вами лучше не говорить, Аким Акимыч; вы всегда на грубость напрашиваетесь. *(Отходит и садится на авансцене.)*

Юсов *(Белогубову).* Каков?

Белогубов *(громко).* Не стоит внимания разговаривать-то! Только вам, на старости лет, себя беспокоить. Прощайте-с. *(Уходит.)*

Явление пятое

Жадов и Юсов.

Юсов *(про себя).* Ха, ха, ха! Жили, жили, да, слава Богу, дожили. Мальчишки стали нос поднимать.

Жадов *(оглядывается).* Что вы там ворчите?

Юсов *(продолжает).* Делать, что приказано, мы не любим, а рассуждать вот наше дело. Как можно нам в канцелярии сидеть! Нас бы всех министрами сделать! Ну, что ж делать, ошиблись, извините, пожалуйста, не знали ваших талантов. Сделаем министрами, непременно сделаем… погодите немножко… завтра же.

Жадов *(про себя).* Надоел!

Юсов. Боже мой! Боже мой! Ни стыда, ни совести. У другого еще и губы не обсохли, а уж амбицию показывает. Кто я! Не тронь меня!

Входит Антон.

Антон *(Юсову).* Пожалуйте к барину.

Юсов уходит в кабинет.

Жадов. Скажи Анне Павловне, что я хочу их видеть.

Антон. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Явление шестое

Жадов *(один).* Что этот старый хрыч разворчался! Что я ему сделал! Университетских, говорит, терпеть не могу. Да разве я виноват? Вот и служи под этаким начальством. А впрочем, что же он мне сделает, коли я буду себя вести хорошо? А вот как вакансия откроется, так, пожалуй, местом и обойдут. От них станется.

Вышневская входит.

Явление седьмое

Жадов и Вышневская.

Вышневская. Здравствуйте, Василий Николаич!

Жадов. Ах, тетенька, здравствуйте! *(Целует у ней руку.)* Я вам новость скажу.

Вышневская. Садитесь.

Садятся.

Что за новость?

Жадов. Я жениться хочу.

Вышневская. Не рано ли?

Жадов. Влюблен, тетушка, влюблен. И какая девушка-то! Совершенство!

Вышневская. А богата она?

Жадов. Нет, тетушка, у ней ничего нет.

Вышневская. Чем же вы жить-то будете?

Жадов. А голова-то, а руки-то на что? Неужели мне весь век жить на чужой счет? Конечно, другой был бы рад, благо случай есть, а я не могу. Уж не говоря про то, что для этого я должен, из угождения дяде, противоречить собственным убеждениям. А кто ж будет работать-то? Зачем же нас учили-то! Дядя советует прежде нажить денег, каким бы то ни было образом, купить дом, завесть лошадей, а потом уж завести и жену. Могу ли я согласиться с ним? Я полюбил девушку, как любят только в мои лета. Неужели я должен отказаться от счастия оттого только, что она не имеет состояния?

Вышневская. Страдают не от одной бедности, страдают и от богатства.

Жадов. Помните наши разговоры с дядей? Что ни скажешь, бывало, против взяток или вообще против всякой неправды, у него один ответ: поди-ка поживи, не то заговоришь. Ну, вот я и хочу пожить, да еще не один, а с молодой женою.

Вышневская *(вздыхая).* Да, позавидуешь женщинам, которых любят такие люди, как вы.

Жадов *(целуя руку).* Уж как я буду трудиться, тетушка! Большего, вероятно, жена от меня не

потребует. А если и случится даже некоторое время перенести нужду, так, вероятно, Полина, из любви ко мне, не покажет и виду неудовольствия. Но, во всяком случае, как бы жизнь ни была горька, я не уступлю даже миллионной доли тех убеждений, которыми я обязан воспитанию.

Вышневская. За вас-то можно поручиться; но ваша жена… молодая женщина! Ей трудно будет перенести какой бы то ни было недостаток. У нас очень дурно воспитывают девушек. Вы, молодые люди, представляете нас ангелами, а поверьте, Василий Николаич, что мы хуже мужчин. Мы корыстнее, пристрастнее. Что делать! нужно признаться: в нас чувства чести и строгой справедливости гораздо меньше. Что еще в нас нехорошо, так это — недостаток деликатности. Женщина способна упрекнуть, что редкий развитой мужчина позволит себе. Самые обидные колкости нередки между короткими приятельницами. Иногда глупый попрек женщины тяжелее всякой обиды.

Жадов. Это правда. Но я сам буду ее воспитывать. Она еще совсем ребенок, из нее еще можно сделать все. Только надобно ее поскорей вырвать из семейства, пока не успели ее испортить пошлым воспитанием. А как сделают ее барышней, в

полном смысле этого слова, тогда уж поздно.

Вышневская. Не смею сомневаться и не хочу вас разочаровывать. Было бы неблагородно с моей стороны охлаждать вас на первых порах. Давайте больше воли вашему сердцу, пока оно еще не зачерствело. Не бойтесь бедности. Бог вас благословит. Поверьте, что никто так не пожелает вам счастья, как я.

Жадов. Я всегда был в этом уверен, тетушка.

Вышневская. Одно меня беспокоит: ваша нетерпимость. Вы постоянно наживаете себе врагов.

Жадов. Да, мне все говорят, что я нетерпим, что от этого я много теряю. Да разве нетерпимость недостаток? Разве лучше равнодушно смотреть на Юсовых, Белогубовых и на все мерзости, которые постоянно кругом тебя делаются? От равнодушия недалеко до порока. Кому порок не гадок, тот сам понемногу втянется.

Вышневская. Я не называю нетерпимость недостатком, только знаю по опыту, как она неудобна в жизни. Я видала примеры… когда-нибудь вы узнаете.

Жадов. Как вы думаете, откажет мне дядюшка или нет? Я хочу попросить прибавки жалованья. Мне бы теперь очень кстати.

Вышневская. Не знаю. Попросите.

Входят Вышневский во фраке и парике, за ним Юсов.

Явление восьмое

Те же, Вышневский и Юсов.

Вышневский *(Жадову).* А, здравствуй! *(Садится.)* Садись! Садись, Аким Акимыч! Ты все ленишься, на службу редко ходишь.

Жадов. Делать нечего. Не дают дела.

Юсов. Мало ли дела у нас!

Жадов. Переписывать-то? Нет уж, я слуга покорный! На это у вас есть чиновники способнее меня.

Вышневский. Ты все еще не уходился, мой милый! Все проповеди читаешь. *(К жене.)* Представьте: читает в канцелярии писарям мораль, а те, натурально, ничего не понимают, сидят, разиня рот, выпуча глаза. Смешно, любезный!

Жадов. Как я буду молчать, когда на каждом шагу вижу мерзости? Я еще не потерял веру в человека, я думаю, что мои слова произведут на них действие.

Вышневский. Они уж и произвели: ты стал посмешищем всей канцелярии. Ты уж достиг своей цели, успел сделать так, что все с улыбкой

переглядываются и перешептываются, когда ты входишь, и распространяется общий хохот, когда ты уйдешь.

Юсов. Да-с.

Жадов. Однако что же смешного в моих словах?

Вышневский. Все, мой друг. Начиная от излишнего, нарушающего приличия увлечения, до ребяческих, непрактических выводов. Поверь, что каждый писец лучше тебя знает жизнь; знает по собственному опыту, что лучше быть сытым, чем голодным философом, и твои слова, естественно, кажутся им глупыми.

Жадов. А мне кажется, что они знают только то, что взяточником быть выгоднее, нежели честным человеком.

Юсов. Гм, гм…

Вышневский. Глупо, мой милый! И дерзко, и глупо.

Жадов. Позвольте, дядюшка! Для чего же нас учили, для чего же в нас развивали такие понятия, которых нельзя выговорить вслух без того, чтобы вы не обвинили в глупости или дерзости?

Вышневский. Не знаю, кто вас там и чему учил. Мне кажется, что лучше учить делать дело и уважать старших, чем болтать вздор.

Юсов. Да-с, гораздо бы лучше.

Жадов. Извольте, я буду молчать; но расстаться с моими убеждениями я не могу: они для меня единственное утешение в жизни.

Вышневский. Да, на чердаке, за куском черного хлеба. Славное утешение! С голоду восхвалять свою добродетель и ругать товарищей и начальников за то, что они умели устроить свою жизнь и живут в довольстве, семейно и счастливо. Прекрасно! Тут и зависть пособит.

Жадов. Боже мой!

Вышневская. Это жестоко.

Вышневский. Пожалуйста, не думай, чтобы ты говорил что-нибудь новое. Всегда это было и всегда будет. Человек, который не умел или не успел нажить себе состояние, всегда будет завидовать человеку с состоянием — это в натуре человека. Оправдать зависть тоже легко. Завидующие люди обыкновенно говорят: я не хочу богатства; я беден, но благороден.

Юсов. Медоточивые уста!

Вышневский. Благородная бедность хороша только на театре. А попробуй перенести ее в жизни. Это, мой друг, не так легко и приятно, как нам кажется. Ты же привык слушаться только самого себя, пожалуй, еще женишься. Что тогда будет?

Вот любопытно!

Жадов. Да, дядюшка, я женюсь и хотел об этом говорить с вами.

Вышневский. И, вероятно, по любви, на бедной девушке, а еще, пожалуй, и на дуре, которая об жизни имеет столько же понятия, сколько и ты; но уж, наверно, она образованна и поет под расстроенные фортепьяно: «С милым рай и в шалаше».

Жадов. Да, она бедная девушка.

Вышневский. И прекрасно.

Юсов. Для размножения нищих-с…

Жадов. Аким Акимыч, не оскорбляйте меня. Я вам не давал на это никакого права. Дядюшка, брак дело великое, и я думаю, что каждый в этом деле должен следовать собственному внушению.

Вышневский. Сделай милость, тебе никто и не мешает. Только подумал ли ты вот об чем? Ты, конечно, любишь свою невесту?

Жадов. Разумеется, люблю.

Вышневский. Что же ты готовишь для нее, какие радости в жизни? Нищету, всевозможные лишения. По моему мнению, кто любит женщину, тот старается усыпать путь ее, так сказать, всеми наслаждениями.

Юсов. Да-с.

Вышневский. Вместо шляпок там и разных мод, которые женщины считают необходимыми, ты будешь ей читать лекции о добродетели. Она, конечно, из любви тебя выслушает, а шляпок и салопов у нее все-таки не будет.

Вышневская. В его лета еще любовь не покупают.

Жадов. Тетушка говорит правду.

Вышневский. Я согласен, покупать любовь тебе нет надобности; но вознаградить ее, отплатить за любовь обязан всякий, иначе самая бескорыстная любовь остынет. Пойдут попреки, сетования на судьбу. Не знаю, каково будет тебе переносить, когда жена поминутно будет раскаиваться вслух, что, по неопытности, связала свою судьбу с нищим. Одним словом, ты *обязан* составить счастие женщины, которую ты любишь. А без богатства или, по крайней мере, довольства нет счастия для женщины. Ты, может быть, по своему обыкновению, станешь мне противоречить; так я тебе докажу, что это правда. Оглянись вокруг себя: какая умная девушка задумается выйти замуж за богатого старика или урода? Какая мать усомнится выдать дочь таким образом, даже против ее воли, считая слезы своей дочери за глупость, за ребячество и благодаря Бога, что он послал ее

Машеньке или Аннушке такое счастье. Каждая мать наперед уверена, что дочь после будет благодарить ее. Да и для собственного спокойствия, которое тоже что-нибудь стоит, муж должен обеспечить жену совершенно в материальном отношении; тогда даже… даже если жена и не совсем счастлива, так не имеет права… не смеет жаловаться. *(С жаром.)* Женщине, взятой из бедности и окруженной попечениями и роскошью, кто же поверит, что она несчастлива? Спроси у жены, правду ли я говорю.

Вышневская. Ваши слова так умны и убедительны, что могут обойтись и без моего согласия. *(Уходит.)*

Явление девятое

Те же, без Вышневской.

Жадов. Не все же женщины таковы, как вы говорите.

Вышневский. Почти все. Есть, конечно, исключения; но мудрено, чтоб на твою долю выпало это исключение. Для этого надобно пожить, поискать, а не влюбляться, как ты, в первую встречную. Послушай, я с тобой буду говорить как родственник, потому что мне жаль тебя. Что ты, в самом деле, о себе думаешь? Как ты будешь

жить с женой без средств?

Жадов. Я буду жить трудом. Я надеюсь, что спокойствие совести может заменить для меня земные блага.

Вышневский. Труда твоего мало будет для поддержки семейства. Места хорошего ты не получишь, потому что ты с своим глупым характером не сумеешь ни одного начальника расположить в свою пользу, а скорее вооружишь. Спокойствие совести тоже не спасет тебя от голоду. Вот видишь, мой друг, в обществе заметно распространяется роскошь, а ваши спартанские добродетели не живут вместе с роскошью. Мне твоя мать поручила заботиться о тебе, и я обязан для тебя сделать все, что могу. Вот что я тебе советую в последний раз: укроти немного свой характер, брось завиральные идеи, брось, глупо ведь, служи, как служат все порядочные люди, то есть гляди на жизнь и на службу практически. Тогда я могу тебе помочь и советом, и деньгами, и протекцией. Ты уж не маленький — жениться сбираешься.

Жадов. Никогда!

Вышневский. Как это громко: «никогда!» и как это глупо вместе с тем! Я так думаю, что ты возьмешься за ум; я довольно видел таких при-

меров, только смотри не опоздай. Теперь у тебя есть случай и покровительство, а тогда может не быть: ты испортишь карьеру, товарищи твои уйдут вперед, трудно будет тебе начинать опять сначала. Я говорю тебе как чиновник.

Жадов. Никогда, никогда!

Вышневский. Ну, так живи, как знаешь, без поддержки. На меня уж не надейся. Мне надоело и говорить-то с тобой.

Жадов. Боже мой! Поддержка будет для меня в общественном мнении.

Вышневский. Да, дожидайся! У нас общественного мнения нет, мой друг, и быть не может, в том смысле, в каком ты понимаешь. Вот тебе общественное мнение: не пойман — не вор. Какое дело обществу, на какие доходы ты живешь, лишь бы ты жил прилично и вел себя, как следует порядочному человеку. Ну, а если ты будешь ходить без сапог и читать всем мораль, так уж извини, если тебя не примут в порядочных домах и будут говорить о тебе как о пустом человеке. Я служил в губернских городах: там короче знают друг друга, чем в столицах; знают, что каждый имеет, чем живет, следовательно, легче может составиться общественное мнение. Нет, люди — везде люди. И там смеялись при мне над одним чиновником,

который жил только на жалованье с большою семьей, и говорили по городу, что он сам себе шьет сюртуки; и там весь город уважал первейшего взяточника за то, что он жил открыто и у него по два раза в неделю бывали вечера.

Жадов. Неужели это правда?

Вышневский. Поживи, так узнаешь. Пойдем, Аким Акимыч. *(Встает.)*

Жадов. Дядюшка!

Вышневский. Что такое?

Жадов. Я получаю очень мало жалованья, мне нечем жить. Теперь есть вакансия, — позвольте мне занять ее, я женюсь…

Вышневский. Гм… Для этого места мне нужно не женатого, а способного человека. Я не могу, по совести, дать тебе больше жалованья: во-первых, ты его не стоишь, а во-вторых, ты мой родственник, сочтут лицеприятием.

Жадов. Как вам угодно. Буду жить на те средства, какие имею.

Вышневский. Да вот еще, мой милый! скажу тебе один раз навсегда: мне твой разговор не нравится, выраженья твои резки и непочтительны, и я не вижу никакой надобности для тебя расстроиваться. Не думай, чтобы я считал твои мнения оскорбительными — это слишком много

чести для тебя, я просто считаю их глупыми. И потому все мои отношения к тебе, кроме начальнических, ты можешь считать совершенно конченными.

Жадов. Так я лучше перейду в другое место.

Вышневский. Сделай милость. *(Уходит.)*

Явление десятое

Жадов и Юсов.

Юсов *(смотря ему в глаза).* Ха, ха, ха, ха!..

Жадов. Чему вы смеетесь?

Юсов. Ха, ха, ха!.. Да как же не смеяться-то? С кем вы спорите? ха, ха, ха! Да на что же это похоже?

Жадов. Что же тут смешного?

Юсов. Что ж, дядюшка-то глупее вас? А, глупее? Меньше вас понимает в жизни? Да ведь это курам на смех. Ведь этак вы когда-нибудь уморите со смеху. Помилуйте, пощадите, у меня семейство.

Жадов. Вы этого, Аким Акимыч, не понимаете.

Юсов. Понимать-то тут нечего. Хоть тысячу человек приведите, все бы померли со смеху, глядя на вас. Этого человека вам бы слушать надобно было, разиня рот, чтобы словечка не проронить, да слова-то его на носу зарубить, а вы спорите! Ведь это комедия, ей-богу, комедия, ха, ха, ха!..

Вот вас дядюшка-то и отделали, хе, хе, хе! да еще мало. То ли бы следовало. Будь я на его месте… *(Делает строгую гримасу и уходит в кабинет.)*

Явление одиннадцатое

Жадов *(один, подумав).* Да, разговаривайте! Не верю я вам. Не верю и тому, чтобы честным трудом не мог образованный человек обеспечить себя с семейством. Не хочу верить и тому, что общество так развратно! Это обыкновенная манера стариков разочаровывать молодых людей: представлять им все в черном свете. Людям старого века завидно, что мы так весело и с такой надеждой смотрим на жизнь. А, дядюшка! я вас понимаю. Вы теперь всего достигли — и знатности, и денег, вам некому завидовать. Вы завидуете только нам, людям с чистой совестью, с душевным спокойствием. Этого вы не купите ни за какие деньги. Рассказывайте что хотите, а я все-таки женюсь и буду жить счастливо. *(Уходит.)*

Вышневский и Юсов выходят из кабинета.

Явление двенадцатое

Юсов и Вышневский.

Вышневский. На ком он женится?

Юсов. На Кукушкиной. Дочь вдовы коллежского асессора.

Вышневский. Ты знаком с ней?

Юсов. Так-с, с мужем был знаком. Белогубов на другой сестре жениться хочет.

Вышневский. Ну, Белогубов другое дело. Во всяком случае, ты к ней съезди. Растолкуй ей, чтобы она не губила своей дочери, не отдавала за этого дурака. *(Кивает головой и уходит.)*

Явление тринадцатое

Юсов *(один).* Что это за время такое! Что теперь на свете делается, глазам своим не поверишь! Как жить на свете! Мальчишки стали разговаривать! Кто разговаривает-то? Кто спорит-то? Так, ничтожество! Дунул на него, фу! *(дует)* — вот и нет человека. Да еще с кем спорит-то! — С гением. Аристарх Владимирыч гений… гений, Наполеон. Ума необъятного, быстрота, смелость в делах. Одного не достает: в законе не совсем тверд, из другого ведомства. Кабы Аристарх Владимирыч, при его уме, да знал законы и все порядки так, как его предшественник, ну и конец… конец… и разговаривать нечего. Поезжай за ним, как по железной дороге. Так ухватись за него, да и ступай. И чины, и ордена, и всякие угодья, и дома, и де-

ревни с пустошами… Дух захватывает! *(Уходит.)*

Действие второе

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Фелисата Герасимовна Кукушкина, вдова коллежского асессора.

Юлинька, Полина } ее дочери.

Аким Акимыч Юсов.

Василий Николаич Жадов.

Онисим Панфилыч Белогубов.

Стеша, горничная девушка.

Комната в доме Кукушкиной: обыкновенная гостиная в небогатых домах. Посредине дверь и налево дверь.

Явление первое

Юлинька, Полина стоят перед зеркалом и Стеша со щеткой и крылом в руках.

Стеша. Ну вот, мои барышни и готовы. Хоть сейчас женихи наезжайте, как на выставку выставлены, первый сорт. Такой форс покажем — в нос бросится. Генералу какому не стыдно показать!

Полина. Ну, Юлинька, по местам; сядем, как

умные барышни сидят. Сейчас маменька будет нам смотр делать. Товар лицом продает.

Стеша *(стирая пыль).* Да уж как ни смотри, все в порядке, все на своем месте, все подшпилено да подколоно.

Юлинька. Она у нас такой ревизор; что-нибудь отыщет.

Садятся.

Стеша *(останавливается посреди комнаты).* Уж и в самом деле, барышни, вам от нее житья нет вовсе. Муштрует, муштрует, как солдат на ученье. Все на вытяжке да на вытяжке, — только что ноги поднимать не заставляет. А уж надо мной-то измывается, измывается — одной только чистотой одолела. *(Стирает пыль.)*

Юлинька. Нравится тебе твой жених, Василий Николаич?

Полина. Ах, просто душка! А тебе твой Белогубов?

Юлинька. Нет, дрянь ужасная!

Полина. Зачем же ты маменьке не скажешь?

Юлинька. Вот еще! Сохрани Господи! Я рада-радехонька хоть за него выйти, только бы из дому-то вырваться.

Полина. Да, правда твоя! Не попадись и мне Василий Николаич, кажется, рада бы первому

встречному на шею броситься: хоть бы плохенький какой, только бы из беды выручил, из дому взял. *(Смеется.)*

Стеша *(нагибаясь под диван).* Уж истинно мука мученическая. Вот уж правду, барышня, говорите.

Полина. Другие девушки плачут, Юлинька, как замуж идут: как же это с домом расстаться! Каждый уголок оплачут. А мы с тобой — хоть за тридевять земель сейчас, хоть бы какой змей-горыныч унес. *(Смеется.)*

Стеша. Вот, не сотри я здесь, — так будет на орехи. А кто тут увидит, кому нужно! *(Стирает под зеркалом.)*

Юлинька. Ты счастлива, Полина; тебе все смешно; а я так серьезно начинаю подумывать. Выйти замуж не хитро — эта наука нам известна; надобно подумать и о том, как будешь жить замужем.

Полина. А об чем тут думать? Уж верно не будет хуже, чем дома.

Юлинька. Не хуже! Этого мало. Надобно, чтоб лучше было. Уж коли выйти замуж, так чтобы быть дамой, как следует барыней.

Полина. Оно бы очень хорошо, чего лучше, да только как это сделать? Ты ведь у нас умница: научи!

Юлинька. Надобно замечать из разговора, у кого что есть, кто на что надеется. Коли теперь нет, так в виду чего не имеет ли. Уж сейчас из слов видно, кто какой человек. Твой Жадов что говорит с тобой, как вы одни остаетесь?

Полина. Ну уж, Юлинька, вот хоть сейчас голову на отсечение, ничего не понимаю, что он говорит. Сожмет руку так крепко и начнет говорить, и начнет… чему-то меня учить хочет.

Юлинька. Чему же?

Полина. Уж, право, Юлинька, не знаю. Что-то очень мудрено. Погоди, может быть, вспомню, только как бы не засмеяться, слова такие смешные! Постой, постой, вспомнила! *(Передразнивая.)* «Какое назначение женщины в обществе?» Про какие-то еще гражданские добродетели говорил. Я уж и не знаю, что такое. Нас ведь этому не учили?

Юлинька. Нет, не учили.

Полина. Он, должно быть, в тех книгах читал, которые нам не давали. Помнишь… в пансионе? Да мы, правда, никаких не читали.

Юлинька. Есть об чем жалеть! и без них тоска смертная! Вот бы на гулянье или в театр — другое дело.

Полина. Да, сестрица, да.

Юлинька. Ну, Полина, признаться сказать, на твоего надежды мало. Нет, мой не таков.

Полина. Какой же твой?

Юлинька. Мой Белогубов хоть и противен немного, а надежды подает большие. «Вы, говорит, полюбите меня-с. Теперь еще мне жениться не время-с, а вот как столоначальником сделают, тогда женюсь». Я у него спрашивала, что такое столоначальник. «Это, говорит, первый сорт-с». Должно быть, что-нибудь хорошее. «Я, говорит, хоть и необразованный человек, да у меня много дел с купцами-с: так я вам буду из городу шелковые и разные материи возить, и насчет провианту все будет-с». Что ж? это очень хорошо, Полина, пускай возит. Тут и думать нечего, за такого человека надо идти.

Полина. А у моего, должно быть, нет знакомых купцов, он мне об этом ничего не говорит. Ну, как он мне не станет привозить ничего?

Юлинька. Нет, должно быть, и у твоего есть. Ведь он служащий, а служащим всем дарят, кому что нужно. Кому материи разные, коли женатый; а коли холостой — сукна, трико; у кого лошади — тому овса или сена, а то так и деньгами. Прошлый раз Белогубов был в жилетке, помнишь, такая пестрая, это ему купец подарил. Он мне

сам сказывал.

Полина. Все-таки надобно спросить, есть ли у Жадова знакомые купцы.

Входит Кукушкина.

Явление второе

Те же и Кукушкина.

Кукушкина. Как себя не похвалить! У меня чистота, меня порядок, у меня все в струне! *(Садится.)* А это что? *(Указывает горничной под диван.)*

Стеша. Да помилуйте, сил моих не хватает, всю поясницу разломило.

Кукушкина. Как ты смеешь, мерзкая, так разговаривать! Ты за то жалованье получаешь. У меня чистота, у меня порядок, у меня по ниточке ходи.

Горничная подметает и уходит.

Юлинька!

Юлинька встает.

Я с вами хочу говорить.

Юлинька. Что вам угодно, маменька?

Кукушкина. Вы знаете, сударыня, что у меня ни за мной, ни передо мной ничего нет.

Юлинька. Знаю, маменька.

Кукушкина. Пора знать, сударыня! доходов у меня нет ниоткуда, одна пенсия. Своди концы с

концами, как знаешь. Я себе во всем отказываю. Поворачиваюсь, как вор на ярмарке, а я еще не старая женщина, могу партию найти. Понимаете вы это?

Юлинька. Понимаю-с.

Кукушкина. Я вам делаю модные платья и разные безделушки, а для себя перекрашиваю да перекраиваю из старого. Не думаете ли вы, что я наряжаю вас для вашего удовольствия, для франтовства? Так ошибаетесь. Все это делается для того, чтобы выдать вас замуж, с рук сбыть. По моему состоянию, я вас могла бы только в ситцевых да в затрапезных платьях водить. Если не хотите или не умеете себе найти жениха, так и будет. Я для вас обрывать да обрезывать себя понапрасну не намерена.

Полина. Мы, маменька, давно это слышали. Вы скажите, в чем дело.

Кукушкина. Ты молчи! не с тобой говорят. Тебе за глупость Бог счастье дал, так ты и молчи. Как бы не дурак этот Жадов, так бы тебе век горе мыкать, в девках сидеть за твое легкомыслие. Кто из умных-то тебя возьмет? Кому надо? Хвастаться тебе нечем, тут твоего ума ни на волос не было: уж нельзя сказать, что ты его приворожила — сам набежал, сам в петлю лезет, никто его не тянул.

А Юлинька девушка умная, должна своим умом себе счастье составить. Позвольте узнать, будет от вашего Белогубова толк или нет?

Юлинька. Я, маменька, не знаю.

Кукушкина. Кто же знает? Вам известно, сударыня, что я посторонних молодых людей в дом не принимаю. Я принимаю только женихов или тех, которые могут быть женихами. У меня, коли мало-мальски похож на жениха, — милости просим, дом открыт, а как завилял хвостом, так и поворот от ворот. Нам таких не надобно. Я свою репутацию берегу, да и вашу также.

Юлинька. Что же, маменька, мне делать?

Кукушкина. Делать то, что приказано. Вы помните одно, что вам в девках оставаться нельзя. Вы должны будете в кухне жить.

Юлинька. Я, маменька, делала все, что вы приказали.

Кукушкина. Что же вы делали? Извольте говорить, я буду слушать вас.

Юлинька. Когда он пришел к нам во второй раз, помните, еще вы его насильно привели, я сделала ему глазки.

Кукушкина. Ну, а он что?

Юлинька. А он как-то странно сжимал губы, облизывался. Мне кажется, он так глуп, что ничего

не понял. Нынче всякий гимназист ловчее его.

Кукушкина. Уж я там ваших наук не знаю, а вижу, что он почтителен, и есть в нем этакое какое-то приятное искательство к начальству. Значит, он пойдет далеко. Я это сразу поняла.

Юлинька. Когда он был у нас в третий раз, помните, в пятницу, я ему стихи читала любовные; он тоже, кажется, ничего не понял. А уж в четвертый раз я ему записку написала.

Кукушкина. Что же он?

Юлинька. Он пришел и говорит: «Мое сердце никогда от вас не отвращалось, а всегда было, есть и будет».

Полина хохочет.

Кукушкина *(грозя ей пальцем).* Что же дальше?

Юлинька. Говорит: «Как только получу место столоначальника, так буду у вашей маменьки слезно просить руки вашей».

Кукушкина. А скоро он получит?

Юлинька. Говорит, что скоро.

Кукушкина. Поди, Юлинька, поцелуй меня. *(Целует ее.)* Выйти замуж, мой друг, для девушки велико дело. Вы это после поймете. Я ведь мать, и мать строгая; с женихом что хочешь делай, я сквозь пальцы буду смотреть, я молчу, мой друг,

молчу; а уж с посторонним, нет, шалишь, не позволю! Поди, Юлинька, сядь на свое место.

Юлинька садится.

А выйдете, дети, замуж, вот вам мой совет: мужьям потачки не давайте, так их поминутно и точите, чтоб деньги добывали; а то обленятся, потом сами плакать будете. Много бы надо было наставлений сделать; но вам теперь, девушкам, еще всего сказать нельзя; коли случится что — приезжайте прямо ко мне, у меня всегда для вас прием, никогда запрету нет. Все средства я знаю и всякий совет могу дать, даже и по докторской части.

Полина. Маменька, кто-то приехал.

Юлинька *(взглянув в окно).* Белогубов с каким-то стариком.

Кукушкина. Садитесь по местам. Юлинька, спусти немного мантилью с правого плеча.

Юсов и Белогубов входят.

Явление третье

Те же, Юсов и Белогубов.

Белогубов. Здравствуйте, Фелисата Герасимовна! *(К барышням.)* Здравствуйте-с. *(Показывая на Юсова.)* Вот-с они желали-с… Это-с мой начальник и благодетель, Аким Акимыч Юсов-с.

Все-таки лучше-с, Фелисата Герасимовна, когда начальство-с…

Кукушкина. Милости просим, милости просим! Садиться покорно просим.

Аким Акимыч и Белогубов садятся.

Вот рекомендую вам: две мои дочери, Юлинька и Полина. Совершенные дети, ни об чем понятия не имеют; им бы еще в куклы играть, а не то что замуж выходить. И жаль расставаться, а нечего делать. Такой товар дома не удержишь.

Юсов. Да-с, уж это закон судеб-с, круг житейский-с! Что предначертано от века, того уж человек не может-с…

Кукушкина. Я вам правду скажу, Аким Акимыч, они у меня в строгости воспитываются, от всего отдалены. Денег я не могу за ними дать много, но уж за нравственность мужья будут благодарны. Я люблю детей, Аким Акимыч, но строга, очень строга. *(Строго.)* Полина, подите распорядитесь чаем.

Полина *(встает).* Сейчас, маменька. *(Уходит.)*

Юсов. Я сам строг-с. *(Строго.)* Белогубов!

Белогубов. Чего изволите-с?

Юсов. Ведь я строг?

Белогубов. Строги-с. *(Юлиньке.)* У меня опять новая жилетка-с. Вот посмотрите-с.

Юлинька. Очень хороша. Это вам тот же купец подарил?

Белогубов. Нет, другой-с. У этого фабрика лучше.

Юлинька. Пойдемте в гостиную, я вам свою работу покажу. *(Уходят.)*

Явление четвертое

Юсов и Кукушкина.

Кукушкина. Как любят друг друга, трогательно смотреть. Одного недостает молодому человеку — места, говорит, нет хорошего. Не могу, говорит, обеспечить жену всем полным спокойствием. Кабы, говорит, столоначальником сделали, я бы, говорит, мог жену содержать. А ведь жаль, Аким Акимыч! Такой прекрасный молодой человек, так влюблен…

Юсов *(нюхая табак).* Понемногу, Фелисата Герасимовна, понемногу.

Кукушкина. Однако вы должны знать, скоро ли он место получит. Может быть, даже это и от вас зависит. Я за него просительница. *(Кланяется.)* Вам нельзя будет мою просьбу не уважить; я мать, нежная мать, хлопочу для счастья своих детей, своих птенцов.

Юсов *(сделав серьезную физиономию).* Скоро,

скоро будет. Я уж об нем докладывал нашему генералу. А генерал весь в моих руках: что я скажу, то и будет. Мы его сделаем столоначальником. Я захочу, будет столоначальником, а не захочу, не будет столоначальником… Хе, хе, будет, будет! Генерал у меня вот где. *(Показывает руку.)*

Кукушкина. Признаться вам сказать, я даже не люблю холостых. Что они делают? так только землю тяготят.

Юсов *(важно).* Бремя на земле, бремя… и празднословие.

Кукушкина. Да-с. Да и в дом опасно принимать холостого человека, особенно у кого есть дочери или молодая жена. Кто его знает, что у него на уме. По-моему, молодого человека надо женить поскорей, он после сам будет благодарен, а то ведь они глупы, своей пользы не понимают.

Юсов. Да-с. От рассеянности. Ведь жизнь — это море житейское… поглощает.

Кукушкина. Холостой не может завести хозяйства у себя, об доме не заботится, ходит по трактирам.

Юсов. Да ведь и мы ходим-с… отдохновение от трудов…

Кукушкина. Ах, Аким Акимыч, большая разница. Вы пойдете, когда вас позовут, захотят вас

угостить, уважение свое показать вам, а на свои вы ведь уж не пойдете.

Юсов. Как можно, нет-с, не пойду.

Кукушкина. Теперь возьмите: холостого человека проситель за какое-нибудь дело позовет в трактир, угостит обедом, да и все тут. Денег истратят много, а пользы ни на грош. А женатый-то, Аким Акимыч, скажет просителю: на что мне твои обеды, я пойду лучше с женою пообедаю, семейным образом, тихо, в своем угле, а ты мне дай чистыми. Да деньги-то принесет. Так оно две выгоды: и трезвый придет да и с деньгами… Который вы год женаты?

Юсов. Сорок третий год-с…

Кукушкина. Скажите! А как вы молоды на лицо!

Юсов. Регулярность в жизни… банки вчера ставил.

Кукушкина. Здоровому все здорово, особенно когда человек душой покоен, живет в довольстве.

Юсов. Я вам доложу, какая игра природы бывает… с человеком… из бедности и в богатство. Меня, сударыня, — давно уж это было — привели в присутствие в затрапезном халатишке, только что грамоте знал — читать да писать… Сидят,

вижу, все люди пожилые, важные, сердитые, тогда брились-то не часто, так оно еще больше важности придает. Страх на меня напал, слова выговорить не мог. Года два был на побегушках, разные комиссии исправлял: и за водкой-то бегал, и за пирогами, и за квасом, кому с похмелья, и сидел-то я не у стола, не на стуле, а у окошка на связке бумаг, и писал-то я не из чернилицы, а из старой помадной банки. А вот вышел в люди. Конечно, все это не от нас… свыше… знать, уж так надобно было мне быть человеком и занимать важный пост. Иногда думаем с женой: за что так нас Бог взыскал своей милостью? На все судьба… и добрые дела нужно делать… помогать неимущим. Да-с, имею теперь три домика, хоть далеко, да мне это не мешает; лошадок держу четверню. Оно подальше-то лучше: и земли побольше, и не так шумно, да и разговору, меньше, пересуду.

Кукушкина. Да, конечно. Садик, чай, имеете при домах-то?

Юсов. Как же-с. В летний зной прохлада и отдохновение членам. А гордости во мне нет-с. Гордость ослепляет… Мне хоть мужик… я с ним, как с своим братом… все ровно, ближний… По службе нельзя… особенно верхоглядов не люблю, нынешних образованных-то. С этими строг и

взыскателен. Возмечтали очень. Предрассудкам этим я не верю, будто ученые с неба звезды хватают. Видал я их: не лучше нас, грешных, да и к службе не так внимательны. У меня правило — всячески их теснить для пользы службы… потому от них вред. Как-то, Фелисата Герасимовна, к простым людям больше сердце лежит. При нынешних строгостях случается с человеком несчастие, выгонят из уездного училища за неуспехи или из низших классов семинарии: как его не призреть? Он и так судьбой убит, всего он лишен, всем обижен. Да и люди-то выходят по нашему делу понятливее и подобострастнее, душа у них открытее. По христианскому долгу, выведешь такого человека в люди, он тебе всю жизнь благодарен: и в посаженые отцы зовет, и в кумовья зовет. Ну, и в будущем веке мзда… Вот Белогубов, ведь грамоты не знает, а я его люблю, Фелисата Герасимовна, как сына: в нем чувство есть. А признаться вам сказать, другой ваш жених… он ведь тоже под начальством у меня… Так я могу судить…

Кукушкина. Что же такое?

Юсов *(делает серьезное лицо).* Неблагонадежен.

Кукушкина. Отчего же? Ведь он не пьяница, не

мот, к службе не ленив?

Юсов. Да-с. Но… *(нюхает табак)* неблагонадежен.

Кукушкина. Каким же образом, растолкуйте мне, батюшка, Аким Акимыч, ведь я мать.

Юсов. А вот, изволите ли видеть. Имеет такого человека родственником… Аристарх Владимирыч Вышневский.

Кукушкина. Знаю.

Юсов. Особа, уж можно сказать, особа.

Кукушкина. Знаю.

Юсов. А он оказывает непочтение.

Кукушкина. Знаю, знаю.

Юсов. Против начальства груб… высокомерие сверх границ… и даже такие мысли… развращает юношество… а особенно вольнодумство. Начальство должно строго смотреть.

Кукушкина. Знаю.

Юсов. А коли знаете, так сами можете рассудить. Какие времена пришли, Фелисата Герасимовна, житья нет! А от кого? От дряни, от мальчишек. Сотнями выпускают их; заполонят нас совсем.

Кукушкина. Эх, Аким Акимыч, женится — переменится. А не знать всего этого я не могла, я не такая мать, без оглядки ничего не сделаю.

У меня такое правило: как только повадился к нам молодой человек, так и пошлю кого-нибудь узнать про него всю подноготную или сама от сторонних людей разведаю. Все эти глупости в нем, по-моему, происходят от холостой жизни. Вот как женится, да мы на него насядем, так и с дядей помирится, и служить будет хорошо.

Юсов. Он переменится, и начальство к нему переменится… *(Помолчав.)* Нет прежних чиновников, Фелисата Герасимовна! Упадает чиновничество. Духу того нет. А какая жизнь была, Фелисата Герасимовна, рай просто! Умирать не надо. Купались, просто купались, Фелисата Герасимовна. Прежние-то чиновники были орлы, орлы, а теперь молодежь, верхогляды, пустота какая-то.

Жадов входит.

Явление пятое

Те же и Жадов.

Кукушкина. Милости просим, Василий Николаич, милости просим. Полина совсем стосковалась об вас. Все глаза проглядела, то к тому окошку подбежит, то к другому. Уж так любить, так любить!.. Я, право, и не видывала. Счастливы вы, Василий Николаич. За что вас так любят-то, ска-

жите вы мне?

Жадов. Извините, Фелисата Герасимовна, я опоздал немного. Ах, Аким Акимыч! *(Кланяется.)* Вы каким образом?

Кукушкина. Аким Акимыч так добры, так пекутся о своих чиновниках… я уж и не знаю, как быть им благодарною. Сами потрудились приехать, познакомиться.

Жадов *(Юсову).* Благодарю вас. А впрочем, напрасно беспокоились.

Юсов. Я, Фелисата Герасимовна, больше для Белогубова. Родных у него нет, я ему вместо отца…

Кукушкина. Уж не говорите, Аким Акимыч, вы сами семейный человек, и я сейчас увидела, что вы стараетесь молодых людей всячески поощрять к семейной жизни. Я сама того же мнения, Аким Акимыч. *(К Жадову.)* Вы себе представить не можете, Василий Николаич, как я страдаю, когда вижу, что два влюбленных сердца разделяют какие-нибудь препятствия. Когда читаешь роман, видишь, как обстоятельства запрещают влюбленным видеться, или родители не согласны, или состояние не позволяет, — как страдаешь в эту минуту. Я плачу, просто плачу! И как жестоки бывают иногда родители, которые не хотят уважить чувства своих детей. Некоторые даже

умирают от любви по этому случаю. Но когда видишь, что все идет к благополучной развязке, все препятствия уничтожаются, *(восторженно)* любовь торжествует и молодые люди соединяются законным браком, как сладко становится на душе. Так даже нега какая-то по всем членам.

Полина входит.

Полина. Пожалуйте, чай готов. *(Увидав Жадова.)* Василий Николаич! Не стыдно ли заставлять так страдать? Я ждала, ждала вас.

Жадов *(целует руку).* Виноват.

Кукушкина. Поди, дитя мое, поцелуй меня.

Полина *(Жадову).* Пойдемте.

Кукушкина. Пойдемте, Аким Акимыч!

Уходят. Белогубов и Юлинька входят с чашками в руках.

Явление шестое

Белогубов и Юлинька.

Юлинька. Как я вижу, вы всё меня обманываете.

Белогубов. Как же я смею вас обманывать-с? С чем это сообразно?

Садятся.

Юлинька. Мужчинам верить ни в чем нельзя, решительно ни в чем.

Белогубов. Отчего же такая критика на мужчин?

Юлинька. Какая же критика, когда это истинная правда?

Белогубов. Не может быть-с. Это один разговор; мужчины обыкновенно комплименты говорят, а барышни им не верят, говорят, что мужчины обманщики.

Юлинька. Вы все знаете. Вы, должно быть, сами очень много комплиментов говорили в своей жизни.

Белогубов. Мне некому было, да и не умею-с. Вам известно, что я недавно стал вхож в дом-с, а прежде этого и знакомства никакого не имел.

Юлинька. И вы никого не обманывали?

Белогубов. Насчет чего вы спрашиваете?

Юлинька. Не говорите. Я вам ни одного слова верю. *(Отворачивается.)*

Белогубов. Да за что же-с? Это даже обидно.

Юлинька. Кажется, можете понять.

Белогубов. Не понимаю-с.

Юлинька. Не хотите! *(Закрывает глаза платком.)*

Белогубов. Я вас могу заверить чем угодно-с, что я всегда-с… как был влюблен, так и теперь… Я вам уж докладывал…

Юлинька. Любите, а медлите.

Белогубов. Да-с… Теперь понимаю-с. Так ведь это не такого рода дело-с… скоро нельзя-с.

Юлинька. Отчего же Жадову можно?

Белогубов. Совсем другое дело-с. У него дяденька богатый-с, да и сам он образованный человек, везде может место иметь. Хоть и в учители пойдет — все хлеб-с. А я что-с? Пока не дадут места столоначальника, ничего не могу-с… Да и вы сами не захотите щи да кашу кушать-с. Это только нам можно-с, а вы барышня, вам нельзя-с. А вот получу место, тогда совсем другой переворот будет.

Юлинька. Когда же этот переворот будет?

Белогубов. Теперь скоро-с. Обещали. Как только получу место, так в ту ж минуту… только платье новое сошью… Я уж и маменьке говорил-с. Вы не сердитесь, Юлия Ивановна, потому что не от меня зависимо. Пожалуйте ручку.

Юлинька протягивает руку, не глядя на него. Он целует.

Я уж и сам жду не дождусь.

Входят Жадов и Полина.

Юлинька. Уйдемте, оставимте их одних.

Уходят.

Явление седьмое

Жадов и Полина *(садятся).*

Полина. Знаете, что я вам скажу?

Жадов. Нет, не знаю.

Полина. Только вы, пожалуйста, маменьке не сказывайте.

Жадов. Не скажу, будьте покойны.

Полина *(подумав).* Я сказала бы вам, да боюсь, что вы меня разлюбите.

Жадов. Вас разлюбить? Да разве это можно?

Полина. Да вы правду говорите?

Жадов *(берет за руку).* Да уж не разлюблю, поверьте.

Полина. Ну, смотрите же. Я вам по простоте скажу. *(Тихо.)* У нас в доме все обман, все, все, решительно все. Вы, пожалуйста, ничему не верьте, что вам говорят. За нами ничего нет. Маменька говорит, что нас любит, а совсем не любит, только хочет поскорее с рук сбыть. Женихам в глаза льстит, а за глаза ругает. Нас заставляет притворяться.

Жадов. Вас это возмущает? Возмущает?

Полина. Только я не притворяюсь, я в самом деле вас люблю.

Жадов. Вы меня с ума сведете! *(Целует руку.)*

Полина. Да еще вот что я вам скажу: мы ведь совсем не образованны. Еще Юлия кой-что знает, я так вовсе дурочка.

Жадов. Как дурочка?

Полина. Так, как бывают дурочки. Ничего не знаю, ничего не читала… что вы иногда говорите, ничего не понимаю, решительно ничего.

Жадов. Вы ангел! *(Целует у ней руки.)*

Полина. Я вот только добрее Юлиньки, а глупее ее гораздо.

Жадов. За то-то я вас и люблю, что вас не успели ни чему выучить, не успели испортить вашего сердца. Вас надобно поскорей взять отсюда. Мы с вами начнем новую жизнь. Я с любовью займусь вашим воспитанием. Какое наслаждение ожидает меня!

Полина. Ах, поскорей бы!

Жадов. Что же откладывать? Я уж решился. *(Страстно смотрит на нее.)*

Молчание.

Полина. У вас есть знакомые купцы?

Жадов. Что за вопрос? На что вам?

Полина. Так. Мне хочется знать.

Жадов. Я не понимаю, однако, для чего вам это?

Полина. А вот для чего. Белогубов говорит, что

у него есть знакомые купцы и что они дарят ему жилетки, а когда он женится, тогда будут дарить материи жене на платье.

Жадов. Вот что! Ну, нет, нам дарить не будут. Мы с вами будем сами трудиться. Так ведь, Полина?

Полина *(рассеянно).* Да-с.

Жадов. Нет, Полина, вы еще не знаете высокого блаженства жить своим трудом. Вы во всем обеспечены, Бог даст, узнаете. Все, что мы приобретем, будет наше, мы уж никому не будем обязаны. Понимаете вы это? Тут два наслаждения: наслаждение трудом и наслаждение свободно и с спокойной совестью распоряжаться своим добром, не давая никому отчета. А это лучше всяких подарков. Не правда ли, Полина, ведь лучше?

Полина. Да-с, лучше.

Молчание.

Хотите, я вам загадаю загадку?

Жадов. Загадайте.

Полина. Что идет без ног?

Жадов. Вот какая загадка! Дождик.

Полина. Как это вы все знаете! Досадно, право. Я так никак не могла отгадать, уж Юлинька сказала.

Жадов. Дитя! Останьтесь всегда таким ребен-

ком.

Полина. А можно счесть звезды на небе?

Жадов. Можно.

Полина. Нет, нельзя. Я вам не поверю.

Жадов. Да нечего и трудиться считать, они уж сосчитаны.

Полина. Вы смеетесь надо мной. *(Отворачивается.)*

Жадов*(нежно).* Мне смеяться над вами, Полина! Я всю жизнь хочу посвятить вам. Посмотрите на меня хорошенько, могу ли я смеяться над вами?

Полина *(смотрит на него).* Нет, нет…

Жадов. Вы говорите, что вы дурочка, — я дурак. Смейтесь надо мною! Да уж многие и смеются. Без средств, без состояния, с одними надеждами на будущее, я женюсь на вас. Зачем ты женишься? — говорят мне. Зачем? Затем, что люблю вас, что верю в людей. Что я поступаю необдуманно — с этим я согласен. Когда же мне думать, я так люблю вас, что мне некогда думать.

Кукушкина и Юсов входят.

Полина *(*с *некоторым чувством).* Я сама вас люблю.

Жадов целует у ней руку.

Кукушкина *(Юсову).* Посмотрите, точно голуби воркуют. Не мешайте им. Трогательно видеть!

Белогубов и Юлинька входят.

Явление восьмое

Жадов, Полина, Кукушкина, Юсов, Белогубов и Юлинька.

Жадов *(оборачиваясь, берет Полину за руку и подводит к Кукушкиной).* Фелисата Герасимовна, отдайте мне это сокровище.

Кукушкина. Признаюсь вам, мне тяжело с ней расстаться. Это любимая моя дочь… она была бы мне утешением на старости… но Бог с ней, возьмите ее… ее счастие для меня дороже. *(Закрывает лицо платком.)*

Жадов и Полина целуют у ней руки. Белогубов подает ей стул. Садится.

Юсов. Вы истинная мать, Фелисата Герасимовна.

Кукушкина. Да, я этим похвастаться могу. *(С жаром.)* Нет, воспитание дочерей неблагодарное дело! Вырастишь, взлелеешь подле себя, и потом отдай чужому человеку… останься сиротой… ужасно! *(Закрывает глаза платком.)*

Белогубов. Маменька, мы вас не оставим.

Полина и Юлинька *(вместе.)* Маменька, мы вас не оставим.

Между вторым и третьим действиями прохо-

дит около года.

Действие третье

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
Жадов.
Мыкин, его приятель, учитель.
Досужев.
Юсов.
Белогубов.
1-й, 2-й } ч и н о в н и к и.
Григорий, Василий } половые
Гости и половые в другой комнате.

Трактир. Задняя занавесь на втором плане, посреди машина, направо отворенная дверь, в которую видна комната, налево вешалка для платья, на авансцене по обе стороны столы с диванами.

Явление первое

Василий стоит у машины и читает газету. Григорий стоит у двери и смотрит в другую комнату. Жадов и Мыкин входят. Григорий их провожает, стирает со стола и стелет салфетку.

Мыкин. Ну что, старый приятель, как поживаешь?

Жадов. Плохо, брат. *(Григорью.)* Дай-ко нам чаю.

Григорий уходит.

А ты как?

Мыкин. Ничего. Живу себе, учительствую понемногу.

Садятся.

Жадов. Много ли ты получаешь?

Мыкин. Двести рублей.

Жадов. Тебе довольно?

Мыкин. Так и живу, соображаясь со средствами. Лишних затей, как видишь, не завожу.

Жадов. Да, холостому жить можно.

Мыкин. И тебе не надобно было жениться! Нашему брату жениться не след. Где уж нам, голякам! Сыт, прикрыт чем-нибудь от влияния стихий — и довольно. Знаешь пословицу: одна голова не бедна, а хоть и бедна, так одна.

Жадов. Дело сделано.

Мыкин. Посмотри ты на себя, такой ли ты был прежде. Что, брат, видно, укатали сивку крутые горки? Нет, нашему брату жениться нельзя. Мы работники.

Григорий подает чай. Мыкин наливает.

Уж служить, так служить; для себя пожить после успеем, коли придется.

Жадов. Что ж делать-то! Я полюбил ее очень.

Мыкин. Мало ли что, полюбил! Разве другие-то не любят? Эх, брат, и я любил, да не женился вот. И тебе не следовало жениться.

Жадов. Да отчего же?

Мыкин. Очень просто. Холостой человек думает о службе, а женатый о жене. Женатый человек ненадежен.

Жадов. Ну, вот вздор.

Мыкин. Нет, не вздор. Я не знаю, чего бы я ни сделал для той девушки, которую любил. Но я решился лучше принесть жертву. Лучше, брат, заморить в себе это весьма законное чувство, чем подвергнуться искушениям.

Жадов. Я думаю, тебе нелегко было?

Мыкин. Ну, да уж что говорить! Отказываться вообще нелегко; а отказаться от любимой женщины, когда и препятствий никаких нет, кроме бедности… Ты очень любишь свою жену?

Жадов. Безумно.

Мыкин. Ну, плохо дело! Умна она?

Жадов. Право, не знаю. Знаю только, что она мила необыкновенно. Какая-нибудь безделица расстроит ее, она так мило, так искренно распла-

чется, что сам, глядя на нее, заплачешь.

Мыкин. Ты мне скажи откровенно, как ты живешь Я ведь тебя полтора года не видал.

Жадов. Изволь. История моя коротка. Я женился по любви, как ты знаешь, взял девушку неразвитую, воспитанную в общественных предрассудках, как и все почти наши барышни, мечтал ее воспитать в наших убеждениях, и вот уж год женат…

Мыкин. И что же?

Жадов. Разумеется, ничего. Воспитывать ее мне некогда, да я и не умею приняться за это дело. Она так и осталась при своих понятиях; в спорах, разумеется, я ей должен уступать. Положение, как видишь, незавидное, а поправить нечем. Да она меня и не слушает, она меня просто не считает за умного человека. По их понятию, умный человек должен быть непременно богат.

Мыкин. Вот куда пошло! Ну, а как насчет средств?

Жадов. Работаю с утра до ночи.

Мыкин. И все не хватает?

Жадов. Нет, жить можно.

Мыкин. Ну, а жена?

Жадов. Дуется немного, а иногда поплачет. Что ж делать!

Мыкин. Жаль мне тебя. Нет, брат, нам жениться нельзя. Я вот год был без места, ел один черный хлеб. Что бы я с женой-то делал?

Досужев входит.

Явление второе

Те же и Досужев.

Досужев *(садясь у другого стола).* Гарсон, жизни!

Василий. Какой прикажете?

Досужев. Рябиновой. С приличной нашему званию закуской.

Василий. Слушаю-с. *(Идет к двери.)*

Досужев. Французской горчицы! Слышишь? Трактир запечатаю. Григорий, запусти шарманку.

Григорий. Сейчас-с. *(Заводит машину.)*

Мыкин. Вот это, должно быть, холостой!

Досужев. Что вы на меня смотрите? Я вот карася дожидаюсь.

Жадов. Какого карася?

Досужев. Придет с рыжей бородой, я его буду есть.

Василий приносит водку.

Ты, Василий, поглядывай его там. Как придет, так скажи мне.

Машина играет.

Господа, видали, как пьяные немцы плачут? *(Представляет плачущего немца.)*

Жадов и Мыкин смеются. Машина замолкает.

Мыкин *(Жадову).* Ну, прощай! Как-нибудь зайду к тебе.

Жадов. Прощай.

Мыкин уходит.

Василий *(Досужеву).* Пожалуйте, пришел-с.

Досужев. Позови сюда.

Василий. Нейдет-с. Сел в заднюю комнату.

Досужев *(Жадову).* Конфузится. Прощайте! Коли посидите здесь, я приду поговорить с вами, мне ваша физиономия понравилась. *(Уходит.)*

Жадов *(Василью).* Дай-ко что-нибудь почитать.

Василий *(подает книгу).* Извольте вот прочитать статейку. Одобряют-с.

Жадов читает. Входят: Юсов, Белогубов, 1-й и 2-й чиновники.

Явление третье

Жадов, Юсов, Белогубов, 1-й и 2-й чиновники.

Белогубов. Аким Акимыч-с, мы там пообедали, позвольте вас здесь вином угостить, и музыка поиграет-с.

Юсов. Угощай, угощай!

Белогубов. Какого прикажете? Шампанского-с?

Юсов. Ну его…

Белогубов. Так рейнвейну-с? Господа, садитесь!

Садятся все, кроме Белогубова.

Василий! принеси рейнвейну, заграничной разливки.

Василий уходит.

А, братец, здравствуйте! Не угодно ли с нами за компанию? *(Подходит к Жадову.)*

Жадов. Благодарю вас. Я не пью.

Белогубов. Что это, братец, помилуйте! Для меня-то!.. одну рюмочку… мы с вами теперь родственники!

Василий приносит вино. Белогубов подходит к своему столу.

Наливай!

Василий наливает.

Юсов. Ну, брат, за твое здоровье! *(Берет рюмку и встает.)*

1-й и 2-й чиновники. За ваше здоровье-с. *(Берут рюмки и встают.)*

Юсов *(показывая пальцем на голову Белогубова).* В этом лбу, в этой голове всегда видел прок.

Чокаются рюмками.

Поцелуемся!

Целуются.

Белогубов. Нет, позвольте ручку-с.

Юсов *(прячет руку).* Не надо, не надо. *(Садится.)*

Белогубов. Через вас человек стал-с.

1-й и 2-й чиновники. Позвольте-с. *(Чокаются с Белогубовым, пьют и садятся.)*

Белогубов*(наливает рюмку и подает на подносе Жадову.)* Братец, сделайте одолжение.

Жадов. Я вам сказал, что не пью.

Белогубов. Нельзя-с, братец, обидите.

Жадов. Это скучно, наконец.

Белогубов. Коли вина не угодно, чем прикажете вас потчевать? Чего только пожелаете, братец, все с удовольствием.

Жадов. Ничего мне не нужно. Оставьте меня в покое! *(Читает.)*

Белогубов. Ну, как угодно. Не знаю, братец, за что обижаете. Я со всем расположением... *(Отходит к своему столу.)*

Юсов *(тихо).* Оставь его.

Белогубов *(садится).* Господа, еще по рюмочке! *(Наливает.)* Пирожного не прикажете ли? Василий, принеси пирожного побольше!

Василий уходит.

Юсов. Ты что-то нынче разгулялся! Должно быть, ловко хватил?

Белогубов *(показывая на карман).* Попало-таки! А кому? Все вам обязан.

Юсов. Зацепил, должно быть?

Белогубов *(вынимает пачку ассигнаций).* Вот они-с.

Юсов. Да уж я знаю тебя, у тебя рука-то не сфальшивит.

Белогубов *(прячет деньги).* Нет, позвольте! Кому же я обязан? Разве бы я понимал что, кабы не вы? От кого я в люди пошел, от кого жить стал, как не от вас? Под вашим крылом воспитался! Другой бы того и в десять лет не узнал, всех тонкостей и оборотов, что я в четыре года узнал. С вас пример брал во всем, а то где бы мне с моим-то умом! Другой отец того не сделает для сына, что вы для меня сделали. *(Утирает глаза.)*

Юсов. У тебя душа благородная, ты можешь чувствовать, а другие не могут.

Василий приносит пирожное.

Белогубов. Что бы я был? Дурак-с! А теперь член общества, все уважают, по городу идешь, все купцы кланяются, в гости позовут, не знают, где посадить, жена меня любит. А то за что бы ей любить-то меня, дурака? Василий! Нет ли у вас

конфект каких дорогих?

Василий. Можно достать-с.

Белогубов. Это жене-с. *(Василью).* Ну, так ты заверни в бумагу побольше. Что хочешь возьми, ничего не пожалею.

Василий идет.

Постой! И пирожного туда положи всякого.

Юсов. Будет с нее, избалуешь.

Белогубов. Нельзя-с. *(Василью.)* Всего положи, слышишь?

Василий. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Белогубов. Люблю, очень люблю жену-с. Будешь угождать, и она будет больше любить, Аким Акимыч. Что я перед ней-с? Она образованная-с… Платье нынче купил-с… то есть не купил, а так взял, после сочтемся.

Юсов. Все равно. Неужели деньги платить? Может быть, дело какое-нибудь будет, ну и квит. Гора с горой не сходится, а человек с человеком сходится.

Василий приносит конфекты в бумаге.

Белогубов. Положи в шляпу. Еще по рюмочке-с. *(Наливает.)* Василий! Еще бутылку.

Юсов. Будет.

Белогубов. Нет, уж позвольте-с. Здесь не вы распоряжаетесь, а я.

Василий уходит.

1-й чиновник. Какой случай был! Писарек у нас, так, дрянненький, какую штуку выкинул! Фальшивую копию с решения написал *(что ему в голову пришло!)* и подписался за всех присутствующих, да и снес к истцу. А дело-то интересное, денежное. Только он копию-то не отдал, себе на уме, а только показал. Ну, и деньги взял большие. Тот после пришел в суд, ан дело-то совсем не так.

Белогубов. Это уж подлость! За это выгнать нужно.

Юсов. Именно выгнать. Не марай чиновников. Ты возьми, так за дело, а не за мошенничество. Возьми так, чтобы и проситель был не обижен и чтобы ты был доволен. Живи по закону; живи так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Что за большим-то гоняться! Курочка по зернышку клюет, да сыта бывает. А этот уж что за человек! Не нынче, так завтра под красную шапку угодит.

Белогубов *(наливает рюмку).* Пожалуйте, Аким Акимыч! Что я у вас попрошу, вы мне не откажете? Я вам в ножки поклонюсь.

Юсов. Проси.

Белогубов. Помните, вы прошлый раз прошлись под машину: «По улице мостовой»-с?

Юсов. Ишь что выдумал!

Белогубов. Осчастливьте, Аким Акимыч! Так, чтоб уж я всю жизнь помнил.

Юсов. Изволь, изволь. Для тебя только! Вели пустить «По улице мостовой».

Белогубов. Эй, Василий! Пусти «По улице мостовой», да постой у двери, посмотри, чтобы не вошел кто.

Василий. Слушаю-с. *(Заводит машину.)*

Юсов*(показывая на Жадова).* Вот этот-то! Не люблю я его. Пожалуй, подумает что-нибудь.

Белогубов *(садясь к Жадову).* Братец, будьте с нами по-родственному. Вот Аким Акимыч вас конфузятся.

Жадов. Чего же он конфузится?

Белогубов. Да они потанцевать хотят. Надо, братец, и развлечение какое-нибудь иметь после трудов. Не все же работать. Что ж такое! Это удовольствие невинное, мы никого не обижаем!

Жадов. Танцуйте, сколько угодно, я вам не меш ю.

Белогубов *(Юсову).* Ничего-с, Аким Акимыч, он с нами по-родственному.

Василий. Прикажете пустить?

Юсов. Пускай!

Машина играет «По улице мостовой». Юсов пляшет. По окончании все, кроме Жадова, хлопают.

Белогубов. Нет, уж теперь нельзя-с! Надо шампанского выпить! Василий, бутылку шампанского! Да много ли денег за все?

Василий *(считает на счетах).* Пятнадцать рублей-с.

Белогубов. Получи! *(Отдает.)* Вот тебе полтинник на чай.

Василий. Благодарю покорно-с. *(Уходит.)*

Юсов *(громко).* Вы, молодежь, молокососы, чай, смеяться над стариком!

1-й чиновник. Как можно, Аким Акимыч, мы не знаем, как вас благодарить!

2-й чиновник. Да-с.

Юсов. Мне можно плясать. Я все в жизни сделал, что предписано человеку. У меня душа покойна, сзади ноша не тянет, семейство обеспечил — мне теперь можно плясать. Я теперь только радуюсь на Божий мир! Птичку увижу, и на ту радуюсь, цветок увижу, и на него радуюсь: премудрость во всем вижу.

Василий приносит бутылку, откупоривает и наливает в продолжение речи Юсова.

Помня свою бедность, нищую братию не забываю. Других не осуждаю, как некоторые молокососы из ученых! Кого мы можем осуждать! Мы не знаем, что еще сами-то будем! Посмеялся

ты нынче над пьяницей, а завтра сам, может быть, будешь пьяница; осудишь нынче вора, а может быть, сам завтра будешь вором. Почем мы знаем свое определение, кому чем быть назначено? Знаем одно, что все там будем. Вот ты нынче посмеялся *(показывая глазами на Жадова),* что я плясал; а завтра, может быть, хуже меня запляшешь. Может быть *(кивая головой на Жадова),* и за подаянием пойдешь, и руку протянешь. Вот гордость-то до чего доводит! Гордость, гордость! Я плясал от полноты души. На сердце весело, на душе покойно! Я никого не боюсь! Я хоть на площади перед всем народом буду плясать. Мимоходящие скажут: «Сей человек пляшет, должно быть, душу имеет чисту!» — и пойдет всякий по своему делу.

Белогубов *(поднимая бокал).* Господа! За здоровье Акима Акимыча! Ура!

1-й и 2-й чиновники. Ура!

Белогубов. Вот бы вы, Аким Акимыч, осчастливили нас, заехали к нам как-нибудь. Мы еще с женой люди молодые, посоветовали бы нам, поученье бы сказали, как жить в законе и все обязанности исполнять. Кажется, будь каменный человек, и тот в чувство придет, как вас послушает.

Юсов. Заеду как-нибудь. *(Берет газету.)*

Белогубов *(наливает бокал и подносит Жадову).* Уж я, братец, от вас не отстану.

Жадов. Что вы мне не дадите почитать! Интересная статья попалась, а вы все мешаете.

Белогубов *(садясь подле Жадова).* Братец, вы на меня напрасно претензию имеете. Бросимте, братец, всю эту вражду. Выкушайте! Для меня теперь это ничего не значит-с. Будемте жить по-родственному.

Жадов. Нельзя нам с вами жить по-родственному.

Белогубов. Отчего же-с?

Жадов. Не пара мы.

Белогубов. Да, конечно, кому какая судьба. Я теперь в счастии, а вы в бедном положении. Что ж, я не горжусь. Ведь это, как кому судьба. Я теперь все семейство поддерживаю, и маменьку. Я знаю, братец, что вы нуждаетесь; может быть, вам деньги нужны; не обидьтесь, сколько могу! Я даже и за одолжение не сочту. Что за счеты между родными!

Жадов. С чего вы выдумали предлагать мне деньги!

Белогубов. Братец, я теперь в довольстве, мне долг велит помогать. Я, братец, вижу вашу бед-

ность.

Жадов. Какой я вам братец! Оставьте меня.

Белогубов. Как угодно! Я от души предлагал. Я, братец, зла не помню, не в вас. Мне только жаль смотреть на вас с женой с вашей. *(Отходит к Юсову.)*

Юсов *(бросая газету).* Что нынче пишут! Ничего нравоучительного нет! *(Наливает Белогубову.)* Ну, допивай. Пойдемте!

Белогубов *(допивает).* Пойдемте!

Василий и Григорий подают шинели.

Василий *(подает Белогубову два свертка).* Вот, захватите-с.

Белогубов *(умильно).* Для жены-с. Люблю-с.

Уходят. Досужев входит.

Явление четвертое

Жадов и Досужев.

Досужев. Не стая воронов слеталась!

Жадов. Правда ваша.

Досужев. Поедемте в Марьину рощу.

Жадов. Мне нельзя.

Досужев. Отчего же? Семья, что ли? Детей нянчить надо?

Жадов. Детей не нянчить, а жена дома дожидается.

Досужев. Да вы давно с ней не видались?

Жадов. Как давно? Сегодня утром.

Досужев. Ну, так это недавно. Я думал, дня три не видались.

Жадов смотрит на него.

Что вы на меня смотрите! Я знаю, что вы думаете обо мне. Вы думаете, что я такой же, как вот эти франты, что ушли; так ошибаетесь. Ослы во львиной шкуре! Только шкура-то и страшна. Ну и пугают народ.

Жадов. Признаться вам сказать, я никак не разберу, что вы за человек.

Досужев. А вот, изволите ли видеть, во-первых — я веселый человек, а во-вторых — замечательный юрист. Вы учились, я это вижу, и я тоже учился. Поступил я на маленькое жалованье; взяток брать не могу — душа не переносит, а жить чем-нибудь надо. Вот я и взялся за ум: принялся за адвокатство, стал купцам слезные прошения писать. Уж коли не ехать, так давайте выпьем. Василий, водки!

Василий уходит.

Жадов. Я не пью.

Досужев. Где вы родились? Ну, да это вздор! Со мной можно. Ну вот-с, стал я слезные прошения писать-с. Ведь вы не знаете, что это за народ! Я

вам сейчас расскажу.

Входит Василий.

Налей две. Получи за весь графин. *(Отдает деньги.)*

Жадов. И с меня за чай. *(Отдает.)*

Василий уходит.

Досужев. Выпьем!

Жадов. Извольте; для вас только, а то, право, не пью.

Чокаются и пьют. Досужев наливает еще.

Досужев. Напиши бороде прошение просто да возьми с него недорого, так он тебя оседлает. Откуда фамильярность явится: «Ну, ты, писака! на тебе на водку». Почувствовал я к ним злобу неукротимую! Выпьемте! Пити вмерти, й не пити вмерти; так вже лучше пити вмерти.

Пьют.

Стал я им писать по их вкусу. Например: надо представить вексель ко взысканию — и всего-то десять строк письма, а ему пишешь листа четыре. Начинаю так: «Будучи обременен в многочисленном семействе количеством членов». И все его орнаменты вставишь. Так напишешь, что он плачет, а вся семья рыдает до истерики. Насмеешься над ним да возьмешь с него кучу денег, вот он и уважает тебя, и кланяется в пояс. Хоть веревки

из него вей. Все их толстые тещи, все бабушки невест тебе сватают богатых. Человек-то уж очень хорош, по душе им пришелся. Выпьемте!

Жадов. Будет!

Досужев. За мое здоровье!

Жадов. Уж разве за ваше здоровье.

Пьют.

Досужев. Много надо силы душевной, чтобы с них взяток не брать. Над честным чиновником они сами же смеяться будут; унижать готовы — это им не с руки. Кремнем надо быть! И храбриться-то, право, не из чего! Тащи с него шубу, да и все тут. Жаль, не могу. Я только беру с них деньги за их невежество да пропиваю. Эх! охота вам было жениться! Выпьемте. Как вас зовут?

Жадов. Василий.

Досужев. Тезка. Выпьем, Вася.

Пьют.

Я вижу, ты хороший человек.

Жадов. Какой я человек! Я ребенок, я об жизни не имею никакого понятия. Все это ново для меня, что я от вас слышу. Мне тяжело! Не знаю, вынесу ли я! Кругом разврат, сил мало! Зачем же нас учили!

Досужев. Пей, легче будет.

Жадов. Нет, нет! *(Опускает голову на руки.)*

Досужев. Так ты не поедешь со мной?

Жадов. Не поеду. Зачем вы меня поили! Что вы со мной сделали!

Досужев. Ну, прощай! Вперед будем знакомы! Захмелел, брат! *(Жмет Жадову руку.)* Василий, манто! *(Надевает шинель.)* Ты меня строго не суди! Я человек потерянный. Постарайся быть лучше меня, коли можешь. *(Идет к двери и возвращается.)* Да! вот тебе еще мой совет. Может быть, с моей легкой руки, запьешь, так вина не пей, а пей водку. Вино нам не по карману, а водка, брат, лучше всего: и горе забудешь, и дешево! Adieu*! *(Уходит.)* [*Прощай — франц.]

Жадов. Нет! пить нехорошо! Ничего не легче — еще тяжелей. *(Задумывается.)*

Василий, по приказанию из другой залы, заводит машину. Машина играет «Лучинушку».

(Поет.) «Лучина, лучинушка, березовая!..»

Василий. Пожалуйте-с! Нехорошо-с! Безобразно-с!

Жадов машинально надевает шинель и уходит.

Действие четвертое

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
Василий Николаич Жадов.
Полина, жена его.
Юлинька, жена Белогубова.
Фелисата Герасимовна Кукушкина.

Сцена представляет очень бедную комнату. Направо окно, у окна стол, на левой стороне зеркало.

Явление первое

Полина *(одна, смотрит в окно).* Как скучно, просто смерть! *(Поет.)* «Матушка, голубушка, солнышко мое! пожалей, родимая, дитятко свое». *(Смеется.)* Какая песня в голову пришла! *(Опять задумывается.)* Провалился бы, кажется, от скуки. Загадать разве на картах? Что ж, за этим дело не станет. Это можно, можно. Чего другого, а это у нас есть. *(Достает из стола карты.)* Как хочется поговорить с кем-нибудь. Кабы кто-нибудь пришел, вот бы я была рада, сейчас бы развеселилась. А то на что это похоже! сиди одна, все одна… Уж

нечего сказать, люблю поговорить. Бывало, мы у маменьки, утро-то настанет, трещим, трещим, и не увидишь, как пройдет. А теперь и поговорить не с кем. Разве к сестре сбегать? Да уж поздно. Эко я, дура, не догадалась пораньше. *(Поет.)* «Матушка, голубушка...» Ах, я и забыла погадать-то!.. Об чем бы загадать-то? А вот загадаю я, будет ли у меня новая шляпка? *(Раскладывает карты.)* Будет, будет... будет, будет! *(Хлопает в ладоши, задумывается и потом поет.)* «Матушка, голубушка, солнышко мое! пожалей, родимая, дитятко свое».

Входит Юлинька.

Явление второе

Полина и Юлинька.

Полина. Здравствуй, здравствуй!

Целуются.

Как я тебе рада. Скидай шляпку!

Юлинька. Нет, я к тебе на минуту.

Полина. Ах, как ты хорошо одета, сестрица!

Юлинька. Да, я теперь себе покупаю все, что только есть лучшего и нового из-за границы.

Полина. Счастлива ты, Юлинька!

Юлинька. Да, я могу про себя сказать, что я счастлива. А ты, Полинька, как ты живешь?

Ужасно! Нынче совсем не такой тон. Нынче у всех принято жить в роскоши.

Полина. Что же мне делать? Разве я виновата?

Юлинька. А мы вчера в парке были. Как весело было — чудо! Какой-то купец угощал нас ужином, шампанским, фруктами разными.

Полина. А я все дома сижу одна, со скуки погибаю.

Юлинька. Да, Полина, я уж теперь совсем не та стала. Ты не можешь представить, как деньги и хорошая жизнь облагораживают человека. В хозяйстве я теперь ничем не занимаюсь, считаю низким. Я теперь все пренебрегаю, кроме туалета. А ты! ты! это ужасно! Что же твой муж делает, скажи, пожалуйста?

Полина. Он меня даже и к вам не пускает, все велит сидеть дома да работать.

Юлинька. Как это глупо! Представляет из себя умного человека, а нынешнего тону не знает. Он должен знать, что человек создан для общества.

Полина. Как ты говоришь?

Юлинька. Человек создан для общества. Кто ж этого не знает! Это нынче решительно всем известно.

Полина. Хорошо, я это ему скажу.

Юлинька. Ты бы с ним ссориться попробовала.

Полина. Пробовала, да что толку. Он всегда прав выходит, а я виновата остаюсь.

Юлинька. Да он любит тебя?

Полина. Очень любит.

Юлинька. А ты его?

Полина. И я люблю.

Юлинька. Ну, так ты сама виновата, душа моя. Лаской из мужчин ничего не сделаешь. Ты к нему ластишься — вот он и сидит сложа руки, ни об себе, ни об тебе не думает.

Полина. Он много работает.

Юлинька. Да что проку в его работе-то? Вот мой и немного работает, а посмотри, как мы живем. Надобно правду сказать, Онисим Панфилыч для дому отличный человек, настоящий хозяин: чего, чего у нас нет, кабы ты посмотрела. И в какое короткое время! Откуда он только берет! А твой! Что это? Ведь срам смотреть, как вы живете.

Полина. Он все говорит: сиди, работай, не завидуй другим; будем и мы жить хорошо.

Юлинька. Да когда же это будет? Состареешься, пока дождешься. На что тогда и удовольствие! Всякое терпение лопнет.

Полина. Что же мне делать?

Юлинька. Он просто тиран. Что с ним много-то разговаривать! Скажи, что ты его не любишь

— вот и все тут. Или вот что лучше: ты скажи ему, что тебе надоела такая жизнь, что ты не хочешь с ним жить и переедешь к маменьке, и чтоб он не знал тебя. А я маменьку предупрежу об этом.

Полина. Хорошо, хорошо! Я это обделаю в лучшем виде.

Юлинька. Да сумеешь ли ты?

Полина. Еще бы! Я какую хочешь сцену сыграю, не хуже всякой актрисы. Во-первых, нас дома к этому с малолетства приучили, а теперь я все сижу одна, работать-то скучно; я все сама с собою и разговариваю. Так научилась, что чудо. Только немного жаль его будет.

Юлинька. А уж ты не жалей! А я тебе, Полина, шляпку привезла. *(Вынимает из картона.)*

Полина. Ах, какая прелесть! Спасибо, сестрица, душенька! *(Целует ее.)*

Юлинька. А то у тебя старая-то уж нехороша.

Полина. Ужасная мерзость! Скверно на улицу выйти. Вот я теперь мужа подразню. Вот, скажу, милый мой, посторонние купили, а ты не догадаешься.

Юлинька. Да уж делать нечего, Полинька, мы пока, сколько можем, будем тебя поддерживать. Только не слушай ты, пожалуйста, своего мужа. Ты ему растолкуй хорошенько, что ты его даром

любить не будешь. Ты, глупенькая, пойми, за что их даром любить-то, мужьев-то? Это довольно странно! Обеспечь меня, дескать, во всем, чтобы я блистала в обществе, тогда я тебя и стану любить. Он от капризу не хочет твоего счастия, а ты молчишь. Попроси только он у дяди, и ему дадут такое же доходное место, как у моего мужа.

Полина. Уж я теперь к нему пристану.

Юлинька. Ты представь только себе: ты такая хорошенькая, одень-ка тебя со вкусом да посади в театр… при огне-то… все мужчины так на тебя лорнеты и уставят.

Полина. Не говори, сестрица, заплачу.

Юлинька. Вот тебе денег *(достает из портмоне),* иногда что понадобится, так можешь и без мужа обойтись. У нас теперь есть средства, так что мы решились даже другим благодетельствовать.

Полина. Спасибо, сестрица! Только он, пожалуй, рассердится.

Юлинька. Велика важность! Что на него смотреть-то! От родных, не от чужих. Что ж, по его милости, голодной сидеть! Прощай, Полина!

Полина. Прощай, сестрица! *(Провожает ее, Юлинька уходит.)*

Явление третье

Полина. Какая это Юлинька у нас умная! А я-то дура, дура! *(Увидав картон.)* Новая шляпка! новая шляпка! *(Хлопает в ладоши.)* Я теперь целую неделю буду весела, если только муж не расстроит. *(Поет.)* «Матушка, голубушка…» и т. д.

Кукушкина входит.

Явление четвертое

Полина и Кукушкина.

Кукушкина. У тебя все песенки на уме.

Полина. Здравствуйте, маменька! От скуки.

Кукушкина. Я совсем и ходить-то к тебе не хотела.

Полина. Отчего же, маменька?

Кукушкина. Мерзко мне, сударыня, мерзко бывать у вас. Да так уж мимо шла, так зашла к тебе. Нищенство, бедность… фу… я этого видеть не могу! У меня чистота, у меня порядок, а здесь, что такое! Изба деревенская! Гадость!

Полина. Чем же я-то виновата?

Кукушкина. Бывают же такие мерзавцы на свете! А впрочем, я его и не виню: я на него никогда надежды не имела. Ты-то что ж молчишь, судары-

ня? Не я ли тебе твердила: не давай мужу потачки, точи его поминутно, и день, и ночь: давай денег да давай, где хочешь возьми, да подай. Мне, мол, на то нужно, на другое нужно. Маменька, мол, у меня тонкая дама, надо ее прилично принять. Скажет: нет у меня. А мне, мол, какое дело? Хоть укради, да подай. Зачем брал? Умел жениться, умей и жену содержать прилично. Да этак с утра да до ночи долбила бы ему в голову-то, так авось бы в чувство пришел. У меня бы на твоем месте другого и разговору не было.

Полина. Что ж делать-то, маменька, у меня в характере никакой строгости нет.

Кукушкина. Нет, уж ты лучше скажи, что у тебя в характере глупости много, баловства. А ты знаешь ли, что ваше баловство портит мужчин? У тебя все нежности на уме, все бы вешалась к нему на шею. Обрадовалась, что замуж вышла, дождалась. А нет, чтобы об жизни подумать. Бесстыдница! И в кого это ты такая уродилась! У нас в роду все решительно холодны к мужьям: больше все думают об нарядах, как одеться приличнее, блеснуть перед другими. Отчего и не приласкать мужа, да надобно, чтобы он чувствовал, за что его ласкают. Вот Юлинька, когда муж привезет ей что-нибудь из города, так и кинется ему на шею,

так и замрет, насилу стащат. Оттого он чуть не каждый день ей и возит подарки. А не привезет, так она и губы надует и не говорит с ним два дни. Висни, пожалуй, к ним на шею-то, они и рады, им только это и нужно. Стыдись!

Полина. Я чувствую, что я глупа; он приласкает меня, а я и рада.

Кукушкина. А вот погоди, мы на него насядем обе, так авось подастся. Главное — не баловать и не слушать его глупостей: он свое, а ты свое; спорь до обмороку, а не уступай. Уступи им, так они готовы на нас хоть воду возить. Да гордость-то, гордость-то ему сшибить надо. Ты знаешь ли, что у него на уме?

Полина. Где мне знать.

Кукушкина. Это, вот видишь ли, есть такая дурацкая философия, я недавно в одном доме слышала, нынче она в моду пошла. Они забрали себе в голову, что умней всех на свете, а то все дураки да взяточники. Какая глупость-то непростительная! Мы, говорят, не хотим брать взяток, хотим жить одним жалованьем. Да после этого житья не будет! За кого ж дочерей-то отдавать? Ведь этак, чего доброго, и род человеческий прекратится. Взятки! Что за слово взятки? Сами ж его выдумали, чтобы обижать хороших людей.

Не взятки, а благодарность! А от благодарности отказываться грех, обидеть человека надо. Коли ты холостой человек, на тебя и суда нет, юродствуй, как знаешь. Пожалуй, хоть и жалованья не бери. А коли женился, так умей жить с женой, не обманывай родителей. За что они терзают родительское сердце? Другой полоумный вдруг берет воспитанную барышню, которая с детства понимает жизнь и которую родители, не щадя ничего, воспитывают совсем не в таких правилах, даже стараются, как можно, отдалять от таких глупых разговоров, и вдруг запирает ее в конуру какую-то! Что же, по-ихнему, из воспитанных барышень им хочется прачек переделать? Уж коли хотят жениться, так и женились бы на каких-нибудь заблужденных, которым все равно, что барыней быть, что кухаркой, которые, из любви к ним, рады будут себе и юбки стирать и по грязи на рынок трепаться. А ведь есть такие, без понятия, женщины.

Полина. Вот он и из меня, должно быть, то же хочет сделать.

Кукушкина. Что нужно для женщины… образованной, которая видит и понимает всю жизнь, как свои пять пальцев? Они этого не понимают. Для женщины нужно, чтобы она одета была

всегда хорошо, чтобы прислуга была, а главное — нужно спокойствие, чтобы она могла быть отдалена от всего, по своему благородству, ни в какие хозяйственные дрязги не входила. Юлинька у меня так и делает; она ото всего решительно далека, кроме как занята собой. Она спит долго; муж поутру должен распорядиться насчет стола и решительно всем; потом девка напоит его чаем и он уезжает в присутствие. Наконец она встает; чай, кофе, все это для нее готово, она кушает, разоделась отличнейшим манером и села с книжкой у окна дожидаться мужа. Вечером надевает лучшие платья и едет в театр или в гости. Вот жизнь! вот порядок! вот как дама должна вести себя! Что может быть благороднее, что деликатнее, что нежнее? Хвалю.

Полина. Ах, вот блаженство-то! Хоть бы недельку так пожил.

Кукушкина. Да, с своим мужем ты дождешься, как же!

Полина. Уж вы его, маменька, хорошенько! А то мне, право, завидно. Юлинька, как ни приедет, все в новом платье, а я все в одном да в одном. Вот он идет. *(Идет к дверям.)*

Жадов входит с портфелем. Целуются.

Явление пятое

Те же и Жадов.

Жадов. Здравствуйте, Фелисата Герасимовна! *(Садится.)* Ах, как устал!

Полина садится подле матери.

Заработался совсем, отдыху себе не знаю. Утром в присутствие, днем на уроках, ночью за делами сижу: беру выписки составлять — порядочно платят. А ты, Полина, вечно без работы, вечно сложа руки сидишь! Никогда тебя за делом не застанешь.

Кукушкина. Они у меня не так воспитаны, к работе не приучены.

Жадов. Очень дурно. После трудно привыкать, когда с малолетства не приучены. А надобно будет.

Кукушкина. Незачем ей и привыкать. Я их не в горничные готовила, а замуж за благородных людей.

Жадов. Мы с вами различных мнений, Фелисата Герасимовна. Я хочу, чтобы Полина слушалась меня.

Кукушкина. То есть вы хотите сделать из нее работницу; так уж такую бы себе под пару и искали. А уж нас извините, мы люди совсем

не таких понятий в жизни, в нас благородство врожденное.

Жадов. Какое благородство, это фанфаронство пустое! А нам, право, не до того.

Кукушкина. Вас послушать, так уши вянут. А вот что нужно сказать: кабы я знала, что она, несчастная, будет такую нищенскую жизнь вести, уж ни за что бы не отдала за вас.

Жадов. Вы ей, пожалуйста, не втолковывайте, что она несчастная женщина; я прошу вас. А то она, пожалуй, в самом деле подумает, что несчастная.

Кукушкина. А то счастлива? Разумеется, в самом горьком положении женщина. Другая бы на ее месте я уж и не знаю что сделала.

Полина плачет.

Жадов. Полина, перестань дурачиться, пожалей меня!

Полина. У тебя все дурачиться. Видно, ты не любишь, когда тебе правду-то говорят.

Жадов. Какую правду?

Полина. Уж разумеется, правду; маменька не станет лгать.

Жадов. Мы с тобой ужо об этом поговорим.

Полина. Не об чем говорить-то. *(Отворачивается.)*

Кукушкина. Разумеется.

Жадов *(вздыхает).* Вот несчастие!

Кукушкина и Полина не обращают на него внимания и разговаривают шепотом. Жадов достает из портфеля бумаги, раскладывает на столе и в продолжение следующего разговора оглядывается на них.

Кукушкина *(громко).* Вообрази, Полина, я была у Белогубова; он купил жене бархатное платье.

Полина *(сквозь слезы).* Бархатное! Какого цвета?

Кукушкина. Вишневое.

Полина *(плачет).* Ах, Боже мой! Я думаю, как к ней идет!

Кукушкина. Чудо! Только представь, какой проказник Белогубов! Насмешил, право, насмешил. Вот, маменька, я, говорит, вам жалуюсь на жену: я ей купил бархатное платье, она меня так целовала, укусила даже очень больно. Вот жизнь! Вот любовь! Не то, что у других.

Жадов. Это невыносимо! *(Встает.)*

Кукушкина *(встает).* Позвольте спросить, милостивый государь, за что она страдает? Дайте мне отчет.

Жадов. Она уж вышла из-под вашей опеки и поступила под мою, и потому оставьте мне распо-

ряжаться ее жизнью. Поверьте, что будет лучше.

Кукушкина. Но я мать, милостивый государь.

Жадов. А я муж.

Кукушкина. Вот мы видим, каков вы муж! Никогда любовь мужа не может сравниться с родительскою.

Жадов. Каковы родители!

Кукушкина. Каковы бы ни были, все-таки не вам чета. Мы вот, милостивый государь, какие родители! Мы с мужем по грошам набирали деньги, чтобы воспитать дочерей, чтоб отдать их в пансион. Для чего это, как вы думаете? Для того, чтобы они имели хорошие манеры, не видали кругом себя бедности, не видали низких предметов, чтобы не отяготить дитя и с детства приучить их к хорошей жизни, благородству в словах и поступках.

Жадов. Благодарю вас. Я вот почти уж год стараюсь выбить из нее ваше воспитание, да никак не могу. Кажется, половину бы жизни отдал, чтобы только она его забыла.

Кукушкина. Да разве я ее для такой жизни готовила? Я бы лучше руку дала на отсечение, чем видеть в таком положении дочь: в бедности, в страдании, в убожестве.

Жадов. Оставьте ваши сожаления, я вас про-

шу.

Кукушкина. Разве они у меня так жили? У меня порядок, у меня чистота. Средства мои самые ничтожные, а все-таки они жили, как герцогини, в самом невинном состоянии; где ход в кухню, не знали; не знали, из чего щи варятся; только и занимались, как следует барышням, разговором об чувствах и предметах самых облагороженных.

Жадов *(указывая на жену).* Да, такого глубокого разврата, как в вашем семействе, я не видывал.

Кукушкина. Разве такие люди, как вы, могут оценить благородное воспитание! Моя вина, я поторопилась! Выдь она за человека с нежными чувствами и с образованием, тот не знал бы, как благодарить меня за мое воспитание. И она была бы счастлива, потому что порядочные люди не заставляют жен работать, для этого у них есть прислуга, а жена только для…

Жадов*(быстро).* Для чего?

Кукушкина. Как для чего? Кто ж этого не знает? Ну, известно… для того, чтобы одевать как нельзя лучше, любоваться на нее, вывозить в люди, доставлять все наслаждения, исполнять каждую ее прихоть, как закон… боготворить.

Жадов. Стыдитесь! Вы пожилая женщина, дожили до старости, вырастили дочерей и вос-

питывали их, а не знаете, для чего человеку дана жена. Не стыдно ли вам! Жена не игрушка, а помощница мужу. Вы дурная мать!

Кукушкина. Да, я знаю, что вы очень рады себе из жены кухарку сделать. Бесчувственный вы человек!

Жадов. Полноте вздор болтать!

Полина. Маменька, оставьте его.

Кукушкина. Нет, не оставлю. С чего ты выдумала, чтобы я его оставила?

Жадов. Перестаньте. Я вас слушать не стану и жене не позволю. У вас, на старости лет, все вздор в голове.

Кукушкина. Каков разговор, каков разговор, а?

Жадов. Между мною и вами другого разговора быть не может. Оставьте нас в покое, я прошу вас. Я люблю Полину и обязан беречь ее. Ваши разговоры вредны для Полины и безнравственны.

Кукушкина. Да вы не очень горячитесь, милостивый государь!

Жадов. Вы ровно ничего не понимаете.

Кукушкина *(с озлоблением).* Не понимаю? Нет, я очень хорошо понимаю. Видала я примеры-то, как женщины-то гибнут от бедности. Бедность-то до всего доводит. Другая бьется, бьется, ну и собьется с пути. Даже и винить нельзя.

Жадов. Что? Как вы можете говорить при дочери такие вещи! Увольте нас от своего посещения… сейчас же, сейчас же.

Кукушкина. Коли дома холодно да голодно, да муж лентяй, поневоле будешь искать средств…

Жадов. Оставьте нас, я вас честью прошу. Вы меня выведете из терпения.

Кукушкина. Уж конечно уйду, и нога моя никогда не будет у вас. *(Полине.)* Каков муж-то у тебя! Вот горе-то! Вот несчастье-то!

Полина. Прощайте, маменька! *(Плачет.)*

Кукушкина. Плачь, плачь, несчастная жертва, оплакивай свою судьбу! Плачь до могилы! Да ты уж лучше умри, несчастная, чтобы не разрывалось мое сердце. Легче мне будет. *(Жадову.)* Торжествуйте! Вы свое дело сделали: обманули, прикинулись влюбленным, обольстили словами и потом погубили. Вся ваша цель была в этом, я теперь вас понимаю. *(Уходит.)*

Полина ее провожает.

Жадов. Надобно будет с Полиной построже поговорить. А то, чего доброго, ее вовсе с толку собьют.

Полина возвращается.

Явление шестое

Жадов и Полина *(садится у окна, надувшись).*

Жадов*(разложив бумаги, садится к столу).* Фелисата Герасимовна, вероятно, больше к нам не придет, чему я очень рад. Я бы желал, Полина, чтобы и ты к ней не ходила, а также и к Белогубовым.

Полина. Не прикажете ли для вас всю родню бросить?

Жадов. Не для меня, а для себя. У них у всех такие дикие понятия! Я тебя учу добру, а они развращают.

Полина. Поздно меня учить, я уж учена.

Жадов. Для меня было бы ужасно убедиться в том, что ты говоришь. Нет, я надеюсь, что ты меня поймешь наконец. Теперь много работы у меня; а вот будет поменьше, мы с тобой займемся. Утром будешь работать, а по вечерам будем читать. Тебе многое надо прочесть, ты ведь ничего не читала.

Полина. Как же, стану я сидеть с тобой! Куда как весело! Человек создан для общества.

Жадов. Что?

Полина. Человек создан для общества.

Жадов. Откуда это у тебя?

Полина. Ты меня, в самом деле, за дуру счита-

ешь. Кто ж этого не знает! Всякий знает. Что ты меня, с улицы, что ли, взял?

Жадов. Да для общества-то нужно приготовить себя, образовать.

Полина. Ничего этого не нужно, все вздор, нужно только одеваться по моде.

Жадов. Ну, а мы и этого не можем, стало быть, и толковать нечего. Займись-ка лучше работой какой-нибудь, и я примусь за дело. *(Берет перо.)*

Полина. Работой займись! С чего это ты выдумал? Уж будет тебе надо мной командовать-то… помыкать-то всячески да насмехаться-то!

Жадов*(оборачиваясь).* Что это, Полина?

Полина. А то же, что я хочу жить, как люди живут, а не как нищие. Надоело уж. И так я с тобой загубила свою молодость.

Жадов. Вот новости! Я этого не слыхал еще.

Полина. Не слыхал, так послушай. Ты думаешь, что я молчала-то почти год, так и все буду молчать? Нет, извини! Ну, да что толковать! Я хочу жить, как Юлинька живет, как все благородные дамы живут. Вот тебе и сказ!

Жадов. Вот что! Только позволь тебя спросить: на какие же средства нам так жить?

Полина. А мне что за дело! Кто любит, тот найдет средства.

Жадов. Да ты пожалей меня; я и так работаю как вол.

Полина. Работаешь ты или не работаешь — мне вовсе никакого дела нет. Не на мытарство, не на тиранство я за тебя замуж шла.

Жадов. Вы меня нынче совсем измучили. Замолчи, ради Бога!

Полина. Как же, дожидайся, буду я молчать! По твоей милости все смеются надо мною. Что я стыда натерпелась! Сестрица уж сжалилась. Нынче приехала: «Ты, говорит, нас страмишь, всю нашу фамилию: в чем ты ходишь!» И это не стыдно тебе? А еще уверял, что любишь. На свои деньги сестрица купила да привезла шляпку мне.

Жадов *(встает).* Шляпку?

Полина. Да, вот она. Посмотри, на. Что, хороша?

Жадов*(строго).* Отнеси сейчас назад.

Полина. Назад?

Жадов. Да, сейчас, сейчас снеси! И не смей от них ничего брать.

Полина. Ну, уж этому не бывать; уж будьте покойны.

Жадов. Так я ее выкину за окно.

Полина. А! так ты вот как стал? Хорошо, мой друг, я снесу.

Жадов. И снеси.

Полина *(со слезами).* Снесу, снесу. *(Надевает шляпку, мантилью, берет зонтик.)* Прощайте!

Жадов. Прощай!

Полина. Простимся хорошенько; уж вы меня больше не увидите.

Жадов. Это что за вздор еще?

Полина. Я к маменьке пойду, там и останусь; ты уж и не ходи к нам.

Жадов. Что за глупость ты говоришь, Полина!

Полина. Нет, я уж давно обдумала! *(Чертит зонтиком по полу.)* Что моя за жизнь? Одно мученье, и никакой радости!

Жадов. Не грех тебе говорить? Неужели ты со мной и не видала никакой радости?

Полина. Какие радости! Кабы ты богат был — другое дело, а то бедность-то терпеть. Что за радость! Вот намедни пьяный пришел; еще, пожалуй, бить меня будешь.

Жадов. Ах, Боже мой! Что ты говоришь? Один раз пришел навеселе… Да кто же из молодых людей не бывает пьян?

Полина. Знаем мы, бедность-то до чего доводит. Мне маменька сказывала. Ты, пожалуй, запьешь, да и я-то с тобой погибну.

Жадов. Все вздор какой тебе в голову лезет!

Полина. Чего мне ждать хорошего-то? Я уж и на картах гадала про судьбу свою, и у ворожеи спрашивала: выходит — самая несчастная.

Жадов*(хватает себя за голову).* На картах гадает! К ворожеям ходит!

Полина. По-твоему, чай, карты вздор! Нет уж, извини, ни в жизнь не поверю! Карты никогда не лгут. Вот уж всегда-то правду говорят. Что даже на уме у человека, и то по картам сейчас видно. Ты ведь ничему не веришь, у тебя все вздор; оттого нам и счастья нет.

Жадов*(нежно).* Полина! *(Подходит к ней.)*

Полина *(отходя).* Сделайте милость, оставьте.

Жадов. Нет, ты меня не любишь.

Полина. За что тебя любить-то? Очень нужно даром-то любить!

Жадов*(горячо).* Как даром? как даром? За любовь я тебе плачу любовью. Да ведь ты жена моя! Разве ты забыла это? Ты обязана со мной делить и горе и радость… если б я был даже последний нищий.

Полина *(садится на стул и, закинув голову, хохочет).* Ха, ха, ха, ха!

Жадов. Это уж гадко наконец! это безнравственно!

Полина *(быстро встает).* Я не понимаю, что

вам за охота жить с безнравственной женой. Прощайте!

Жадов. Бог с тобой, прощай! Коли ты можешь бросить равнодушно мужа, так прощай! *(Садится к столу и подпирает голову руками.)*

Полина. А что ж такое! Рыба ищет где глубже, а человек где лучше.

Жадов. Ну, прощай, прощай!

Полина *(перед зеркалом).* Вот шляпка, так шляпка, не то, что моя. *(Поет.)* «Матушка, голубушка, солнышко мое…» В этой и по улице-то пройдешь, все-таки кто-нибудь взглянет, скажет: ах, какая хорошенькая! Прощайте! *(Приседает и уходит.)*

Явление седьмое

Жадов*(один).* Что у меня за характер! Куда он годится? С женой и то ужиться не мог! Что ж мне делать теперь? Господи Боже мой! Я с ума сойду. Без нее мне незачем на свете жить. Как это сделалось, я, право, не понимаю. Как же это я мог ее отпустить от себя! Что она будет делать у матери? Там она погибнет совсем. Марья! Марья!

Марья за сценой: «Что угодно?»

Догони поди барыню, скажи, что мне нужно с нею поговорить. Да поскорей, поскорей! Что это в

самом деле, Марья, какая ты неповоротливая! Да беги же, беги скорей!

Марья за сценой: «Сейчас!»

А ну, как она не захочет вернуться? Да и прекрасно сделает! Она имеет полное право. Чем она виновата, что я не не могу ее содержать прилично? Ей только восьмнадцать лет, ей жить хочется, хочется удовольствий. А я держу ее в одной комнате, целый день дома не бываю. Хороша любовь! Ну, вот и живи один! Прекрасно! очень хорошо!.. Опять сирота! чего ж лучше! Поутру пойду в присутствие, после присутствия домой незачем ходить — посижу в трактире до вечера; а вечером домой, один, на холодную постель… зальюсь слезами! И так каждый день! Очень хорошо! *(Плачет.)* Ну что ж! не умел с женой жить, так живи один. Нет, надо решиться на что-нибудь. Я должен или расстаться с ней, или… жить… жить… как люди живут. Об этом надо подумать. *(Задумывается.)* Расстаться? Да в силах ли я с ней расстаться? Ах, какая мука! какая мука! Нет уж, лучше… что с мельницами-то сражаться! Что я говорю! Какие мысли лезут мне в голову!

Входит Полина.

Явление восьмое

Жадов и Полина.

Полина *(садится, не раздеваясь).* Что вам угодно?!

Жадов *(подбегает к ней).* Пришла, пришла! Опять пришла! Не стыдно ли тебе! Ты меня так расстроила, так расстроила, Полина, что я и с мыслями не соберусь. Я совсем растерялся. *(Целует руки.)* Полина, друг мой!

Полина. Да ты с нежностями-то не подъезжай ко мне.

Жадов. Ты ведь пошутила, Полина, а? Ты меня не оставишь?

Полина. Куда как интересно жить-то с тобой, горе-то мыкать!

Жадов. Ты меня убиваешь, Полина! Уж коли не любишь, так хоть пожалей меня. Ты знаешь, как я тебя люблю.

Полина. Да, оно и видно! так и любят.

Жадов. Как же еще любят? Как? Скажи, я все исполню, что ты мне прикажешь.

Полина. Поди сейчас к дяде, помирись с ним и попроси такое же место, как у Белогубова, да и денег попроси кстати; после отдадим, как разбогатеем.

Жадов. Ни за что на свете, ни за что на свете! И не говори ты мне этого.

Полина. Зачем же ты меня воротил? Смеяться, что ли, надо мной хочешь? Так уж будет, я теперь стала умней. Прощай! *(Встает.)*

Жадов. Постой! Погоди, Полина! Дай мне с тобой поговорить.

Полина *(перед зеркалом).* Об чем говорить? Уж все переговорили.

Жадов*(с умоляющим видом).* Нет, нет, Полина, не все еще. Много, много мне нужно еще сказать тебе. Ты многого не знаешь. Кабы можно было мне вдруг передать тебе свою душу, передать то, о чем думал и мечтал я, как бы я был счастлив! Давай поговорим, Полина, поговорим. Ты только, ради Бога, слушай, одной милости прошу у тебя.

Полина. Говори.

Жадов *(горячо).* Слушай, слушай! *(Берет ее за руку.)* Всегда, Полина, во все времена были люди, они и теперь есть, которые идут наперекор устаревшим общественным привычкам и условиям. Не по капризу, не по своей воле, нет, а потому, что правила, которые они знают, лучше, честнее тех правил, которыми руководствуется общество. И не сами они выдумали эти правила: они их слышали с пастырских и профессорских кафедр, они

их вычитали в лучших литературных произведениях наших и иностранных. Они воспитались в них и хотят их провести в жизни. Что это нелегко, я согласен. Общественные пороки крепки, невежественное большинство сильно. Борьба трудна и часто пагубна; но тем больше славы для избранных: на них благословение потомства; без них ложь, зло, насилие выросли бы до того, что закрыли бы от людей свет солнечный…

Полина *(смотрит на него с изумлением).* Ты сумасшедший, право, сумасшедший! И ты хочешь, чтоб я тебя слушала; у меня и так ума-то немного, и последний с тобой потеряешь.

Жадов. Да ты послушай меня, Полина!

Полина. Нет, уж я лучше буду слушать умных людей.

Жадов. Кого же ты будешь слушать? Кто эти умные люди?

Полина. Кто? Сестрица, Белогубов.

Жадов. И ты сравняла меня с Белогубовым!

Полина. Скажите пожалуйста! Ты что такой за важный человек? Известно, Белогубов лучше тебя. У начальства в уважении, жену любит, отличный хозяин, свои лошади… А ты что? только что хвастать… *(Передразнивая его.)* Я умный, я благородный, все дураки, все взяточники!

Жадов. Что за тон у тебя! Что за манеры! Какая мерзость!

Полина. Ты опять ругаться! Прощай! *(Хочет идти.)*

Жадов *(держит ее).* Постой, погоди немножко.

Полина. Пусти!

Жадов. Нет, постой, постой! Полиночка, друг мой, погоди! *(Хватает ее за платье.)*

Полина *(смеется).* Ну, что ты меня держишь руками-то! какой ты чудак! Захочу уйти, так не удержишь.

Жадов. Что ж мне с тобой делать? Что ж мне с тобой делать, с моей милой Полиной?

Полина. Поди к дяде да помирись.

Жадов. Постой, постой, дай подумать.

Полина. Подумай.

Жадов. Ведь я тебя люблю, я для тебя готов на все на свете… Но что ты мне предлагаешь!.. Ужасно!.. Нет, надо подумать. Да, да, да, да… подумать надо… надо подумать… Ну а если я не пойду к дяде, ты уйдешь от меня?

Полина. Уйду.

Жадов. Совсем уйдешь?

Полина. Совсем. Не десять тебе раз говорить-то, надоело уж. Прощай!

Жадов. Постой, постой! *(Садится к столу, под-*

пирает голову руками и задумывается.)

Полина. Долго ли мне ждать-то?

Жадов *(почти со слезами).* А ведь знаешь что, Полина? Ведь хорошо, когда хорошенькая жена да хорошо одета?

Полина *(с чувством).* Очень хорошо!

Жадов. Ну, да, да… *(Кричит.)* да, да! *(Топает ногами.)* И хорошо с ней выехать в хорошем экипаже?

Полина. Ах, как хорошо!

Жадов. Ведь молодую, хорошенькую жену надо любить, надо ее лелеять… *(Кричит.)* да, да, да! надо ее наряжать… *(Успокоившись.)* Ну, что ж, ничего… ничего… Это легко сделать! *(С отчаянием.)* Прощайте, юношеские мечты мои! Прощайте, великие уроки! Прощай, моя честная будущность! Ведь буду и я старик, будут у меня и седые волосы, будут и дети…

Полина. Что ты? что ты?

Жадов. Нет, нет! детей будем в строгих правилах воспитывать. Пусть идут за веком. Нечего им на отцов смотреть.

Полина. Да перестань!

Жадов. Дай мне поплакать-то; ведь уж это я плачу в последний раз в жизни. *(Рыдает.)*

Полина. Что это с тобой сделалось?

Жадов. Ничего… ничего… легко… легко… все легко на свете. Только надобно, чтоб не напоминало ничто! Это просто сделать! Это я сделаю… буду сторониться, прятаться от своих прежних товарищей… не буду ходить туда, где говорят про честность, про святость долга… целую неделю работать, а в пятницу на субботу собирать разных Белогубовых и пьянствовать на наворованные деньги, как разбойники… да, да… А там и привыкнешь…

Полина *(почти плача).* Ты что-то нехорошее говоришь.

Жадов. Петь песни… Ты знаешь эту песню? *(Поет.)*

Бери, большой тут нет науки.
Бери, что можно только взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать, брать, брать…

Хороша эта песенка?

Полина. Что с тобой такое, я уж и не пойму.

Жадов. Пойдем к дядюшке просить доходного места! *(Надевает небрежно шляпу и берет жену за руку.)*

Уходят.

Действие пятое

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
Аристарх Владимирыч Вышневский.
Анна Павловна Вышневская.
Аким Акимыч Юсов.
Василий Николаич Жадов.
Полина.
Антон.
Мальчик.

Комната первого действия.

Явление первое

Вышневская и Антон (подает письмо на подносе и уходит).

Вышневская *(читает).* «Милостивая государыня, Анна Павловна! Извините меня, если мое письмо вам не понравится; ваши поступки со мной оправдывают и мои. Я слышал, что вы смеетесь надо мной и показываете посторонним мои письма, писанные с увлечением и в порыве страсти. Вы не можете не знать моего положения в обществе и сколько компрометирует меня такое

ваше поведение. Я не мальчик. И по какому праву вы так поступаете со мной? Мое искательство совершенно оправдывалось вашим поведением, которое, вы сами должны признаться, не было безукоризненно. И хотя мне, как мужчине, позволительны некоторые вольности, но смешным я быть не хочу. А вы меня сделали предметом разговора в целом городе. Вы знаете мои отношения к Любимову, я уже говорил вам, что между бумагами, которые остались после него, я нашел несколько ваших писем. Я предлагал вам их получить от меня. Стоило только вам побороть вашу гордость и согласиться с общественным мнением, что я один из красивейших мужчин и более других пользуюсь успехами между дамами. Вам угодно было обращаться со мной презрительно; в таком случае вы должны меня извинить: я решился передать эти письма вашему мужу». Вот это благородно! Фу, какая мерзость! Ну да все равно, надобно же было кончить когда-нибудь. Я не из тех женщин, чтобы согласилась поправлять холодным развратом проступок, сделанный по увлечению. Хороши у нас мужчины! Человек, которому сорок лет, у которого жена красавица, начинает ухаживать за мной, говорить и делать глупости. Что может оправдать его? Страсть?

Какая страсть! Он уж, я думаю, в восьмнадцать лет потерял способность влюбляться. Нет, очень просто: до него дошли разные сплетни про меня, и он считает меня доступной женщиной. И вот он без всякой церемонии начинает писать ко мне страстные письма, наполненные самыми пошлыми нежностями, очевидно, весьма хладнокровно придуманными. Он объездит десять гостиных, где будет рассказывать про меня самые ужасные вещи, и потом приезжает утешать меня. Говорит, что он презирает общественное мнение, что страсть в его глазах оправдывает все. Клянется в любви, говорит пошлые фразы, желая придать своему лицу страстное выражение, делает какие-то странные, кислые улыбки. Даже не дает себе труда хорошенько притвориться влюбленным. Зачем трудиться, сойдет и так, только бы форма была соблюдена. Если посмеешься над таким человеком или окажешь ему презрение, которого он заслуживает, он считает себя вправе мстить. Для него смешное страшнее самого грязного порока. Связью с женщиной он станет хвастаться сам — это делает ему честь; а письма его показать — беда, это его компрометирует. Он сам чувствует, что они смешны и глупы. За кого же они считают тех женщин, к которым пишут такие письма?

Бессовестный народ! И вот он теперь, в порыве благородного негодования, делает подлость против меня и, вероятно, считает себя правым. Да не один он, все таковы… Ну, да тем лучше, по крайней мере я объяснюсь с мужем. Мне даже хочется этого объяснения. Он увидит, что если я виновата перед ним, то он более виноват передо мной. Он убил всю мою жизнь. Он своим эгоизмом засушил мое сердце, отнял у меня возможность семейного счастия; он заставил меня плакать о том, что воротить нельзя — об моей молодости. Я провела ее с ним пошло, бесчувственно, тогда как душа просила жизни, любви. В пустом, мелочном круге его знакомых, в который он ввел меня, во мне заглохли все лучшие душевные качества, оледенели все благородные порывы. И вдобавок, я испытываю угрызение совести за проступок, которого избежать было не в моей власти.

Юсов входит, заметно расстроенный.

Явление второе

Вышневская и Юсов.

Юсов *(кланяясь).* Еще не приезжали-с?

Вышневская. Нет еще. Садитесь.

Юсов садится.

Вы чем-то встревожены?

Юсов. Нет слов-с… уста немеют.

Вышневская. Да что такое?

Юсов *(качает головой).* Человек все равно… корабль по морю… вдруг кораблекрушение, и несть спасающего!..

Вышневская. Я вас не понимаю.

Юсов. Я насчет бренности… что прочно в жизни сей? С чем придем? с чем предстанем?.. Одни дела… можно сказать, как ноша за спиной… в обличение… и помышления даже… *(махнув рукой)* все записаны.

Вышневская. Что, умер, что ли, кто-нибудь?

Юсов. Нет-с, переворот в жизни. *(Нюхает табак.)* В богатстве и в знатности затмение бывает… чувств наших… забываем нищую братию… гордость, плотоугодие… За то и наказание бывает по делам нашим.

Вышневская. Я это давно знаю; не понимаю только, к чему вы передо мной теряете даром свое красноречие.

Юсов. Близко сердцу моему… Положим, хоть я тут не подлежу большой ответственности… но все-таки над такой особой! Что прочно?.. когда и сан не защищает.

Вышневская. Над какой особой?

Юсов. Опала на нас-с.

Вышневская. Да говорите!

Юсов. Открылись якобы упущения, недочеты сумм и разные злоупотребления.

Вышневская. Что же?

Юсов. Так нас под суд-с… То есть я-то, собственно, не подлежу большой ответственности, а Аристарх Владимирыч должны будут…

Вышневская. Что должны?

Юсов. Ответствовать всем своим имуществом и подвергнуться суду за противозаконные якобы поступки.

Вышневская *(подняв глаза).* Начинается расплата!

Юсов. Конечно, смертный… Станут придираться, так, пожалуй, найдут что-нибудь; я так полагаю, что, по нынешним строгостям, отставят… Должен буду бедствовать без куска хлеба.

Вышневская. Вам, кажется, далеко до этого.

Юсов. Да ведь дети-с.

Молчание.

Я все думал дорогой, с прискорбием думал: за что такое попущение на нас? За гордость… Гордость ослепляет человека, застилает глаза.

Вышневская. Полноте, какая тут гордость! просто за взятки.

Юсов. Взятки? Взятки что-с, маловажная вещь…

многие подвержены. Смирения нет, вот главное… Судьба все равно что фортуна… как изображается на картине… колесо, и на нем люди… поднимается кверху и опять опускается вниз, возвышается и потом смиряется, превозносится собой и опять ничто… так все кругообразно. Устроивай свое благосостояние, трудись, приобретай имущество… возносись в мечтах… и вдруг наг!.. Надпись подписана под этой фортуной… *(С чувством.)*

Чуден в свете человек!
Суетится целый век,
Счастия сыскать желает,
А того не воображает,
Что судьба им управляет.

Вот что раскусить надо! Вот что должен человек помнить? Мы родимся, ничего не имеем, так и в могилу. Для чего трудимся? Вот философия! Что наш ум? Что он может постигнуть?

Входит Вышневский и молча проходит в кабинет. Юсов встает.

Вышневская. Как он изменился!

Юсов. За доктором бы послать. С ними давеча в присутствии дурно сделалось. Такой удар… человеку благородных чувств… как его перенесть!

Вышневская *(звонит).*

Входит мальчик.

Сходи за доктором, попроси поскорей приехать.

Вышневский выходит и садится в кресла.

Явление третье

Те же и Вышневский.

Вышневская *(подходя к нему).* Я слышала от Акима Акимыча, с вами несчастие. Не падайте духом.

Молчание.

Вы ужасно переменились. Вы дурно себя чувствуете? Я послала за доктором.

Вышневский. Какое лицемерие! Какая гнусная ложь! Какая подлость!

Вышневская *(гордо).* Никакой *лжи*! Я вас жалею, как стала бы жалеть всякого в несчастии — ни больше, ни меньше. *(Отходит и садится.)*

Вышневский. Не нужно мне ваших сожалений. Не жалейте меня! я обесчещен, разорен! За что?

Вышневская. Спросите у вашей совести.

Вышневский. Не говорите о совести! Вы не имеете права говорить о ней… Юсов! За что я погиб?

Юсов. Превратность… судьба-с.

Вышневский. Вздор, какая судьба! Сильные враги — вот причина! Вот что меня сгубило! Про-

клятие вам! Позавидовали моему благополучию. Как не позавидовать! Человек в несколько лет возвышается, богатеет, смело создает свое благоденствие, строит дома и дачи, покупает деревню за деревней, вырастает выше их целой головой. Как не позавидовать! Человек идет к богатству и почестям, как по лестнице. Чтобы перегнать или хоть догнать его, нужен ум, гений. Ума взять негде, ну так подставить ему ногу. Я задыхаюсь от бешенства…

Юсов. Зависть человека может на все подвигнуть…

Вышневский. Не падение меня бесит, нет — а торжество, которое я им доставлю своим падением. Что теперь разговору! что радости! О, черт возьми, я не переживу! *(Звонит.)*

Входит Антон.

Воды!..

Антон подает и уходит.

Теперь с вами мне нужно поговорить.

Вышневская. Что вам угодно?

Вышневский. Мне угодно вам сказать, что вы развратная женщина.

Вышневская. Аристарх Владимирыч, здесь посторонние люди.

Юсов. Прикажете уйти?

Вышневский. Останься! Я скажу то же самое при всей дворне.

Вышневская. За что вы оскорбляете меня? Вам не на кого излить свою бессильную злобу. Не грех ли вам!

Вышневский. Вот вам доказательство моих слов. *(Бросает конверт с письмами.)*

Юсов поднимает и подает Вышневской.

Вышневская. Благодарю вас. *(Судорожно рассматривает их и прячет в карман.)*

Вышневский. Юсов, что делают с женщиной, которая, несмотря на все благодеяния мужа, забывает свой долг?

Юсов. Гм… гмм…

Вышневский. Я тебе скажу: выгоняют с позором! Да, Юсов, я несчастен, вполне несчастен, я одинок! Не бросай хоть ты меня. Человек, как бы он ни был высоко поставлен, когда он в горе, все-таки ищет утешения в семействе. *(С злобою.)* А я нахожу в своем семействе…

Вышневская. Не говорите про семейство! У вас его никогда не было. Вы даже не знаете, что такое семейство! Позвольте же теперь, Аристарх Владимирыч, высказать вам все, что я перенесла, живя с вами.

Вышневский. Для вас нет оправданий.

Вышневская. Я и не хочу оправдываться — мне не в чем оправдываться. За минутное увлечение я перенесла много горя, много унижения, но, поверьте, без ропота на судьбу и без проклятий, как вы. Я хочу вам сказать только, что если я виновата, то перед собой одной, а не перед вами. Вы не должны меня упрекать. Если б вы имели сердце, вы бы чувствовали, что вы меня погубили.

Вышневский. Ха, ха! Вините кого другого в вашем поведении, а не меня.

Вышневская. Нет, вас. Разве вы жену брали себе? Вспомните, как вы за меня сватались! Когда вы были женихом, я не слыхала от вас ни одного слова о семейной жизни; вы вели себя, как старый волокита, обольщающий молодых девушек подарками, смотрели на меня, как сатир. Вы видели мое отвращение к вам, и, несмотря на это, вы все-таки купили меня за деньги у моих родственников, как покупают невольниц в Турции. Чего же вы от меня хотите?

Вышневский. Вы моя жена, не забывайте! и я вправе всегда требовать от вас исполнения вашего долга.

Вышневская. Да, вы свою покупку, не скажу, освятили, нет — а закрыли, замаскировали браком. Иначе нельзя было: мои родные не со-

гласились бы, а для вас все равно. И потом, когда уж вы были моим мужем, вы не смотрели на меня как на жену: вы покупали за деньги мои ласки. Если вы замечали во мне отвращение к вам, вы спешили ко мне с каким-нибудь дорогим подарком и тогда уж подходили смело, с полным правом. Что же мне было делать?.. вы все-таки мой муж: я покорялась. О! перестанешь уважать себя. Каково испытывать чувство презрения к самой себе! Вот до чего вы довели меня! Но что со мной было потом, когда я узнала, что даже деньги, которые вы мне дарите, — не ваши; что они приобретены не честно…

Вышневский*(привстает).* Замолчите!

Вышневская. Извольте, я замолчу об этом, вы уже довольно наказаны; но я буду продолжать о себе.

Вышневский. Говорите, что хотите, мне все равно; вы не измените моего мнения о вас.

Вышневская. Может быть, вы о себе измените мнение после моих слов. Вы помните, как я дичилась общества, я боялась его. И недаром. Но вы требовали — я должна была уступить вам. И вот, совсем неприготовленную, без совета, без руководителя, вы ввели меня в свой круг, в котором искушение и порок на каждом шагу. Некому было

ни предупредить, ни поддержать меня! Впрочем, я сама узнала всю мелочность, весь разврат тех людей, которые составляют ваше знакомство. Я берегла себя. В то время я встретила в обществе Любимова, вы его знали. Помните его открытое лицо, его светлые глаза, как умен и как чист был он сам! Как горячо он спорил с вами, как смело говорил про всякую ложь и неправду! Он говорил то, что я уже чувствовала, хотя и неясно. Я ждала от вас возражений. Возражений от вас не было; вы только клеветали на него, за глаза выдумывали гнусные сплетни, старались уронить его в общественном мнении, и больше ничего. Как я желала тогда заступиться за него; но я не имела для этого ни возможности, ни достаточно ума. Мне оставалось только… полюбить его.

Вышневский. Так вы и сделали?

Вышневская. Так я и сделала. Я видела потом, как вы губили его, как мало-помалу достигали своей цели. То есть не вы одни, а все, кому это нужно было. Вы сначала вооружили против него общество, говорили, что его знакомство опасно для молодых людей, потом твердили постоянно, что он вольнодумец и вредный человек, и восстановили против него его начальство; он принужден был оставить службу, родных,

знакомство, уехать отсюда… *(Закрывает глаза платком.)* Я все это видела, все выстрадала на себе. Я видела торжество злобы, а вы все еще считаете меня той девочкой, которую вы купили и которая должна быть благодарна и любить вас за ваши подарки. Из моих чистых отношений к нему сделали гнусную сплетню; дамы стали явно клеветать на меня, а тайно завидовать; молодые и старые волокиты стали без церемонии преследовать меня. Вот до чего вы довели меня, женщину, достойную, может быть, лучшей участи, женщину, способную понимать истинное значение жизни и ненавидеть зло! Вот все, что я хотела сказать вам — больше вы не услышите от меня упрека никогда.

Вышневский. Напрасно. Я теперь бедный человек, а бедные люди позволяют своим женам ругаться. Это у них можно. Если бы я был тот Вышневский, каким был до нынешнего дня, я бы вас прогнал без разговору; но мы теперь, благодаря врагам моим, должны спуститься из круга порядочных людей. В низшем кругу мужья бранятся с своими женами и иногда дерутся — и это не делает никакого скандала.

Входит Жадов с женой.

Явление четвертое

Те же, Жадов и Полина.

Вышневский. Ты зачем?

Жадов. Дядюшка, извините…

Полина. Здравствуйте, дяденька! Здравствуйте, тетенька! *(Шепчет Вышневской.)* Пришел места просить. *(Садится подле Вышневской.)*

Вышневская. Как! Неужели? *(Смотрит с любопытством на Жадова.)*

Вышневский. Ты пришел посмеяться над дядей!

Жадов. Дядюшка, я, быть может, оскорбил вас. Извините меня… увлечение молодости, незнание жизни… я не должен был… вы мой родственник.

Вышневский. Ну?

Жадов. Я испытал, что значит жить без поддержки… без протекции… я женат.

Вышневский. Ну, что ж тебе?

Жадов. Я живу очень бедно… Для меня бы стало; но для жены, которую я очень люблю… Позвольте мне опять служить под вашим начальством… дядюшка, обеспечьте меня! Дайте мне место, где бы я… мог… *(тихо)* приобресть что-нибудь.

Полина *(Вишневской).* Подоходнее.

Вышневский *(хохочет).* Ха, ха, ха!.. Юсов! Вот

они, герои-то! Молодой человек, который кричал на всех перекрестках про взяточников, говорил о каком-то новом поколении, идет к нам же просить доходного места, чтобы брать взятки! Хорошо новое поколение! ха, ха, ха!

Жадов *(встает)*. Ох! *(Хватается за грудь.)*

Юсов. Молод был! Разве дело говорил! Одни слова… Так они словами и останутся. Жизнь-то даст себя знать! *(Нюхает табак.)* Бросишь философию-то. Только то нехорошо, что прежде надобно было умных людей послушать, а не грубить.

Вышневский*(Юсову).* Нет, Юсов, помнишь, какой тон был! Какая уверенность в самом себе! Какое негодование к пороку! *(Жадову, более и более разгорячаясь.)* Не ты ли говорил, что растет какое-то новое поколение образованных, честных людей, мучеников правды, которые обличат нас, закидают нас грязью? Не ты ли? Признаюсь тебе, я верил. Я вас глубоко ненавидел… я вас боялся. Да, не шутя. И что ж оказывается! Вы честны до тех пор, пока не выдохлись уроки, которые вам долбили в голову; честны только до первой встречи с нуждой! Ну, обрадовал ты меня, нечего сказать!.. Нет, вы не стоите ненависти — я вас презираю!

Жадов. Презирайте, презирайте меня. Я сам

себя презираю.

Вышневский. Вот люди, которые взяли себе привилегию на честность! Мы с тобой осрамлены! Нас отдали под суд…

Жадов. Что я слышу!

Юсов. Люди — всегда люди.

Жадов. Дядюшка, я не говорил, что наше поколение честней других. Всегда были и будут честные люди, честные граждане, честные чиновники; всегда были и будут слабые люди. Вот вам доказательство — я сам. Я говорил только, что в наше время… *(начинает тихо и постепенно одушевляется)* общество мало-помалу бросает прежнее равнодушие к пороку, слышатся энергические возгласы против общественного зла… Я говорил, что у нас пробуждается сознание своих недостатков; а в сознании есть надежда на лучшее будущее. Я говорил, что начинает создаваться общественное мнение… что в юношах воспитывается чувство справедливости, чувство долга, и оно растет, растет и принесет плоды. Не увидите вы, так мы увидим и возблагодарим Бога. Моей слабости вам нечего радоваться. Я не герой, я обыкновенный, слабый человек; у меня мало воли, как почти у всех нас. Нужда, обстоятельства, необразованность родных, окружающий разврат

могут загнать меня, как загоняют почтовую лошадь. Но довольно одного урока, хоть такого, как теперь…. благодарю вас за него; довольно одной встречи с порядочным человеком, чтобы воскресить меня, чтобы поддержать во мне твердость. Я могу поколебаться, но преступления не сделаю; я могу споткнуться, но не упасть. Мое сердце уж размягчено образованием, оно не загрубеет в пороке.

Молчание.

Я не знаю, куда деться от стыда… Да, мне стыдно, стыдно, что я у вас.

Вышневский *(поднимаясь).* Так поди вон!

Жадов *(кротко).* Пойду. Полина, теперь ты можешь идти к маменьке; я тебя держать не стану. Уж теперь я не изменю себе. Если судьба приведет есть один черный хлеб — буду есть один черный хлеб. Никакие блага не соблазнят меня, нет! Я хочу сохранить за собой дорогое право глядеть всякому в глаза прямо, без стыда, без тайных угрызений, читать и смотреть сатиры и комедии на взяточников и хохотать от чистого сердца, откровенным смехом. Если вся жизнь моя будет состоять из трудов и лишений, я не буду роптать… Одного утешения буду просить я у Бога, одной награды буду ждать. Чего, думаете вы?

Короткое молчание.

Я буду ждать того времени, когда взяточник будет бояться суда общественного больше, чем уголовного.

Вышневский *(встает).* Я тебя задушу своими руками! *(Шатается.)* Юсов, мне дурно! Проводи меня в кабинет. *(Уходит с Юсовым.)*

Явление пятое

Вышневская, Жадов, Полина и потом Юсов.

Полина *(подходит к Жадову).* Ты думал, что я в самом деле хочу тебя оставить? Это я нарочно. Меня научили.

Вышневская. Помиритесь, дети мои.

Жадов и Полина целуются.

Юсов *(в дверях).* Доктора! Доктора!

Вышневская *(приподнимаясь в креслах).* Что, что?

Юсов. С Аристархом Владимирычем удар!

Вышневская *(слабо вскрикнув).* Ах! *(Опускается в кресла.)*

Полина со страху прижимается к Жадову; Жадов опирается рукой на стол и опускает голову. Юсов стоит у двери, совершенно растерявшись.

Картина.

Праздничный сон — до обеда

Картины из московской жизни

ЛИЦА:

Павла Петровна Бальзаминова, вдова.

Михайло Дмитрич Бальзаминов, ее сын, чиновник, 25 лет.

Клеопатра Ивановна Ничкина, вдова, купчиха, 35 лет.

Капочка *(Капитолина)*, ее дочь, 17 лет.

Устинька, подруга Капочки, купеческая дочь, 20 лет.

Акулина Гавриловна Красавина, сваха.

Нил Борисыч Неуеденов, купец, брат Ничкиной, 40 лет.

Юша (Ефим), сын его, 13 лет.

Матрена, кухарка у Бальзаминовых.

Маланья, горничная у Ничкиной.

По народному поверью, сон, виденный под праздник, сбывается только до обеда *(Примеч. авт.)*

Картина первая

Бедная комната; направо дверь, у двери старинные часы; прямо печь изразцовая, с одной стороны ее шкаф, с другой — дверь в кухню; налево комод, на нем туалетное зеркало; на первом плане окно, у окна стол.

Явление первое

Бальзаминова *(одна, сидит с чулком в руках).* Миша! Миша! Что ты там в кухне делаешь?

Бальзаминов из кухни: «Не мешайте, маменька! Матрена меня завивает!»

Все завивается! Все завивается! Красотой-то своей уж очень занят. Эх, молодо, зелено! Все счастье себе хочет составить, прельстить кого-нибудь. А я так думаю, не прельстит он никого; разумом-то он у меня больно плох. Другой и собой-то, из лица-то неказист, так словами обойдет, а мой-то умных слов совсем не знает. Да, да! Уж и жаль его. Знайка он умные-то слова, по нашей бы стороне много мог выиграть: сторона глухая, народ темный. А то слов-то умных не знает. Да и набраться-то негде. Уж хоть бы из стихов, что ли, выписывал.

(Подумав.) И диковина это, что случилось! В кого это он родился так белокур? Опять беда: нынче белокурые-то не в моде. Ну и нос… не то чтобы он курносый вовсе, а так мало как-то, чего-то не хватает. А понравиться хочется, особенно кабы богатой невесте. Уж так, бедный, право, старается — из кожи лезет. Кто ж себе враг! Сторона-то у нас такая, богатых невест очень много, а глупы ведь. Может, Мише и посчастливится по их глупости. Умишком-то его очень бог обидел.

Бальзаминов кричит из кухни: «Маменька, я хочу а ля полька завиться!»

Глупенький, глупенький! Зачем ты завиваешься-то? Волосы только ерошишь да жжешь, все врозь смотрят. Так-то лучше к тебе идет, натуральнее! Ах ты, Миша, Миша! Мне-то ты мил, я-то тебя ни на кого не променяю; как-то другим-то понравишься, особенно богатым-то? Что-то уж и не верится! На мои-то бы глаза лучше и нет тебя, а другие-то нынче разборчивы. Поговорят с тобой, ну и увидят, что ты умом-то недостаточен. А кто ж этому виноват? *(Вздыхает.)* Глупенький ты мой! А ведь, может быть, и счастлив будет. Говорят, таким-то бог счастье дает. *(Вяжет чулок.)*

Бальзаминов в халате вбегает из кухни.

Явление второе

Бальзаминов, Бальзаминова и Матрена.

Бальзаминов *(держась за голову).* Ухо, ухо! Батюшки, ухо!

Матрена *(в двери; со щипцами).* Я ведь не полихмахтер, с меня что взять-то!

Бальзаминов. Да ведь я тебя просил волосы завивать-то, а не уши.

Матрена. А зачем велики отрастил! Ин шел бы к полихмахтеру; а с меня что взять-то! *(Уходит.)*

Бальзаминов. Батюшки, что ж мне делать-то! *(Подходит к зеркалу.)* Ай, ай, ай! Почернело все!.. Уж больно-то, нужды б нет, как бы только его волосами закрыть, чтобы не видно было.

Бальзаминова. За дело!

Бальзаминов. Какое, задела! Так горячими-то щипцами все ухо и ухватила… Ой, ой, ой! Маменька! Даже до лихорадки… Ой, батюшки!

Бальзаминова. Я говорю, Миша, за дело тебе. Зачем завиваться! Что хорошего! Точно как цирульник; да и грех. Уж как ни завивайся, лучше не будешь.

Бальзаминов. Как вы, маменька, мне счастья не желаете, я не понимаю. Как мы живем? Просто бедствуем.

Бальзаминова. Так что ж! Зачем же волосы-то портить?..

Бальзаминов. Да ведь нынче праздник.

Бальзаминова. Так что ж, что праздник?

Бальзаминов. Как что? Здесь сторона купеческая; может такой случай выйти… Вдруг…

Бальзаминова. Все у тебя глупости на уме.

Бальзаминов. Какие же глупости?

Бальзаминова. Разумеется, глупости. Разве хорошо? Растреплешь себе волосы, да и пойдешь мимо богатых купцов под окнами ходить. Как-нибудь и беды наживешь. Другой ревнивый муж или отец вышлет дворника с метлой.

Бальзаминов. Ну, что ж такое? Ну, вышлет; можно и убежать.

Бальзаминова. Незачем шататься-то.

Бальзаминов. Как незачем? Разве лучше в бедности-то жить! Ну, я год прохожу, ну два, ну три, ну пять — ведь также у меня время-то идет, — зато вдруг…

Бальзаминова. Лучше бы ты служил хорошенько.

Бальзаминов. Что служить-то! Много ли я выслужу? А тут вдруг зацепишь мильон.

Бальзаминова. Уж и мильон?

Бальзаминов. А что ж такое! Нешто не бывает.

Вы сами ж сказывали, что я в сорочке родился.

Молчание.

Ах, маменька, не поверите, как мне хочется быть богатым, так и сплю, и вижу. Кажется… эх… разорвался бы! Уж так хочется, так хочется!

Бальзаминова. Дурное ли дело!

Бальзаминов. Ведь другой и богат, да что проку-то: деньгами не умеет распорядиться, даже досадно смотреть.

Бальзаминова. А ты умеешь?

Бальзаминов. Да, конечно, умею. У меня, маменька, вкусу очень много. Я знаю, что мне к лицу. *(Подбегает к окну.)* Маменька, маменька, поглядите!

Бальзаминова. Нужно очень!

Бальзаминов. Какая едет-то! Вся бархатная! *(Садится у окна, повеся голову.)* Вот кабы такая влюбилась в меня да вышла за меня замуж, что бы я сделал!

Бальзаминова. А что?

Бальзаминов. А вот: во-первых, сшил бы себе голубой плащ на черной бархатной подкладке. Надо только вообразить, маменька, как мне голубой цвет к лицу! Купил бы себе серую лошадь и беговые дрожки и ездил бы по Зацепе, маменька, и сам правил…

Бальзаминова. Все-то вздор у тебя.

Бальзаминов. Да, я вам и забыл сказать, какой я сон видел! Вот разгадайте-ка.

Бальзаминова. Ну, говори, какой?

Бальзаминов *(берет стул и садится подле матери).* Вот, вдруг я вижу, будто я еду в хорошей коляске и одет будто я очень хорошо, со вкусом: жилетка будто на мне, маменька, черная, с мелкими золотыми полосками; лошади будто серые, а еду я подле реки…

Бальзаминова. Лошади — ложь; река — речи, разговор.

Бальзаминов. Слушайте, маменька, что дальше было. Вот, вижу я, будто кучер меня уронил, во всем-то в новом платье, и прямо в грязь.

Бальзаминова. Грязь — это богатство.

Бальзаминов. Да какая грязь-то, маменька! Бррр… И будто я в этом… весь перепачкался. Так я и обмер! Во всем-то в новом, вообразите!

Бальзаминова. Это… золото. Это тебе к большому богатству.

Бальзаминов. Кабы сбылось! Хоть бы вот насмех один сон сбылся! Уж сколько я таких снов видел: и денег-то у меня много, и одет-то я очень хорошо — проснешься, хвать, ан нет ничего. Один раз генералом себя видел. Как обрадовался! Нет!

Перестану верить снам.

Бальзаминова. Как можно не верить.

Бальзаминов. Нет, нет! Один обман…

Бальзаминова. А вот подождем. Праздничный сон — до обеда сбывается: коли до обеда не сбудется, так ничего не будет, — надобно его совсем из головы выкинуть.

Бальзаминов. Я, маменька, оденусь да пойду погуляю. *(Уходит.)*

Бальзаминова. А сон-то в самом деле хорош. Чего не бывает на свете! Может быть, и ему счастье выйдет.

Матрена *(в дверях).* Какая-то старуха, русачка, вас спрашивает.

Бальзаминова. Ну, позови!

Матрена уходит.

Что ей от меня нужно? Право, не придумаю. Уж не сваха ли?

Красавина входит.

Явление третье

Красавина и Балъзаминова.

Бальзаминова. Садитесь, матушка!

Красавина садится.

Что вам угодно?

Красавина. Аль не узнали?

Бальзаминова. Не признаю, матушка.

Красавина. Уж, кажется, нашу сестру из тысячи выберешь. Видна сова по полету. Где сын-то?

Бальзаминова. Одевается.

Красавина. Ну, уж кавалер, нечего сказать! С налету бьет! Крикнул это, гаркнул: сивка, бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой! В одно ухо влез, в другое вылез, стал молодец молодцом. Сидит королевишна в своем новом тереме на двенадцати венцах. Подскочил на все двенадцать венцов, поцеловал королевишну во сахарны уста, а та ему именной печатью в лоб и запечатала для памяти.

Бальзаминова. Теперь, матушка, понимаю. Миша, Миша!

Бальзаминов входит во фраке.

Явление четвертое

Те же и Бальзаминов.

Красавина. Красота моя неописанная! Младой вьюнош, чем дарить будешь?

Бальзаминов. Кого?

Красавина. Меня.

Бальзаминов. За что?

Красавина. Много будешь знать, скоро состареешься. Ты подарок-то готовь.

Бальзаминов *(сконфузившись).* Чем тебя дарить-то? *(Шарит в карманах.)* Право… эх… ничего-то у меня нет.

Красавина. На нет — суда нет. Теперь нет, после будет. Смотри же, уговор лучше денег. Мне многого не надо, ты сам человек бедный, только вдруг счастье-то тебе такое вышло. Ты мне подари кусок материи на платье да платок пукетовый, французский.

Бальзаминов. Да уж хорошо, уж что толковать!

Красавина. Что разгорячился больно! Надо толком поговорить. Ты свое возьмешь, и мне надо свое взять. Так смотри же, французский. А то ты подаришь, пожалуй, платок-то по нетовой земле пустыми цветами.

Бальзаминов. Да уж все, уж все, только говори.

Красавина. Аль сказать?

Бальзаминов. Говори, говори! Маменька, вот сон-то!

Бальзаминова. Да, Миша.

Красавина. Разве видел что?

Бальзаминов. Видел, видел.

Красавина. Ну, вот тебе и вышло.

Бальзаминов. Да что вышло-то?

Красавина. Ишь ты какой проворный! Так тебе вдруг и сказать! Вы хоть бы меня попотчевали чем-нибудь. Уж, одно слово, обрадую.

Бальзаминов. Маменька, что ж вы сидите в самом деле! Всего-то один сын у вас, и то не хлопочете об его счастье!

Бальзаминова. Что ты, с ума, что ли, сошел!

Бальзаминов. Да как же, маменька! Сами теперь видите, какая линия мне выходит. Вдруг человеком могу сделаться… Поневоле с ума сойдешь.

Бальзаминова. Чаю не хотите ли?

Красавина. Пила, матушка, раза четыре уж нынче пила. Форму-то эту соблюдаешь, а проку-то от него немного.

Бальзаминова. Так не прикажете ли водочки?

Красавина. Праздничный день — можно. Я от добра не отказываюсь; во мне нет этого.

Бальзаминова *(достает из шкафа водку).* Матрена! Сбегай в лавочку, возьми колбасы.

Матрена из кухни: «Что бегать-то, коли дома есть!»

Так подавай поскорее.

Матрена из кухни: «Подам! над нами не каплет».

Бальзаминов. Ведь вот удавить Матрену —

ведь мало.

Бальзаминова идет в кухню и приносит на двух тарелках хлеб и колбасу и ставит на стол.

Бальзаминова. Кушайте.

Красавина. Я ни от чего не отказываюсь. Все добро, все на пользу. Ничем не брезгаю. В одном доме хотели надо мной насмешку сделать, поднесли вместо водки рюмку ладиколону.

Бальзаминова. Скажите! Какая насмешка!

Красавина. Ничего. Я выпила да еще поблагодарила. От него ведь вреда нет, от ладиколону-то. С праздником! *(Пьет и закусывает.)*

Бальзаминова. Кушайте на здоровье! Как вас звать?

Красавина. Акулина Гавриловна. Между народом-то Говорилихой прозвали, так Говорилихой и кличут.

Бальзаминов. Чем же, Акулина Гавриловна, обрадуете?

Красавина. Будто не знаешь! Ты ведь заполонил-то, так должен знать.

Бальзаминов. Право, не знаю.

Красавина. Каков молодец! Ох, глаза твои плутовские, больно завистливы! Высоко глаза-то закидываешь! А девка-то теперь сохнет, по стенам мечется. Видит беду неминучую, за Го-

ворилихой сейчас: «Выручай, Говорилиха!» — А Говорилихе-то и на руку. Посольскую должность мне не в первый раз править. Ноги с подходом, голова с поклоном, язык с приговором.

Бальзаминов. Да от кого?

Красавина. От кого! Тебе все скажи. Сам догадайся. Где с утра до ночи основу-то снуешь, аль не знаешь? Он-то ходит под окнами манирует, а она ему из второго этажа пленирует.

Бальзаминов. Так неужто Ничкина?

Красавина *(ударив рукой по столу).* В самую центру!

Бальзаминов *(ухватив себя за голову, вскакивает).* О-ох, маменька! *(Стоит в оцепенении.)*

Бальзаминова. Что с ним?

Красавина. От любви. Еще хуже бывает. Любовь — ведь она жестокая для сердец. Нет ее ужасней. За неверность кровь проливают.

Бальзаминов. Ах! *(Садится на стул.)*

Бальзаминова. С чем же они, матушка, вас к нам прислали, с каким предложением?

Красавина. Насчет знакомства. Надо прежде познакомиться.

Бальзаминова. Разумеется.

Бальзаминов. Познакомиться! Боже мой!

Бальзаминова. Как же, матушка, это сделать?

Красавина. А вот пошлите молодца-то ужо, после вечерен, будто попроситься в сад погулять, да вечером и приходите, — они вас деликатным манером пригласят чай кушать.

Бальзаминова. Ну, и прекрасно, мы так и сделаем.

Бальзаминов. Маменька, я с ума сойду! Мне уж что-то казаться начинает.

Бальзаминова. Глупенький, глупенький!

Красавина. Любовь действует. Так что ж мне своим-то сказать?

Бальзаминова. Миша что скачать?

Бальзаминов. Скажи, что я умираю от любви; что, может быть, умру к вечеру.

Бальзаминова. Ну, что за глупости ты говоришь.

Красавина. Зачем умирать! Надо жить, а мы на вас будем радоваться!

Бальзаминов. Нет, нет, пускай сберут все розы и лилеи и насыплют на гроб мой.

Бальзаминова. Эх, Миша, уж не говорил бы ты лучше, не стыдил бы ты меня!.. Так мы придем. А позвольте спросить… конечно, еще все это, как бог даст, а все-таки интересно знать, как насчет приданого?

Красавина. Золотая невеста! У нее своих денег

— после отца достались — триста тысяч серебра.

Бальзаминов *(вскочив).* Охо, хо, хо! *(Ходит по комнате.)*

Красавина. Ишь его схватывает!

Бальзаминова. Что это ты, Миша, не умеешь вести себя!.. Уж извините его, — от радости.

Красавина. Обрадуешься! Деньги-то деньгами, да и собой-то уж очень красавица: телом сахар, из себя солидна, во всей полноте; как одевается, две девки насилу застегнут. Даже несколько совестится. Чего же, я говорю, совеститься, коли бог дал. Аккурат пельсик. Ну, прощайте! Вечерком увидимся.

Бальзаминова. Прощайте! На дорожку-то. *(Наливает.)*

Красавина. И то выпить; об одной-то хромать будешь. *(Пьет и закусывает.)* Прощай, победитель!

Бальзаминов. Прощай! *(Кидается к ней на шею.)*

Красавина. Рад, рад, уж вижу, что рад; только смотри, под силу ль дерево-то рубишь? Ну, прощай, развозжай, разиня уж уехал. *(Уходит.)*

Бальзаминова провожает ее до кухни и возвращается.

Явление пятое

Бальзаминов, Бальзаминова и потом Матрена.

Бальзаминов. Где мой крандаш, где мой крандаш?

Бальзаминова. На что тебе крандаш?

Бальзаминов. Надо, маменька. Матрена! Матрена!

Матрена входит.

Где мой крандаш?

Матрена. А я почем знаю. Какой же ты писарь после этого, когда крандаш потерял.

Бальзаминов. Писарь! писарь!

Матрена. Ведь крандаш у тебя все равно что у солдата ружье. Так нешто солдаты ружья теряют?

Бальзаминов. Какой я писарь! Я скоро барин буду.

Матрена. Ты барин? Непохоже.

Бальзаминов. А вот увидишь, как триста тысяч получу.

Матрена. Триста тысяч! Не верю. У кого ж это такие деньги бешеные, чтоб за тебя триста тысяч дали. Да ты их счесть-то не умеешь.

Бальзаминов. Ну, да что с тобой разговаривать! Ты ничего не понимаешь.

Матрена. Где понимать! А еще жених, жениться хочет, а сам крандаш потерял. Бесстыдник!

Бальзаминов *(шарит в боковом кармане).* Вот он, нашел.

Бальзаминова. Ну, что ж будет?

Бальзаминов. А вот сейчас. *(Берет с комода бумажку и садится у стола.)* Я теперь получаю жалованья сто двадцать рублей в год, мы их и проживаем; а как будет триста тысяч *(пишет триста тысяч),* так если по тысяче в год… все-таки мне на триста лет хватит.

Матрена *(всплеснув руками).* Батюшки!

Бальзаминова. Неужли ж ты триста лет хочешь прожить!..

Бальзаминов. Ну, позвольте! Если по две в год *(пишет),* все на полтораста лет хватит.

Бальзаминова. Ты рехнулся совсем.

Бальзаминов. Что ж, маменька, при хорошей-то жизни, может быть и проживешь.

Матрена. Как не прожить!

Бальзаминов. Ах, я о процентах-то и забыл. Сколько, маменька, процентов с трехсот тысяч?

Бальзаминова. Да, чай, тысяч двенадцать.

Бальзаминов. Кажется, маменька, с чем-то двенадцать тысяч.

Матрена. С денежкой.

Бальзаминов. С какой денежкой! Что ты врешь!

Матрена. Что считать-то, чего нет. Смотреть-то скучно. Ты вот сочти лучше: девять веников, по денежке веник, много ли денег? И того не счесть. *(Уходит.)*

Бальзаминов *(встает).* Пойду погулять, пусть немного ветром обдует; а то уж очень много мыслей в голове об жизни.

Бальзаминова. Ты бы пока слова-то подбирал, какие ужо говорить с невестой.

Бальзаминов. А вот я во время прогулки и буду слова подбирать.

Бальзаминова. А я платье приготовлю, надо ужо одеться хорошенько.

Уходят.

Картина вторая

В доме купчихи Ничкиной: богатая купеческая гостиная, хорошо меблированная; рояль.

Явление первое

Ничкина в широкой блузе, Капочка тоже и Маланья входят.

Ничкина. Как жарко! А пообедаешь, так еще пуще разморит… так разморит… разморин такой нападет, не глядела б ни на что! *(Садится на диван.)*

Капочка. Давай, Малаша, споем.

Ничкина. Ну вас, и так жарко.

Капочка. Мы, маменька, потихоньку. *(Садится за рояль.)*

Капочка и Малаша запевают: «Вот на пути село большое». Немного погодя Ничкина пристает к ним.

Ничкина *(перестав петь).* Бросьте, а то и меня взманили. Устала.

Капочка. Что это, маменька, как вы капризны! Вдруг на меня нашла фантазия петь, а вы не даете.

Ничкина. Да жарко, Капочка.

Капочка. В другой раз сами будете просить, а у меня фантазии не будет. Кто ж виноват, что вам жарко. Это даже довольно странно с вашей стороны!

Ничкина. Ну, уж ты!

Капочка. Чем же мне развлекаться прикажете? Кавалеров у нас не бывает. Только и делаем, что по целым дням с Малашей в окно глядим. Вы, пожалуй, и этого не позволите.

Ничкина. Делай что хочешь, только не тревожь ты меня.

Устинька входит в шляпке.

Явление второе

Те же и Устинька[1].

Устинька. Здравствуйте, Клеопатра Ивановна!

Ничкина. Здравствуй, Устинька! Что, жарко на дворе?

Устинька. Жарко.

Ничкина. Что это за наказанье!

Устинька. Здравствуй, Капочка! *(Снимает шляпку.)* Сейчас видела твой предмет, ходит по набережной в забвении чувств.

---

[1] Примечания: 1

Устинька немного картавит. *(Прим. авт.)*

Капочка. Ах! Одно сердце страдает, а другое не знает.

Устинька. Что же, Клеопатра Ивановна, вы посылали к нему Гавриловну?

Ничкина. Да… вот… баловница я. И не надо б мне вас слушать-то, а я послала нынче. Кто меня похвалит за это! Всякий умный человек заругает. Да вот пристала, ну я по слабости и послушалась. Кто его знает, какой он там! Придет в дом… как жених… страм.

Устинька. Над сердцем нельзя шутить.

Маланья. В сердце-то замирание бывает, сударыня.

Ничкина. Какое сердце! Так, с жиру… Знаем мы это сердце-то… сама была в девках… Другая б строгая мать-то пришила б хвост-то тебе, да сама б нашла жениха-то хорошего, а не сволочь какую-нибудь.

Устинька. Нынче уж тиранство-то не в моде.

Ничкина. Какое тиранство! Не то что тиранство, у меня и рассудку-то не хватает… да и жарко-то… Батюшки!.. говорить-то, и то тяжело… так уж и махнула рукой — что хочет, то и делает.

Устинька. Самые нынешние понятия.

Капочка. А в чахотку-то, маменька, разве не приходят от родителей?

Устинька. Разве есть законы для чувств?

Капочка. Разве не бегают из дому-то в слуховое окно?

Устинька. Или в форточку.

Маланья. А то и в подворотню, барышня.

Ничкина. Так-то так… да уж и воли-то вам большой дать нельзя… с вами стыда-то и не оберешься… на все Замоскворечье…

Устинька. Однако какой сюжет вы об нас имеете! Мы, кажется, себя ничем не доказали с такой стороны.

Капочка. Уж маменька скажет словечко — одолжит. Вот этак при людях отпечатает, ведь осрамит, куда деться от стыда! Подумают, что мы и в самом деле такие.

Ничкина. Разве нет баловниц-то? Неправду, что ль, я говорю?

Устинька. Хотя и есть, но все-таки это до нас не относится.

Капочка. Все больше от родителей, потому что запирают.

Ничкина. Нельзя и не запирать-то… вас…

Устинька. Напрасно так полагаете. Одно суеверие.

Капочка. Никакого толку-то нет от запиранья.

Ничкина. Все-таки спишь спокойнее… не дума-

ется… не то, что на свободе.

Капочка, Устинька и Маланья хохочут.

Чему вы смеетесь-то? Известно, присмотр лучше… Без присмотру нельзя.

Капочка, Устинька и Маланья хохочут.

Чему вы?

Капочка. Своему смеху.

Ничкина. Что вы меня насмех, что ли, подымаете? Не глупей я вас… Батюшки, жарко! *(Маланье.)* Ты чему, дура?

Маланья. Я на барышень глядя.

Устинька. Да как же не смеяться? Разве можно за девушкой усмотреть! Что вы говорите-то!

Капочка. Хоть тысяча глаз гляди, все равно.

Ничкина. Есть чем хвалиться! Куда как хорошо!

Устинька. Мы и не хвалимся и совсем это не про себя говорим; напрасно вы так понимаете об нас. Мы вообще говорим про девушек, что довольно смешно их запирать, потому что можно найти тысячу средств… и кто ж их не знает. А об нас и разговору нет. Кто может подумать даже! Мы с Капочкой оченно себя знаем и совсем не тех правил. Кажется, держим себя довольно гордо и деликатно.

Ничкина. Случаю-то вам нет…

Устинька. Ах, боже мой! Разве можно так обижать девушек!

Капочка. Да ведь маменька судит по-старому, как в ее время было.

Ничкина. Да разве давно это время было-то!

Устинька. Нынче уж девушки стали гораздо благороднее во всех направлениях.

Капочка. Уж я не знаю, что вы говорите, маменька. Неужели я, при всей моей кротости в жизни, не могла угодить вам?

Ничкина. Ах, отстаньте от меня, и без вас тошно! Куда деться-то от жару? Батюшки!

Маланья. Шли бы, сударыня, на погребицу.

Ничкина. И то на погребицу.

Входит Красавина.

Явление третье

Те же и Красавина.

Красавина. Здравствуйте! Все справила и ответ принесла. Что, Калюпатра Ивановна, аль неможется?

Ничкина. Ничего… Садись… только подальше, а то жарко…

Капочка. Какой же ответ?

Красавина. Загорелось! И подождешь, не велика важность. *(Ничкиной.)* Коли жарко, ты бы

пивца велела подать с леднику: говорят, прохлаждает.

Ничкина. Все говорят — прохлаждает… ничего не прохлаждает.

Красавина. А то чайку…

Ничкина. Ничего не прохлаждает… Поди, Маланья, поставь самовар.

Маланья уходит.

Устинька. Но, однако, скажите, вы должны же дать ответ об том, зачем вас посылали.

Красавина. А мой ответ будет короткий. По щучьему веленью, по моему прошенью, извольте снаряжаться, — к вечеру гости будут.

Ничкина. Ты чего лишнего не сболтнула ли?

Красавина. Ничего я лишнего не сказала; сказала только: пожалуйте в наш сад вечером погулять, вишенье, орешенье щипать. Он так обрадовался, ровно лунатик какой сделался.

Капочка. Ах, я боюсь.

Устинька. Чего же ты боишься, душа моя? Довольно непонятно для меня.

Капочка. Я всегда боюсь мужчин, особенно в кого влюблена.

Красавина. Что его бояться-то, не укусит.

Капочка. Уж лучше б они прямо говорили; а то заведут такие разговоры, издалека, не знаешь,

что отвечать.

Красавина. Как можно прямо-то! Нехорошо! Стыдно! Известно, для прилику нужно сначала об чем-нибудь об другом поговорить.

Капочка. Отчего же не сказать прямо, когда что чувствуешь. Ах, Устинька, я ужасть как боюсь. Ну, сконфузишься? Я никак не могу воздержать своих чувств… Вдруг могу сделать что-нибудь… могу все чувства потерять…

Устинька. Не бойся, я буду с тобой. Я уж тебя не выдам.

Говорят шепотом.

Ничкина. Нового нет ли чего?

Красавина. Что бы тебе новое-то сказать? Да вот, говорят, что царь Фараон стал по ночам из моря выходить, и с войском; покажется и опять уйдет. Говорят, это перед последним концом.

Ничкина. Как страшно!

Красавина. Да говорят, белый арап на нас подымается, двести миллионтов войска ведет.

Ничкина. Откуда же он, белый арап?

Красавина. Из Белой Арапии.

Ничкина. Как будет на свете-то жить! Такие страсти! Времена-то такие тяжелые!

Красавина. Да говорят еще, какая-то комета ли, планида ли идет; так ученые в митроскоп смот-

рели на небо и рассчитали по цифрам, в который день и в котором часу она на землю сядет.

Ничкина. Разве можно знать божью планиду! У всякого человека есть своя планида… Батюшки, как жарко! Разделась бы, да нельзя — праздничный день, в окошки народ смотрит; в сад войдешь — соседи в забор глядят.

Красавина. А ставни закрыть.

Маланья входит.

Маланья. Братец приехал.

Ничкина. Батюшки! В такой жар…

Капочка. Как бы, маменька, он у нас дела не расстроил! Дяденька такой необразованный!

Устинька. Уж какие могут быть понятия, из степи приехал!

Ничкина. Не из степи, а из Коломны.

Устинька. Все равно, одно образование, один вкус.

Капочка. Маменька, вы ему командовать-то не давайте.

Ничкина. Разве с ним сговоришь!

Капочка. Вот наказанье-то!

Устинька. Нет, вообрази, что может Бальзаминов подумать о вас, видя такое невежество!

Ничкина *(Маланье).* Поди проводи его прямо в столовую. Да обедать подать, — чай, с дороги-то

есть захочет. Пойти принять его.

Ничкина, Маланья и Красавина уходят.

Явление четвертое

Капочка и Устинька.

Капочка. Вот принесло вовремя! Теперь все в доме на русский манер пойдет. Ах, я чувствую свою судьбу; расстроит он маменьку. Ну, как он да научит маменьку отдать меня за купца с бородой! Тогда я умру от любви.

Устинька. Зачем такие жестокие слова говорить!

Капочка. Нет, Устинька, ты не знаешь моего сердца! Мое сердце самое горячее к любви.

Устинька. Капочка, скажи, душка, как ты влюбилась? Я ужасть как люблю открытия в любви от своих подруг.

Капочка. Ах! одна минута — и навек все кончено! Шла я вечером откуда-то с Маланьей, вдруг нам навстречу молодой человек, в голубом галстуке; посмотрел на меня с такой душой в глазах, даже уму непостижимо! А потом взял опустил глаза довольно гордо. Я вдруг почувствовала, но никакого виду не подала. Он пошел за нами до дому и раза три прошел мимо окон. Голубой цвет так идет к нему, что я уж и не знаю, что со

мной было!

Устинька. Знаков он тебе никаких не показывает, когда ходит мимо?

Капочка. Нет. Только всегда так жалко смотрит, как самый постоянный.

Устинька. И часто ходит?

Капочка. Ах, Устинька, каждый день. Ах!.. Разве уж очень грязно…

Устинька. Это значит, он просто сгорает… И должно быть, самый, самый пламенный к любви.

Капочка. Ах! Я не знаю, что со мной будет, когда я его увижу! Для моих чувств нет границ.

Устинька. Однако все-таки нужно себя удерживать немного.

Капочка. Ах! Сверх сил моих.

Неуеденов, Юша и Ничкина входят.

Явление пятое

Капочка, Устинька, Ничкина, Неуеденов и Юша.

Капочка. Здравствуйте, дяденька! *(Подходит и целует дядю.)*

Устинька кланяется.

Юша. Здравствуйте-с. *(Подходит к Капочке, кланяется, целуются три раза, опять кланяется и встряхивает головой; так же и с Устинькой.*

Потом садится в углу на самый последний стул и сидит потупя глаза.)

Неуеденов. Как живешь, Капочка? *(Садится.)*

Капочка. Слава богу, дяденька. Покорно вас благодарю.

Неуеденов. Весело ли?

Капочка. Ничего, весело-с.

Неуеденов. Женихи есть ли? Чай, так у ворот на разные голоса и воют.

Устинька. Какой разговор!

Неуеденов. А что ж разговор! Чем, барышня, нехорош?

Устинька. Неприлично при барышнях так говорить; нынче не принято.

Неуеденов. Да-с! Я ведь с племянницей разговариваю, а до других прочих мне дела нет. *(Ничкиной.)* Чья такая?

Ничкина. Подруга Капочки.

Неуеденов. Из благородных, что ль?

Ничкина. Нет, из купеческих.

Неуеденов. Ну, так невелика птица… А ведь и то, сестра, жарко.

Ничкина. И то, братец, жарко.

Неуеденов. Юфим!

Юша подходит.

На-ка, возьми мой кафтан-то. *(Снимает каф-*

тан.) Снеси его к нам в комнату.

Юша берет и уходит.

Устинька. Какое необразование!

Неуеденов. Ничего-с! Не взыщут!

Ничкина. Вы, братец, соснуть не хотите ли?

Неуеденов. Нет. Я б теперь орешков пощелкал. А потом можно и соснуть.

Ничкина. Маланья!

Входят Маланья и Юша.

Принеси поди братцу орехов.

Неуеденов. Юфим! Поди поищи на дворе камень; поглаже выбери, да потяжеле.

Юша уходит.

Капочка. Зачем вам, дяденька, камень?

Неуеденов. Что ты испугалась? Небось! я орехи…

Устинька. Боже мой!

Входит Маланья с орехами.

Ничкина. Пожалуйте, братец.

Маланья подносит ему орехи на тарелке.

Неуеденов. Поставь на окно. *(Подходит к окну, открывает и садится против него.)*

Маланья ставит орехи на окно, Юша входит с камнем.

Подай сюда!

Юша подает.

Здесь-то лучше продувает. *(Кладет на окно по ореху и по два и разбивает их камнем.)*

Капочка. Дяденька, что это вы с камнем-то у окна сидите! Вы этак испугаете у меня жениха, когда он пойдет.

Неуеденов *(продолжая колотить орехи).* Какого жениха?

Ничкина. Да… вот… такая жара, а мы сватовство затеяли… какая теперь свадьба… в такой жар…

Неуеденов. А вот дай срок, я посмотрю, что за жених.

Капочка *(берет дядю за плечи).* Дяденька, право, испугаете!

Неуеденов. Поди прочь! *(Продолжает стучать.)*

Капочка подходит к Устиньке, обнимается с ней и смотрит с презреньем на дядю.

Капочка. Какой страм!

Устинька. Какое невежество!

Картина третья

Сад: направо сарай с голубятней и калитка; прямо забор и за ним деревья другого сада; налево беседка, за беседкой деревья; посередине сцены, в кустах, стол и скамейки; подле сарая куст и скамейка.

Явление первое

Капочка, Устинька и Юша входят.

Капочка. Ох! Ох! Я умру!

Устинька. Что ты так вздыхаешь! Смотри, что-нибудь лопнет.

Капочка. Ох! Он сейчас придет.

Устинька. Разумеется, придет. Его маменька пошла к твоей, а он сюда придет.

Капочка. Ох!

Юша. Что, это голубятня у вас?

Капочка. Ох! голубятня.

Юша. Так первым долгом слазить надоть, проминовать нельзя. *(Уходит.)*

Устинька. Ну, и прекрасно; а то он только мешает.

Бальзаминов входит в калитку.

Капочка. Ах, идет!

Гуляют, обнявшись, по авансцене, как будто не замечая его.

Явление второе

Те же и Бальзаминов.

Бальзаминов *(несколько времени ходит молча, потом встречается будто нечаянно с Капочкой и Устинькой).* Здравствуйте-с. *(Кланяется.)*

Капочка и Устинька кланяются и идут дальше. Бальзаминов за ними.

Какой приятный запах у вас в саду.

Устинька. Да-с.

Бальзаминов. Продаете яблоки или сами кушаете?

Капочка. Сами-с.

Юша показывается на голубятне.

Бальзаминов. Я когда-нибудь ночью приду к вам в сад яблоки воровать.

Капочка. Ах!

Устинька. У них собаки злые.

Бальзаминов. Как прикажете понимать ваши слова?

Устинька. Слова эти совсем не до вас касаются, а до воров; вы и так завсегда можете здесь гулять, вам завсегда будут рады.

Капочка. Да-с.

Бальзаминов. Покорнейше вас благодарю за ваше приглашение.

Устинька. Здесь в окружности ужасть как мало хороших кавалеров для знакомства с барышнями.

Капочка. И всего только двое: Толкачев да Кирпичев.

Устинька. Какие же это кавалеры? Разве хорошая девушка может иметь с ними знакомство или любовь. Себя страмить! Один — антриган, все говорит из-под политики и в насмешку; другой — антиресан, знакомится с дамами из антиресу. Вы лучше всех.

Капочка. Да-с.

Устинька. Вот вам от нас привелегия!

Бальзаминов. Я даже не знаю, как вас благодарить за все ваши снисхождения!

Капочка садится на скамейку с правой стороны. Устинька стоит подле нее. Бальзаминов поодаль.

Капочка *(Устиньке тихо).* Что он говорит? Уж лучше б прямо.

Устинька *(тихо).* А вот погоди, я ему сейчас скажу.

Капочка *(тихо).* Ах, не говори.

Устинька. Нельзя же! *(Подходит к Бальзаминову и отводит его в сторону.)* Капочка просила вам сказать, чтобы вы были с ней посмелее, а то она сама очень робка. Вы ничего, не конфузьтесь, у нас просто. А я пойду постерегу: как войдет кто, я дам вам знать. Что же вы стоите! Ступайте к ней скорей.

Бальзаминов *(откашливается).* Гм… Гм… Сейчас. *(Стоит.)*

Устинька. Сейчас, а сами ни с места. *(Толкает его.)* Ступайте скорей, а то помешают.

Бальзаминов. Гм… Гм… *(Громко.)* Гм… Сейчас.

Устинька. Это даже неучтиво с вашей стороны — заставлять себя дожидаться.

Бальзаминов. Сейчас-с! *(Медленно идет к Капочке.)*

Устинька становится у калитки.

Капочка *(Бальзаминову).* Садитесь!

Бальзаминов садится довольно далеко от Капочки, смотрит в землю и изредка откашливается.

Капочка смотрит на забор. Юша наблюдает за ними с голубятни. Довольно долгое молчание.

Бальзаминов. Что вам лучше нравится, зима или лето?

Капочка. Лето лучше-с. Летом можно гулять.

Бальзаминов. А зимой кататься.

Капочка. Летом всякие цветы расцветают.

Бальзаминов. А зимой очень весело на святках и на масленице.

Капочка. А летом весело в семик-с.

Бальзаминов. Вы на масленице с которого дня начинаете кушать блины?

Капочка. Со вторника-с… А летом всякие ягоды поспевают.

Молчание. Бальзаминов тянется к Капочке, она к нему, целуются и потупляют глаза в землю.

Юша *(на голубятне).* Раз!

Устинька *(грозит ему).* Молчи!

Молчание.

Капочка. Какие ягоды вы больше любите?

Бальзаминов. А вы какие?

Капочка. Клубнику со сливками.

Бальзаминов. А я крыжовник.

Капочка. Вы шутите! Как можно крыжовник… он колется.

Бальзаминов. Я этого не боюсь-с. А вы разве боитесь-с?

Капочка. Ах! Что вы говорите? Я вас не понимаю.

Капочка начинает склоняться в сторону Бальзаминова, Бальзаминов в ее сторону; целуются и

опять опускают глаза в землю.

Юша *(с голубятни).* Два!

Устинька *(Юше).* Молчи, говорю я тебе.

Капочка. А вообще, что вы больше всего любите?

Бальзаминов. Вас-с. А вы?

Капочка. Можете сами догадаться.

Целуются.

Юша. Три! *(Бежит с голубятни.)*

Устинька *(подходит к Бальзаминову).* Подите за беседку. Когда можно будет, я вас позову.

Бальзаминов уходит за беседку.

Капочка. Ах, какой милый!

Устинька. Юша все с голубятни видел.

Капочка. Ах, он дяденьке скажет!

Устинька. Погоди, мы его уговорим.

Юша входит.

Капочка. Ты, Юша, смотри, никому не сказывай, что видел.

Устинька. Это нужды нет — целоваться, только сказывать не надо. Я, пожалуй, и тебя поцелую. *(Целует Юшу.)*

Капочка. И я. *(Целует.)*

Устинька. И еще поцелуем. *(Целует его с жаром.)*

Юша. Да не надо! *(Отсторанивает их руками.)*

Что пристали! Закричу! Ай! Ну вас! Ай! Пустите, я опять на голубятню пойду. Караул!

Устинька. Нет, уж я тебя не пущу на голубятню. Пойдем со мной в беседку.

Юша. Я, пожалуй, пойду, только не приставай, а то закричу.

Устинька берет его за руку и ведет в беседку.

Устинька *(подходя к беседке).* Выходите! Теперь можно.

Бальзаминов выходит из-за беседки.

Капочка. Ах, не подходите ко мне близко!

Бальзаминов. За что такие немилости-с?

Капочка. Мужчинам доверять никак нельзя.

Бальзаминов. Но я могу себя ограничить-с.

Капочка. Все так говорят; но на деле выходит совсем противное. Я мужчин не виню, для них все легко и доступно; но наша сестра всегда должна опасаться по своей горячности к любви. Ах! я вас боюсь! Лучше оставьте меня.

Бальзаминов. Какие жестокости для моего сердца!

Капочка. Оставьте, оставьте меня!

Бальзаминов. Умерла моя надежда и скончалася любовь!

Капочка. Ах, для чего только мы рождены с такою слабостью! Мужчина все может над на-

ми… ах!

Бальзаминов. Как же я могу без вашего расположения-с? *(Садится возле Капочки.)*

Капочка. Ах! Что вы со мной сделали!

Бальзаминов. Извините, я был вне себя-с.

Капочка. Что может противиться любви! *(Приклоняется к Бальзаминову. Целуются).* Навеки!

Устинька и Юша выходят из беседки.

Устинька. Идут, идут.

Капочка подходит к Устиньке. В калитку входят Ничкина, Бальзаминова и Маланья с чайным прибором, который ставит на стол.

Явление третье

Бальзаминов, Капочка, Устинька, Юша, Ничкина, Бальзаминова и Маланья.

Ничкина *(Маланье).* А самовар принесешь, когда братец встанет.

Маланья уходит.

(Бальзаминовой.) Сядемте… жарко. *(Садятся у стола. Бальзаминову.)* Садитесь с нами… побеседуемте!

Бальзаминов садится. Барышни и Юша тоже садятся возле стола.

(Капочке.) Ишь, как тебя стянули… в такой жар.

Устинька. Оставьте, вы конфузите.

Ничкина. Вы читаете газеты?

Бальзаминов. Читаю-с.

Бальзаминова. Он мне всякие новости рассказывает.

Ничкина. А мы не читаем… ничего не знаем… что там делается. Вот я у вас хотела спросить, не читали ли вы чего про Наполеона? Говорят, опять на Москву идти хочет.

Бальзаминов. Где же ему теперь-с! Он еще вновь, не успел еще у себя устроиться. Пишут, что все дворцы да комнаты отделывает.

Ничкина. А как отделает, так, чай, пойдет на Москву-то с двунадесять языков?

Бальзаминов. Не знаю-с. В газетах как-то глухо про это пишут-с.

Ничкина. Да вот еще, скажите вы мне: говорят, царь Фараон стал по ночам с войском из моря выходить.

Бальзаминов. Очень может быть-с.

Ничкина. А где это море?

Бальзаминов. Должно быть, недалеко от Палестины.

Ничкина. А большая Палестина?

Бальзаминов. Большая-с.

Ничкина. Далеко от Царьграда?

Бальзаминов. Не очень далеко-с.

Ничкина. Должно быть, шестьдесят верст… Ото всех от таких мест шестьдесят верст, говорят… только Киев дальше.

Юша. Царьград, тетенька, это — пуп земли?

Ничкина. Да, миленький. *(Пристально оглядывает Бальзаминова.)*

Бальзаминов *(жмется).* Что вы так на меня смотрите?

Ничкина. Узко как платье-то на вас сшито.

Бальзаминов. Это по моде-с.

Бальзаминова. Он у меня всегда по моде одевается.

Ничкина. Какая уж мода в такую жару?.. Чай, вам жарко… ну, а по улице-то ходить в таком платье, просто угореть можно.

Бальзаминов. Ничего-с. Покорно вас благодарю за внимание!

Молчание.

Ничкина. Двужильные лошади, говорят, бывают… и не устают никогда, и не надорвутся.

Устинька. Что за разговор об лошадях!

Ничкина. Так об чем же говорить-то?.. Ну, скажи, коли ты умна.

Устинька. Есть разные разговоры. А то вы разговариваете, а мы должны молчать. Куда как

приятно! Вот два самые благородные разговора — один: что лучше — мужчина или женщина?

Ничкина. Ну, уж нашла сравнение! Уж что женщина! Куда она годится! Курица не птица, женщина не человек!

Устинька. Ах нет, зачем же! Пускай мужчины защищают свое звание, а женщины свое; вот и пойдет разговор. А другой разговор еще антиресней. Что тяжеле: ждать и не дождаться или иметь и потерять?

Бальзаминова. Это самый приятный для общества разговор.

Ничкина. Уж этого я ни в жизнь не пойму.

Капочка. Что вы, маменька! Не страмите себя.

Входят Неуеденов и Маланья с самоваром, ставит его на стол и уходит.

Явление четвертое

Те же и Неуеденов[2].

Неуеденов. Соснул малым делом.

Ничкина. Братец, садитесь! Вот наши новые знакомые!

---

[2] Примечания: 2

Сидят в следующем порядке: справа, ближе к зрителям, на стуле Неуеденов; с правой стороны стола Ничкина и Бальзаминова; за столом Юша; слева, у стола, Капочка и Устинька; слева, ближе к зрителям, на стуле Бальзаминов. *(Прим. авт.)*

Неуеденов *(кланяется Бальзаминовой).* Здравствуйте!

Бальзаминова кланяется.

Здравствуйте, милостивый государь! *(Протягивает Бальзаминову руку, тот робко подает свою.)* Служить изволите? *(Садится.)*

Бальзаминов. Служу-с.

Неуеденов. Хорошее дело-с. Всякому свое-с: купец торгуй, чиновник служи, шатун шатайся.

Ничкина. Не угодно ли, господа, чайку?

Маланья подает на подносе.

Неуеденов. Я с вами буду, сударь, про наше дело купеческое говорить. Вот у меня сестра — она женщина богатая, а ведь глупая — с деньгами-то не знает, что делать. А в нашем, в купеческом деле — деньги важная вещь.

Устинька. Неужли только одним купцам деньги нужны?

Бальзаминов. Деньги всякому приятно иметь-с.

Неуеденов. Никому, сударь, и не запрещается. Кому приятно иметь, тот наживи.

Бальзаминова. Трудно наживать-то по нынешним временам.

Бальзаминов. Особенно если человек со вкусом-с, просто должен страдать. Хочется жить

прилично, а способов никаких нет-с. Вот хоть бы я…

Неуеденов. Зачем же жить-то прилично такому человеку, который не имеет способов деньги достать?

Бальзаминова. А коли человек не имеет способностей ни к службе, ни к чему, коли бог не дал, чем же он виноват?

Бальзаминов. Да-с. А в мечтах все представляется богатство и даже во сне снится; притом же вкусу много.

Неуеденов. А по-моему — такому человеку, который не умеет достать ничего, не то что в богатстве жить, а и вовсе жить незачем.

Бальзаминова. Куда ж их девать-то?

Неуеденов. В черную работу, землю копать. Это дело всякий умеет. Сколько выработал, столько и денег бери.

Бальзаминова. Этак будет на свете жить нельзя.

Устинька. Не у всех такие понятия.

Неуеденов. Какой, сударь, чин носите на себе?

Бальзаминов Первый-с.

Неуеденов. Ну, вам до генерала еще далеко. А много ли жалованья по своим трудам получаете?

Бальзаминов. Сто двадцать рублей-с.

Неуеденов. Это, по-нашему, значит: в одном кармане смеркается, а в другом заря занимается; по-татарски — ёк, а по-русски — нет ничего.

Ничкина. Маланья, прими чашки, я налью еще.

Маланья принимает пустые чашки. Ничкина наливает. Маланья разносит и отходит с подносом к стороне.

Неуеденов. Так вот, сударь, я уж вам говорил, что сестра у меня дура набитая.

Ничкина. Ну, уж… ты, братец… ну, право! С тобой не сговоришь… право, ну!

Неуеденов. Что ты нукаешь-то? — не запрягла еще… Так докладывал я вам, что сестра у меня глупа-с. Больше всего я боюсь, что она и зятя-то такого же дурака найдет, как сама. У баб волос долог, да ум короток. Тогда уж все дело брось.

Бальзаминова. У них такое состояние, что ввек и с зятем не прожить; а бедного человека могут осчастливить.

Неуеденов. Да ведь деньги-то ее муж наживал не для того. чтоб она их мотала да проживала с разными прожектёрами. На деньги-то надо дело делать. Купеческий капитал, сударыня, важное дело. Хороший-то купец, с большим капиталом,

и себе пользу делает, да и обществу вдвое.

Устинька. Не все наживать, надо когда-нибудь и проживать для своего удовольствия.

Неуеденов. А разве мы не проживаем! Да проживать-то надобно с толком. Я, сударь мой, вот за сестру теперь очень опасаюсь. Подвернется ей фертик во фрачке с пуговками или какой с эполетками, а она, сдуру-то, и обрадуется, как невесть какому счастью. Дочь-то отдаст — нужды нет, а вот денег-то жалко…

Ничкина. Да, братец, точно жалко.

Капочка. Вы, кажется, маменька, меня уморить хотите?

Устинька. Сказали, да и на попятный.

Неуеденов. Да ведь, Капочка, у них совести очень мало. Другой сунется в службу, в какую бы то ни на есть, послужит без году неделю, повиляет хвостом, видит: не тяга — умишка-то не хватает, учился-то плохо, двух перечесть не умеет, лень-то прежде его родилась, а побарствовать-то хочется: вот он и пойдет бродить по улицам да по гуляньям, — не объявится ли какая дура с деньгами. Так нешто честно это?

Ничкина *(тихо).* Перестаньте, братец… поймут.

Неуеденов. Ничего, я обиняком. А по-моему,

так и грех таким людям денег-то дать. Наши деньги-то на распутство пойдут да на важность глупую. Нос-то подымет, станет издеваться да величаться над своим братом, который гроши-то трудом достает, в поте лица. Коли счесть, сколько наша братия, по своей глупости, денег роздали за дочерьми разным аферистам, — так, право, сердце повернется. Что добра-то бы можно на эти деньги сделать! Боже мой! Эти деньги, я так считаю, у общества украдены. Как вы об этом думаете, сударь мой?

Бальзаминов. Не все же в таких направлениях, как вы говорите.

Неуеденов. Нет, сударь, уж кто взялся за такую спекуляцию, я тому гроша не поверю. Хорошие люди во всяком звании есть. И разбирать нечего, беден кто или богат — я этого сестре не советую. Смотри на человека, умеет ли он дело делать. Коли умеет, так давай ему денег, сколько хочешь, все на пользу. А вот щелкопёры-то, извините вы меня, больно нам не к масти. Другому и вся цена-то две копейки ассигнациями, а он успеет оходить дуру какую, так еще форс показывает. Мне, говорит, вот столько-то денег давай, приданое давай самое лучшее.

Юша.

Соболий салоп атласный,
Воротник суконный красный!

Устинька и Капочка *(Юше).* Молчи!

Неуеденов *(Юше).* Юшка, молчи! Наши-то бабы сдуру батистовых рубашек ему нашьют, того-сего, с ног до головы оденут; а он-то после ломается перед публикой, и ничего ему — не совестно! Везде деньги бросает, чтоб его добрым барином звали.

Капочка. Вы, дяденька, оттого так рассуждаете, что вы совсем необразованны.

Неуеденов. Именно, мой друг, необразованны. Не одна ты это говоришь. Вот и те голые-то, которых мы обуваем да одеваем, да на беспутную их жизнь деньги даем, тоже нас необразованными зовут. Им бы только от нас деньги-то взять, а родни-то хоть век не видать.

Бальзаминова *(встает).* После таких слов нам с тобой, Миша, кажется, здесь нечего делать.

Неуеденов. Да, похоже на то. На воре-то, видно, шапка горит.

Бальзаминов. Я этих слов, маменька, на свой счет не принимаю.

Неуеденов. Нет, я на ваш счет. Вот маменька-то ваша поумнее — сейчас поняла.

Бальзаминов. Я за большим, пожалуй, не пого-

нюсь: мне хоть бы что-нибудь дали.

Неуеденов. Ведь у тебя ни гроша нет, так тебе все барыш, что ни дай.

Бальзаминов. В таком случае, прощайте-с. *(Кланяется всем.)* Я не ожидал-с.

Бальзаминова. Благодарим за угощенье.

Ничкина. Не на чем-с.

Неуеденов. Ходите почаще, без вас веселей.

Бальзаминов и Бальзаминова подходят к калитке. Юша за ними.

Бальзаминова. Я говорила тебе, Миша, что праздничный сон — до обеда.

Бальзаминов. Кабы я его в будни видел, совсем бы другое дело было.

Уходят.

Юша *(в калитку).* Заходите! Нам без дураков скучно.

Неуеденов. Юшка, молчи!

Капочка. Ох, я умру!

Устинька *(тихо).* Сделайся как без чувств.

Капочка. Ах! *(Падает на скамейку.)*

Ничкина. Батюшки! Что это с ней?

Неуеденов. Ничего, пройдет. Маланья, поди-ка вели принести ушат воды.

Капочка *(встает).* Нет уж, извините, я этого не позволю.

Неуеденов. Ожила! Эх, сестра! Как тебя не ругать-то! Какую было штуку выкинула! Такой товар *(показывая на Капочку),* да еще с деньгами, за стрекулиста было отдала. А я тебе уж и жениха приготовил. Молодого русачка, здорового, свежего, умницу. А уж какой делец-то! Да и с капиталом.

Ничкина. Посватайте, братец.

Неуеденов. Посватать, Капочка?

Капочка. Он с бородой?

Неуеденов. С маленькой.

Капочка. Да ведь она вырастет.

Неуеденов. Эка глупая! Пока она вырастет, так уж ты привыкнешь… А какой красавец-то! Посватать, что ли?

Капочка *(потупившись).* Посватайте.

Неуеденов. Так-то лучше. Вот и по рукам.

Не сошлись характерами![*]

Картины московской жизни

Картина первая

ЛИЦА:

Прежнев, совершенно дряхлый старик, почти без всякого движения, в больших чинах. Его возят на кресле.

Прежнева, Софья Ивановна, жена его, 45 лет.

Поль, молодой человек, ее сын.

Устинья Филимоновна Перешивкина, пожилая женщина, прежде бывшая нянька Поля, теперь вроде приживалки или экономки по разным знакомым домам.

Большая зала, оклеенная богатыми, но потемневшими и по местам отставшими от стен обоями; паркетный пол по углам значительно опустился. Налево окна в сад и дверь на деревянный с колоннами балкон; прямо дверь выходная, направо во внутренние комнаты. По узким простенкам мраморные столики на бронзовых ножках, над ними узкие, длинные с надставками зеркала в золоченых рамах. Мебель старая, тяжелая, с потертой позолотой. На столах бронза старого фасона. С потолка висит люстра из мелких стекол в виде миндалин. Две или три

ширмочки из плюща. На всем видны и совершенный упадок, и остатки прежней роскоши.

Прежнев подле окна спит в вольтеровском, на колесах, кресле. Одет в меховой халат, ноги покрыты белым шерстяным пологом. На противоположной стороне Прежнева, в изящном утреннем неглиже, полулежит на диване с книгою в руках.

I

Прежнева *(опустив книгу)*. Это жестоко! это ужасно! я бы никогда так не поступила! Nous autres femmes...[3] мы... о! мы верим, мы слепо верим, мы никогда не анализируем. Нет, я не стану дальше читать этот роман. Молодой человек хорошего происхождения, красив, умен, служит в военной службе, выражает ей свою любовь таким прекрасным языком... и она... она имела силы отказать ему! Нет, она не женщина! Женщина творение слабое, увлекающееся! Мы живем только сердцем! И как легко нас обмануть! Мы для любимого человека готовы всем пожертвовать. Если мужчины нас и обманывают, что, к несчастью, случается очень часто, то уж в этом

---

[3] Примечания: 3
Мы женщины...

виноваты не мы, а они. Они, по большей части, хитры и коварны… мы, женщины, так добры и доверчивы, так готовы всему верить, что только после горьких *(задумывается)*, да горьких опытов убеждаемся в безнравственности обожаемых лиц. *(Молчание.)* Но нет! мы и после обмана, и даже нескольких обманов, готовы опять увлечься, готовы поверить в возможность чистой и бескорыстной любви. Да! такова наша судьба! Тем более, если все это случится в такой Прекрасной обстановке, как в этом романе. Весна, цветы, прекрасный парк, журчанье вод. Он пришел в охотничьем костюме, с ружьем, собака легла у его ног. Ах! но мужчины… они часто во зло употребляют прекрасные качества нашего нежного сердца, они не хотят знать, сколько страдаем от них мы, бедные женщины! *(Молчание.)* Конечно, есть и между нас такие, которых весь интерес в жизни составляют низкие материальные расчеты, хозяйственные хлопоты. Но это проза, проза! что бы мне ни говорили, а это проза. Есть даже такие, которые рассуждают о разных ученых предметах не хуже мужчин, но я не признаю их женщинами. Они могут быть умны, учены, но вместо сердца у них лед. *(Молчание.)* Когда мне приходят такие мысли в голову, я всегда вспоми-

наю об моем Поле. Ах! сколько он должен иметь успехов между женщинами! Я наперед рада за него. Как приятно это для матери! Ах, дети! дети! *(Нюхает спирт и потом звонит.)*

Входит лакей.

Лакей. Чего изволите-с?

Прежнева. Что, барин не приходил еще?

Лакей. Никак нет-с.

Прежнева. Когда он придет, пошли его ко мне.

Лакей. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Прежнева. Он такой чувствительный, нервный мальчик! Весь в меня. Его бы надобно беречь, лелеять, а я не могу; я не имею средств. После такого прекрасного воспитания он, по несчастию, должен служить. Там эти столоначальники… все они в таких странных фраках… а он такой нервный, такой нервный!., я верю, что его все притесняют, потому что ему все завидуют.

Входит Поль.

II

Прежнева и Поль, безукоризненно одетый, в летнем костюме, с утомленным видом, несколько ломаясь.

Поль. Bonjour, maman![4]

Прежнева *(целует его в лоб)*. Bonjour, Paul! Откуда ты?

Поль *(садится с другой стороны на диван)*. Откуда!.. Из того прекрасного места, куда вам угодно было определить меня.

Прежнева. Что ж делать, Поль!

Поль. И шел пешком в такой ужасный жар.

Прежнева. У нас, в этой зале, так хорошо, так прохладно!

Поль. Да; но зато каково здесь зимой! Все углы сгнили, пол провалился.

Прежнева. Да, мой друг, теперь наши дела в очень дурном положении.

Поль. Ваши дела! Какие у вас дела? Отец вон едва дышит, вы тоже уж отжили свой век. Каково мое положение!

Прежнева. Я тебе верю, мой друг. Я воображаю, как тебе тяжело!

Поль. Еще бы легко! Вы послушайте меня! По рождению, по воспитанию, по знакомству, ну, наконец, по всему, — поглядите вы на меня с ног до головы, — я принадлежу к лучшему обществу…

Прежнева. О да.

---

[4] Примечания: 4
Добрый день, мамаша!

Поль. И чего же мне недостает? Ведь это срам, позор! Мне недостает состояния. Да и кому нужно знать, что у меня нет состояния? Я все-таки должен жить так, как они, и вести себя так, как они. Что ж, в мещане, что ли, мне приписаться? Сапоги шить? Нет состояния!., это смешно даже.

Прежнева. Было, Поль, было.

Поль. Я знаю, что было, да теперь где? Я знаю больше… я знаю, что вы его промотали.

Прежнева. Ах, Поль, не вини меня; ты знаешь, что все мы, женщины, так доверчивы, так слабы! Когда был еще здоров твой отец, нас все считали очень богатыми людьми, у нас было отличное имение в Симбирской губернии. Он как-то умел управлять всем этим. Потом, когда его разбил паралич, я жила совсем не роскошно, а только прилично.

Поль. А monsieur Пеше что вам стоил? Сознайтесь, maman!

Прежнева. Ах, мой друг, он так нужен был для твоего воспитания. Потом я два раза была за границей; а впрочем, больших расходов никаких не делала. И вдруг мне говорят, что я все прожила, что у нас ничего нет. Это ужасно! Вероятно, всему виною там эти управляющие да бурмистры.

Поль. Канальи!

Прежнева. Что делать, мой друг! Люди так злы, коварны, а мы с тобою так доверчивы.

Поль. Это вы, maman, доверчивы; а попадись они мне, я бы им задал. Фить, фить… *(Делает жест рукой.)* Ведь с этим народом нельзя иначе. Это им хорошо… почаще… Просто зло берет Из-за этих негодяев я теперь должен чем свет итти пешком в какой-то суд, о котором Я бы и не слыхал никогда; потом бежать пешком домой или трястись на ваньке. Не могу же я так жить, как живут эти писцы, с которыми, впрочем, я сижу рядом. Они там на крыльце едят у разносчиков пироги с луком. Они Все могут, они так созданы; а я не могу. Ну, вот я теперь и задолжал всем: и извозчику, и портному, и Шевалье. Наши все ходят к Шевалье, и правоведы… Не могу же я, в самом деле, пироги с луком есть, а там еще нужно экзамен держать в каком-то уездном училище. Ужасно! А будь У меня состояние, я бы ничего этого и не знал: ни судов, ни уездных училищ, ни писарей с пирогами. На что мне все это?..

Прежнева. Да, да, я понимаю… с твоим нежным сердцем… ты такой нервный!..

Поль. Я просто не знаю, что мне делать! Выдь случай, так в карты бы обыграл кого-нибудь, не посовестился.

Прежнева. Да, в твоем положении… конечно…

Прежнев *(просыпаясь)*. Павел, ты давно был в театре?

Поль. Недавно.

Прежнев. Кто нынче маркизов играет?

Поль. Давно уж никто не играет.

Прежнев. Я прежде хорошо маркизов играл.

Прежнева звонит. Входит лакей.

Прежнева. Вывези барина на балкон; да возьми старые газеты, почитай ему!

Лакей берет газеты и увозит Прежнева на балкон.

Поль. Вот еще мой любезный дядюшка, там он где-то председателем был, так и рассуждает свысока. Ты, говорит, многого хочешь. Скажите, пожалуйста, чего я хочу? Что это — прихоти, роскошь? Я хочу только необходимого, без чего нельзя обойтись человеку нашего круга. Кажется, ясно. Так нет, дядюшка любезный говорит: ты этого не должен желать, потому что ты не имеешь средств! Да разве я виноват, что не имею средств. Где же тут логика?

Прежнева. Какая логика, все вздор.

Поль. Ты, говорит, работай. Нет уж, слуга покорный! Что я, лошадь, что ли?

Прежнева. Дядя твой человек грубый.

Поль. Нет, maman, это драма.

Прежнева. Драма, mon cher![5]

Поль. И еще какая драма! Что там режутся, отравляются, все это вздор.

Прежнева. Знаешь что, Поль? Я думаю, тебе бы жениться.

Поль. Что ж, я непрочь жениться, да на ком?

Прежнева. Да, это вопрос! Я знаю тебя, Поль. Зачем ты так прекрасно воспитан? Зачем у тебя такая нежная душа? Ты через это будешь несчастлив в своей жизни. Тебе нет пары! Много, слишком много нужно иметь девушке достоинств, чтобы понравиться тебе и сделать твое счастье.

Поль. Вы, может быть, думаете, maman, что меня прельщает семейное счастье? Я уж не ребенок, мне двадцать один год. Что за пастораль! *(Хохочет.)* Мне просто нужны деньги.

Прежнева. Но, все-таки, мой друг, я знаю твой характер, я знаю, что ты не захочешь жениться на ком-нибудь.

Поль. На ком хотите. Мне нужны деньги, чтоб быть порядочным человеком, чтоб играть роль в обществе, одним словом, чтоб делать то, к чему я

---

[5] Примечания: 5
Мой дорогой!

способен. Я наживать не могу, я могу только проживать прилично и с достоинством. У меня для этого есть все способности, есть такт, есть вкус, я могу быть передовым человеком в обществе.

Прежнева. Однако, мой друг…

Входит лакей.

Лакей. Перешивкина пришла.

Прежнева. Вечно не во-время придет.

Поль. Поговорим после, еще будет время.

Прежнева. Пусть войдет.

Лакей уходит.

III

Те же и Перешивкина.

Прежнева. Что ты, Устинья Филимоновна?

Перешивкина *(целует Прежневу в плечо и становится сзади)*. Проведать, матушка, пришла, все ли вы здоровы? Я благодетелей не забываю.

Поль. А, ботвинья лимоновна, откуда тебя принесло?

Перешивкина. Какая я ботвинья лимоновна? Вы все, барин, шутите.

Поль. Она, кажется, воображает, что с ней можно говорить серьезно.

Перешивкина. У меня, матушка, знакомый человек дюми-терьмо делает…

Поль хохочет.

Ничего, смейся, батюшка, смейся надо мной, старухой… Так вот, не угодно ли купить, он мне дешево отдает. Широкий такой, добротный. Прикажете принести? В городе за эту цену не купите.

Прежнева. Принеси, я посмотрю.

Поль. А много ли ты тут, старая корга, наживешь?

Перешивкина. Уж и старая корга?

Поль. Что ж, ты, может быть, еще замуж собираешься?

Перешивкина. Не годится вам, барин, меня, старуху, бранить, я вас на руках нянчила.

Поль. Кажется, она обижаться вздумала. Вот одолжит!

Прежнева. Оставь ее, мой друг!

Перешивкина. Ничего матушка, ничего, пусть шутит. Он уж такой шутник! Еще маленький мне как-то чепчик сзади зажег.

Поль. А, помнишь!

Перешивкина. Как не помнить! Все волосы сжег, да и лицу досталось. А вы, барин, не смейтесь надо мной; я еще, может, пригожусь вам.

Поль. На что ж ты мне пригодишься? В огороде вместо чучела поставить.

Перешивкина. А может быть, на что другое пригожусь, Павел Петрович. Как знать? Что, матушка барыня, не обидитесь вы на мои глупые слова? Может, я какое слово и к месту скажу.

Прежнева. Что такое? Говори!

Перешивкина. Есть у меня одна дама знакомая, Серафимой Карповной зовут. Я завсегда к ним в дом вхожа. Она, вот видите ли, матушка, купеческого роду, только была за господином Асламевичем, важный человек, в чинах. Он, матушка, один раз генералом был.

Поль *(хохочет)*. Как это так?

Перешивкина. А вот как: где он служил-то, так ихний генерал в отпуску был, в это-то самое время он и был генералом целый месяц.

Поль. А, вот как. Ну, ври, ври!

Перешивкина. Это истинно я вам говорю. И всего один годочек жила она с ним, а теперь вот другой год вдовеет… Да вы не рассердитесь, матушка барыня…

Прежнева. Ну, продолжай!

Перешивкина. Красавица собой и добрая, а уж скромная какая! на редкость. И расчетливая, уж на наряды или там на какие безделицы денег не промотает.

Поль. То есть просто скупа.

Перешивкина. Не то что скупа, а расчетлива, хозяйка хорошая. Теперича приданое, которое за ней дадено, значит, все при ней состоит. Одних денег полтораста тысяч.

Поль. Полтораста тысяч!

Перешивкина. Сама, сама видела, все эти билеты у нее в шкатулке видела; при мне считала. Только вы лучше велите мне, дуре, замолчать. Ведь язык без костей, пожалуй, мели, что хочешь. Хоть она для меня женщина и добрая, а вы все-таки мне дороже ее. Бог с ней! За что же я вас буду напрасно в гнев вводить!

Прежнева и Поль. Ничего, говори, говори!

Перешивкина. Коли приказываете, так буду говорить. Вот матушка барыня, так сказать, по-нашему, по-женски: дело молодое, другой год вдовеет… ну, вот она… И не то чтобы лгу: я на себя и греха этого не возьму. Я всегда вашим добром довольна. Могу ли я это забыть! Конечно, мы люди маленькие, а добра не забываем, и завсегда, чем могу, услужить…

Поль *(махнув рукой)*. Ну!

Прежнева. Да ты продолжай!

Перешивкина. Слушаю, матушка. Вот она у вас тут по соседству живет. Налево белый каменный дом; Павел Петрович часто мимо ходит.

Прежнева. Ну, так что ж?

Перешивкина *(на ухо)*. Влюбилась.

Прежнева. Что?

Перешивкина *(громче)*. Влюбилась. Ей-богу!.. Да.

Прежнева *(смеется)*. Да что ж тут удивительного? Ты глупа, душа моя! Еще бы в него-то не влюбиться! Вот редкость!

Перешивкина. Ну, само собой, барыня; да ведь с деньгами.

Поль *(поет)*. La donna e mobile…

Перешивкина. Я, говорит, влюблена, Устинья Филимоновна. — В кого, говорю, матушка, в кого? — А вот посмотри, сейчас пройдет. — Я гляжу в окно-то, а Павел Петрович и идет; а она мне и говорит: вот он. Я так и ахнула!

Поль *(поет)*. La donna e mobile…

Перешивкина. Конечно, надо Павлу Петровичу самому посмотреть: понравится ли еще. Ну, да коли сомнение имеете, можно и в Опекунском справиться, билеты-то все именные. Отчего же не справиться? Любовь любовью, а деньги деньгами. Ведь это дело вечное.

Поль *(подходит к матери)*. Maman, я иду гулять.

Прежнева. Прощай, мой друг! *(Целует его в*

лоб.)

Поль *(тихо)*. Хлопочите. *(Уходит.)*

Прежнева. Вот видишь ли, милая Устинья Филимоновна, не велика радость для моего Поля, что какая-то мадам Асламевич в него влюбилась… Однако, если он ее увидит, может быть, она ему и понравится… Я, конечно, с своей стороны, не буду препятствовать ему, хоть она и из купеческого звания… Мне только был бы он счастлив… *(Встает.)* Пойдем, я велю тебя чаем напоить… Только ты уж веди себя поумнее.

Перешивкина. Матушка, я по гроб жизни…

Уходят.

Картина вторая

ЛИЦА:

Карп Карпович Толстогораздов, купец, седой, низенький, толстый.

Улита Никитишна, жена его, пожилая женщина, без особых примет.

Серафима Карповна, дочь Толстогораздова, вдова, высокого роста, худощава, необыкновенной красоты. Походка и движения институтки. Часто задумывается, вздыхает и поднимает глаза к небу, когда говорит о любви; то же делает, когда про себя считает деньги, а иногда и просто без всякой причины.

Матрена, горничная, дальняя родственница Толстогораздовых. Молодая девка, полная, тело мраморной белизны, щеки румяные, глаза и брови черные. Ходит в шубе, рубашке с кисейными рукавами, в косе ленты.

1-й кучер, Толстогораздова.

2-й кучер, Серафимы Карповны.

Двор. Направо галлерея дома, на заднем плане сад; налево надворное строение; две двери: одна на погреб, другая на сенник.

I

На дворе. 1-й кучер сидит на приступке у погребицы. Матрена входит.

1-й кучер *(поет тонким голосом).*

Прежде жил я, мальчик, веселился,
Но имел свой капитал.
Капиталу, мальчик, я решился,
Во неволю жить попал.

Матрена. Хозяева проснулись. Ты бы, Иваныч, самовар-то втащил.

1-й кучер. А ты что за барыня? Промнись! Ишь жиру-то нагуляла; не уколупнешь нигде, точно на наковальне молотками сколочена. *(Поет.)*

И какова, братцы, неволя?
Да кто знает про нее?

Матрена. Позавидовал ты моему жиру. У самого рыло-то уж лопнуть хочет. Неси, что ли, говорят тебе.

1-й кучер. Приходи завтра! *(Поет.)*

Какова, братцы, неволя?
Да кто знает про нее?

Матрена. Дай срок, я вот Улите Никитишне скажу, что ты ничего не делаешь, никогда тебя ничего не допросишься.

1-й кучер. Я кучер, понимаешь ты это? Я свое дело правлю. А ты что? Типун-дворянка! Тонко ходите, чулки отморозите! Значит, ты его *(показывая на самовар)* и волоки.

Матрена. Да ведь в нем пудов пять будет, где ж девке его стащить!

1-й кучер. Опять-таки это до меня не касающее.

Матрена. Стыда-то в тебе ничего нет, бесстыжие твои глаза! Хоть надорвись девка, тебе все равно. *(Поднимает самовар, всем корпусом отваливается назад и, загнув голову на сторону от пару, идет к галлерее.)*

1-й кучер *(вслед ей)*. Не балуй в серьгах, позолота сойдет!

Матрена *(входя на крыльцо, оборачивается)*. Ругатель! *(Ставит на стол самовар.)*

1-й кучер *(поет)*.

Какова, братцы, неволя?
Да кто знает про нее?

На галлерею выходят Карп Карпыч и Улита Никитишна. Кучер замолкает и уходит.

II

На галлерее. Карп Карпыч и Улита Никитишна (садятся у стола на галлерее).

Улита Никитишна *(заваривая чай)*. Нынче все муар-антик в моду пошел.

Карп Карпыч. Какой это муар-антик?

Улита Никитишна. Такая материя.

Карп Карпыч. Ну и пущай ее.

Улита Никитишна. Да я так… Вот кабы Серафимочка замуж вышла, так уж сшила бы себе, кажется… Все дамы носят.

Карп Карпыч. А ты нешто дама?

Улита Никитишна. Обнакновенно дама.

Карп Карпыч. Да вот можешь ты чувствовать, не могу я слышать этого слова… когда ты себя дамой называешь.

Улита Никитишна. Да что же такое за слово — дама? Что в нем… *(ищет слова)* постыдного?

Карп Карпыч. Да коли не люблю! Вот тебе и сказ!

Улита Никитишна. Ну, а Серафимочка дама?

Карп Карпыч. Известно дама, та ученая да за барином была. А ты что? Все была баба, а как муж разбогател, дама стала! А ты своим умом дойди.

Улита Никитишна. Да нет! Все-таки… как же!

Карп Карпыч. Сказано — молчи, ну и баста!

Молчание.

Улита Никитишна. Когда было это стражение…

Карп Карпыч. Какое стражение?

Улита Никитишна. Ну вот недавно-то. Разве не помнишь, что ли?

Карп Карпыч. Так что же?

Улита Никитишна. Так много из простого звания в офицеры произошли.

Карп Карпыч. Ведь не бабы же. За свою службу каждый получает, что соответственно.

Улита Никитишна. А как же вот к нам мещанка ходит, так говорила, что когда племянник курс выдержит, так и она будет благородная.

Карп Карпыч. Да, дожидайся.

Улита Никитишна. А говорят, в каких-то землях из женщин полки есть.

Карп Карпыч *(смеется)*. Гвардия!

Молчание.

Улита Никитишна. Говорят, грешно чай пить.

Карп Карпыч. Это еще отчего?

Улита Никитишна. Потому, из некрещеной земли идет.

Карп Карпыч. Мало ли что из некрещеной земля идет.

Улита Никитишна. Вот тебе пример: хлеб из крещеной земли, мы его и едим во-время; а чай — когда пьем? Люди к обедне, а мы за чай; вот теперь вечерни, а мы за чай. Вот и, значит, грех.

Карп Карпыч. А ты пей во-время.

Улита Никитишна. Нет, все-таки…

Карп Карпыч. Все-таки, молчи. Ума у тебя нет, а разговаривать любишь. Ну, и молчи!

Молчание.

Улита Никитишна. Какая Серафимочка у нас счастливая! Была за барином — барыня стала, и овдовела — все-таки барыня. А как теперь, если за князя выдет, так, пожалуй, княгиня будет.

Карп Карпыч. Все-таки, по муже.

Улита Никитишна. Ну, а как за князя выдет, неужто я так-таки ничего? Ведь она мое рождение.

Карп Карпыч. С тобой говорить — только мысли в голове разбивать. Я было об деле задумал, а ты тут с разговором да с глупостями. Ведь вашего бабьего разговору всю жизнь не переслушаешь. А сказать тебе: молчи! так вот дело-то короче будет. *(Задумывается.)*

Молчание. Вбегает Матрена.

Матрена. Матушка, Улита Никитишна! Серафима Карповна приехала.

Улита Никитишна. Ах, батюшки! *(Быстро встает и уходит с Матреной).*

Карп Карпыч. Кабы на баб да не страх, с ними бы и не сообразил. Есть свое дело, так нет, давай лезть в чужое. Пристает к мужу: скажи ей свое дело и свою тайну, и прельщают его прелестью и лукавством, и осклабляют лицо свое — и все на погибель. И кто им скажет свое дело, и они наущают и соблазняют: делай не так, а вот так, по моему желанию. И многие мужи погибли от жен. Молодой человек, который и неопытный, может польститься на их прелесть, а человек, который в разум входит и в лета постоянные, для того женская прелесть ничего не значит, даже скверно.

III

На дворе. Входят 1-й и 2-й кучера.

2-й кучер. У вас какое сравнение! Не в пример лучше. Просто жид, а не барыня; сама овес выдает.

Уходят в сарай. Входят Улита Никитишна, Серафима Карповна и Матрена.

IV

На галлерее. Карп Карпыч; Улита Никитишна

садится на свое место и разливает чай; Серафима Карповна, в шляпке, в мантилье, в зеленых перчатках, с зонтиком, подходит к отцу; Матрена ставит на стол расписную чашку, которую принесла из комнат и становится поодаль.

Серафима Карповна. Здравствуйте, папенька! *(Целуются.)*

Карп Карпыч. Здравствуй! Садись, так гостья будешь.

Серафима Карповна *(садясь)*. А где же братец, Онисим Карпович?

Карп Карпыч. Где Онисим-то? Загулял. Вот уж пятый день чертит.

Серафима Карповна. А сестрица, Анна Власьевна?

Карп Карпыч. Да вот как ни бьемся, все Онисим пить-то не перестает, так жена и повезла по тюрьмам калачи раздавать. Авось, бог простит.

Улита Никитишна. Да, да… Повезла калачи раздавать… заключенным… Ведь все больше занапрасно…

Карп Карпыч. Да, занапрасно! Они там режут да грабят, а их не сажать.

Улита Никитишна. Так, чай, те, которые грабят-то, в остроге сидят; а в яме-то за что?

Карп Карпыч. А в яме-то за долга.

Улита Никитишна. Как не за долги! Вон, говорят, Кон Коныч за процент сидит.

Карп Карпыч. За какой процент?

Улита Никитишна. Да так же, за процент. А какой тут процент! Как брал, так и отдай. Чай, ведь, это грех.

Карп Карпыч. Ты опять разговаривать!

Улита Никитишна наливает чай; Матрена подает на подносе чашку Серафиме Карповне; та берет, не снимая перчаток.

Улита Никитишна. Ты б, Серафимушка, сняла шляпку-то, да мантилию, да и платье-то бы расстегнула сзади, здесь все свои. Вот тебе Матрена расстегнет.

Серафима Карповна. Ах, что это вы, маменька! Мне не жарко. Я к вам на минуточку приехала, только посоветоваться.

Карп Карпыч *(дуя на блюдечко)*. Об чем бы это, например?

Серафима Карповна. Я хочу замуж итти.

Улита Никитишна *(всплеснув руками)*. Ах, батюшки!

Карп Карпыч. Ну, что ж! С богом! Это дело хорошее. Это лучше…

Улита Никитишна *(качая головой и складывая руки на груди)*. Красавица ты моя!

Карп Карпыч. А за кого бы это? Желаю я знать.

Серафима Карповна. Он, папенька, молодой человек, служит в суде, и, надобно вам сказать, не богатый. Я б и не пошла за бедного, да уж очень я в него влюблена. *(Поднимает глава к небу, вздыхает и задумывается.)*

Улита Никитишна *(всплеснув руками)*. Ах, матушка моя!

Карп Карпыч. А чьих он?

Серафима Карповна. Прежнее. Он благородный, хорошей фамилии, может место хорошее получить. Что ж, думаю, у меня свои деньги; если буду жить расчетливо, могу прожить и с мужем. Лучше я себе во всем откажу, а уж я без него жить не могу. *(Опять вздыхает и поднимает глаза.)*

Карп Карпыч. Может, качества какие есть?

Серафима Карповна. Качеств за ним никаких не слыхать.

Карп Карпыч. Ты, Серафима, помни одно, что ты отрезанный ломоть, я тебе больше денег не дам. Так ты смотри, не проживи деньги-то, которые за тобой дадены.

Улита Никитишна. Тот был старик, а этот, ишь ты, молодой: гляди, рожать будешь, так деньги-то чтоб детям остались.

Серафима Карповна. Мне денег прожить нель-

зя с моим характером. *(Отдает чашку Матрене.)*

Карп Карпыч. Ну, он молодой, а ты все-таки вдова, а не девушка, все как будто перед мужем совестно; ну, он подластится да и выманит деньги-то.

Серафима Карповна *(принимая чашку от Матрены)*. Неужели мужчины могут любить только из денег? *(Вздох и глаза к небу.)*

Карп Карпыч. А ты думала как? Порядок известный.

Серафима Карповна *(выходя из задумчивости)*. Да я ему и не дам денег.

Карп Карпыч. Ну, и ладно. Ты поступай так, как я тебе приказывал.

Серафима Карповна. Конечно, папенька! Что я, дура, что ли?

Карп Карпыч. А вот и у нас скоро свадьба: Матрену в саду с приказчиком застали, так хочу повенчать.

Матрена закрывает лицо рукавом.

Тысячу рублев ему денег, и свадьба на мой счет.

Улита Никитишна. Тебе бы только пображничать где было, за тем и свадьбу-то затеял.

Карп Карпыч. Ну, еще что?

Улита Никитишна. Ничего больше.

Карп Карпыч *(строго)*. Нет, ты поговори!

Улита Никитишна. Ничего, право, ничего.

Карп Карпыч *(строже)*. Нет, поговори что-нибудь, я послушаю.

Улита Никитишна. Да что говорить-то, коли не слушаешь.

Карп Карпыч. Что слушать-то! Слушать-то у тебя нечего. Эх, Улита Никитишна! *(Грозит пальцем.)* Сказано: молчи! Я хочу, чтоб девка чувствовала, а ты с своими разговорами!

Матрена закрывает другим рукавом глаза.

Третью племянницу так отдаю. Я всей родне благодетель. Вот теперь есть еще маленькая, так и ту на место Матрёны возьму, и ту в люди выведу.

Молчание.

Улита Никитишна. Смотри, будет ли он любить-то тебя?

Серафима Карповна. Что ж, маменька, в моем характере ничего дурного нет. Только я… еще и в пансионе говорили, что я музыки совсем не понимаю, задумываюсь часто, так, ни об чем, да очень люблю сладкое, так, может, он этого не заметит; да вот еще на серебро плохо считаю…

Карп Карпыч. Ничего, привыкнешь.

Серафима Карповна. Может быть, ему не по-

нравится, что я расчетлива, так ведь иначе мне как же? Я стараюсь только, чтоб не прожить капиталу, а проживать одни проценты. Что ж я буду тогда без капиталу, я ничего не буду значить.

Карп Карпыч. Обнакновенно.

Серафима Карповна. А проценты я сейчас могу расчесть на бумажке, нас в пансионе этому учили, А вот без бумажки я и не могу. *(Задумывается.)*

Улита Никитишна. Об чем ты это думаешь-то, милушка?.. Да и я-то дура! Как тебе, бедной, не думать-то! Перемена жизни… ведь в него не влезешь, какой он там.

Серафима Карповна. Нет, маменька, я вот давеча ленты покупала, по восьми гривен ассигнациями, семь аршин; так вот я и думаю, сколько это на серебро-то будет и так ли он мне сдачу сдал с трех целковых? *(Вынимает портмоне и смотрит в него.)*

Карп Карпыч. Рубь шесть гривен… рубь сорок сдачи.

Серафима Карповна. Так ли, папенька-с?

Карп Карпыч. Ну, да что тут еще разговаривать!

Серафима Карповна *(прячет портмоне)*. Хорошо-с.

Улита Никитишна. Смотри, не пьет ли?

Карп Карпыч. Опять ты все врешь! Кто нынче не пьет!

Улита Никитишна. То есть ты спроси, во хмелю-то он каков?

Карп Карпыч. Ну, вот это дело!

Улита Никитишна. Потому другой смирный во хмелю, так это нужды нет, все равно что непьющий.

Серафима Карповна. Хорошо, маменька, я расспрошу-с. Мне, маменька, пора.

Улита Никитишна. Ух, как это можно! Посиди. Ведь ты сладкое-то любишь… У нас фрухты какие преотменные! Поди, Матрена, принеси, они у меня на окне в спальне.

Матрена уходит, скоро возвращается с фруктами и подносит Серафиме Карповне, а потом ставит на стол.

Кушай, милушка, кушай! Наливочки не хочешь ли?

Серафима Карповна. Что это вы, маменька!

Улита Никитишна. Пивца, душенька?

Серафима Карповна. Да разве я пью?

Улита Никитишна. Ну, медку?

Серафима Карповна. Право, не могу.

Улита Никитишна. Ну, вареньица?

Серафима Карповна. Вареньица можно.

Улита Никитишна *(достав ключи из кармана)*. Матрена, сходи в кладовую, принеси двух сортов.

Серафима Карповна. Да вели моему кучеру подавать.

Матрена берет ключи и уходит через сцену.

Улита Никитишна. Кушай еще, Серафимушка!

Серафима Карповна берет еще.

А ты что же, Карп Карпыч?

Карп Карпыч. Ну вот еще! Стану я теперь есть всякую дрянь. А ты отложи мне, а остальные вели убрать; я ужо, как стану водку пить, так закушу апельсиком.

Улита Никитишна берет и ест. Молчание.

V

На дворе. Матрена идет с двумя тарелками. Подходит к двери сенника и толкает ее ногой.

Эй вы, гужееды!

Кучера выходят.

Подавай лошадей! Барыня ехать хотят.

2-й кучер. Меня в те поры за одну провинность барии хотел в солдаты отдать.

1-й кучер. Ишь ты!

2-й кучер. Так я в те поры, братец ты мой, все только об войне и думал и со всяким, то есть, че-

ловеком все про войну разговаривал. И так у меня раскипелось сердце, что хоть сейчас под черкеса.

1-й кучер. У меня тут по соседству один денщик есть приятель, они с барином в венгерской кампании были, так он про австрияка сказывал.

2-й кучер. А что такое?

1-й кучер. А вот что, друг любезный, будто ему еще допреж сказано, при французе, когда француз был: что ты можешь мне препятствовать? хочешь, я тебя раззорю.

2-й кучер. И раззорит!

1-й кучер. Раззорит!

2-й кучер. Потому, сила.

1-й кучер. Ничего не поделаешь! Все равно как милюция была… одиннадцать вершков росту, пятнадцать пудов подымает. Прут себе! Там ту-ту-ту-ту-ту-ту, значит в барабан отбой. А они говорят: ребята, вперед! Измена! Ну и прут себе, что ты хочешь!

2-й кучер. Известно, уж тут, кто кого.

1-й кучер. Кто, значит, уж одолеет, чья сила возьмет.

Матрена. Скучно слушать-то! Ох, воины! сидя на печке воете. Видно, не страшна война, только утиши, господи.

1-й кучер *(скосив глаза в сторону Матрены с*

совершенным презрением). Сволочь!

Матрена. Говорят вам, барыня дожидается.

2-й кучер *(надевая на правую руку петлю кнута, левую руку подает Иванычу)*. Прощай!

1-й кучер. Прощай, друг любезный!

Уходят за дом. Матрена — на галлерею.

VI

На галлерее

Улита Никитишна. Серафимушка! я было и забыла… Еще вот что надо беспременно тебе сделать! Уж проминовать нельзя… Когда ты узнаешь про жениха, что он не мот, не пьяница, не картежник, — так съезди к ворожее, к Параше. Приди к ней смирненько и спроси: будет ли, мол, раба Серафима счастлива с рабом… как его?

Серафима Карповна. Павлом.

Улита Никитишна. С рабом Павлом? Что она тебе скажет, так и сделай.

Карп Карпыч. Ничего ты этого не делай!

Улита Никитишна. Ну уж, Карп Карпыч, я во всем тебя послушаю, а это дело не твое, это дело женское! Не слушай ты его, Серафимушка, делай, как я велю. Я мать — худа не посоветую.

Серафима Карповна. Хорошо-с. *(Встает.)* Прощайте, папенька! Прощайте, маменька! *(Це-*

лует.)

Карп Карпыч. А ты вот что: ты скажи жениху, коли будет ко мне почтителен — я ему шубу подарю хорошую; а коли не будет — назад отниму.

Уходят.

Картина третья[6]

ЛИЦА:

Поль.

Серафима Карповна, жена его.

Софья Ивановна.

Прежнева.

Неизвестный, приятель Поля, человек средних лет с греческим профилем и мрачным выражением лица.

Горничная.

Лакей.

Богато убранный кабинет.

I

Поль сидит за столом и пишет, лакей входит.

Лакей. Павел Петрович, там портной да каретник дожидаются.

Поль *(оборачиваясь)*. Гони их вон!

Лакей. Да нейдут-с.

Поль. Ну, скажи им, что на следующей неделе.

Лакей. Говорил, да нейдут-с.

---

[6] Примечания: 6

Между 2-й и 3-й картиной проходит месяц. *(Прим. автора.)*

Поль. Так неужели ж мне самому с ними разговаривать? Ну, скажи им что-нибудь такое. Ты видишь, что я занят. Надоел! Пошел вон!

Лакей. Там еще какой-то барин вас спрашивает.

Поль. И его гони.

Неизвестный показывается в дверях; лакей, увидев неизвестного, уходит.

Неизвестный. Гони природу в дверь, она войдет в окно.

Поль *(встает)*. Ах, мой друг, я и не знал, что это ты. Извини, сделай милость!

Неизвестный. Да, ты не знал. *(Осматривает с ног до головы Поля и потом кабинет.)*

Поль. Право же, не знал. Неужели бы я тебя не принял?

Неизвестный *(садится)*. Ну, хорошо, хорошо.

Поль. Сигару не хочешь ли?

Неизвестный *(иронически улыбаясь)*. Сигару? А когда же деньги?

Поль. Теперь скоро.

Неизвестный. То есть как же это, теперь или скоро?

Поль. Скоро, скоро.

Неизвестный. Ты скоро отдашь? *(Смотрит пристально на Поля.)* Ну, а если я тебе не верю?

Поль. Как же тебе не верить, у тебя в руках документ. Потом, ты видишь, как я живу.

Неизвестный. Да ведь документу срок; а это не твое, а женино.

Поль. Это все равно.

Неизвестный. Нет, не все равно.

Поль. Так чего же ты хочешь?

Неизвестный. А вот чего: или ты завтра мне отдашь все деньги, или мы перепишем документ…

Поль. Изволь, перепишем хоть сейчас.

Неизвестный. Нет, мы перепишем завтра, только чтоб твоя жена подписалась поручительницей.

Поль. Как же это?

Неизвестный. Там уж маклер знает как; а то я подам ко взысканию. *(Встает.)*

Поль. Ну, хорошо.

Неизвестный. Так смотри же, завтра! *(Идет к двери.)* Ты не думаешь ли отвертеться как-нибудь? Этого со мной нельзя. *(Уходит.)*

Поль. Это скучно наконец! Богат, богат, а денег все нет. Надо у жены попросить; теперь все равно, что у ней деньги, что у меня, у нас все общее. Еще даже лучше, если у меня. И для чего я так долго откладываю! Только все больше и больше запутываюсь.

Серафима Карповна входит. Поль пишет.

II

Серафима Карповна. Поль, брось писать, не пиши! *(Обнимает его. Поль перестает писать.)* Я так счастлива, так счастлива! Господи, за что мне такое счастие! *(Задумывается.)* Всего у меня много, муж такой милый *(целует его)*, красавец, умный! Только одно меня беспокоит: ты часто уезжаешь. Уж коли ты женился, ты бы все и сидел со мной; я бы, кажется, тебя еще больше любить стала.

Поль. Нельзя же, мой друг, у меня служба.

Серафима Карповна. Ты и нынче поедешь?

Поль. Да, поеду. Уж мне пора.

Серафима Карповна. Возьми меня с собой,

Поль. Куда это, в сенат-то?

Серафима Карповна. Ну, да.

Поль. Что ты говоришь! Да разве это можно?

Серафима Карповна. У вас все нельзя. Просто ты меня не любишь, оттого и не хочешь взять. Кабы ты любил, ты бы взял. Ты бы сказал всем: «Это моя жена». Что ж, я тебя нигде не острамлю, я в пансионе воспитывалась.

Поль. Да ты спроси у кого-нибудь, коли мне не веришь, берут ли жен в присутственные места?

Серафима Карповна. Оттого и не берут, что не любят нас. Кабы любили, так бы брали. Если бы вы нас любили так, как мы вас любим, вы бы все наши прихоти исполняли. Мы для вас все на свете готовы сделать, а вы никакой малости не хотите.

Поль. Да и я все, что хочешь, готов для тебя сделать, только этого нельзя.

Серафима Карповна. Ну, по крайней мере, сделай для меня удовольствие, не езди нынче, посиди со мной.

Поль *(пожимая плечами)*. Если ты хочешь — изволь.

Серафима Карповна. Нет, в самом деле, ты не поедешь?

Поль. Не поеду, если тебе угодно.

Серафима Карповна. Милый Поль, какой ты добрый! Как ты меня балуешь! Чего я для тебя на свете не сделаю! Ну, говори! Говори, чего хочешь! да говори же! *(Ласкает его.)* Проси, чего хочешь. Все, все на свете. Ну, скажи, чего ты хочешь: сейчас же поеду в город и куплю тебе.

Входит горничная.

Горничная. Барыня, пожалуйте, швея пришла.

Серафима Карповна. Поль, милый Поль, я сейчас приду. *(Уходит.)*

III

Поль. Странные иногда у ней желания являются, и не разберешь: от глупости это или от любви ко мне. Впрочем, это очень хорошо, что она меня так любит. Чего, говорит, ты хочешь? Чего? Разумеется, денег. Значит, правду говорят, что у женщин сердце гораздо чувствительнее нашего. А я, признаться, этому прежде не верил. Теперь я понимаю, что если любовь заберет их за живое, так бери с них, что хочешь. Да и хорошенькая какая! Даже этак, если и с другой стороны взять… да что тут разговаривать-то, просто наслаждение! Если уж просить, так за раз большой куш; надо пользоваться минутой, пока она в экстазе.

Входит Серафима Карповна.

Ах, Серафима, я хотел с тобой поговорить.

Серафима Карповна. И я хотела с тобой поговорить, Поль.

Поль. Ну, так говори ты.

Серафима Карповна. Нет, ты говори прежде.

Поль. Нет, ты Серафима.

Серафима Карповна. Нет, ты.

Поль. Я тебе уступаю как даме, Серафима.

Серафима Карповна. Вот что я хотела тебе сказать, мой Поль: ты каждый день сорочки ме-

няешь, ведь это расчет.

Поль. Что ты, с ума, что ли, сошла! Что это за расчет для нас? Нет, я хотел поговорить совсем о другом.

Серафима Карповна. Все-таки, друг ты мой *(целует его)*, надобно рассчитывать. Никакого в этом сумасшествия нет.

Поль. Извини, Серафима! Я тебя понимаю, мой друг; это даже хорошо, что ты в мелочах соблюдаешь экономию. Мелочи в жизни важное дело. Я очень рад, что нашел в тебе такую хозяйку. Но я хочу с тобой поговорить о более важном деле.

Серафима Карповна. Об чем же это, Поль? Да нет, постой! Что нам об деле говорить! Мы еще с тобой мало о любви говорили. Теперь время свободное, ты не поехал в присутствие. Что нам говорить об делах, поговорим о любви. *(Вздох и глаза к небу.)*

Поль. Об любви еще мы успеем, когда только тебе будет угодно, а теперь мне нужно об деле.

Серафима Карповна. Ах, Поль, ты остался со мной; мне теперь, право, ни о чем другом думать не хочется.

Поль. Нет, Серафима, мне, право, нужно с тобой серьезно поговорить.

Серафима Карповна *(несколько обиженным*

тоном). Что такое тебе нужно? Говори!

Поль. Как ты хочешь употребить свой капитал?

Серафима Карповна. Что за вопрос! Я его никак не хочу употреблять; пускай лежит в Совете, а мы будем жить процентами.

Поль. Но процентов очень мало, мой друг! Мы лучше пустим капитал в оборот.

Серафима Карповна. В какой оборот?

Поль. Например, купим имение.

Серафима Карповна. Нет, нет, нет, ни за что! Какое имение?

Поль. Ну, деревню в хорошей губернии, хоть в Орловской.

Серафима Карповна. Ни за что на свете! Мужики не будут платить, деревня может сгореть, пять лет неурожай. Что ж тогда делать?

Поль. Пять лет неурожай не бывает.

Серафима Карповна. Однако может быть; ты ведь не пророк.

Поль. Ну, купим дом да пустим жильцов.

Серафима Карповна. А жильцы платить не будут.

Поль. Как это платить не будут? С них всегда можно взыскать.

Серафима Карповна. Ну, а дом сгорит?

Поль. Надо застраховать.

Серафима Карповна. А придет неприятель да раззорит все. Нет, нет, ни за что!

Поль. Ну, перестанем лучше об этом говорить.

Серафима Карповна. Ты сам посуди. Ты молодой еще человек, у нас могут быть дети.

Поль. Конечно, будут дети, но что ж из этого? Чем мы больше будем получать, тем больше детям достанется.

Серафима Карповна. Нет, нет, я и говорить не хочу; а то мне сейчас скучно сделается. Ты и не расстраивай меня. Какие там обороты! Мы и так можем жить. Всего у нас много. *(Задумывается.)* Теперь время свободное, ты не поехал в присутствие... *(Обнимает Поля.)*

Поль *(освобождается из объятий)*. Нет, Серафима, как ты хочешь, а мне с тобой нужно поговорить.

Серафима Карповна *(серьезно)*. Об чем еще?

Поль. А вот об чем: дай ты мне, коли любишь меня, пять тысяч рублей серебром. Мне очень нужно для одного дела. Дело, Серафима, очень выгодное, — я теперь тебе не скажу, какое, но мы можем вдвое получить, а пожалуй, и больше. Да я почти уверен, что больше.

Серафима Карповна. Пять тысяч рублей сереб-

ром… Сколько же это будет на ассигнации?

Поль. Почем я знаю!

Серафима Карповна. Постой, я сейчас сочту. *(Вынимает из кармана бумажку и карандаш и считает.)* Ах! Ах! *(Убегает.)*

IV

Поль. Что же это такое? Чего она испугалась? Я уж и не пойму. Не думает ли она, что я всю жизнь буду только одной любовью пробавляться? Это будет очень оригинально! Скупа, что ли, она? Нужно же, наконец, узнать, что она больше любит: меня или деньги? Коли меня — так дело поправить можно. А как деньги? Просто хоть в петлю лезь.

Входит Прежнева.

Прежнева. Bonjour, Paul!

Поль. Bonjour, maman!

Прежнева *(садится)*. Я сейчас заходила к твоей жене; что с ней сделалось? Плачет и собирается куда-то ехать.

Поль. Была маленькая сцена.

Прежнева. Ах, Поль, так рано! Так скоро после свадьбы! Не оскорбил ли ты ее чем-нибудь? Женщина такое слабое, такое нежное созданье.

Поль. Какой чорт оскорбил! Я только попросил

у ней денег.

Прежнева. Довольно ли ты нежен был с ней?

Поль. Да помилуйте, я целый месяц с ней нежничал, жили как голуби. *(Хохочет.)* Только нынче решился попросить денег. Она сначала было так расчувствовалась, что любо. Проси, говорит, что хочешь; я все для тебя на свете. Я хоть сейчас, говорит, поеду в город и куплю тебе, чего хочешь. Что ж она мне купит? Собачку фарфоровую или сахарного гусара? А вот как попросил я у ней пять тысяч, так взвизгнула да ушла… а теперь плачет. Это чорт знает что такое!

Прежнева. У ней нет, нет чувств, мой друг. Женщина для любимого человека готова все на свете. Нет, мой Поль, она не женщина.

Поль. Нет, она женщина, только денег не дает.

Прежнева. Ах, Поль, я думаю, что она со временем тебя оценит — и так полюбит, так полюбит *(восторженно)*, что отдаст в твое полное распоряжение и себя и… все свое состояние.

Поль. Да ведь этого нужно ждать, а мне ждать нельзя.

Прежнева. Подожди, Поль! Зато вперед какое блаженство ожидает тебя.

Входит горничная с письмом и бумажником в руках и подает Полю.

Поль. Это что такое?

Горничная. Барыня уехали и приказали вам отдать бумажник и письмо. *(Уходит.)*

Поль. Бумажник! Это хорошо! *(Кладет бумажник в карман.)*

Прежнева. Я тебе говорила.

Поль. Теперь почитаем послание. *(Читает.)* «Милый Поль! Как я ни люблю тебя, но нам должно расстаться. Теперь всю жизнь мое сердце будет разрываться, и я буду день и ночь плакать по тебе. Я теперь хочу жить у папеньки, подобно заключенной, и оплакивать судьбу свою, а дом этот продам. Теперь уж ты меня никогда не увидишь. Я тебя люблю всей душой, а ты мне сегодня показал, что будто ты меня любишь из денег. Но в нашем купеческом кругу не принято отдавать деньги. Что я буду значить, когда у меня не будет денег? — тогда я ничего не буду значить! Когда у меня не будет денег — я кого полюблю, а меня, напротив того, не будут любить. А когда у меня будут деньги — я кого полюблю, и меня будут любить, и мы будем счастливы. Я приготовила тебе к именинам бумажник и сама вышила, и как я чувствовала, что тебе мой подарок будет очень приятен, то и посылаю тебе. Ты к папеньке не езди, он у нас очень сердит и очень разгневается

на тебя, когда все это узнает; а я ничего не могу скрыть. Прощай, Поль! Когда будешь нуждаться в деньгах, я тебе всегда готова помочь потихоньку от своих, только немного — рублей сто, не более. Будь счастлив. А я должна плакать всю жизнь. Твоя навеки, Серафима». — Что же это такое! Это так странно, что я даже этому и не верю. Вероятно, она шутит или хочет меня попугать. Однако посмотрим, что такое за бумажник. Может быть, в нем что-нибудь и есть *(вынимает из кармана).*

Прежнева. Я почти уверена, Поль. Она верно хотела тебе сделать сюрприз.

Поль. Бумажник щегольской! *(Развертывает его и рассматривает.)* Пусто!

Прежнева. Посмотри, нет ли где секретного какого отделения?

Поль. Вот есть и секретное, да в нем тоже ничего нет.

Входит лакей.

Что тебе?

Лакей. Да помилуйте, что же это такое? Шубу увезли! Поль. Какую шубу?

Лакей. Вашу шубу. Велели положить к барыне в карету и увезли. Уж я с Анюткой немало ругался, да что ж с ними сделаешь. На что ж это похоже, я уж и не знаю.

Поль. Маменька! Это уж не шутки.

Лакей. Это ведь срам! Не первый год служу. *(Всплеснув руками.)* Господи! я и не видывал. Помилуйте, Павел Петрович!

Поль. Ну, поди вон!

Лакей. Да это и в люди сказать, так стыда-то не оберешься. Что это такое? Что это такое? *(Уходит.)*

Поль *(садясь и пристально глядя на мать)*. Maman!

Прежнева. Нынче у женщин совсем нет сердца, совсем нет.

Поль. Позвольте мне, maman, поблагодарить теперь вас за две вещи: во-первых, за то, что вы промотали мое состояние, а во-вторых, за то, что воспитали меня так, что я никуда не гожусь. Я умею только проживать. А где деньги, где? *(Горячо.)* Где деньги? Ну, давайте мне их! Вам Ьесело было, когда я восьми лет, в бархатной курточке, танцовал лучше всех детей в Москве и уж умел волочиться за маленькими девочками! Вам весело было, когда я шестнадцати лет отлично скакал на лошади! Вы любовались, когда мы с моим гувернером, вашим любимцем, скакали по нашим наследственным полям. Вам весело было! При таком воспитании нужно иметь деньги,

чтобы играть значительную роль в нашем обществе. Зачем же вы все промотали? Куда делись наши имения, наши крестьяне? Я блистал бы в обществе наперекор всем этим ученым и современно образованным людям с новыми идеями. Мне это было бы легко: они большой симпатией не пользуются. А теперь что? Теперь вы, может быть, будете иметь удовольствие видеть меня выгнанным из службы, праздношатающимся, картежным игроком, а может быть, и хуже. Что ж мне делать? Нельзя же мне от живой жены жениться в другой раз. *(Опускает голову на руки.)*

Воспитанница*

Сцены из деревенской жизни

ЛИЦА:

Уланбекова, старуха лет под 60, высокого роста, худая, с большим носом, черными густыми бровями; тип лица восточный, небольшие усы. Набелена, нарумянена, одета богато, в черном. Помещица 2000 душ.

Леонид, ее сын, 18 лет, очень красив, немного похож на мать. Одет по-летнему. Учится в Петербурге.

Василиса Перегриновна, приживалка, девица 40 лет. Волос мало, пробор косой, коса зачесана высоко, с большой гребенкой. Постоянно коварно улыбается и страдает зубами; желтая шаль около самого горла заколота булавкой.

Потапыч, старый дворецкий. Галстук и жилет белые, фрак черный. С виду важен.

Надя, 17 лет, любимая воспитанница Уланбековой, одета как барышня.

Гавриловна, ключница, пожилая женщина, полная, с открытым лицом.

Гриша, мальчик лет 19, любимец барыни, одет

франтом, часы с золотой цепочкой. Красив, волосы кудрявые, выражение лица глупое.

Неглигентов, приказный, очень грязный молодой человек.

Лиза, горничная, недурна собой, но очень полна и курноса; в белом платье, лиф которого короток и сидит неловко; на шее маленький красный платочек, волосы очень напомажены.

Крестьянская девушка, лакей и горничная без речей.

Действие происходит весной, в подгородной усадьбе Уланбековой.

I

Часть густого сада, с правой стороны скамейка, на заднем плане решетка, отделяющая сад от поля.

Явление первое

Входят Надя и Лиза.

Надя. Нет, Лиза, ты этого не говори: какое же может быть сравнение жить в деревне али в городе!

Лиза. Какая же такая особенная жизнь в городе?

Надя. Там уж все другое; и люди не те, да и порядок совсем другой.

Садятся на скамью.

Когда мы были с барыней в Петербурге, так это только поглядеть надобно было, какие к нам господа ездили и как у нас было убрано в комнатах; опять же барыня везде брала меня с собой, даже и в Петергоф мы ездили на пароходе, и в Царское Село.

Лиза. То-то, я думаю, хорошо!

Надя. Уж так прелестно, что и словами нельзя

сказать! Потому что, как хочешь тебе рассказывай, если ты сама не видала, так ничего не поймешь. Еще тогда у нас гостила барышня, племянница барыни, так я с ней по целым вечерам разговаривала, иногда и ночи просиживала.

Лиза. Об чем же вы с ней разговаривали?

Надя. Ну, разумеется, все больше про благородное обращение, об кавалерах там да об гвардейцах. Так как они часто бывают на балах, так и рассказывали, какие у них там разговоры бывают и кто им больше нравится. Только уж какие эти барышни!

Лиза. А что?

Надя. Бойки очень. И откуда они все это знают! А потом мы целую зиму жили в Москве. Видя все это, моя милая, и сама стараешься себя облагородить. Уж и держишь себя не так и разговор стараешься иметь особенный.

Лиза. Да к чему же нам себя облагороживать-то! Кому это нужно!

Надя. Как к чему? А вот барыня обещали меня выдать замуж, так я стараюсь так себя образовать, чтоб меня никому не стыдно было взять. Ты знаешь, какие жены у наших чиновников, ну на что это похоже? Я в десять раз лучше их понимаю жизнь и обращение. У меня теперь только одна и

надежда выйти за хорошего человека, чтобы мне быть полной хозяйкой. Посмотри тогда, какой я порядок в доме заведу; у меня не хуже будет, чем у дворянки у какой-нибудь!

Лиза. Дай тебе бог! А замечаешь, как за тобой барин молодой ухаживает?

Надя. Напрасно он ухаживает. Что ж, конечно, он мальчик хорошенький, даже, можно сказать, красавец; только от меня ему ничего не дождаться; потому что я совсем не таких правил и, напротив того, теперь всячески стараюсь, чтобы про меня никакого дурного разговору не было. У меня только одно и на уме, что выйти замуж.

Лиза. И замужем иногда тоже житье-то не радость! Другой такой чадо навяжется, что не накажи господи!

Надя. Что ж мне за радость идти за такого! Я, слава богу, могу в людях разобрать: кто хорош, кто дурен. Это сейчас по обращению и по разговору видно. А вот барыня так напрасно это делают, что нас в такой строгости держат и беспрестанный присмотр за нами имеют. Мне даже обидно! Я такая девушка, что без всякого присмотра могу хорошо себя понимать.

Лиза. Кажется, барин идет.

Надя. Так пойдем.

Встают и уходят. Входит Леонид с ружьем.

Явление второе

Леонид и потом Потапыч.

Леонид. Погодите! Куда вы, куда вы! Что это они всё от меня бегают? Никак их не поймаешь.

Стоит задумавшись. Молчание.

Девушка *(поет за решеткой).*

Никак невозможно без печали жить!
Любить друга можно, нельзя не тужить.

Леонид (*подбегая к решетке*). Какая ты хорошенькая!

Девушка. Хороша, да не ваша.

Леонид. Поди сюда!

Девушка. Куда?

Леонид. Ко мне в сад.

Девушка. А пошто я к тебе пойду?

Леонид. Я поеду в город, тебе сережки куплю.

Девушка. Молоденек еще! (*Громко смеется и уходит.*)

Леонид стоит, повеся голову и задумавшись. Входит Потапыч в охотничьем платье, с ружьем.

Потапыч. За вами, сударь, не поспеешь; у вас

ножки-то молоденькие.

Леонид (*все еще задумавшись*). Ведь все это, Потапыч, мое будет.

Потапыч. Все, сударь, ваше, и мы все ваши будем… Как, значит, при барине, при покойнике, так все равно и вам должны… Потому одна кровь… Уж это прямое дело. Конечно, продли бог веку вашей маменьке…

Леонид. Я уж тогда, Потапыч, служить не стану, прямо в деревню приеду, здесь и буду жить.

Потапыч. Нельзя, сударь, вам не служить.

Леонид. Ну да, как же! Нужно мне очень! Еще писать заставят! (*Садится на скамейку*.)

Потапыч. Нет, сударь, зачем же вам самим дело делать! Уж это не порядок! Вам такую службу найдут — самую барственную, великатную; работать будут приказные, а вы будете над ними надо всеми начальником. А чины уж сами собой пойдут.

Леонид. Разве виц-губернатором сделают либо в предводители выберут!

Потапыч. Что ж мудреного!

Леонид. А что, как я буду виц-губернатором, ты меня будешь бояться?

Потапыч. Чего же мне бояться? Это другие точно должны раболепствоваться, а нам все равно,

вы наш барин; для нас даже еще чести больше.

Леонид (*не слушая*). А что, Потапыч, много у нас хорошеньких девушек?

Потапыч. Вот видите ли, сударь, если взять в рассуждение, так оно точно, как девушек не быть! Есть и в вотчине, и в дворне; только притом же надобно сказать, что у нас насчет этого строгости большие. Наша барыня, по их строгой жизни и по своему богомольству, очень за этим наблюдают. Теперича возьмите то: воспитанниц и горничных, которых любят, сами замуж отдают. Коли где им человек понравится, за того и отдают, и приданое дают, не большое — этого нельзя сказать. У нас всегда воспитанницы две или три не переводятся. Возьмут у кого-нибудь девочку, воспитают ее; а как минет лет семнадцать или восемнадцать, так без всякого разговора и отдают замуж, за приказного или за мещанина в город, как им вздумается, а иногда и за благородного. Да, сударь, да! Только какое житье этим воспитанницам, сударь! Беда!

Леонид. А что?

Потапыч. Уж очень строго. Скажут: я тебе нашла жениха, и вот, скажут, тогда-то свадьба, ну и конец, тут уж разговаривать ни одна не смей! За кого прикажут, за того и ступай. Потому что,

сударь, я рассуждаю так, кому же приятно, давши воспитание, да видеть непокорность. А бывает, сударь, и так, что и жених невесте не нравится, и невеста жениху: так уж тут очень гневаются. Так даже из себя выходят. Пожелали они одну воспитанницу отдать за лавочника в город, а он, человек неполированный, вздумал было сопротивляться. Мне, говорит, невеста не нравится, да я и жениться-то не хочу еще. Так в те поры и городничему жаловались, и отцу протопопу: ну и уломали дурака.

Леонид. Вот как!

Потапыч. Да-с. Они даже и у знакомых у кого, если увидят девушку, так сейчас и ищут ей жениха. Наша барыня так рассуждают, что они глупы; если теперича над ними попечения не иметь, так они зря и проживут, без всякого порядка. Точно так, сударь. Некоторые даже, по своей глупости, прячут девок-то от барыни, чтоб они как-нибудь на глаза не попались; потому тут им уж и конец.

Леонид. Так она и чужих точно так же?

Потапыч. И чужих. На всех свою заботливость простирают. Такое доброе сердце имеют, что обо всех беспокоются. И уж очень сердятся, когда без их спросу делают. А уж как о своих воспитанницах заботятся, так это на редкость. Одевают их,

как бы истинно своих родных дочерей, и иногда с собой кушать сажают, и работать ничего не заставляют. Пускай, говорят, смотрят все, как у меня живут воспитанницы; хочу, говорят, чтоб все им завидовали.

Леонид. Что ж, это хорошо, Потапыч.

Потапыч. И какое трогательное поучение делают, когда замуж отдают! Вы, говорят, жили у меня в богатстве и в роскоши и ничего не делали; теперь ты выходишь за бедного, и живи всю жизнь в бедности, и работай, и свой долг исполняй. И позабудь, говорят, как ты у меня жила, потому что не для тебя я это делала: я себя только тешила, а ты не должна никогда об такой жизни и думать, и всегда ты помни свое ничтожество, и из какого ты звания. И так чувствительно, даже у самих слезки.

Леонид. Что ж, это хорошо.

Потапыч. Не знаю, как сказать, сударь. Както все скучают замужеством-то потом, сохнут больше.

Леонид. Отчего же, Потапыч, сохнут?

Потапыч. Должно быть, не сладко, коли сохнут.

Леонид. Странно это!

Потапыч. Мужья-то больше всё разбойники

попадаются.

Леонид. А, вот что!

Потапыч. Уж очень все льстятся на наших воспитанниц, потому что барыня сейчас свою протекцию оказывают. Теперь, которых отдали за приказных, так уж мужьям-то жить хорошо; потому, если его выгнать хотят из суда или и вовсе выгнали, он сейчас к барыне к нашей с жалобой, и они уж за него горой, даже самого губернатора беспокоют. И уж этот приказный в те поры может и пьянствовать, и все; и уж никого не боится; только разве когда сами поругают или уж проворуется очень…

Леонид. А скажи, Потапыч, отчего это девушки бегают от меня?

Потапыч. Как же им не бегать, им нельзя не бегать, сударь!

Леонид. Да отчего ж нельзя?

Потапыч. Хм! Отчего? По тому самому, как вы еще в малолетствии, так барыня хотят вас соблюсти как должно: ну, и их тоже соблюдают.

Леонид. Соблюдает, ха-ха-ха!

Потапыч. Да-с! Уж это верно! Разговор был об этом. Вы как есть ребенок, все равно что голубь, ну а девки глупы.

Молчание.

Да что ж, сударь: маменька ваша обыкновенно должны строгость наблюдать, потому как они дамы. А вам что на них смотреть! Вы сами по себе должны поступать, как все молодые господа поступают. Уж вам порядку этого терять не должно. Что ж вам от других-то отставать! Это будет к стыду к вашему.

Леонид. Так-то так, да не умею я с девушками разговаривать.

Потапыч. Да вам что с ними разговаривать-то долго! Об чем это? Об каких науках вам с ними разговаривать? Нешто они что понимают! Обыкновенно, вы барин, ну вот и конец.

Леонид (*смотрит в сторону*). Кто это там идет? Это Надя, кажется. Ах, Потапыч, какая она хорошенькая!

Потапыч. Она, сударь, мне сродственница доводится, племянница. Ее отец еще покойным барином был на волю отпущен; он в Москве при кондитерской должности находился. Как мать у нее померла, ее барыня и взяли на воспитание и оченно любят. А потом у ней и отец теперича помер, значит сирота теперича выходит. Девушка хорошая.

Леонид. Они, кажется, сюда идут.

Потапыч. Ну что ж, пущай.

Входят Гавриловна и Надя.

Явление третье

Те же, Гавриловна и Надя.

Гавриловна. Здравствуйте, барин хороший!

Леонид (*кланяется*). Здравствуйте!

Гавриловна. А что, барин, чай, вам скучно в деревне-то?

Леонид. Нет, ничего.

Гавриловна. Ну, уж как, чай, не скучать! Ишь ведь у нас точно монастырь, в сто глаз смотрят. Ну, а вы, известное дело, молодой человек и позабавились бы чем-нибудь, да нельзя. Не велико веселье-то уток стрелять! (*Смеется.*)

Леонид (*подходя к Гавриловне*). Да, да, Гавриловна.

Надя (*Гавриловне*). Пойдем.

Гавриловна. Куда это идти-то? Ты бы вот, благо барыни-то дома нет, побалагурила б с молодым барином. Молодым людям то и надобно. А какая она у нас умная, барин! И поговорить, и все.

Надя. Ну, что хорошего!

Гавриловна. Да и дурного-то ничего нет! Я молода была, от господ не бегала, да вот не съели же меня. Авось и он тебя не укусит. Полно скромничать-то, останься! А я пойду чай готовить!

Прощайте, барин хороший! (*Уходит.*)

Леонид. Отчего вы не хотели со мной остаться?

Потапыч. Что это вы, барин, ей вы говорите, точно барышне.

Леонид. Чего же ты боялась?

Надя молчит.

Потапыч. Говори, что ж ты молчишь! А я, сударь, пойду, мне также к чаю одеться надобно. (*Уходит.*)

Явление четвертое

Леонид, Надя и потом Лиза.

Надя. Конечно, я девушка простого звания, а ведь и нам тоже не хочется, чтоб об нас дурно говорили. Сами извольте посудить, кто же меня после таких разговоров замуж возьмет?

Леонид. Ты разве замуж выходишь?

Надя. Да-с. Какая же девушка не надеется когда-нибудь выйти замуж?

Леонид. А у тебя уж есть жених?

Надя. Еще нет-с.

Леонид (*робко*). Если нет жениха, так ты, может быть, влюблена в кого-нибудь?

Надя. Уж вы очень любопытны. Да нет, нечего на себя и лгать, ни в кого я не влюблена-с.

Леонид (*с большею робостью*). Полюби меня!

Надя. Насильно сердце заставить нельзя-с.

Леонид. Отчего же? Разве я тебе не нравлюсь?

Надя. Нет-с, как можно, чтоб вы не нравились! Да вы нам неровня! Какая уж это любовь! видимая погибель. Вот Лиза бежит, должно быть, за мной! Прощайте! Счастливо оставаться!

Уходит. Лиза входит.

Лиза. Барин, пожалуйте! Маменька приехала.

Леонид. Лиза!

Лиза (*подходя*). Что вам угодно?

Леонид (*обнимает Лизу; она вздрагивает от удовольствия*). Отчего Надя меня любить не хочет?

Лиза (*жеманясь*). Как вы, барин, рассуждаете! Наша сестра, уж известно, себя беречь должна!

Леонид. Как беречь?

Лиза (*смотрит ему в лицо и улыбается*). Уж известно как. Что это, словно вы маленький.

Леонид (*печально*). Что же мне теперь? Я уж и не знаю. Все от меня бегают.

Лиза. А вы куражу не теряйте; поволочитесь хорошенько! Ведь сердце-то у нас тоже не каменное.

Леонид. Да что уж! Я у нее спрашивал: она говорит, что не любит.

Лиза. Ах, вы какой чудной, барин! Да кто ж у девушек прямо спрашивает, любят или нет. Хоть бы другая наша сестра и любила, так не скажет.

Леонид. Отчего же?

Лиза. Потому стыдно. Однако пустите, барин! (*Освобождается.*) Вон нинфа-то[8] идет.

Леонид. Приходите ужо в сад после ужина, как маменька спать ляжет.

Лиза. Ишь вы какие проворные!

Леонид. Пожалуйста, приходите.

Лиза. Ну, уж там видно будет.

Входит Василиса Перегриновна.

Барин, чай пожалуйте кушать, маменька дожидается.

Леонид. Хорошо, сейчас.

Явление пятое

Те же и Василиса Перегриновна.

Василиса Перегриновна. Видела, мой друг, видела.

Лиза. Нечего видеть-то было. (*Уходит.*)

Леонид. Ну что ж что видели? Жаловаться, что ли, станете? Так я скажу, что вы лжете. Кому

---

[8] Примечания: 8

Нимфа (нинфа) в простонародии имеет значение злой женщины, фурии. *(Прим. А. Н. Островского.)*

больше поверят: вам или мне? (*Делает гримасу и уходит.*)

Василиса Перегриновна. Вот все-то так со мной. Моченьки моей нету! Все сердце изболело. Мученица я на этом свете. (*Срывает с сердцем цветок и обрывает с него лепестки.*) Кажется, кабы моя власть, вот так бы вас всех! Так бы вас всех! Так бы вас всех! Погоди ж ты, мальчишка! Уж я тебя поймаю! Кипит мое сердце, кипит, ключом кипит. А вот теперь иди, улыбайся перед барыней, точно дура какая! Эка жизнь! эка жизнь! Грешники так в аду не мучаются, как я в этом доме мучаюсь. (*Уходит.*)

II

Гостиная. Прямо отворенная дверь в сад, по сторонам двери, посередине круглый стол.

Явление первое

Из боковой двери выходят: лакей с самоваром и девка с чайным прибором; ставят то и другое на стол и уходят. Гавриловна и Потапыч входят за ними. Гавриловна приготовляет чай. Василиса Перегриновна выходит из саду.

Василиса Перегриновна. Вы мне, моя милая, всегда только одной воды наливаете.

Гавриловна. Крепкий-то чай вам нездорово пить, сударыня.

Василиса Перегриновна. Не ваше дело обо мне заботиться!

Гавриловна. Он грудь сушит, а вы уж и так совсем высохли.

Василиса Перегриновна. Эка жизнь! Эка жизнь! Не от чаю я, милая, высохла, от обиды людской я высохла.

Гавриловна. Обидишь вас! Вы сами всех обижаете, точно вас что поджигает.

Василиса Перегриновна. Не смеешь ты так со мной разговаривать! Ты помни, кто я. Я сама была помещица; у меня такие-то, как ты, пикнуть не смели, по ниточке ходили. Не давала я вашей сестре зазнаваться.

Гавриловна. Были, да сплыли. То-то вот бодливой корове бог рог не дает.

Василиса Перегриновна. Изверги вы мои, злодеи! Смерти вы моей желаете. Скоро я умру, скоро; чувствует душа моя скорую мою кончину! (*Поднимает глаза к небу*.) Закрой меня от людей, гробовая доска! Прими меня к себе, сырая земля! То-то вам радость будет, то-то веселье!

Потапыч. Нам что ж! Нам какая оказия!.. Живите себе!

Гавриловна. Пока бог грехам терпит.

Василиса Перегриновна. За свои грехи уж я здесь намучилась; чужие грехи теперь оплакиваю,

Гавриловна. Лучше бы вы чужих-то грехов не трогали. А то помирать сбираетесь, а чужие грехи пересуживаете. Нешто вы не боитесь?

Василиса Перегриновна. Чего бояться? Чего мне бояться?

Гавриловна. А того, что с крючком-то сидит. Уж он, чай, поджидает.

Василиса Перегриновна. Где я! Где я! Боже мой! Точно я в омуте каком, изверги…

Входят с левой стороны: Уланбекова, Надя, Лиза и Гриша.

Явление второе

Те же и Уланбекова, Гриша, Надя и Лиза.

Василиса Перегриновна. Помолиться, благодетельница наша, изволили?

Уланбекова. Да, к вечерне ездила в город, праздник нынче там.

Василиса Перегриновна. Много благодеяний рассыпали нестоющим людям?

Уланбекова. Нет, только в Пустую улицу заезжала, к старику Неглигентову. Просил меня устроить его племянника: крестник ведь он мне. Жаль этих людей!

Василиса Перегриновна. Уж вы, матушка, всем благодетельница. Всем таки, всем! Которые и взгляду-то вашего не стоят, вы и тем благодетельствуете.

Уланбекова (*садится*). Нельзя же, душа моя! Нужно делать ближним добро.

Василиса Перегриновна. Да чувствуют ли они это добро-то? Могут ли они понять, бесчувственные животные, сколько вашего для них

снисхождения?

Уланбекова. А мне все равно, милая! Для себя надо добро делать, для своей души. Заезжала потом к исправнику, просила, чтоб Неглигентова столоначальником сделал.

Василиса Перегриновна. Да, благодетельница, стоит ли…

Уланбекова. Не перебивай! Странный человек у нас исправник; я его прошу, а он говорит: места нет. Я ему говорю: вы, кажется, не понимаете, кто вас просит? Что ж, говорит, не выгнать же мне хорошего человека для вашего крестника. Грубый человек! Однако обещал!

Василиса Перегриновна. Еще бы он смел! Я и понять не могу, как это у него язык-то повернулся против вас. Вот уж сейчас необразование-то и видно. Положим, что Неглигентов, по жизни своей, не стоит, чтобы об нем и разговаривать много, да но вас-то он должен сделать для него все на свете, какой бы он там ни был негодяй.

Уланбекова. Ты не забывай, что он мой крестник.

Василиса Перегриновна. Я про то вам и докладываю, благодетельница: крестник он вам, ну и кончено дело, он никаких и разговоров не должен слушать. А то мало ли что говорят! Вот го-

ворят, что он беспутный совсем, что дядя его в суд определил, а он оттуда скрывается; целую неделю пропадал, говорят, где-то версты за четыре на большой дороге, подле кабака, рыбу ловил. Да что пьянствует не по летам. Да кому ж какое дело; значит, он стоит того, когда вы за него просите!

Уланбекова. Я этого не слыхала и пьяным его не видала никогда; а просила я за него исправника, потому что он мой крестник. Я ему вместо матери.

Василиса Перегриновна. Знаю, благодетельница, знаю; все это знают, что вы, если захотите, так можете из грязи человеком сделать; а не захотите, так будь хоть семи пядей во лбу, так в ничтожестве и пропадет. Сам виноват, отчего не умел заслужить!

Уланбекова. Я, кажется, никому зла не сделала.

Василиса Перегриновна. Какое же зло? Да вы, по своему ангельскому сердцу, и мухи не обидите! Оно, конечно, все мы люди не без греха, дел же у вас много; на всех нельзя угодить! Коли правду говорить, так, благодетельница вы моя, довольно-таки народу и на вас плачутся.

Уланбекова. Кто же на меня плачется? Что ты врешь!

Василиса Перегриновна. Вам, благодетельница наша, всего знать нельзя. Да и не стоит вам, по вашей барственности, о всякой дряни беспокоиться. А хоть и плачутся, что на них смотреть, стоят ли они того? Вы уж другим-то много благодеяний делаете, так вам, нашей благодетельнице, бог простит.

Уланбекова. Я все-таки желаю знать, кого я обидела?

Василиса Перегриновна. Есть-таки, благодетельница.

Уланбекова (*строго*). Да кто же, говори!

Василиса Перегриновна. Не гневайтесь, благодетельница! Это я так сказала, потому что, сами знаете, какой нынче народ стал обидчивый, ничем не довольный.

Уланбекова. Это ты сказала для того, чтобы сделать мне какую-нибудь неприятность.

Василиса Перегриновна. Лопни глаза мои!

Уланбекова. Ну, уж я тебя знаю. Ты душой не покойна, если чего-нибудь обидного не скажешь. Будь ты, пожалуйста, осторожней; а то ты меня когда-нибудь выведешь из терпения, тебе ж будет хуже.

Молчание.

Давайте чаю.

Гавриловна. Сейчас, сударыня. (*Наливает две чашки.*)

Потапыч подает Уланбековой и Василисе Перегриновне.

Уланбекова. Налей и Грише: он нынче ездил со мной, устал.

Гавриловна. Налью, сударыня. (*Наливает и подает Грише.*)

Гриша. Что ж молока-то мало налила? Жаль тебе, что ли?

Гавриловна (*подливает молока*). И так тебя, как теленка, уж отпоили.

Гриша берет чашку и уходит за дверь в сад.

Уланбекова. Я думала вот Надю отдать за Неглигентова — с приличным награждением, разумеется. Ты говоришь, что он дурную жизнь ведет, так надобно будет свадьбой поторопиться. Она у меня девушка хороших правил, будет его удерживать, а то он от холостой жизни совсем избалуется. Холостая жизнь ужасно портит молодых людей.

Надя (*Лизе*). Слышишь, Лиза? Что же это! Боже мой!

Лиза. Вот и слушай, а говорить нельзя.

Василиса Перегриновна. Давно, благодетельница, пора отдать ее; что ей болтаться-то! Теперь

же сынок-то ваш, наш ангельчик, сюда приехал.

Уланбекова. Ах, перестань! что ты еще выдумываешь? Он ребенок совсем.

Василиса Перегриновна. Ребенок, благодетельница! Уж нечего сказать, дал вам бог сына на радость да на утешение. И мы-то все на него не нарадуемся. Словно солнце какое у нас показалось. Такой добрый, такой веселый, такой ко всем ласковый! А уж за девушками так и бегает; проходу нигде не дает; а они-то, дуры, рады-радехоньки, так и ржут.

Уланбекова. Врешь ты! Мне кажется, ему девушек и видеть негде, они весь день на своей половине, да и не ходят никуда.

Василиса Перегриновна. Ах, благодетельница! да девку никакими замками не удержишь, коли она что сделать задумает.

Уланбекова. Слышишь, Гавриловна! Ты у меня смотри за девками. Ты знаешь, я разврата не терплю. Скажи это всем строго-настрого. (*Василисе Перегриновне*.) Да нет, этого быть не может. Ты меня только расстроиваешь своими глупостями. Экая ты скверная на язык! Очень нужно тебе было болтать! Теперь у меня из головы не выйдет. Смотри же, Гавриловна!

Гавриловна. Что вы, сударыня, ее слушаете!

Василиса Перегриновна. Да что ж, благодетельница, разве я что дурное говорю! Смею ли я подумать-то про него, про ангельчика? Конечно, еще ребенок, поиграть ему хочется, а здесь товарищей ему нет: он с девушками и играет.

Уланбекова. Яд у тебя на языке. (*Задумывается.*)

Потапыч принимает чашки. Гавриловна наливает и подает. Гриша приходит из саду, толкает Гавриловну и делает знак головой, чтобы налила еще. Гавриловна наливает. Гриша уходит.

А Надю все-таки нужно замуж отдать.

Надя (*почти плача*). Сударыня, я нами так была обласкана, что и выразить не могу. Извините меня, что я смею теперь вам говорить; но, по вашему ко мне расположению, я от вас совсем не такой милости ждала. Чем же я вам теперь, сударыня, не угодила, что вы меня хотите за пьяницу отдать?

Уланбекова. Ты, милая, об этом рассуждать не можешь: ты девушка. Ты должна во всем положиться на меня, на свою благодетельницу. Я тебя воспитала, я тебя и пристроить обязана. Опять же ты и того не должна забывать, что он мой крестник. Ты бы за честь должна была благодарить. Да и вот еще я тебе скажу один раз

навсегда: я не люблю, когда рассуждают, просто не люблю, да и всё тут. Этого позволить я не могу никому. Я смолоду привыкла, чтоб каждого моего слова слушались; тебе пора это знать! И мне очень странно, моя милая, что ты осмеливаешься возражать мне. Я вижу, что избаловала тебя; а вы ведь сейчас зазнаетесь.

Надя плачет.

Василиса Перегриновна. Благодетельница, чувство нужно человеку иметь, чувство! А какое ж в них может быть чувство, окромя неблагодарности?

Уланбекова. Не с тобой говорят! Что ты вмешиваешься во всякое дело! (*Наде строго*.) Это что за новости? ты плакать еще! Чтобы этих слез не было!

Надя плачет.

Я тебе говорю. (*Привстает*.) Для меня ваши слезы ровно ничего не значат! Когда я захочу что-нибудь сделать по-своему, уж я поставлю на своем, никого в мире не послушаюсь! (*Садится*.) И вперед знай, что упрямство твое ни к чему не поведет; только ты рассердишь меня.

Надя (*плача*). Сирота я, сударыня! Ваша воля во всем.

Уланбекова. Еще бы! разумеется, моя воля;

потому что я тебя воспитала; это все равно что жизнь дала.

Леонид входит.

Явление третье

Те же и Леонид.

Леонид. Здравствуйте, мамаша!

Уланбекова. Здравствуй, мой друг! Где ты был?

Леонид. Ходили на охоту с Потапычем; я, мамаша, двух уток убил.

Уланбекова. Не жалеешь ты матери; ну с твоим ли здоровьем, мой друг, на охоту ходить! Захвораешь еще, сохрани господи, тогда ты меня просто убьешь! Ах, боже мой, сколько я страдала с этим ребенком! *(Задумывается.)*

Гавриловна. Барин, угодно чаю?

Леонид. Нет, не хочу.

Уланбекова (Василисе Перыриновне). Когда я родила его, я была очень долго больна; потом он все хворал, так и рос все хворый. Сколько я над ним слез пролила! Бывало, гляжу на него, а у самой так слезы и катятся: кет, не придется мне его видеть в гвардейском мундире. Но тяжелей всего мне было, когда отец, по болезни, должен был его определить в штатскую школу. Чего

мне стоило, моя милая, отказаться от мысли, что он будет военный! Я полгода больна была. Ты представь только себе, моя милая, когда он кончит курс, ему дадут такой же чин, какой дают приказным из поповичей! На что это похоже? В поенной службе, особенно в кавалерии, псе чипы благородны; даже юнкер, уж сейчас видно, что на дворян. А что такое губернский секретарь или титулярный советник? Всякий может быть титулярным советником: и купец, и семинарист, и мещанин, пожалуй. Только стоит поучиться да послужить. Другой и из мещан способен к ученыо-то, так он еще, пожалуй, чином-то обгонит. Как это заведено! Как это заведено! Ну уж! (*Махнув рукой, отворачивается.*) Не люблю я ничего осуждать, что от высшего начальства установлено, и другим не позволяю, а уж этого не похвалю. Всегда буду вслух говорить, что это несправедливо, несправедливо.

Леонид. Отчего это у Нади глаза заплаканы?

Василиса Перегриновна. Не бита давно. Уланбекова. Это, мой друг, до тебя не касается. Надя, поди отсюда, тебе нечего здесь делать.

Надя уходит.

Леонид. А я знаю об чем: вы ее замуж хотите выдать.

Уланбекова. Отдаю я ее замуж или нет, это, мой друг, уж мое дело. Да я и не люблю, кто в мои распоряжения вмешивается.

Василиса Перегриновна. Какой вы у нас умный, все-то знаете, во все-то входите!

Леонид. Ах, мамаша, я и не вмешиваюсь в ваши распоряжения. Только он пьяница.

Уланбекова. Опять-таки это не твое дело. Предоставь об этом судить матери.

Леонид. Мне только, мамаша, жалко ее.

Уланбекова. Все это прекрасно, мой друг; но желала бы я знать, от кого ты слышал, что я выдаю Надю замуж. Если это из дворни кто-нибудь…

Леонид. Нет, мамаша, нет.

Уланбекова. Откуда же тебе знать иначе? Когда это передать успели! (*Гавриловне*.) Узнать непременно!

Леонид. Да нет, мамаша, мне сам жених ее сказывал.

Уланбекова. Какой жених?

Леонид. Я не знаю какой! Он говорит, что чиновник, такая мудреная фамилия: Неглигентов. Какой он смешной! Он говорит, что ваш крестник и никого не боится. Теперь пляшет пьяный в саду

Уланбекова. Пьяный, в моем доме!

Леонид. Хотите, я его позову. Потапыч, позови Неглигентова! Он говорил, что вы нынче были у его дяди и обещали отдать за него Надю. Он теперь уж заранее рассчитывает, сколько доходов будет получать в суде, или халтуры, как он говорит. Какой он смешной! Он мне представлял, как его учили в училище. Хотите, я при вас его заставлю?

Потапыч и Неглигентов входят.

Явление четвертое

Те же, Неглигентов и Потапыч.

Уланбекова. Ах, ах, какой противный! Не подходи ко мне!

Неглигентов. Послан от дяди возблагодарить за щедроты ваши.

Леонид. Он говорит, мамаша, что его много учили, только никак нельзя было выучить.

Неглигентов. Невозможно, от рождения не имел способностей к наукам; верберов по пятьдесят и по сто получал почти ежедневно; но понятия не прибавлялись.

Леонид. Ах, мамаша, как он смешно рассказывает про свое ученье! Вот послушайте. Ну, а как ты по-латыни учился?

Неглигентов. Турписсиме!

Уланбекова (*пожимая плечами*). Это что такое?

Неглигентов. Весьма гнусно.

Леонид. Нет, постойте, а что учитель с тобой делал?

Неглигентов (*хохочет*). Смеха достойно. Однажды, после жестокого истязания, приказал двум ученикам привязать меня за шею кушаком и водить по базару для посмеяния.

Уланбекова. Как же тебя на службу-то приняли, когда ты ничему не выучился?

Неглигентов. По ходатайству с ильных лиц.

Леонид. Ну, а из училища тебя выгнали?

Неглигентов. Не выгнали; но исключили за великовозрастие.

Леонид. Как за великовозрастие?

Неглигентов. А так как я в продолжение учения и истязаний, оставаясь в одних классах, возмужал и возрос более всех своих сверстников, то и был исключен за великовозрастие. Более же я пострадал от мздоимства начальствующих. Наш ректор любил приношения и перед экзаменами за неделю рассылал нас всех по родителям за подарками. По количеству сих подарков мы и переводились в высшие классы.

Леонид. А поведения ты был какого?

Неглигентов. Предосудительного.

Уланбекова. Что это такое! Боже мой! Поди вон, любезный, поди вон!

Леонид. Ах, мамаша, он очень смешон! погодите его гнать. Неглигентов, пляши!

Неглигентов (*пляшет и поет*).

Я пойду, пойду косить
Во зеленый луг.

Гриша хохочет.

Уланбекова. Перестань, перестань!

Неглигентов перестает.

(*Грише*.) Чему ты смеешься?

Гриша. Да уж оченно смешно член пляшет.

Уланбекова. Как член?

Гриша. Да он нам всем говорит, что он в суде член, а не писарь. Так его членом и ищут.

Неглигентов. Членом я называю себя, хотя и ложно, но, собственно, для уважении от дворовых челядинцев и чтоб избежать глумления и обид.

Уланбекова. Поди вон и не смей никогда ко мне являться.

Неглигентов. Дядя говорит, что я впал в разврат от холостой жизни и что я могу погрязнуть в оном, если вы меня не облагодетельствуете.

Уланбекова. Нет, нет, никогда!

Неглигентов *(на коленях)*. Дядя велел мне слезно умолять вас, потому что я человек потерянный, подверженный многим порокам, и без ваших благодеяний терпим быть на службе не могу.

Уланбекова. Скажи своему дяде, что благодетельствовать я вам буду всегда; а ты об невесте и не думай. Поди, поди!

Неглигентов. Благодарим за неоставление! (*Грише.*) Просись на гулянку у барыни и догоняй! (*Уходит.*)

Явление пятое

Те же без Неглигентова.

Уланбекова. Как можно ошибиться в людях! Хлопочешь об них, заботишься, а они даже и не чувствуют Я было хотела устроить счастие для этого мальчика, а он лезет в дом пьяный. Уж если он подвержен этой слабости, так по крайней мере старался бы скрывать ее от меня. Пей он там, где хочет, да чтоб я-то не видала! Я бы тогда знала по крайней мере, что он меня уважает. Какое невежество! Какая дерзость! Кого же он побоится, если не боится меня?

Леонид. Ах, какой он смешной! Вы на меня, мамаша, не сердитесь! Когда я узнал, что вы хо-

тите отдать за него Надю, мне стало ее жалко. Вы у нас такая добрая! (*Целует у ней руку*.) Мне не хотелось, чтоб вы сделали несправедливость.

Уланбекова. С этим народом, не согреша, согрешишь! (*Целуя его*.) Прекрасную душу ты имеешь, мой друг! (*Василисе Перегриновне*.) Вот я всегда верила, что иногда сам бог говорит устами младенцев. Лиза! поди скажи Надежде, чтоб она не плакала, что я прогнала ее жениха.

Лиза. Слушаю-с! (*Уходит*.)

Гриша (*подходит, раскачиваясь, и становится в непринужденную позу*). Сударыня!

Уланбекова. Что тебе?

Гриша. Позвольте мне и город сходить; нынче там праздник.

Уланбекова. Зачем это ты пойдешь? На пьяных смотреть?

Гриша (*заложив руки назад*). Позвольте-с.

Уланбекова. Незачем, незачем.

Гриша. Уж позвольте, сударыня.

Уланбекова. Говорю тебе, что незачем. На этих гуляньях только нравственность портится. Там всяких мерзостей наслушаешься! Ты еще мальчик, нечего тебе там делать!

Гриша. Нет, уж вы позвольте-с!

Уланбекова. Останься. Выкинь из головы эти

глупости!

Гриша. Что ж это такое! Служи, служи, а уж и погулять никогда нельзя.

Василиса Перегриновна. Ах-ах-ах, ах-ах-ах! До чего ты избалован! До чего ты избалован!

Уланбекова. Что ты раскудахталась! Молчи!

Василиса Перегриновна. Да как же, благодетельница, молчать-то? Такое бесчувствие! Такая неблагодарность! Сердце надрывается.

Уланбекова. Я тебе приказываю молчать, так ты и должна молчать.

Гриша. Уж вы позвольте-с!

Василиса Перегриновна. Его ль не любят, его ль не ласкают, кажется, больше сына родного!

Уланбекова (*топнув ногой*). Сс!.. Я тебя прогоню.

Гриша. Мне очень хочется на гулянку-то, уж позвольте-с!

Уланбекова. Ну, ступай, только приходи раньше!

Гриша. Слушаю-с!

Василиса Перегриновна. Ручку-то поцелуй, дурак!

Гриша. Что вы меня учите, я свое дело знаю. (*Целует руку у барыни и уходит*.)

Уланбекова. А тебя, моя милая, если я еще

услышу когда-нибудь подобное, я велю с двора метлами согнать.

Уходит. Василиса Перегриновна стоит в оцепенении.

Явление шестое

Те же без Уланбековой и потом Лиза.

Леонид. Что, дождались? Ну и поделом!

Василиса Перегриновна. Будет и на нашей улице праздник.

Лиза входит.

Лиза (*тихо Леониду*). Надя велела вам сказать, что мы ужо придем в сад.

Леонид. Поцелуй ее от меня.

Гавриловна. Дай вам бог здоровья, барин, что за нас заступаетесь. Обидеть-то нас всякая дрянь умеет, заступиться-то только за нас некому. За много это вам, барин, на том свете сочтется.

Леонид. Я всегда за вас готов. (*Уходит, припрыгивая, направо*.)

Гавриловна. Спасибо тебе, батюшка! (*Уходит с Лизой налево*.)

Явление седьмое

Василиса Перегриновна и Потапыч.

Василиса Перегриновна. Что ж ты меня не обижаешь? Они обижают, а ты что ж? Слышал, сама-то уж бить хочет; метлами, говорит, велю. Чтоб ее лопнуло!

Потапыч. Я что ж… Мне человека обидеть что ж! А что там господа… это я не знаю, может оно так и нужно.

Василиса Перегриновна. Видишь ты, что в доме-то делается? Видишь? Понятно тебе или нет? Как я давеча стала про Гришу-то говорить, слышал, как сама-то зарычала? Слышал, как зашипела?

Потапыч. Мне что! Я по милости барыни при своей должности… я все порядки произвожу… А какое мне дело? Что не мое дело, я того не знаю.

Василиса Перегриновна. А видел, как Надька-то с Лизкой смотрели на меня? Видел, как аспидски смотрели? Ох, нужно глядеть за ними, ох, нужно!

Потапыч, махнув рукой, уходит.

У, ты, старый дурак! Экой народец! Экой народец! Не с кем и поговорить-то, душу отвести. (*Уходит.*)

III

Часть сада; на заднем плане пруд, у берега лодка. Светлая ночь. Вдали слышится хороводная песня. Сцена несколько времени пуста.

Явление первое

Выходят Надя и Лиза.

Лиза. Ах, Надя, что это мы делаем! Ну, как барыня узнает, тогда и не живи на свете.

Надя. Коли ты боишься, так ступай домой.

Лиза. Нет, уж я подожду тебя. А все-таки, что ты ни говори, страшно, девушка! Сохрани господи, как узнают!

Надя. Наладила одно! Волка бояться, так в лес не ходить.

Лиза. Да что это с тобой сделалось? Ты прежде не так разговаривала; прежде пряталась, а теперь сама идешь к нему.

Надя. Да, прежде бегала от него, теперь не хочу. (*Стоит задумчиво.*) Теперь и сама не знаю, что со мной вдруг сделалось!. Как только барыня сказала, чтоб не смела я разговаривать, а шла за кого прикажут, так у меня все сердце перевернулось.

Что я подумала, за жизнь моя, господи! (*Плачет.*) Что в том проку-то, что живу я честно, что берегу себя не только от слова от какого, а и от взгляду-то! Так меня зло даже взяло на себя. Для чего, я думаю, мне беречь-то себя? Вот не хочу ж, не хочу! А у самой так сердце замерло: кажется, еще скажи она слово, я б умерла на месте.

Лиза. Что ты говоришь! я ведь думала, что ты шутя к барину-то вышла.

Надя. Какие шутки! Не могу я обиды переносить! не могу!

Молчание.

Эх, Лиза, будь жизнь получше, не пошла б я ночью в сад. Помнишь, бывало, как я об себе раздумывала, да и тебе самой, чай, тоже в голову приходило, что вот ты девушка честная, живешь ты себе как птичка какая; вдруг тебе понравился некоторый человек, он за тебя сватается, ходит к тебе часто, целует тебя… тебе и стыдно-то его, и рада ты ему. Все это идет порядком. Хоть и не богато, хоть, может быть, сидишь ты с женихом в людской, а словно ты княжна какая, словно у тебя каждый день праздник. Потом обвенчают, все тебя поздравляют. Ну, там хоть и трудно будет замужем жить, может быть, работы много будет, да зато живешь ты как в раю; словно ты

гордишься чем!

Лиза. Разумеется, девушка.

Надя. А как тебе скажут: ступай за пьяного, да еще и разговаривать не смей, и поплакать-то о себе не смей… Ах, Лиза!.. Да как подумаешь, что станет этот безобразный человек издеваться над тобой, да ломаться, да свою власть показывать, загубит он твой век так, ни за что! Не живя ты за ним состаришься! (*Плачет*.) Говорить-то только свое сердце надрывать! (*Махнув рукой*.) Так уж, право, молодой барин лучше.

Лиза. Ах, Надя! Не ты б говорила, а не я б тебя слушала.

Надя. Полно, Лиза! что ты передо мной-то скромничаешь! Ну, а сама что, кабы тебя барин полюбил?

Лиза (*заминаясь*). Да как знать! уж, конечно, что говорить… враг-то силен.

Надя. То-то вот!..

Молчание.

Я тебе вот что, Лиза, хотела сказать, вот какая премудрость со мной сделалась: как пошли мне такие мысли о голому, и как стала это я, Лиза, думать об барине, и так он мне мил сделался!.. так мил, что я уж и не знаю!.. Прежде, когда он ухаживал за мной, мне было ничего; а теперь

словно что меня тянет к нему.

Лиза. Ах, девушка! Ну вот поди ж ты! знать, уж так судьба!

Надя. И такой во мне дух сделался: ничего я не боюсь! Кажется, вот режь меня на части, я все-таки на своем поставлю. И отчего это так, не знаю.

Молчание.

Жду не дождусь ночи-то! Так, кажется, на крыльях бы к нему полетела. То одно держу в уме, что недаром я по крайней мере собой хороша, будет чем вспомнить молодость. (*Задумчиво.*) Думаю себе: молодой такой да хороший! Еще стою ли я, дура, чтоб он любил-то меня? Заглохнуть бы мне здесь, в этом захолустье, кабы не он.

Лиза. Что это, Надя, ты словно как не в себе?

Надя. Да и то не в себе. Пока она баловала меня да ласкала, так и я думала, что я такой же человек, как и все люди: и мысли у меня совсем другие были об жизни. А как начала она мной командовать, как куклой, да как увидела я, что никакой мне воли, ни защиты нет: так отчаянность на меня, Лиза, напала. Куда страх, куда стыд девался — не знаю. Хоть день, да мой, думаю, а там что будет то будет, ничего я и знать не хочу! Хоть меня замуж отдавай за пастуха, хоть в какой замок за тридесять замков запри — мне все равно.

Лиза. Кажется, барин идет.

Леонид выходит с противоположной стороны, в плаще.

Надя. Ну не красавец, что ль, это, а? Лиза!

Лиза. Ах, перестань! Ты точно больная либо полоумная.

Явление второе

Те же и Леонид.

Леонид (*подходя*). А я думал, что ты обманешь меня — не придешь.

Надя. Отчего вы так думали?

Леонид. Да ведь ты говорила, что не любишь меня.

Надя. Мало ли что девушки говорят, а вы им не верьте. Как вас не любить, красавца этакого.

Леонид (*удивленный*). Что ты, Надя! (*Берет ее руку, несколько времени держит, потом целует.*)

Надя (в *испуге отнимает руку*). Ах! что вы это делаете! Голубчик, барин! Как вам не стыдно?

Леонид. Уж я тебя очень люблю, Надя!

Надя. Любите? Ну что ж, вы бы так меня поцеловали.

Леонид. Можно, Надя, а? ты позволишь?

Надя. А что ж такое за беда!

Леонид (*оборотившись*). Ах, и ты, Лиза, здесь…

Лиза. Уйду, уйду!.. Мешать не буду.

Леонид (*сконфуженный*). Я совсем не потому. С чего это ты выдумала?

Лиза. Ну уж, не хитрите. Мы тоже знаем… (*Отходит за кусты.*)

Леонид. Так ты мне позволишь поцеловать тебя? (*Робко целует.*) Да нет, дай мне руку поцеловать.

Надя (*прячет руки*). Нет, нет, как можно! Что это вы!..

Леонид. Отчего же? Знаешь ли ты это: ты для меня теперь дороже всего на свете.

Надя. Будто и правда?

Леонид. Ведь меня еще никто не любил.

Надя. Не обманываете вы?

Леонид. Нет, право!.. Право, никто не любил. Ей-богу!

Надя. Не божитесь: я и так поверю.

Леонид. Пойдем сядем на лавочку.

Надя. Пойдемте.

Садятся.

Леонид. Что ты так дрожишь?

Надя. А разве я дрожу?

Леонид. Дрожишь.

Надя. Так, должно быть, озябла немножко.

Леонид. Позволь, я тебя одену. (*Одевает ее*

полой плаща и обнимает. Надя берет его руки и держит.)

Надя. Ну, вот и давайте так сидеть да разговаривать.

Леонид. Да об чем же мы будем разговаривать? Я только одно и буду говорить тебе, что люблю тебя.

Надя. Вы будете говорить, а я буду слушать.

Леонид. Да ведь это надоест одно и то же.

Надя. Вам, может быть, надоест, а мне никогда не надоест.

Леонид. Ну, изволь, я буду говорить, Я люблю тебя, Наденька. (*Встает и целует ее.*)

Надя. Что ж это вы! А вы сидите смирно, как уговор был.

Леонид. Так сложа руки и сидеть?

Надя (*смеясь*). Так и сидеть. Вот слышите, в роще соловей поет. А вы сидите да слушайте. Как хорошо так слушать.

Леонид. Как так?

Надя. Да вот так, как мы с вами сидим. Кажется, всю жизнь так бы и сидела да слушала. Уж чего еще лучше, чего еще надобно…

Леонид. Наденька, да ведь это, право, скучно.

Надя. Вот вы каковы, мужчины-то! Вам уж сейчас и скучно сделается. А я вот готова всю

ночь просидеть да глядеть на вас, не спуская глаз. Кажется, про весь свет забуду! (*У нее навертываются слезы, она нагибает голову, потом смотрит на Леонида пристально и задумчиво.*)

Леонид. Теперь бы хорошо на лодке покататься; погода теплая, месяц светит.

Надя (*рассеянно и почти машинально*). Чего-с?

Леонид. Покататься бы на лодке; я бы тебя перевез на островок. Там так хорошо, на островке. Ну, что ж, пойдем. (*Берет ее за руку.*)

Надя (*в задумчивости*). Куда же-с?

Леонид. Куда, куда? Я тебе говорил, разве ты не слыхала?

Надя. Ах, извините, голубчик барин! Я задумалась и не слыхала ничего. Барии, миленький, простите! (*Кладет голову ему на плечо.*)

Леонид. Я говорю: поедем на островок.

Надя (*прилегая*). Ах, да куда вам угодно! Хоть на край света! Только бы с вами… Ведите куда хотите.

Леонид. Надя, ты такая добрая, такая миленькая, что мне кажется, я заплачу, глядя на тебя. (*Подходят к лодке.*) Прощай, Лиза.

Лиза (*выходя из кустов, грозит*). Смотрите вы!

Леонид и Надя садятся в лодку и уезжают.

Лиза. Вот и уехали! Дожидайся их тут! Страсти

ведь это, да и только! Ночью, в саду-то, да еще и одна! Эко наше дело — всего-то бойся! И человека-то бойся и… (*Оглядывается.*) Смерть ведь это! Человек-то бы еще ничего, все как-нибудь сговорить можно… Батюшки! Идет кто-то! (*Смотрит.*) Ну, ничего; это наши старики с гулянья. (*Прячется.*)

Явление третье

Выходят Потапыч в шинели и в шляпе с широкими полями и с тростью, немного под хмельком; Гавриловна в старомодной шляпке. Садятся на скамью.

Потапыч. Нет, ты, Гавриловна, не то… ты не говори!.. Барыня у нас такая… барыня добрая!.. Вот попросились мы на гулянье, ну, говорит, ступайте… А что про нее говорят… это я не знаю: не мое дело, ну я и не знаю.

Гавриловна. Еще б нас-то не пустить, Потапыч! Мы с тобой не молоденькие, не избалуемся.

Потапыч. Молодых нельзя, потому на все, Гавриловна, примеры. Какие человек пред собой имеет примеры, так и он все может… подобно как…

Гавриловна. Ну, а вот зачем Гришку пустила? Сказала, не пущу — ну и не пущала бы.

Потапыч. Меня давеча Василиса Перегриновна смущала очень насчет Гришки… очень смущала, а я не знаю. Не мое дело, ну я и не знаю.

Гавриловна. То-то вот, ты говоришь, примеры-то? Лучше бы она сама хороший пример показывала! А то только и кричит: смотри да смотри за девками! А что за ними смотреть-то? Малолетные они, что ли? У всякого человека свой ум в голове. Пущай всякий сам о себе и думает. Смотрят-то только за пятилетними, чтоб они не сбаловали чего-нибудь. Эка жизнь девичья! Нет-то хуже ее на свете! А не хотят того рассудить: много ли девка в жизнь-то радости видит! Ну, много ли? — скажи.

Потапыч (*вздыхает*). Желтенькая жизнь.

Гавриловна. То-то вот и есть! Стало быть, их пожалеть надо, а не то что обижать на каждом шагу. А то на что это похоже! Уж им и веры нет, словно они и не люди! Только куда девка нос высунула, так уж сторожа и ходят.

Потапыч. Ведь нельзя же…

Гавриловна. Чего нельзя-то? Все можно. Полно ты, Потапыч! Ты привык с чужих слов, как сорока, болтать, а ты сам подумай.

Потапыч. А я не знаю… Я ничего не знаю.

Гавриловна. Строгостью ничего не возьмешь!

Хоть скажи им, пожалуй, что вот, мол, за то-то и то-то вешать будут — все-таки будут делать. Где больше строгости, там и греха больше. Надо судить по человечеству. Нужды нет, что у них разум-то купленый, а у нас свой дешевый, да и то мы так не рассуждаем. На словах-то ты прикажи строго-настрого, а на деле не всякого виноватого казни, а иного и помилуй. Иное дело бывает от баловства, а иной беде и сам не рад.

Потапыч. Теперь, если меня спросить… Так что я на это отвечать могу? Ну, что я тебе отвечу?

Гавриловна. Ну, что?

Потапыч. А вот что: я этого не знаю, потому это не мое дело… это дело барыни.

Гавриловна. Ах ты, старина, старина! совсем-то ты из ума выжил.

Потапыч. Я что ж… я, по милости барыни, теперича у своей должности… Я все порядки свои веду… а я не знаю…

Гавриловна. Пойдем-ка домой. Как бы и про нас с тобой чего не подумали.

Уходят.

Явление четвертое

Лиза (*выходит*). Вот опять одна! Что же это голубки-то мои? Они, чай, и забыли про меня!

Да уж где теперь им обо мне помнить! Батюшки, скоро рассветать станет! Ишь ты, ночи-то нынче короче воробьиного носу. Как тогда домой-то пройти? Эка эта Надя бесстрашная.

Входит Василиса Перегриновна.

Явление пятое

Лиза и Василиса Перегриновна.

Василиса Перегриновна. Ты, милушка, тут что делаешь?

Лиза. Разве не видите? — гуляю.

Василиса Перегриновна. Вижу! Как не видать! А что это за гулянье у вас по ночам?

Лиза. А когда же нам гулять-то? Днем работаем да господам служим, а по ночам гуляем. Вот на вас так я дивлюсь! Неужто вы днем-то не нагуляетесь, что вам еще хочется по ночам бродить да людей пугать, словно как…

Василиса Перегриновна. Что словно как?.. Ну, говори, говори.

Лиза. Что? Ничего.

Василиса Перегриновна. Нет, ты сказала: словно как… Ну, так говори ж теперь, словно как кто?

Лиза. Ну, сказала так сказала.

Василиса Перегриновна. Нет, ты увертываться не смей! Ты говори!

Лиза. Да что вы пристали! Я, пожалуй, и скажу. Как кикимора.

Василиса Перегриновна. Что, что! Как кикимора!.. Как ты смеешь, дрянная девчонка, а? Да что ж это такое! Вы меня живую в гроб вогнать хотите! А вот я найду здесь твоего любовника, да к барыне вас и приведу. Вот посмотрю я тогда, что ты запоешь.

Лиза. Нет у меня любовника! Нечего вам и искать. Пожалуй, хоть весь сад обыщите! А хоть бы и был, так не ваше дело. Вам стыдно про это и говорить. Вы и знать-то про это не должны: вы барышня. Это к стыду вашему относится!

Василиса Перегриновна. Пой. пой, милая! хорошо ты поешь, где-то сядешь! Даром ты по ночам шататься не станешь. Я ваши плутни-то знаю. Я вас всех на свежую воду выведу. Уж теперь раскипелось мое сердце, так хоть ты мне в ноги кланяйся, а я тебе не прощу этого.

Лиза. Дожидайтесь! Стану я вам кланяться, как же! Держите карман-то!

Василиса Перегриновна. Нет, уж я теперь каждый кустик огляжу.

Лиза. Оглядывайте.

Василиса Перегриновна смотрит по сторонам, потом подходит к пруду.

Василиса Перегриновна. А, вот оно что! Скажите пожалуйста, какую штуку придумали! В лодке! Обнявшись! Как это нежно! Точно на картинке на какой! Уж вам бы догадаться гитару взять да романцы петь!.. Целуются! Вот это хорошо! Вот прекрасно! Опять! Отлично! Уж чего лучше? Тьфу ты, мерзость! Смотреть противно! Ну, милые мои, будете вы меня помнить! Теперь разговаривать с вами нечего. Завтра я с вами поговорю. (*Уходит*.)

Лиза. Вот нелегкая нанесла! Не расхлебаешь теперь беды-то.

Леонид и Надя пристают к берегу и выходят из лодки.

Явление шестое

Лиза, Надя и Леонид.

Лиза. Что вы наделали! что вы наделали!..

Надя (*не слушая ее, тихо Леониду*). Придете завтра?

Леонид. Приду.

Лиза. Да что ты, не слышишь, что ли?

Надя. Коли мне нельзя будет, так я вам как-нибудь записочку передам.

Леонид. Хорошо.

Надя. Ну, прощайте.

Целуются.

Лиза (*громко*). Да Надя!..

Надя (*подходит к Лизе*).

Леонид садится на скамью.

Что тебе?

Лиза. Василиса Перегриновна видела, как вы на пруде катались.

Надя. Ну, бог с ней.

Лиза. Ну, девка! Не сносить тебе своей головы!

Леонид. Надя!

Надя подходит.

Ах, Надя, какой я дрянной, негодный мальчишка!

Надя. Что это вы!

Леонид. Наденька! (*Шепчет ей на ухо.*)

Надя (*качает головой*). Ах, голубчик вы мой! Что это вам в голову пришло! Я не тужу, а вы тужите; какой добренький! Ну, прощайте! Пора нам. Не ушла бы я от вас, да нечего делать: не своя воля.

Леонид. Ну, прощай!

Медленно, как бы нехотя, расходятся. Надя возвращается, догоняет Леонида и смотрит ему в глаза.

Надя. Любишь меня?

Леонид. Люблю, люблю!

Целуются и уходят в разные стороны.

IV

Комната второй картины.

Явление первое[7]

Потапыч становится у притолоки и держится за голову. Василиса Перегриновна входит тихо.

Василиса Перегриновна. Со вчерашнего, должно быть, друг мой?

Потапыч. Чего-с?

Василиса Перегриновна. Голова-то болит.

Потапыч. Вы, што ль, мне денег-то давали?

Василиса Перегриновна. На что другое у вас нет, а на это найдете.

Потапыч. Ну, так, стало быть, и не ваше дело.

Василиса Перегриновна. Конечно, Потапыч, ты старый человек, отчего тебе и не выпить иногда!

Потапыч. Само собою. Чай, трудимся…

Василиса Перегриновна. Так, так, Потапыч!

Потапыч. Уж нам выговоры-то от вас надоели.

Василиса Перегриновна. Добра вам желаю,

---

[7] Примечания: 7
Все явление шепотом. *(Прим. А. Н. Островского.)*

Потапыч!

Потапыч. Да уж не надо!

Молчание.

Да вы барыню вот расстроиваете! Чем бы за нас словечко замолвить, когда она в веселом духе, а вы нарочно дурного часу ищете, чтоб на нас нажаловаться.

Василиса Перегриновна. И, что ты, Потапыч, сохрани меня бог!

Потапыч. Да уж что! Как ни божитесь, я вас знаю! Вот хоть бы теперь, вы зачем идете к барыне?

Василиса Перегриновна. С добрым утром поздравить благодетельницу.

Потапыч. А вы не ходите лучше!

Василиса Перегриновна. А что?

Потапыч. Должно быть, левой ногой с постели встала; на свет не глядит.

Василиса Перегриновна потирает руки от удовольствия.

Вот уж я и вижу, что вы рады; вас так и подмывает сдьяволить что-нибудь. Тьфу! прости господи! Уж такой карахтер!

Василиса Перегриновна. Обидные ты мне, Потапыч, слова говоришь, до самого до сердца обидные. Когда я про тебя что-нибудь барыне

говорила?

Потапыч. А не про меня, так про другого про кого-нибудь.

Василиса Перегриновна. А уж это мое дело.

Потапыч. И все ведь это в вас ехидство действует.

Василиса Перегриновна. Не ехидство, не ехидство, мой друг! Ошибаешься ты! Я такую обиду над собою видела, что на свете жить нельзя после этого. Умирать буду, не забуду.

Уланбекова входит, Потапыч уходит.

Явление второе

Уланбекова и Василиса Перегриновна.

Василиса Перегриновна (*целуя обе руки Уланбековой*). Раненько встали, благодетельница! Заботы-то у вас больно много.

Уланбекова (*садясь*). Не послалось что-то! Дурной сон видела.

Василиса Перегриновна. Что сон, благодетельница! И страшен сон, да милостив бог. Не сон, а наяву-то что делается, расстроивает вас, благодетельницу. Вижу я это, давно вижу.

Уланбекова. Ах, да что мне за дело, что там делается?

Василиса Перегриновна. Как же, благодетель-

ница, разве мы не знаем, что душенька ваша о всякой твари печется?

Уланбекова. Надоела ты мне.

Василиса Перегриновна. Жаль мне вас, благодетельница! Не дождетесь вы себе в этой жизни отрады! Вы всем благодеяния рассыпаете, а чем вам платят за это? Мир-то полон разврата.

Уланбекова. Отойди!

Василиса Перегриновна (*плача*). Слезами я заливаюсь, глядя на вас! Сердце мое кровью обливается, что вас, благодетельницу, не уважают, дому вашего не уважают! В вашем ли честном доме, в этаких ли местах благочестивых, такие дела делать!

Уланбекова *(нахмурив брови)*. Ты ворона! Ты каркать хочешь что-нибудь. Ну, каркай!

Василиса Перегриновна. Благодетельница, не расстроить бы вас, боюсь я.

Уланбекова. Уж ты расстроила. Говори.

Василиса Перегриновна (*оглядывается во все стороны и садится на скамейку у ног Уланбековой*). Кончила я, благодетельница, вчера свою вечернюю молитву творцу небесному и пошла по саду погулять, благочестивыми размышлениями на ночь заняться.

Уланбекова. Ну!

Василиса Перегриновна. И что же я там увидела, благодетельница! Как меня ноги сдержали, уж я и не знаю! Лизка бегает по кустам в развращенном виде, должно быть, любовников своих ищет; ангельчик наш, барин, катается на пруду в лодке, а Надька, тоже в развращенном виде, уцепилась ему за шею руками и лобзает его. И как это видно было, что он, по своей непорочности, старается ее оттолкнуть от себя; а она все хватает его за шею, лобзает и соблазняет.

Уланбекова. А если ты врешь?

Василиса Перегриновна. Четверить себя позволю, благодетельница.

Уланбекова. Если в твоих словах есть хоть капля правды, так уж и этого довольно.

Василиса Перегриновна. Все правда, благодетельница.

Уланбекова. Вздор! не может быть, чтобы все! Ты всегда больше половины сочиняешь. А где ж люди были?

Василиса Перегриновна. Все, благодетельница, пьянехоньки. Только вас уложили, все и ушли на гулянку, да и напились. И Гавриловна, и Потапыч, все пьяные. Какой пример молодым-то!

Уланбекова. Это дело надо разобрать хорошенько. Ну, уж я никак бы и не подумала на

Леонида. Вот они, тихенькие-то! Ну еще будь он военный, так извинительно бы, а то… (*Задумывается.*)

Василиса Перегриновна. Да вот еще, благодетельница, Гриша-то до сих пор с гулянки не бывал.

Уланбекова. Как? И не ночевал дома?

Василиса Перегриновна. Не ночевал, благодетельница!

Уланбекова. Врешь, врешь, врешь! Со двора сгоню!

Василиса Перегриновна. Издохнуть на этом месте.

Уланбекова (*опускаясь в кресло*). Ты меня уморить хочешь! (*Поднимаясь с кресла.*) Ты меня просто уморить хочешь. (*Звонит.*)

Входит Потапыч.

Где Гриша?

Потапыч. Сейчас пришел-с.

Уланбекова. Позови его сюда!

Потапыч уходит.

Однако это уж из рук вон!

Василиса Перегриновна. Не найти вам, благодетельница, никого преданнее меня; только одним я и несчастлива, что характер мой вам не нравится.

Входит Гриша, растрепанный и взъерошенный.

Явление третье

Те же и Гриша.

Уланбекова. Ты где был?

Гриша (*то открывает, то закрывает глаза, нетверд в языке и на ногах*). На гулянке-с.

Уланбекова. До сих-то пор?

Гриша молчит.

Что же ты молчишь?

Молчание.

Дождусь ли я от тебя слова или нет?

Василиса Перегриновна. Отвечай барыне.

Гриша. Вам что еще!

Уланбекова. Отвечай мне, где ты был до сих пор?

Гриша. Виноват-с!

Уланбекова. Я не об том у тебя спрашиваю, виноват ты или нет; я у тебя спрашиваю, где ты был?

Гриша (*смотрит в потолок и хлопает глазами*). Где ж мне быть-то! Что ж такое; обыкновенно где.

Уланбекова. Ну, где же?

Гриша. Да я вам докладывал, что все там же-с.

Уланбекова. Ты меня выводишь из терпения!

Где там?

Гриша. Да что же такое-с! На все ваша воля-с. Я что же-с… я виноват-с.

Уланбекова. Боже мой! Да ты и пьян еще, кажется.

Гриша. Никак нет-с.

Уланбекова. Как нет? Я вижу.

Гриша. Что же такое-с! Про человека все можно сказать.

Уланбекова. Ах ты, мерзкий мальчишка! Он еще запирается! Это ужасно! это ужасно! Ну, говори сейчас, где был?

Гриша. Что же-с! Я вам докладывал-с.

Уланбекова. Целую-то ночь ты был на гулянье?

Гриша. Я вам докладывал-с.

Уланбекова. Как же ты смел, когда я тебя отпустила не надолго?

Гриша. Что же-с! Я и хотел идти домой, да не отпустили-с.

Уланбекова. Кто же тебя не отпустил?

Гриша. Знакомые не пустили-с.

Уланбекова. Кто же у тебя знакомые?

Гриша. Что же-с! Приказные знакомые.

Уланбекова. Боже мой! Приказные! Понимаешь ли ты, что это за народ?

Гриша. Кто-с, приказные-то? Что ж их понимать-то-с?

Уланбекова. С ними-то ты нею ночь и шлялся! Лучше б уж ты мне и не говорил, мерзавец ты этакой. Знаю я их поведение-то! Они всему научат. Что же это такое! Поди вон! И не смей мне показываться на глаза!

Василиса Перегриновна. Проси прощенья, дурак! целуй у барыни ручку!

Гриша, махнув рукой, уходит.

Уланбекова. Это наказание! Я просто больна сделаюсь! Я уже чувствую, что у меня спазмы начинаются! Какой негодяй мальчишка! Ушел, точно ему и нужды нет! И никакого раскаяния не видно.

Василиса Перегриновна. Ах, благодетельница! ведь он еще ребенок, больше по глупости.

Уланбекова. Нет, его надо бы хорошенько.

Василиса Перегриновна. И, что вы, благодетельница! Еще совсем глуп мальчишка! Что с него и требовать-то! Вот поумнее будет, тогда другое дело.

Уланбекова. Больше всего меня оскорбляет неблагодарность! Кажется, он должен бы чувствовать, что я для него делаю. Я больна совсем. Пошли за доктором!

Василиса Перегриновна. Успокойтесь, благодетельница. Стоят ли они того, чтобы вы из-за всякой дряни себя раастроипали!

Уланбекова. Подай мне спирт.

Василиса Перегриновна (*подает*). Плюнуть на них, да и все тут. Хоть бы теперь эти девки…

Уланбекова. Ах, вот еще наказанье-то! Я теперь и с мыслями не соберусь, совершенно расстроена, а она тут с девками. Я того и гляди в постель слягу.

Василиса Перегриновна. Уж и разврату-то, благодетельница, терпеть мочи нет.

Уланбекова. Нет, уж они-то не жди от меня милости. А то одного прости, другого прости, так весь народ перебалуешь. (*Звонит.*)

Входит Потапыч.

Позови Надежду и сам приходи!

Потапыч уходит.

Вот что значит женщина-то! Будь я мужчина, разве бы посмели так вольничать?

Василиса Перегриновна. Ни во что, благодетельница, вас считают, ни во что. Ни капельки таки не боятся.

Уланбекова. А вот они увидят сейчас, что я значу.

Входят Потапыч и Надя. Гавриловна и Лиза

смотрят и двери.

Явление четвертое

Те же, Потапыч и Надя.

Уланбекова. Надежда! Василиса Перегриновна говорит, что видела тебя с барином нынче ночью в саду. Правда ли это?

Надя молчит.

Ты молчишь, значит, правда. Ну, уж теперь пеняй на себя. Я разврату не потворщица и терпеть его в своем доме не хочу. Прогнать мне тебя, чтобы ты шлялась везде, я не могу: это на моей совести останется. Я должна тебя отдать замуж. (*Потапычу*.) Послать в город и сказать Неглигентову, что я отдаю Надежду за него и чтобы свадьба была скорее, как можно. (*Встает со стула и хочет идти*.)

Надя (*падая ей в ноги*). Что хотите, только не за него замуж!

Уланбекова. Это вздор! Что я сказала, то свято. Да и что за сцены такие? Ты разве не видишь, что я нездорова? Еще расстроивать меня! Потапыч! У ней отца нет, ты ей будь вместо отца, внуши ей по-отечески, как гнусно ее поведение и что она должна исполнять мои приказания.

Потапыч. Ты, Надежда, слушай, что барыня

приказывает! Потому как они мне тебя поручают, значит, я должен свою власть показать над тобою. Коли, сударыня, прикажете, я могу сейчас же при вас собственноручно ей нравоучение сделать! Вот смей хоть одно словечко напротив сказать, тут же и оттаскаю, ни на кого не посмотрю. (*Замахивается.*)

Надя. Ах!.. (*Пригибается.*)

Уланбекова. Не бей ее! Что за сцены отвратительные!

Потапыч. Да как же, сударыня! Так с ними не сговоришь! Опять же, коли я отец, так уж это прямое дело! На то есть закон, и при всем том, как она вам теперича противится, так я и для вас должен это удовольствие сделать.

Надя (*плача*). Сударыня, не губите меня!

Уланбекова. Ах, боже мой! Вы меня совсем не бережете. Слезы, драки! Пошлите сейчас за доктором! Сколько мне раз говорить! А ты сама виновата, не на кого тебе плакаться. Потапыч! чтобы это дело было кончено. Я не люблю десять раз повторять одно и то же. (*Уходит. Гавриловна за ней.*)

Молчание. Гавриловна возвращается.

Гавриловна. Улеглась в постель и на свет не глядит!

Потапыч (*в окно*). Антошка! Антошка! Фалетор! Седлай лошадь, поезжай в город за доктором. Ах ты, господи!

Надя *(вставая с колен)*. Как вам не грех обижать меня, Потапыч! Что же я вам-то сделала?

Потапыч. Мне что же! Мне до тебя какое дело! А как, собственно, на то есть господская воля, ну я и должен потрафлять во всем; потому я должен раболепствовать.

Надя. Вам бы убить меня приказали, вы бы и убили?

Потапыч. Уж это не наше дело, мы этого рассуждать не можем.

Гавриловна. Полно, Надя, не плачь! Бог сирот не оставляет.

Надя падает ей на грудь.

Лиза (*Василисе Перегриновне*). Ну, что, весело теперь вашему сердцу?

Василиса Перегриновна. Погоди, милая, и до тебя очередь дойдет.

Леонид входит.

Явление пятое

Те же и Леонид.

Леонид. Что такое? Что случилось?

Василиса Перегриновна. Набедокурили сами,

да и спрашиваете, что случилось.

Леонид. Что я набедокурил? Что вы все выдумываете?

Василиса Перегриновна. Уж не притворяйтесь! Теперь все наружу вышло. Пошалили немножко! Что ж такое! В ваши лета, да и не пошалить!

Лиза. Уж она все барыне отлепортовала. Барыня так разгневались, что беда! Уж теперича Надю, сударь, за того за приказного отдают.

Леонид. Неужели?

Надя. Кончено дело, барин голубчик! Приходится мне отвечать за вчерашнее гулянье.

Леонид. Очень сердита маменька?

Гавриловна. Уж и не подходи никто.

Леонид. Как же это быть-то? Как-нибудь уговорить нельзя ль?

Гавриловна. Подите-ка попробуйте. Нет, уж она теперь дней пять из комнаты не выйдет и никого к себе пускать не велела.

Василиса Перегриновна. А вам хочется уговорить маменьку?

Леонид. Да.

Василиса Перегриновна. Хотите, научу?

Леонид. Сделайте милость, Василиса Перегриновна!

Василиса Перегриновна. Ну уж, извольте. Бла-

годетельница наша обиделись очень на Гришку, что он не ночевал дома, пришел пьяный, да еще и прощенья не попросил, ручку не поцеловал. От этого огорчения они и больны-то сделались. Уж Надежда-то так, под сердитую руку попалась. Теперь наша благодетельница и из комнаты не выйдет и никого к себе не пустит, пока этот противный Гришка прощения просить не будет.

Гавриловна. А, так тут вот какая контра вышла. Ну, уж Гришка тоже своей характер выдержит. Он хоть и дурак, а себе на уме; он теперь завалится на сено, да дня четыре на брюхе и пролежит.

Потапыч. Взять бы орясину — после дяди Герасима, да с хазового-то конца и начать охаживать.

Василиса Перегриновна. Вот теперь, барин наш хороший, не угодно ли вам будет ему поклониться, чтобы он поскорей шел у маменьки прощенья просить.

Леонид (*подумав*). Ну, уж это ему много чести будет. А что, Гавриловна, маменька в самом деле очень сердится?

Гавриловна. Так, сударь, сердится, что беда!

Леонид. Что ж теперь делать-то?

Надя. Да что вы хлопочете-то! Ничего ведь вы сделать не можете: уж оставьте лучше! Вы же теперь скоро уедете в Петербург; веселитесь себе;

что вам об таких пустяках думать, себя беспокоить!

Леонид. Да ведь мне тебя жалко!

Надя. Не жалейте, пожалуйста! Я сама как сумасшедшая на беду лезла, не спросясь ума-разума.

Леонид. Как же ты теперь думаешь?

Надя. А уж это мое дело.

Леонид. Да ведь тебе будет очень тяжело.

Надя. Вам-то что за дело! Вам зато весело будет.

Леонид. Да зачем же ты так говоришь?

Надя. Затем, что вы мальчик еще!.. Оставьте!

Леонид. Да ведь он пьяный, скверный такой!

Надя. Ах, боже мой! Уж ехали бы вы лучше куда-нибудь, с глаз долой.

Леонид. А в самом деле я лучше поеду к соседям на неделю.

Надя. Ну и с богом!

Леонид. А как уж очень-то тебе, Надя, тяжело будет с мужем-то жить, что ж тогда?

Надя (*плача*). Ах, оставьте вы мши! Сделайте милость, оставьте! (*Рыдая.*) Об одном я вас прошу: оставьте меня, ради бога! (*Рыдает.*)

Гавриловна и **Лиза** (*машут руками*). Ступайте! Ступайте!

Леонид. Что ж вы меня гоните! Мне, чай, жалко

ее! Я все-таки подумаю, может быть, можно еще как-нибудь помочь ей.

Надя (*с отчаянием*). Ни помощников, ни заступников мне не надо! не надо! Не хватит моего терпения, так пруд-то у нас недалеко!

Леонид (*робко*). Ну, я, пожалуй, уеду... Только что она говорит! Вы, пожалуйста, смотрите за ней! Прощайте! (*Идет к дверям.*)

Надя *(вслед ему громко)*. Прощайте!

Леонид уходит.

Лиза. Видно, правда пословица-то: кошке игрушки, а мышке слезки.

Гроза

Драма в пяти действиях

ЛИЦА:

Савел Прокофьевич Дико́й, купец, значительное лицо в городе[9].

Борис Григорьевич, племянник его, молодой человек, порядочно образованный.

Марфа Игнатьевна Кабанова (Кабаниха), богатая купчиха, вдова.

Тихон Иваныч Кабанов, ее сын.

Катерина, жена его.

Варвара, сестра Тихона.

Кулигин, мещанин, часовщик-самоучка, отыскивающий перпетуум-мобиле.

Ваня Кудряш, молодой человек, конторщик Дикова.

Шапкин, мещанин.

Феклуша, странница.

Глаша, девка в доме Кабановой.

Барыня с двумя лакеями, старуха 70-ти лет, полусумасшедшая.

---

[9] Примечания: 9

Все лица, кроме Бориса, одеты по-русски.

Городские жители обоего пола.

Действие происходит в городе Калиново, на берегу Волги, летом. Между 3 и 4 действиями проходит 10 дней.

Действие первое

Общественный сад на высоком берегу Волги, за Волгой сельский вид. На сцене две скамейки и несколько кустов.

Явление первое

Кулигин сидит на скамье и смотрит за реку. Кудряш и Шапкин прогуливаются.

Кулигин *(поет).* «Среди долины ровныя, на гладкой высоте…» *(Перестает петь.)* Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и все наглядеться не могу.

Кудряш. А что?

Кулигин. Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется.

Кудряш. Нешто!

Кулигин. Восторг! А ты «нешто»! Пригляделись вы либо не понимаете, какая красота в природе разлита.

Кудряш. Ну, да ведь с тобой что толковать! Ты у нас антик, химик.

Кулигин. Механик, самоучка-механик. Кудряш.

Все одно.

Молчание.

Кулигин *(показывает в сторону)*. Посмотри-ка, брат Кудряш, кто это там так руками размахивает?

Кудряш. Это? Это Дикой племянника ругает.

Кулигин. Нашел место!

Кудряш. Ему везде место. Боится, что ль, он кого! Достался ему на жертву Борис Григорьич, вот он на нем и ездит.

Шапкин. Уж такого-то ругателя, как у нас Савел Прокофьич, поискать еще! Ни за что человека оборвет.

Кудряш. Пронзительный мужик!

Шапкин. Хороша тоже и Кабаниха.

Кудряш. Ну, да та хоть, по крайности, все под видом благочестия, а этот как с цепи сорвался!

Шапкин. Унять-то его некому, вот он и воюет!

Кудряш. Мало у нас парней-то на мою стать, а то бы мы его озорничать-то отучили.

Шапкин. А что бы вы сделали?

Кудряш. Постращали бы хорошенько.

Шапкин. Как это?

Кудряш. Вчетвером этак, впятером в переулке где-нибудь поговорили бы с ним с глазу на глаз, так он бы шелковый сделался. А про нашу нау-

ку-то и не пикнул бы никому, только бы ходил да оглядывался.

Шапкин. Недаром он хотел тебя в солдаты-то отдать.

Кудряш. Хотел, да не отдал, так это все одно, что ничего. Не отдаст он меня: он чует носом-то своим, что я свою голову дешево не продам. Это он вам страшен-то, а я с ним разговаривать умею.

Шапкин. Ой ли?

Кудряш. Что тут: ой ли! Я грубиян считаюсь; за что ж он меня держит? Стало быть, я ему нужен. Ну, значит, я его и не боюсь, а пущай же он меня боится.

Шапкин. Уж будто он тебя и не ругает?

Кудряш. Как не ругать! Он без этого дышать не может. Да не спускаю и я: он слово, а я десять; плюнет, да и пойдет. Нет, уж я перед ним рабствовать не стану.

Кулигин. С него, что ль, пример брать! Лучше уж стерпеть.

Кудряш. Ну вот, коль ты умен, так ты его прежде учливости-то выучи, да потом и нас учи. Жаль, что дочери-то у него подростки, больших-то ни одной нет.

Шапкин. А то что бы?

Кудряш. Я б его уважил. Больно лих я на девок-

то! Проходят Дикой и Борис, Кулигин снимает шапку.

Шапкин *(Кудряшу)*. Отойдем к сторонке: еще привяжется, пожалуй.

Отходят.

Явление второе

Те же. Дикой и Борис.

Дикой. Баклуши ты, что ль, бить сюда приехал? Дармоед! Пропади ты пропадом!

Борис. Праздник; что дома-то делать.

Дикой. Найдешь дело, как захочешь. Раз тебе сказал, два тебе сказал: «Не смей мне навстречу попадаться»; тебе все неймется! Мало тебе места-то? Куда ни поди, тут ты и есть! Тьфу ты, проклятый! Что ты, как столб, стоишь-то? Тебе говорят аль нет?

Борис. Я и слушаю, что ж мне делать еще!

Дикой *(посмотрев на Бориса)*. Провались ты! Я с тобой и говорить-то не хочу, с езуитом. *(Уходя.)* Вот навязался! *(Плюет и уходит.)*

Явление третье

Кулигин, Борис, Кудряш и Шапкин.

Кулигин. Что у вас, сударь, за дела с ним? Не

поймем мы никак. Охота вам жить у него да брань переносить.

Борис. Уж какая охота, Кулигин! Неволя.

Кулигин. Да какая же неволя, сударь, позвольте вас спросить? Коли можно, сударь, так скажите нам.

Борис. Отчего ж не сказать? Знали бабушку нашу, Анфису Михайловну?

Кулигин. Ну, как не знать!

Кудряш. Как не знать!

Борис. Батюшку она ведь невзлюбила за то, что он женился на благородной. По этому-то случаю батюшка с матушкой и жили в Москве. Матушка рассказывала, что она трех дней не могла ужиться с родней, уж очень ей дико казалось.

Кулигин. Еще бы не дико! Уж что говорить! Большую привычку нужно, сударь, иметь.

Борис. Воспитывали нас родители в Москве хорошо, ничего для нас не жалели. Меня отдали в Коммерческую академию, а сестру в пансион, да оба вдруг и умерли в холеру, мы с сестрой сиротами и остались. Потом мы слышим, что и бабушка здесь умерла и оставила завещание, чтобы дядя нам выплатил часть, какую следует, когда мы придем в совершеннолетие, только с условием.

Кулигин. С каким же, сударь?

Борис. Если мы будем к нему почтительны.

Кулигин. Это значит, сударь, что вам наследства вашего не видать никогда.

Борис. Да нет, этого мало, Кулигин! Он прежде наломается над нами, надругается всячески, как его душе угодно, а кончит все-таки тем, что не даст ничего или так, какую-нибудь малость. Да еще станет рассказывать, что из милости дал, что и этого бы не следовало.

Кудряш. Узд это у нас в купечестве такое заведение. Опять же, хоть бы вы и были к нему почтительны, нешто кто ему запретит сказать-то, что вы непочтительны?

Борис. Ну да. Уж он и теперь поговаривает иногда: «У меня свои дети, за что я чужим деньги отдам? Через это я своих обидеть должен!»

Кулигин. Значит, сударь, плохо ваше дело.

Борис. Кабы я один, так бы ничего! Я бы бросил все да уехал. А то сестру жаль. Он было и ее выписывал, да матушкины родные не пустили, написали, что больна. Какова бы ей здесь жизнь была — и представить страшно.

Кудряш. Уж само собой. Нешто они обращение понимают!

Кулигин. Как же вы у него живете, сударь, на каком положении?

Борис. Да ни на каком. «Живи, — говорит, — у меня, делай, что прикажут, а жалованья, что положу». То есть через год разочтет, как ему будет угодно.

Кудряш. У него уж такое заведение. У нас никто и пикнуть не смей о жалованье, изругает на чем свет стоит. «Ты, — говорит, — почему знаешь, что я на уме держу? Нешто ты мою душу можешь знать? А может, я приду в такое расположение, что тебе пять тысяч дам». Вот ты и поговори с ним! Только еще он во всю свою жизнь ни разу в такое-то расположение не приходил.

Кулигин. Что ж делать-то, сударь! Надо стараться угождать как-нибудь.

Борис. В том-то и дело, Кулигин, что никак невозможно. На него и свои-то никак угодить не могут; а уж где ж мне?

Кудряш. Кто ж ему угодит, коли у него вся жизнь основана на ругательстве? А уж пуще всего из-за денег; ни одного расчета без брани не обходится. Другой рад от своего отступиться, только бы унялся. А беда, как его поутру кто-нибудь рассердит! Целый день ко всем придирается.

Борис. Тетка каждое утро всех со слезами умоляет: «Батюшки, не рассердите! Голубчики, не рассердите!»

Кудряш. Да нешто убережешься! Попал на базар, вот и конец! Всех мужиков переругает. Хоть в убыток проси, без брани все-таки не отойдет. А потом и пошел на весь день.

Шапкин. Одно слово: воин!

Кудряш. Еще какой воин-то!

Борис. А вот беда-то, когда его обидит такой человек, которого не обругать не смеет; тут уж домашние держись!

Кудряш. Батюшки! Что смеху-то было! Как-то его на Волге на перевозе гусар обругал. Вот чудеса-то творил!

Борис. А каково домашним-то было! После этого две недели все прятались по чердакам да по чуланам.

Кулигин. Что это? Никак, народ от вечерни тронулся?

Проходят несколько лиц в глубине сцены.

Кудряш. Пойдем, Шапкин, в разгул! Что тут стоять-то?

Кланяются и уходят.

Борис. Эх, Кулигин, больно трудно мне здесь, без привычки-то. Все на меня как-то дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им. Обычаев я здешних не знаю. Я понимаю, что все это наше русское, родное, а все-таки не привыкну никак.

Кулигин. И не привыкнете никогда, сударь.

Борис. Отчего же?

Кулигин. Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие! В мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагольной не увидите. И никогда нам, сударь, не выбиться из этой коры! Потому что честным трудом никогда не заработать нам больше насущного хлеба. А у кого деньги, сударь, тот старается бедного закабалить, чтобы на его труды даровые еще больше денег наживать. Знаете, что ваш дядюшка, Савел Прокофьич, городничему отвечал? К городничему мужички пришли жаловаться, что он ни одного из них путем не разочтет. Городничий и стал ему говорить: «Послушай, — говорит, — Савел Прокофьич, рассчитывай ты мужиков хорошенько! Каждый день ко мне с жалобой ходят!» Дядюшка ваш потрепал городничего по плечу да и говорит: «Стоит ли, ваше высокоблагородие, нам с вами о таких пустяках разговаривать! Много у меня в год-то народу перебывает; вы то поймите: не доплачу я им по какой-нибудь копейке на человека, у меня из этого тысячи составляются, так оно мне и хорошо!» Вот как, сударь! А между собой-то, сударь, как живут! Торговлю друг у друга подрывают, и не столько из корысти, сколько из

зависти. Враждуют друг на друга; залучают в свои высокие-то хоромы пьяных приказных, таких, сударь, приказных, что и виду-то человеческого на нем нет, обличье-то человеческое потеряно. А те им за малую благостыню на гербовых листах злостные кляузы строчат на ближних. И начнется у них, сударь, суд да дело, и несть конца мучениям. Судятся, судятся здесь да в губернию поедут, а там уж их и ждут да от, радости руками плещут. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; водят их, водят, волочат их, волочат, а они еще и рады этому волоченью, того только им и надобно. «Я, — говорит, — потрачусь, да уж и ему станет в копейку». Я было хотел все это стихами изобразить…

Борис. А вы умеете стихами?

Кулигин. По-старинному, сударь. Поначитался-таки Ломоносова, Державина… Мудрец был Ломоносов, испытатель природы… А ведь тоже из нашего, из простого звания.

Борис. Вы бы и написали. Это было бы интересно.

Кулигин. Как можно, сударь! Съедят, живого проглотят. Мне уж и так, сударь, за мою болтовню достается; да не могу, люблю разговор рассыпать! Вот еще про семейную жизнь хотел я вам, сударь,

рассказать; да когда-нибудь в другое время. А тоже есть что послушать.

Входят Феклуша и другая женщина.

Феклуша. Бла-алепие, милая, бла-алепие! Красота дивная! Да что уж говорить! В обетованной земле живете! И купечество все народ благочестивый, добродетелями многими украшенный! Щедростью и подаяниями многими! Я так довольна, так, матушка, довольна, по горлышко! За наше неоставление им еще больше щедрот приумножится, а особенно дому Кабановых.

Уходят.

Борис. Кабановых?

Кулигин. Ханжа, сударь! Нищих оделяет, а домашних заела совсем.

Молчание.

Только б мне, сударь, перпету-мобиль найти!

Борис. Что ж бы вы сделали?

Кулигин. Как же, сударь! Ведь англичане миллион дают; я бы все деньги для общества и употребил, для поддержки. Работу надо дать мещанству-то. А то руки есть, а работать нечего.

Борис. А вы надеетесь найти перпетуум-мобиле?

Кулигин. Непременно, сударь! Вот только бы теперь на модели деньжонками раздобыться.

Прощайте, сударь! *(Уходит.)*

Явление четвертое

Борис *(один)*. Жаль его разочаровывать-то! Какой хороший человек! Мечтает себе — и счастлив. А мне, видно, так и загубить свою молодость в этой трущобе. Уж ведь совсем убитый хожу, а тут еще дурь в голову лезет! Ну, к чему пристало! Мне ли уж нежности заводить? Загнан, забит, а тут еще сдуру-то влюбляться вздумал. Да в кого? В женщину, с которой даже и поговорить-то — никогда не удастся! *(Молчание.)* К все-таки нейдет она у меня из головы, хоть ты что хочешь. Вот она! Идет с мужем, ну, и свекровь с ними! Ну, не дурак ли я? Погляди из-за угла да и ступай домой. *(Уходит.)*

С противоположной стороны входят Кабанова, Кабанов, Катерина и Варвара.

Явление пятое

Кабанова, Кабанов, Катерина и Варвара.

Кабанова. Если ты хочешь мать послушать, так ты, как приедешь туда, сделай так, как я тебе приказывала.

Кабанов. Да как же я могу, маменька, вас ослу-

шаться!

Кабанова. Не очень-то нынче старших уважают.

Варвара *(про себя)*. Не уважишь тебя, как же!

Кабанов. Я, кажется, маменька, из вашей воли ни на шаг.

Кабанова. Поверила бы я тебе, мой друг, кабы своими глазами не видала да своими ушами не сдыхала, каково теперь стало почтение родителям от детей-то! Хоть бы то-то помнили, сколько матери болезней от детей переносят.

Кабанов. Я, маменька…

Кабанова. Если родительница что когда и обидное, по вашей гордости, скажет, так, я думаю, можно бы перенести! А, как ты думаешь?

Кабанов. Да когда же я, маменька, не переносил от вас?

Кабанова. Мать стара, глупа; ну, а вы, молодые люди, умные, не должны с нас, дураков, и взыскивать.

Кабанов *(вздыхая, в сторону)*. Ах ты, господи. *(Матери.)* Да смеем ли мы, маменька, подумать!

Кабанова. Ведь от любви родители и строги-то к вам бывают, от любви вас и бранят-то, все думают добру научить. Ну, а это нынче не нравится. И пойдут детки-то по людям славить, что мать вор-

чунья, что мать проходу не дает, со свету сживает. А сохрани господи, каким-нибудь словом снохе не угодить, ну и пошел разговор, что свекровь заела совсем.

Кабанов. Нешто, маменька, кто говорит про вас?

Кабанова. Не слыхала, мой друг, не слыхала, лгать не хочу. Уж кабы я слышала, я бы с тобой, мой милый, тогда не так заговорила. *(Вздыхает.)* Ох, грех тяжкий! Вот долго ли согрешить-то! Разговор близкий сердцу пойдет, ну и согрешишь, рассердишься. Нет, мой друг, говори что хочешь про меня. Никому не закажешь говорить: в глаза не посмеют, так за глаза станут.

Кабанов. Да отсохни язык…

Кабанова. Полно, полно, не божись! Грех! Я уж давно вижу, что тебе жена милее матери. С тех пор как женился, я уж от тебя прежней любви не вижу.

Кабанов. В чем же вы, маменька, это видите?

Кабанова. Да во всем, мой друг! Мать чего глазами не увидит, так у нее сердце вещун, она сердцем может чувствовать. Аль жена тебя, что ли, отводит от меня, уж не знаю.

Кабанов. Да нет, маменька! Что вы, помилуйте!

Катерина. Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты, да и Тихон тоже тебя любит.

Кабанова. Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашивают. Не заступайся, матушка, не обижу небось! Ведь он мне тоже сын; ты этого не забывай! Что ты выскочила в глазах-то поюлить! Чтобы видели, что ли, как ты мужа любишь? Так знаем, знаем, в глазах-то ты это всем доказываешь.

Варвара *(про себя)*. Нашла место наставления читать.

Катерина. Ты про меня, маменька, напрасно это говоришь. Что при людях, что без людей, я все одна, ничего я из себя не доказываю.

Кабанова. Да я об тебе и говорить не хотела; а так, к слову пришлось.

Катерина. Да хоть и к слову, за что ж ты меня обижаешь?

Кабанова. Эка важная птица! Уж и обиделась сейчас.

Катерина. Напраслину-то терпеть кому ж приятно!

Кабанова. Знаю я, знаю, что вам не по нутру мои слова, да что ж делать-то, я вам не чужая, у меня об вас сердце болит. Я давно вижу, что вам воли хочется. Ну что ж, дождетесь, поживете и на

воле, когда меня не будет. Вот уж тогда делайте что хотите, не будет над вами старших. А может, и меня вспомянете.

Кабанов. Да мы об вас, маменька, денно и нощно бога молим, чтобы вам, маменька, бог дал здоровья и всякого благополучия и в делах успеху.

Кабанова. Ну, полно, перестань, пожалуйста. Может быть, ты и любил мать, пока был холостой. До меня ли тебе: у тебя жена молодая.

Кабанов. Одно другому не мешает-с: жена само по себе, а к родительнице я само по себе почтение имею.

Кабанова. Так променяешь ты жену на мать? Ни в жизнь я этому не поверю.

Кабанов. Да для чего ж мне менять-с? Я обеих люблю.

Кабанова. Ну да, так и есть, размазывай! Уж я вижу, что я вам помеха.

Кабанов. Думайте как хотите, на все есть ваша воля; только я не знаю, что я за несчастный такой человек на свет рожден, что не могу вам угодить ничем.

Кабанова. Что ты сиротой-то прикидываешься? Что ты нюни-то распустил? Ну какой ты муж? Посмотри ты на себя! Станет ли тебя жена бояться

после этого?

Кабанов. Да зачем же ей бояться? С меня и того довольно, что она меня любит.

Кабанова. Как зачем бояться! Как зачем бояться! Да ты рехнулся, что ли? Тебя не станет бояться, меня и подавно. Какой же это порядок-то в доме будет? Ведь ты, чай, с ней в законе живешь. Али, по-вашему, закон ничего не значит? Да уж коли ты такие дурацкие мысли в голове держишь, ты бы при ней-то, по крайней мере, не болтал да при сестре, при девке; ей тоже замуж идти: этак она твоей болтовни наслушается, так после муж-то нам спасибо скажет за науку. Видишь ты, какой еще ум-то у тебя, а ты еще хочешь своей волей жить.

Кабанов. Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Где уж мне своей волей жить!

Кабанова. Так, по-твоему, нужно все лаской с женой? Уж и не прикрикнуть на нее и не пригрозить?

Кабанов. Да я, маменька…

Кабанова *(горячо)*. Хоть любовника заводи! А? И это, может быть, по-твоему, ничего? А? Ну, говори!

Кабанов. Да, ей-богу, маменька…

Кабанова *(совершенно хладнокровно)*. Дурак!

(Вздыхает.) Что с дураком и говорить! Только грех один!

Молчание.

Я домой иду.

Кабанов. И мы сейчас, только раз-другой по бульвару пройдем.

Кабанова. Ну, как хотите, только ты смотри, чтобы мне вас не дожидаться! Знаешь, я не люблю этого.

Кабанов. Нет, маменька, сохрани меня господи!

Кабанова. То-то же! *(Уходит.)*

Явление шестое

Те же, без Кабановой.

Кабанов. Вот видишь ты, вот всегда мне за тебя достается от маменьки! Вот жизнь-то моя какая!

Катерина. Чем же я-то виновата?

Кабанов. Кто ж виноват, я уж не знаю,

Варвара. Где тебе знать!

Кабанов. То все приставала: «Женись да женись, я хоть бы поглядела на тебя на женатого». А теперь поедом ест, проходу не дает — все за тебя.

Варвара. Так нешто она виновата? Мать на нее нападает, и ты тоже. А еще говоришь, что любишь жену. Скучно мне глядеть-то на тебя!

(Отворачивается.)

Кабанов. Толкуй тут! Что ж мне делать-то?

Варвара. Знай свое дело — молчи, коли уж лучше ничего не умеешь. Что стоишь — переминаешься? По глазам вижу, что у тебя и на уме-то.

Кабанов. Ну, а что?

Варвара. Известно, что. К Савелу Прокофьичу хочется, выпить с ним. Что, не так, что ли?

Кабанов. Угадала, брат.

Катерина. Ты, Тиша, скорей приходи, а то маменька опять браниться станет.

Варвара. Ты проворней, в самом деле, а то знаешь ведь!

Кабанов. Уж как не знать!

Варвара. Нам тоже невелика охота из-за тебя брань-то принимать.

Кабанов. Я мигом. Подождите! *(Уходит.)*

Явление седьмое

Катерина и Варвара.

Катерина. Так ты, Варя, жалеешь меня?

Варвара *(глядя в сторону)*. Разумеется, жалко.

Катерина. Так ты, стало быть, любишь меня? *(Крепко целует.)*

Варвара. За что ж мне тебя не любить-то.

Катерина. Ну, спасибо тебе! Ты милая такая, я

сама тебя люблю до смерти.

Молчание.

Знаешь, мне что в голову пришло?

Варвара. Что?

Катерина. Отчего люди не летают?

Варвара. Я не понимаю, что ты говоришь.

Катерина. Я говорю, отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Попробовать нешто теперь? *(Хочет бежать.)*

Варвара. Что ты выдумываешь-то?

Катерина *(вздыхая)*. Какая я была резвая! Я у вас завяла совсем.

Варвара. Ты думаешь, я не вижу?

Катерина. Такая ли я была! Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и делаю. Знаешь, как я жила в девушках? Вот я тебе сейчас расскажу. Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключок, умоюсь, принесу с собой водицы и все, все цветы в доме полью. У меня цветов было много-много. Потом пойдем с маменькой в церковь, все и странницы, — у нас

полон дом был странниц; да богомолок. А придем из церкви, сядем за какую-нибудь работу, больше по бархату золотом, а странницы станут рассказывать: где они были, что видели, жития разные, либо стихи поют. Так до обеда время и пройдет. Тут старухи уснуть лягут, а я по саду гуляю. Потом к вечерне, а вечером опять рассказы да пение. Таково хорошо было!

Варвара. Да ведь и у нас то же самое.

Катерина. Да здесь все как будто из-под неволи. И до смерти я любила в церковь ходить! Точно, бывало, я в рай войду и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно как все это в одну секунду было. Маменька говорила, что все, бывало, смотрят на меня, что со мной делается. А знаешь: в солнечный день из купола такой светлый столб вниз идет, и в этом столбе ходит дым, точно облако, и вижу я, бывало, будто ангелы в этом столбе летают и поют. А то, бывало, девушка, ночью встану — у нас тоже везде лампадки горели — да где-нибудь в уголке и молюсь до утра. Или рано утром в сад уйду, еще только солнышко восходит, упаду на колена, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чем молюсь и о чем плачу; так меня и найдут. И об чем я молилась тогда, чего просила, не знаю; ничего мне не

надобно, всего у меня было довольно. А какие сны мне снились, Варенька, какие сны! Или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и все поют невидимые голоса, и кипарисом пахнет, и горы и деревья будто не такие, как обыкновенно, а как на образах пишутся. А то, будто я летаю, так и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да редко, да и не то.

Варвара. А что же?

Катерина *(помолчав)*. Я умру скоро.

Варвара. Полно, что ты!

Катерина. Нет, я знаю, что умру. Ох, девушка, что-то со мной недоброе делается, чудо какое-то! Никогда со мной этого не было. Что-то во мне такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю, или… уж и не знаю.

Варвара. Что же с тобой такое?

Катерина *(берет ее за руку)*. А вот что, Варя: быть греху какому-нибудь! Такой на меня страх, такой-то на меня страх! Точно я стою над пропастью и меня кто-то туда толкает, а удержаться мне не за что. *(Хватается за голову рукой.)*

Варвара. Что с тобой? Здорова ли ты?

Катерина. Здорова… Лучше бы я больна была, а то нехорошо. Лезет мне в голову мечта какая-то. И никуда я от нее не уйду. Думать стану — мыс-

лей никак не соберу, молиться — не отмолюсь никак. Языком лепечу слова, а на уме совсем не то: точно мне лукавый в уши шепчет, да все про такие дела нехорошие. И то мне представляется, что мне самое себе совестно сделается. Что со мной? Перед бедой перед какой-нибудь это! Ночью, Варя, не спится мне, все мерещится шепот какой-то: кто-то так ласково говорит со мной, точно голубь воркует. Уж не снятся мне, Варя, как прежде, райские деревья да горы, а точно меня кто-то обнимает так горячо-горячо и ведет меня куда-то, и я иду за ним, иду…

Варвара. Ну?

Катерина. Да что же это я говорю тебе: ты девушка.

Варвара *(оглядываясь)*. Говори! Я хуже тебя.

Катерина. Ну, что ж мне говорить? Стыдно мне.

Варвара. Говори, нужды нет!

Катерина. Сделается мне так душно, так душно дома, что бежала бы. И такая мысль придет на меня, что, кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волге, на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей, обнявшись…

Варвара. Только не с мужем.

Катерина. А ты почем знаешь?

Варвара. Еще бы не знать.

Катерина. Ах, Варя, грех у меня на уме! Сколько я, бедная, плакала, чего уж я над собой не делала! Не уйти мне от этого греха. Никуда не уйти. Ведь это нехорошо, ведь это страшный грех, Варенька, что я другого люблю?

Варвара. Что мне тебя судить! У меня свои грехи есть.

Катерина. Что же мне делать! Сил моих не хватает. Куда мне деваться; я от тоски что-нибудь сделаю над собой!

Варвара. Что ты! Что с тобой! Вот погоди, завтра братец уедет, подумаем; может быть, и видеться можно будет.

Катерина. Нет, нет, не надо! Что ты! Что ты! Сохрани господи!

Варвара. Чего ты испугалась?

Катерина. Если я с ним хоть раз увижусь, я убегу из дому, я уж не пойду домой ни за что на свете.

Варвара. А вот погоди, там увидим.

Катерина. Нет, нет, и не говори мне, я и слушать не хоту.

Варвара. А что за охота сохнуть-то! Хоть умирай с тоски, пожалеют, что ль, тебя! Как же, дожидайся. Так какая ж неволя себя мучить-то!

Входит Барыня с палкой и два лакея в треугольных шляпах сзади.

Явление восьмое

Те же и Барыня.

Барыня. Что, красавицы? Что тут делаете? Молодцов поджидаете, кавалеров? Вам весело? Весело? Красота-то ваша вас радует? Вот красота-то куда ведет. *(Показывает на Волгу.)* Вот, вот, в самый омут.

Варвара улыбается.

Что смеетесь! Не радуйтесь! *(Стучит палкой.)* Все в огне гореть будете неугасимом. Все в смоле будете кипеть неутолимой. *(Уходя.)* Вон, вон куда красота-то ведет! *(Уходит.)*

Явление девятое

Катерина и Варвара.

Катерина. Ах, как она меня испугала! Я дрожу вся, точно она пророчит мне что-нибудь.

Варвара. На свою бы тебе голову, старая карга!

Катерина. Что она сказала такое, а? Что она сказала?

Варвара. Вздор все. Очень нужно слушать, что она городит. Она всем так пророчит. Всю жизнь

смолоду-то грешила. Спроси-ка, что об ней порасскажут! Вот умирать-то и боится. Чего сама-то боится, тем и других пугает. Даже все мальчишки в городе от нее прячутся, грозит на них палкой да кричит *(передразнивая)*: «Все гореть в огне будете!»

Катерина *(зажмурившись)*. Ах, ах, перестань! У меня сердце упало.

Варвара. Есть чего бояться! Дура старая…

Катерина. Боюсь, до смерти боюсь. Все она мне в глазах мерещится.

Молчание.

Варвара *(оглядываясь)*. Что это братец нейдет, вон, никак, гроза заходит.

Катерина *(с ужасом)*. Гроза! Побежим домой! Поскорее!

Варвара. Что ты, с ума, что ли, сошла? Как же ты без братца-то домой покажешься?

Катерина. Нет, домой, домой! Бог с ним!

Варвара. Да что ты уж очень боишься: еще далеко гроза-то.

Катерина. А коли далеко, так, пожалуй, подождем немного; а право бы, лучше идти. Пойдем лучше!

Варвара. Да ведь уж коли чему быть, так и дома не спрячешься.

Катерина. Да все-таки лучше, все покойнее: дома-то я к образам да богу молиться!

Варвара. Я и не знала, что ты так грозы боишься. Я вот не боюсь.

Катерина. Как, девушка, не бояться! Всякий должен бояться. Не то страшно, что убьет тебя, а то, что смерть тебя вдруг застанет, как ты есть, со всеми твоими грехами, со всеми помыслами лукавыми. Мне умереть не страшно, а как я подумаю, что вот вдруг я явлюсь перед богом такая, какая я здесь с тобой, после этого разговору-то, — вот что страшно. Что у меня на уме-то! Какой грех-то! Страшно вымолвить! Ах!

Гром. Кабанов входит.

Варвара. Вот братец идет. *(Кабанову.)* Беги скорей!

Гром.

Катерина. Ах! Скорей, скорей!

Действие второе

Комната в доме Кабановых.

Явление первое

Глаша (собирает платье в узлы) и Феклуша (входит).

Феклуша. Милая девушка, все-то ты за работой! Что делаешь, милая?

Глаша. Хозяина в дорогу собираю.

Феклуша. Аль едет куда свет наш?

Глаша. Едет.

Феклуша. Надолго, милая, едет?

Глаша. Нет, ненадолго.

Феклуша. Ну, скатертью ему дорога! А что, хозяйка-то станет выть аль нет?

Глаша. Уж не знаю, как тебе сказать.

Феклуша. Да она у вас воет когда?

Глаша. Не слыхать что-то.

Феклуша. Уж больно я люблю, милая девушка, слушать, коли кто хорошо воет-то.

Молчание.

А вы, девушка, за убогой-то присматривайте, не стянула б чего.

Глаша. Кто вас разберет, все вы друг на друга клеплете. Что вам ладно-то не живется? Уж у нас ли, кажется, вам, странным, не житье, а вы все ссоритесь да перекоряетесь. Греха-то вы не боитесь.

Феклуша. Нельзя, матушка, без греха: в миру живем. Вот что я тебе скажу, милая девушка: вас, простых людей, каждого один враг смущает, а к нам, к странным людям, к кому шесть, к кому двенадцать приставлено; вот и надобно их всех побороть. Трудно, милая девушка!

Глаша. Отчего ж к вам так много?

Феклуша. Это, матушка, враг-то из ненависти на нас, что жизнь такую праведную ведем. А я, милая девушка, не вздорная, за мной этого греха нет. Один грех за мной есть точно, я сама знаю, что есть. Сладко поесть люблю. Ну так что ж! По немощи моей господь посылает.

Глаша. А ты, Феклуша, далеко ходила?

Феклуша. Нет, милая. Я, по своей немощи, далеко не ходила; а слыхать — много слыхала. Говорят, такие страны есть, милая девушка, где и царей-то нет православных, а салтаны землей правят. В одной земле сидит на троне салтан Махнут турецкий, а в другой — салтан Махнут персидский; и суд творят они, милая девушка,

надо всеми людьми, и, что ни судят они, все неправильно. И не могут они, милая, ни одного дела рассудить праведно, такой уж им предел положен. У нас закон праведный, а у них, милая, неправедный; что по нашему закону так выходит, а по-ихнему все напротив. И все судьи у них, в ихних странах, тоже все неправедные; так им, милая девушка, и в просьбах пишут: «Суди меня, судья неправедный!». А то есть еще земля, где все люди с песьими головами.

Глаша. Отчего же так — с песьими?

Феклуша. За неверность. Пойду я, милая девушка, по купечеству поброжу: не будет ли чего на бедность. Прощай покудова!

Глаша. Прощай!

Феклуша уходит.

Вот еще какие земли есть! Каких-то, каких-то чудес на свете нет! А мы тут сидим, ничего не знаем. Еще хорошо, что добрые люди есть: нет-нет да и услышишь, что на белом свете делается; а то бы так дураками И померли.

Входят Катерина и Варвара.

Явление второе

Катерина и Варвара.

Варвара *(Глаше)*. Тащи узел-то в кибитку, лоша-

ди приехали. *(Катерине.)* Молоду тебя замуж-то отдали, погулять-то тебе в девках не пришлось: вот у тебя сердце-то и не уходилось еще.

Глаша уходит.

Катерина. И никогда не уходится.

Варвара. Отчего ж?

Катерина. Такая уж я зародилась, горячая! Я еще лет шести была, не больше, так что сделала! Обидели меня чем-то дома, а дело было к вечеру, уж темно; я выбежала на Волгу, села в лодку, да и отпихнула ее от берега. На другое утро уж нашли, верст за десять!

Варвара. Ну, а парни поглядывали на тебя?

Катерина. Как не поглядывать!

Варвара. Что же ты? Неужто не любила никого?

Катерина. Нет, смеялась только.

Варвара. А ведь ты, Катя, Тихона не любишь.

Катерина. Нет, как не любить! Мне жалко его очень!

Варвара. Нет, не любишь. Коли жалко, так не любишь. Да и не за что, надо правду сказать. И напрасно ты от меня скрываешься! Давно уж я заметила, что ты любишь другого человека.

Катерина *(с испугом)*. По чем же ты заметила?

Варвара. Как ты смешно говоришь! Маленькая

я, что ли! Вот тебе первая примета: как ты увидишь его, вся в лице переменишься.

Катерина потупляет глаза.

Да мало ли…

Катерина *(потупившись)*. Ну, кого же?

Варвара. Да ведь ты сама знаешь, что называть-то?

Катерина. Нет, назови. По имени назови!

Варвара. Бориса Григорьича.

Катерина. Ну да, его, Варенька, его! Только ты, Варенька, ради бога…

Варвара. Ну, вот еще! Ты сама-то, смотри, не проговорись как-нибудь.

Катерина. Обманывать-то я не умею, скрывать-то ничего не могу.

Варвара. Ну, а ведь без этого нельзя; ты вспомни, где ты живешь! У нас ведь дом на том держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало. Я вчера гуляла, так его видела, говорила с ним.

Катерина *(после непродолжительного молчания, потупившись)*. Ну, так что ж?

Варвара. Кланяться тебе приказал. Жаль, говорит, что видеться негде.

Катерина *(потупившись еще более)*. Где же видеться! Да и зачем…

Варвара. Скучный такой.

Катерина. Не говори мне про него, сделай милость, не говори! Я его и знать не хочу! Я буду мужа любить. Тиша, голубчик мой, ни на кого тебя не променяю! Я и думать-то не хотела, а ты меня смущаешь.

Варвара. Да не думай, кто же тебя заставляет?

Катерина. Не жалеешь ты меня ничего! Говоришь: не думай, а сама напоминаешь. Разве я хочу об нем думать? Да что делать, коли из головы нейдет. Об чем ни задумаю, а он так и стоит перед глазами. И хочу себя переломить, да не могу никак. Знаешь ли ты, меня нынче ночью опять враг смущал. Ведь я было из дому ушла.

Варвара. Ты какая-то мудреная, бог с тобой! А по-моему: делай, что хочешь, только бы шито да крыто было.

Катерина. Не хочу я так. Да и что хорошего! Уж я лучше буду терпеть, пока терпится.

Варвара. А не стерпится, что ж ты сделаешь?

Катерина. Что я сделаю?

Варвара. Да, что ты сделаешь?

Катерина. Что мне только захочется, то и сделаю.

Варвара. Сделай, попробуй, так тебя здесь заедят.

Катерина. Что мне! Я уйду, да и была такова.

Варвара. Куда ты уйдешь? Ты мужняя жена.

Катерина. Эх, Варя, не знаешь ты моего характеру! Конечно, не дай бог этому случиться! А уж коли очень мне здесь опостынет, так не удержат меня никакой силой. В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь!

Молчание.

Варвара. Знаешь что, Катя! Как Тихон уедет, так давай в саду спать, в беседке.

Катерина. Ну зачем, Варя?

Варвара. Да нешто не все равно?

Катерина. Боюсь я в незнакомом-то месте ночевать,

Варвара. Чего бояться-то! Глаша с нами будет.

Катерина. Все как-то робко! Да я, пожалуй.

Варвара. Я б тебя и не звала, да меня-то одну маменька не пустит, а мне нужно.

Катерина *(смотря на нее)*. Зачем же тебе нужно? Варвара *(смеется)*. Будем там ворожить с тобой. Катерина. Шутишь, должно быть? Варвара. Известно, шучу; а то неужто в самом деле?

Молчание.

Катерина. Где ж это Тихон-то?

Варвара. На что он тебе?

Катерина. Нет, я так. Ведь скоро едет.

Варвара. С маменькой сидят запершись. Точит она его теперь, как ржа железо.

Катерина. За что же?

Варвара. Ни за что, так, уму-разуму учит. Две недели в дороге будет, заглазное дело. Сама посуди! У нее сердце все изноет, что он на своей воле гуляет. Вот она ему теперь надает приказов, один другого грозней, да потом к образу побожиться заставит, что все так точно он и сделает, как приказано.

Катерина. И на воле-то он словно связанный.

Варвара. Да, как же, связанный! Он как выедет, так запьет. Он теперь слушает, а сам думает, как бы ему вырваться-то поскорей.

Входят Кабанова и Кабанов.

Явление третье

Те же, Кабанова и Кабанов.

Кабанова. Ну, ты помнишь все, что я тебе сказала. Смотри ж, помни! На носу себе заруби!

Кабанов. Помню, маменька.

Кабанова. Ну, теперь все готово. Лошади приехали. Проститься тебе только, да и с богом.

Кабанов. Да-с, маменька, пора.

Кабанова. Ну!

Кабанов. Чего изволите-с?

Кабанова. Что ж ты стоишь, разве порядку не забыл? Приказывай жене-то, как жить без тебя.

Катерина потупила глаза.

Кабанов. Да она, чай, сама знает.

Кабанова. Разговаривай еще! Ну, ну, приказывай. Чтоб и я слышала, что ты ей приказываешь! А потом приедешь спросишь, так ли все исполнила.

Кабанов *(становясь против Катерины)*. Слушайся маменьки, Катя!

Кабанова. Скажи, чтоб не грубила свекрови,

Кабанов. Не груби!

Кабанова. Чтоб почитала свекровь, как родную мать!

Кабанов. Почитай, Катя, маменьку, как родную мать.

Кабанова. Чтоб сложа руки не сидела, как барыня.

Кабанов. Работай что-нибудь без меня!

Кабанова. Чтоб в окна глаз не пялила!

Кабанов. Да, маменька, когда ж она…

Кабанова. Ну, ну!

Кабанов. В окна не гляди!

Кабанова. Чтоб на молодых парней не заглядывалась без тебя.

Кабанов. Да что ж это, маменька, ей-богу!

Кабанова *(строго)*. Ломаться-то нечего! Должен исполнять, что мать говорит. *(С улыбкой.)* Оно все лучше, как приказано-то.

Кабанов *(сконфузившись)*. Не заглядывайся на парней!

Катерина строго взглядывает на него.

Кабанова. Ну, теперь поговорите промежду себя, коли что нужно. Пойдем, Варвара!

Уходят.

Явление четвертое

Кабанов и Катерина (стоит, как будто в оцепенении).

Кабанов. Катя!

Молчание.

Катя, ты на меня не сердишься?

Катерина *(после непродолжительного молчания, качает головой)*. Нет!

Кабанов. Да что ты такая? Ну, прости меня!

Катерина *(все в том же состоянии, покачав головой)*. Бог с тобой! *(Закрыв лицо рукою.)* Обидела она меня!

Кабанов. Все к сердцу-то принимать, так в чахотку скоро попадешь. Что ее слушать-то! Ей ведь что-нибудь надо ж говорить! Ну и пущай

она говорит, а ты мимо ушей пропущай, Ну, прощай, Катя!

Катерина *(кидаясь на шею мужу)*. Тиша, не уезжай! Ради бога, не уезжай! Голубчик, прошу я тебя!

Кабанов. Нельзя, Катя. Коли маменька посылает, как же я не поеду!

Катерина. Ну, бери меня с собой, бери!

Кабанов *(освобождаясь из ее объятий)*. Да нельзя.

Катерина. Отчего же, Тиша, нельзя?

Кабанов. Куда как весело с тобой ехать! Вы меня уж заездили здесь совсем! Я не чаю, как вырваться-то; а ты еще навязываешься со мной.

Катерина. Да неужели же ты разлюбил меня?

Кабанов. Да не разлюбил, а с этакой-то неволи от какой хочешь красавицы жены убежишь! Ты подумай то: какой ни на есть, я все-таки мужчина; всю жизнь вот этак жить, как ты видишь, так убежишь и от жены. Да как знаю я теперича, что недели две никакой грозы надо мной не будет, кандалов этих на ногах нет, так до жены ли мне?

Катерина. Как же мне любить-то тебя, когда ты такие слова говоришь?

Кабанов. Слова как слова! Какие же мне еще слова говорить! Кто тебя знает, чего ты боишься?

Ведь ты не одна, ты с маменькой остаешься.

Катерина. Не говори ты мне об ней, не тирань ты моего сердца! Ах, беда моя, беда! *(Плачет.)* Куда мне, бедной, деться? За кого мне ухватиться? Батюшки мои, погибаю я!

Кабанов. Да полно ты!

Катерина *(подходит к мужу и прижимается к нему)*. Тиша, голубчик, кабы ты остался либо взял ты меня с собой, как бы я тебя любила, как бы я тебя голубила, моего милого! *(Ласкает его.)*

Кабанов. Не разберу я тебя, Катя! То от тебя слова не добьешься, не то что ласки, а то так сама лезешь.

Катерина. Тиша, на кого ты меня оставляешь! Быть беде без тебя! Быть беде!

Кабанов. Ну, да ведь нельзя, так уж нечего делать.

Катерина. Ну, так вот что! Возьми ты с меня какую-нибудь клятву страшную…

Кабанов. Какую клятву?

Катерина. Вот какую: чтобы не смела я без тебя ни под каким видом ни говорить ни с кем чужим, ни видеться, чтобы и думать я не смела ни о ком, кроме тебя.

Кабанов. Да на что ж это?

Катерина. Успокой ты мою душу, сделай такую

милость для меня!

Кабанов. Как можно за себя ручаться, мало ль что может в голову прийти.

Катерина *(Падая на колени)*. Чтоб не видать мне ни отца, ни матери! Умереть мне без покаяния, если я…

Кабанов *(поднимая ее)*. Что ты! Что ты! Какой грех-то! Я и слушать не хочу!

Голос Кабановой: «Пора, Тихон!»

Входят Кабанова, Варвара и Глаша.

Явление пятое

Те же, Кабанова, Варвара и Глаша.

Кабанова. Ну, Тихон, пора. Поезжай с богом! *(Садится.)* Садитесь все!

Все садятся. Молчание.

Ну, прощай! *(Встает, и все встают.)*

Кабанов *(подходя к матери)*. Прощайте, маменька! Кабанова *(жестом показывая в землю)*. В ноги, в ноги!

Кабанов кланяется в ноги, потом целуется с матерью.

Прощайся с женой!

Кабанов. Прощай, Катя!

Катерина кидается ему на шею.

Кабанова. Что на шею-то виснешь, бесстыд-

ница! Не с любовником прощаешься! Он тебе муж — глава! Аль порядку не знаешь? В ноги кланяйся!

Катерина кланяется в ноги.

Кабанов. Прощай, сестрица! *(Целуется с Варварой.)* Прощай, Глаша! *(Целуется с Глашей.)* Прощайте, маменька! *(Кланяется.)*

Кабанова. Прощай! Дальние проводы — лишние слезы.

Кабанов уходит, за ним Катерина, Варвара и Глаша.

Явление шестое

Кабанова *(одна)*. Молодость-то что значит! Смешно смотреть-то даже на них! Кабы не свои, насмеялась бы досыта: ничего-то не знают, никакого порядка. Проститься-то путем не умеют. Хорошо еще, у кого в доме старшие есть, ими дом-то и держится, пока живы. А ведь тоже, глупые, на свою волю хотят; а выйдут на волю-то, так и путаются на позор да смех добрым людям. Конечно, кто и пожалеет, а больше все смеются. Да не смеяться-то нельзя: гостей позовут, посадить не умеют, да еще, гляди, позабудут кого из родных. Смех, да и только! Так-то вот старина-то и выводится. В другой дом и взойти-то не хочется.

А и взойдешь-то, так плюнешь, да вон скорее. Что будет, как старики перемрут, как будет свет стоять, уж и не знаю. Ну, да уж хоть то хорошо, что не увижу ничего.

Входят Катерина и Варвара.

Явление седьмое

Кабанова, Катерина и Варвара.

Кабанова. Ты вот похвалялась, что мужа очень любишь; вижу я теперь твою любовь-то. Другая хорошая жена, проводивши мужа-то, часа полтора воет, лежит на крыльце; а тебе, видно, ничего.

Катерина. Не к чему! Да и не умею. Что народ-то смешить!

Кабанова. Хитрость-то невеликая. Кабы любила, так бы выучилась. Коли порядком не умеешь, ты хоть бы пример-то этот сделала; все-таки пристойнее; а то, видно, на словах только. Ну, я богу молиться пойду, не мешайте мне.

Варвара. Я со двора пойду.

Кабанова *(ласково)*. А мне что! Поди! Гуляй, пока твоя пора придет. Еще насидишься!

Уходят Кабанова и Варвара.

Явление восьмое

Катерина *(одна, задумчиво)*. Ну, теперь тишина у вас в доме воцарится. Ах, какая скука! Хоть бы дети чьи-нибудь! Эко горе! Деток-то у меня нет: все бы я и сидела с ними да забавляла их. Люблю очень с детьми разговаривать — ангелы ведь это. *(Молчание.)* Кабы я маленькая умерла, лучше бы было. Глядела бы я с неба на землю да радовалась всему. А то полетела бы невидимо, куда захотела. Вылетела бы в поле и летала бы с василька на василек по ветру, как бабочка. *(Задумывается.)* А вот что сделаю: я начну работу какую-нибудь по обещанию; пойду в гостиный двор, куплю холста, да и буду шить белье, а потом раздам бедным. Они за меня богу помолят. Вот и засядем шить с Варварой и не увидим, как время пройдет; а тут Тиша приедет.

Входит Варвара.

Явление девятое

Катерина и Варвара.

Варвара *(покрывает голову платком перед зеркалом)*. Я теперь гулять пойду; а ужо нам Глаша постелет постели в саду, маменька позволила.

В саду, за малиной, есть калитка, ее маменька запирает на замок, а ключ прячет. Я его унесла, а ей подложила другой, чтоб не заметила. На вот, может быть, понадобится. *(Подает ключ.)* Если увижу, так скажу, чтоб приходил к калитке.

Катерина *(с испугом отталкивая ключ)*. На что! На что! Не надо, не надо!

Варвара. Тебе не надо, мне понадобится; возьми, не укусит он тебя.

Катерина. Да что ты затеяла-то, греховодница! Можно ли это! Подумала ль ты! Что ты! Что ты!

Варвара. Ну, я много разговаривать не люблю, да и некогда мне. Мне гулять пора. *(Уходит.)*

Явление десятое

Катерина *(одна, держа ключ в руках)*. Что она это делает-то? Что она только придумывает? Ах, сумасшедшая, право сумасшедшая! Вот погибель-то! Вот она! Бросить его, бросить далеко, в реку кинуть, чтоб не нашли никогда. Он руки-то жжет, точно уголь. *(Подумав.)* Вот так-то и гибнет наша сестра-то. В неволе-то кому весело! Мало ли что в голову-то придет. Вышел случай, другая и рада: так очертя голову и кинется. А как же это можно, не подумавши, не рассудивши-то! Долго ли в беду попасть! А там и плачься всю жизнь, мучайся;

неволя-то еще горчее покажется. *(Молчание.)* А горька неволя, ох, как горька! Кто от нее не плачет! А пуще всех мы, бабы. Вот хоть я теперь! Живу, маюсь, просвету себе не вижу. Да и не увижу, знать! Что дальше, то хуже. А теперь еще этот грех-то на меня. *(Задумывается.)* Кабы не свекровь!.. Сокрушила она меня… от нее мне и дом-то опостылел; стены-то даже противны, *(Задумчиво смотрит на ключ.)* Бросить его? Разумеется, надо бросить. И как он ко мне в руки попал? На соблазн, на пагубу мою. *(Прислушивается.)* Ах, кто-то идет. Так сердце и упало. *(Прячет ключ в карман.)* Нет!.. Никого! Что я так испугалась! И ключ спрятала… Ну, уж, знать, там ему и быть! Видно, сама судьба того хочет! Да какой же в этом грех, если я взгляну на него раз, хоть издали-то! Да хоть и поговорю-то, так все не беда! А как же я мужу-то!.. Да ведь он сам не захотел. Да, может, такого и случая-то еще во всю жизнь не выдет. Тогда и плачься на себя: был случай, да не умела пользоваться. Да что я говорю-то, что я себя обманываю? Мне хоть умереть, да увидеть его. Перед кем я притворяюсь-то!.. Бросить ключ! Нет, ни за что на свете! Он мой теперь… Будь что будет, а я Бориса увижу! Ах, кабы ночь поскорее!..

Действие третье
Сцена первая

Улица. Ворота дома Кабановых, перед воротами скамейка.

Явление первое

Кабанова и Феклуша (сидят на скамейке).

Феклуша. Последние времена, матушка Марфа Игнатьевна, последние, по всем приметам последние. Еще у вас в городе рай и тишина, а по другим городам так просто содом, матушка: шум, беготня, езда беспрестанная! Народ-то так и снует, один туда, другой сюда.

Кабанова. Некуда нам торопиться-то, милая, мы и живем не спеша.

Феклуша. Нет, матушка, оттого у вас тишина в городе, что многие люди, вот хоть бы вас взять, добродетелями, как цветами, украшаются: оттого все и делается прохладно и благочинно. Ведь эта беготня-то, матушка, что значит? Ведь это суета! Вот хоть бы в Москве: бегает народ взад и вперед, неизвестно зачем. Вот она суета-то и есть. Суетный народ, матушка Марфа Игнатьевна, вот он

и бегает. Ему представляется-то, что он за делом бежит; торопится, бедный, людей не узнает; ему мерещится, что его манит некто, а придет на место-то, ан пусто, нет ничего, мечта одна. И пойдет в тоске. А другому мерещится, что будто он догоняет кого-то знакомого. Со стороны-то свежий человек сейчас видит, что никого нет; а тому-то все кажется от суеты, что он догоняет. Суета-то, ведь она вроде туману бывает. Вот у вас в этакой прекрасный вечер редко кто и за ворота-то выйдет посидеть; а в Москве-то теперь гульбища да игрища, а по улицам-то индо грохот идет, стон стоит. Да чего, матушка Марфа Игнатьевна, огненного змия стали запрягать: все, видишь, для ради скорости.

Кабанова. Слышала я, милая.

Феклуша. А я, матушка, так своими глазами видела; конечно, другие от суеты не видят ничего, так он им машиной показывается, они машиной и называют, а я видела, как он лапами-то вот так *(растопыривает пальцы)* делает. Ну, и стон, которые люди хорошей жизни, так слышат.

Кабанова. Назвать-то всячески можно, пожалуй, хоть машиной назови; народ-то глуп, будет всему верить. А меня хоть ты золотом осыпь, так я не поеду.

Феклуша. Что за крайности, матушка! Сохрани господи от такой напасти! А вот еще, матушка Марфа Игнатьевна, было мне в Москве видение некоторое. Иду я рано поутру, еще чуть брезжится, и вижу, на высоком-превысоком доме, на крыше, стоит кто-то, лицом черен. Уж сами понимаете кто. И делает он руками, как будто сыплет что, а ничего не сыпется. Тут я догадалась, что это он плевелы сыплет, а народ днем в суете-то своей невидимо и подберет. Оттого-то они так и бегают, оттого и женщины-то у них все такие худые, тела-то никак не нагуляют, да как будто они что потеряли либо чего ищут: в лице печаль, даже жалко.

Кабанова. Все может быть, моя милая! В наши времена чего дивиться!

Феклуша. Тяжелые времена, матушка Марфа Игнатьевна, тяжелые. Уж и время-то стало в умаление приходить.

Кабанова. Как так, милая, в умаление?

Феклуша. Конечно, не мы, где нам заметить в суете-то! А вот умные люди замечают, что у нас и время-то короче становится. Бывало, лето и зима-то тянутся-тянутся, не дождешься, когда кончатся; а нынче и не увидишь, как пролетят. Дни-то и часы все те же как будто остались, а

время-то, за наши грехи, все короче и короче делается. Вот что умные-то люди говорят.

Кабанова. И хуже этого, милая, будет.

Феклуша. Нам-то бы только не дожить до этого,

Кабанова. Может, и доживем.

Входит Дикой.

Явление второе

Те же и Дикой.

Кабанова. Что это ты, кум, бродишь так поздно?

Дикой. А кто ж мне запретит!

Кабанова. Кто запретит! Кому нужно!

Дикой. Ну, и, значит, нечего разговаривать. Что я, под началом, что ль, у кого? Ты еще что тут! Какого еще тут черта водяного!..

Кабанова. Ну, ты не очень горло-то распускай! Ты найди подешевле меня! А я тебе дорога! Ступай своей дорогой, куда шел. Пойдем, Феклуша, домой. *(Встает.)*

Дикой. Постой, кума, постой! Не сердись. Еще успеешь дома-то быть: дом-от твой не за горами. Вот он!

Кабанова. Коли ты за делом, так не ори, а говори толком.

Дикой. Никакого дела нет, а я хмелен, вот что.

Кабанова. Что ж, ты мне теперь хвалить тебя прикажешь за это?

Дикой. Ни хвалить, ни бранить. А, значит, я хмелен. Ну, и кончено дело. Пока не просплюсь, уж этого дела поправить нельзя.

Кабанова. Так ступай, спи!

Дикой. Куда ж это я пойду?

Кабанова. Домой. А то куда же!

Дикой. А коли я не хочу домой-то?

Кабанова. Отчего же это, позволь тебя спросить?

Дикой. А потому, что у меня там война идет.

Кабанова. Да кому ж там воевать-то? Ведь ты один только там воин-то и есть.

Дикой. Ну так что ж, что я воин? Ну что ж из этого?

Кабанова. Что? Ничего. А и честь-то не велика, потому что воюешь-то ты всю жизнь с бабами. Вот что.

Дикой. Ну, значит, они и должны мне покоряться. А то я, что ли, покоряться стану!

Кабанова. Уж немало я дивлюсь на тебя: столько у тебя народу в доме, а на тебя на одного угодить не могут.

Дикой. Вот поди ж ты!

Кабанова. Ну, что ж тебе нужно от меня?

Дикой. А вот что: разговори меня, чтобы у меня сердце прошло. Ты только одна во всем городе умеешь меня разговорить.

Кабанова. Поди, Феклушка, вели приготовить закусить что-нибудь.

Феклуша уходит.

Пойдем в покои!

Дикой. Нет, я в покои не пойду, в покоях я хуже.

Кабанова. Чем же тебя рассердили-то?

Дикой. Еще с утра с самого.

Кабанова. Должно быть, денег просили.

Дикой. Точно сговорились, проклятые; то тот, то другой целый день пристают.

Кабанова. Должно быть, надо, коли пристают.

Дикой. Понимаю я это; да что ж ты мне прикажешь с собой делать, когда у меня сердце такое! Ведь уж знаю, что надо отдать, а все добром не могу. Друг ты мне, и я тебе должен отдать, а приди ты у меня просить — обругаю. Я отдам, отдам, а обругаю. Потому, только заикнись мне о деньгах, у меня всю нутренную разжигать станет; всю нутренную вот разжигает, да и только; ну, и в те поры ни за что обругаю человека.

Кабанова. Нет над тобой старших, вот ты и

куражишься.

Дикой. Нет, ты, кума, молчи! Ты слушай! Вот какие со мной истории бывали. О посту как-то о великом я говел, а тут нелегкая и подсунь мужичонка: за деньгами пришел, дрова возил. И принесло ж его на грех-то в такое время! Согрешил-таки: изругал, так изругал, что лучше требовать нельзя, чуть не прибил. Вот оно, какое сердце-то у меня! После прощенья просил, в ноги кланялся, право так. Истинно тебе говорю, мужику в ноги кланялся. Вот до чего меня сердце доводит: тут на дворе, в грязи, ему и кланялся; при всех ему кланялся.

Кабанова. А зачем ты нарочно-то себя в сердце приводишь? Это, кум, нехорошо.

Дикой. Как так нарочно?

Кабанова. Я видала, я знаю. Ты, коли видишь, что просить у тебя чего-нибудь хотят, ты возьмешь да нарочно из своих на кого-нибудь и накинешься, чтобы рассердиться; потому что ты знаешь, что к тебе сердитому никто уж не пойдет. Вот что, кум!

Дикой. Ну, что ж такое? Кому своего добра не жалко!

Глаша входит.

Глаша. Марфа Игнатьевна, закусить поставле-

но, пожалуйте!

Кабанова. Что ж, кум, зайди. Закуси, чем бог послал.

Дикой. Пожалуй.

Кабанова. Милости просим! *(Пропускает вперед Дикого и уходит за ним.)*

Глаша, сложа руки, стоит у ворот.

Глаша. Никак. Борис Григорьич идет. Уж не за дядей ли? Аль так гуляет? Должно, так гуляет.

Входит Борис.

Явление третье

Глаша, Борис, потом Кулигин.

Борис. Не у вас ли дядя?

Глаша. У нас. Тебе нужно, что ль, его?

Борис. Послали из дому узнать, где он. А коли у вас, так пусть сидит: кому его нужно. Дома-то рады-радехоньки, что ушел.

Глаша. Нашей бы хозяйке за ним быть, она б его скоро прекратила. Что ж я, дура, стою-то с тобой! Прощай. *(Уходит.)*

Борис. Ах ты, господи! Хоть бы одним глазком взглянуть на нее! В дом войти нельзя: здесь незваные не ходят. Вот жизнь-то! Живем в одном городе, почти рядом, а увидишься раз в неделю, и то в церкви либо на дороге, вот и все! Здесь что

вышла замуж, что схоронили — все равно.

Молчание.

Уж совсем бы мне ее не видать: легче бы было! А то видишь урывками, да еще при людях; во сто глаз на тебя смотрят. Только сердце надрывается. Да и с собой-то не сладишь никак. Пойдешь гулять, а очутишься всегда здесь у ворот. И зачем я хожу сюда? Видеть ее никогда нельзя, а еще, пожалуй, разговор какой выйдет, ее-то в беду введешь. Ну, попал я в городок!

Идет ему навстречу Кулигин.

Кулигин. Что, сударь? Гулять изволите?

Борис. Да, гуляю себе, погода очень хороша нынче.

Кулигин. Очень хорошо, сударь, гулять теперь. Тишина, воздух отличный, из-за Волги с лугов цветами пахнет, небо чистое…

Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне — дна.

Пойдемте, сударь, на бульвар, ни души там нет.

Борис. Пойдемте!

Кулигин. Вот какой, сударь, у нас городишко! Бульвар сделали, а не гуляют. Гуляют только по праздникам, и то один вид делают, что гуляют,

а сами ходят туда наряды показывать. Только пьяного приказного и встретишь, из трактира домой плетется. Бедным гулять, сударь, некогда, у них день и ночь работа. И спят-то всего часа три в сутки. А богатые-то что делают? Ну, что бы, кажется, им не гулять, не дышать свежим воздухом? Так нет. У всех давно ворота, сударь, заперты, и собаки спущены… Вы думаете, они дело делают либо богу молятся? Нет, сударь. И не от воров они запираются, а чтоб люди не видали, как они своих домашних едят поедом да семью тиранят. И что слез льется за этими запорами, невидимых и неслышимых! Да что вам говорить, сударь! По себе можете судить. И что, сударь, за этими замками разврату темного да пьянства! РІ все шито да крыто — никто ничего не видит и не знает, видит только один бог! Ты, говорит, смотри, в людях меня да на улице, а до семьи моей тебе дела нет; на это, говорит, у меня есть замки, да запоры, да собаки злые. Семья, говорит, дело тайное, секретное! Знаем мы эти секреты-то! От этих секретов-то, сударь, ему только одному весело, а остальные волком воют. Да и что за секрет? Кто его не знает! Ограбить сирот, родственников, племянников, заколотить домашних так, чтобы ни об чем, что он там творит, пискнуть не смели.

Вот и весь секрет. Ну, да бог с ними! А знаете, сударь, кто у нас гуляет? Молодые парни да девушки. Так эти у сна воруют часок-другой, ну и гуляют парочками. Да вот пара!

Показываются Кудряш и Варвара. Целуются.

Борис. Целуются.

Кулигин. Это у нас нужды нет.

Кудряш уходит, а Варвара подходит к своим воротам и манит Бориса. Он подходит.

Явление четвертое

Борис, Кулигин и Варвара.

Кулигин. Я, сударь, на бульвар пойду. Что вам мешать-то? Там и подожду.

Борис. Хорошо, я сейчас приду.

Кулигин уходит.

Варвара *(закрываясь платком)*. Знаешь овраг за Кабановым садом?

Борис. Знаю.

Варвара. Приходи туда ужо попозже.

Борис. Зачем?

Варвара. Какой ты глупый! Приходи: там увидишь, зачем. Ну, ступай скорей, тебя дожидаются.

Борис уходит.

Не узнал ведь! Пущай теперь подумает. А уж-

отко я знаю, что Катерина не утерпит, выскочит. *(Уходит в ворота.)*

Сцена вторая

Ночь. Овраг, покрытый кустами; наверху — забор сада Кабановых и калитка; сверху — тропинка.

Явление первое

Кудряш *(входит с гитарой)*. Нет никого. Что ж это она там! Ну, посидим да подождем. *(Садится на камень.)* Да со скуки песенку споем. *(Поет.)*

Как донской-то казак, казак вел коня поить,
Добрый молодец, уж он у ворот стоит.
У ворот стоит, сам он думу думает,
Думу думает, как будет жену губить.
Как жена-то, жена мужу возмолилася,
Во скоры-то ноги ему поклонилася:
«Уж ты, батюшка, ты ли, мил сердечный друг!
Ты не бей, не губи ты меня со вечера!

Ты убей, загуби меня со полуночи!
Дай уснуть моим малым детушкам,
Малым детушкам, всем ближним соседушкам».

Входит Борис.

Явление второе

Кудряш и Борис.

Кудряш *(перестает петь)*. Ишь ты! Смирен, смирен, а тоже в разгул пошел.

Борис. Кудряш, это ты?

Кудряш. Я, Борис Григорьич!

Борис. Зачем это ты здесь?

Кудряш. Я-то? Стало быть, мне нужно, Борис Григорьич, коли я здесь. Без надобности б не пошел. Вас куда бог несет?

Борис *(оглядывает местность)*. Вот что, Кудряш: мне бы нужно здесь остаться, а тебе ведь, я думаю, все равно, ты можешь идти и в другое место.

Кудряш. Нет, Борис Григорьич, вы, я вижу, здесь еще в первый раз, а у меня уж тут место насиженное и дорожка-то мной протоптана. Я вас люблю, сударь, и на всякую вам услугу готов; а на этой дорожке вы со мной ночью не встречайтесь,

чтобы, сохрани господи, греха какого не вышло. Уговор лучше денег.

Борис. Что с тобой, Ваня?

Кудряш. Да что: Ваня! Я знаю, что я Ваня. А вы идите своей дорогой, вот и все. Заведи себе сам, да и гуляй себе с ней, и никому до тебя дела пет. А чужих не трогай! У нас так не водится, а то парни ноги переломают. Я за свою… Да я и не знаю, что сделаю! Горло перерву.

Борис. Напрасно ты сердишься; у меня и на уме-то нет отбивать у тебя. Я бы и не пришел сюда, кабы мне не велели.

Кудряш. Кто ж велел?

Борис. Я не разобрал, темно было. Девушка какая-то остановила меня на улице и сказала, чтобы я именно сюда пришел, сзади сада Кабановых, где тропинка.

Кудряш. Кто ж бы это такая?

Борис. Послушай, Кудряш. Можно с тобой поговорить по душе, ты не разболтаешь?

Кудряш. Говорите, не бойтесь! У меня все одно, что умерло.

Борис. Я здесь ничего не знаю, ни порядков ваших, ни обычаев; а дело-то такое…

Кудряш. Полюбили, что ль, кого?

Борис. Да, Кудряш.

Кудряш. Ну что ж, это ничего. У нас насчет этого слободно. Девки гуляют себе как хотят, отцу с матерью и дела нет. Только бабы взаперти сидят.

Борис. То-то и горе мое.

Кудряш. Так неужто ж замужнюю полюбили?

Борис. Замужнюю, Кудряш.

Кудряш. Эх, Борис Григорьич, бросить надоть!

Борис. Легко сказать — бросить! Тебе это, может быть, все равно; ты одну бросишь, а другую найдешь. А я не могу этого! Уж я коли полюбил…

Кудряш. Ведь это, значит, вы ее совсем загубить хотите, Борис Григорьич!

Борис. Сохрани, господи! Сохрани меня, господи! Нет, Кудряш, как можно. Захочу ли я ее погубить! Мне только бы видеть ее где-нибудь, мне больше ничего не надо.

Кудряш. Как, сударь, за себя поручиться! А ведь здесь какой народ! Сами знаете. Съедят, в гроб вколотят.

Борис. Ах, не говори этого, Кудряш, пожалуйста, не пугай ты меня!

Кудряш. А она-то вас любит?

Борис. Не знаю.

Кудряш. Да вы видались когда аль нет?

Борис. Я один раз только и был у них с дядей. А то в церкви вижу, на бульваре встречаемся. Ах,

Кудряш, как она молится, кабы ты посмотрел! Какая у ней на лице улыбка ангельская, а от лица-то будто светится.

Кудряш. Так это молодая Кабанова, что ль?

Борис. Она, Кудряш.

Кудряш. Да! Так вот оно что! Ну, честь имеем проздравить!

Борис. С чем?

Кудряш. Да как же! Значит, у вас дело на лад идет, коли сюда приходить велели.

Борис. Так неужто она велела?

Кудряш. А то кто же?

Борис. Нет, ты шутишь! Этого быть не может. *(Хватается за голову.)*

Кудряш. Что с вами?

Борис. Я с ума сойду от радости.

Кудряш. Бота! Есть от чего с ума сходить! Только вы смотрите — себе хлопот не наделайте, да и ее-то в беду не введите! Положим, хоть у нее муж и дурак, да свекровь-то больно люта.

Варвара выходит из калитки.

Явление третье

Те же и Варвара, потом Катерина.

Варвара *(у калитки поет).*

За рекою, за быстрою, мой Ваня гуляет,

Там мой Ванюшка гуляет…

Кудряш *(продолжает).*

Товар закупает.

(Свищет.)

Варвара *(сходит по тропинке и, закрыв лицо платком, подходит к Борису).* Ты, парень, подожди. Дождешься чего-нибудь. *(Кудряшу.)* Пойдем на Волгу.

Кудряш. Ты что ж так долго? Ждать вас еще! Знаешь, что не люблю!

Варвара обнимает его одной рукой и уходит.

Борис. Точно я сон какой вижу! Эта ночь, песни, свиданья! Ходят обнявшись. Это так ново для меня, так хорошо, так весело! Вот и я жду чего-то! А чего жду-и не знаю, и вообразить не могу; только бьется сердце да дрожит каждая жилка. Не могу даже и придумать теперь, что сказать-то ей, дух захватывает, подгибаются колени! Вот когда у меня сердце глупое раскипится вдруг, ничем не унять. Вот идет.

Катерина тихо сходит по тропинке, покрытая большим белым платком, потупив глаза в землю.

Это вы, Катерина Петровна?

Молчание.

Уж как мне благодарить вас, я и не знаю.

Молчание.

Кабы вы знали, Катерина Петровна, как я люблю вас! *(Хочет взять ее за руку.)*

Катерина *(с испугом, но не поднимая глаз)*. Не трогай, не трогай меня! Ах, ах!

Борис. Не сердитесь!

Катерина. Поди от меня! Поди прочь, окаянный человек! Ты знаешь ли: ведь мне не замолить этого греха, не замолить никогда! Ведь он камнем ляжет на душу, камнем.

Борис. Не гоните меня!

Катерина. Зачем ты пришел? Зачем ты пришел, погубитель мой? Ведь я замужем, ведь мне с мужем жить до гробовой доски!

Борис. Вы сами велели мне прийти…

Катерина. Да пойми ты меня, враг ты мой: ведь до гробовой доски!

Борис. Лучше б мне не видеть вас!

Катерина *(с волнением)*. Ведь что я себе готовлю? Где мне место-то, знаешь ли?

Борис. Успокойтесь! *(Берет её за руку.)* Сядьте!

Катерина. Зачем ты моей погибели хочешь?

Борис. Как же я могу хотеть вашей погибели,

когда люблю вас больше всего на свете, больше самого себя!

Катерина. Нет, нет! Ты меня загубил!

Борис. Разве я злодей какой?

Катерина *(качая головой)*. Загубил, загубил, загубил!

Борис. Сохрани меня бог! Пусть лучше я сам погибну!

Катерина. Ну, как же ты не загубил меня, коли я, бросивши дом, ночью иду к тебе.

Борис. Ваша воля была на то.

Катерина. Нет у меня воли. Кабы была у меня своя воля, не пошла бы я к тебе. *(Поднимает глаза и смотрит на Бориса.)*

Небольшое молчание.

Твоя теперь воля надо мной, разве ты не видишь! *(Кидается к нему на шею.)*

Борис *(обнимает Катерину)*. Жизнь моя!

Катерина. Знаешь что? Теперь мне умереть вдруг захотелось!

Борис. Зачем умирать, коли нам жить так хорошо?

Катерина. Нет, мне не жить! Уж я знаю, что не жить.

Борис. Не говори, пожалуйста, таких слов, не печаль меня…

Катерина. Да, тебе хорошо, ты вольный казак, а я!..

Борис. Никто и не узнает про нашу любовь. Неужели же я тебя не пожалею!

Катерина. Э! Что меня жалеть, никто не виноват, — сама на то пошла. Не жалей, губи меня! Пусть все знают, пусть все видят, что я делаю! *(Обнимает Бориса.)* Коли я для тебя греха не побоялась, побоюсь ли я людского суда? Говорят, даже легче бывает, когда за какой-нибудь грех здесь, на земле, натерпишься.

Борис. Ну, что об этом думать, благо нам теперь-то хорошо!

Катерина. И то! Надуматься-то да наплакаться-то еще успею на досуге.

Борис. А я было испугался; я думал, ты меня прогонишь.

Катерина *(улыбаясь)*. Прогнать! Где уж! С нашим ли сердцем! Кабы ты не пришел, так я, кажется, сама бы к тебе пришла.

Борис. Я и не знал, что ты меня любишь.

Катерина. Давно люблю. Словно на грех ты к нам приехал. Как увидела тебя, так уж не своя стала. С первого же раза, кажется, кабы ты поманил меня, я бы и пошла за тобой; иди ты хоть на край света, я бы все шла за тобой и не оглянулась бы.

Борис. Надолго ли муж-то уехал?

Катерина. На две недели.

Борис. О, так мы погуляем! Время-то довольно.

Катерина. Погуляем. А там… *(задумывается)* как запрут на замок, вот смерть! А не запрут на замок, так уж найду случай повидаться с тобой!

Входят Кудряш и Варвара.

Явление четвертое

Те же, Кудряш и Варвара.

Варвара. Ну что, сладили?

Катерина прячет лицо у Бориса на груди.

Борис. Сладили.

Варвара. Пошли бы, погуляли, а мы подождем. Когда нужно будет, Ваня крикнет.

Борис и Катерина уходят. Кудряш и Варвара садятся на камень.

Кудряш. А это вы важную штуку придумали, в садовую калитку лазить. Оно для нашего брата оченно способна.

Варвара. Все я.

Кудряш. Уж тебя взять на это. А мать-то не хватится?

Варвара. Э! Куда ей! Ей и в лоб-то не влетит.

Кудряш. А ну, на грех?

Варвара. У нее первый сон крепок; вот к утру,

так просыпается.

Кудряш. Да ведь как знать! Вдруг ее нелегкая поднимет.

Варвара. Ну так что ж! У нас калитка-то, которая со двора, изнутри заперта, из саду; постучит, постучит, да так и пойдет. А поутру мы скажем, что крепко спали, не слыхали. Да и Глаша стережет; чуть что, она сейчас голос подаст. Без опаски нельзя! Как же можно! Того гляди, в беду попадешь.

Кудряш берет несколько аккордов на гитаре. Варвара прилегает к плечу Кудряша, который, не обращая внимания, тихо играет.

Варвара *(зевая)*. Как бы то узнать, который час?

Кудряш. Первый.

Варвара. Почем ты знаешь?

Кудряш. Сторож в доску бил.

Варвара *(зевая)*. Пора. Покричи-ка. Завтра мы пораньше выйдем, так побольше погуляем.

Кудряш *(свищет и громко запевает)*.

Все домой, все домой,
А я домой не хочу.

Борис *(за сценой)*. Слышу!

Варвара *(встает)*. Ну, прощай. *(Зевает, потом*

целует холодно, как давно знакового.) Завтра, смотрите, приходите пораньше! *(Смотрит в ту сторону, куда пошли Борис и Катерина.)* Будет вам прощаться-то, не навек расстаетесь, завтра увидитесь. *(Зевает и потягивается.)*

Вбегает Катерина, а за ней Борис.

Явление пятое

Кудряш, Варвара, Борис и Катерина.

Катерина *(Варваре)*. Ну, пойдем, пойдем! *(Всходят по тропинке. Катерина оборачивается.)* Прощай. Борис. До завтра!

Катерина. Да, до завтра! Что во сне увидишь, скажи! *(Подходит к калитке.)* Борис. Непременно. Кудряш *(поет под гитару)*.

Гуляй, млада, до поры,
До вечерней до зари!
Ай лели, до поры,
До вечерней до зари.

Варвара *(у калитки)*.

А я, млада, до поры,
До утренней до зари,
Ай лели, до поры,

До утренней до зари!

Уходят.
Кудряш.

Как зорюшка занялась,
А я домой поднялась…

и т. д.

Действие четвертое

На первом плане узкая галерея со сводами старинной, начинающей разрушаться постройки; кой-где трава и кусты за арками — берег и вид на Волгу.

Явление первое

Несколько гуляющих обоего пола проходят за арками.

1-й. Дождь накрапывает, как бы гроза не собралась?

2-й. Гляди, сберется.

1-й. Еще хорошо, что есть где схорониться.

Входят все под своды.

Женщина. А что народу-то гуляет на бульваре! День праздничный, все повышли. Купчихи такие разряженные.

1-й. Попрячутся куда-нибудь.

2-й. Гляди, что теперь народу сюда набьется!

1-й *(осматривая стены)*. А ведь тут, братец ты мой, когда-нибудь, значит, расписано было. И теперь еще местами означает.

2-й. Ну да, как же! Само собой, что расписано

было. Теперь, ишь ты, все впусте оставлено, развалилось, заросло. После пожара так и не поправляли. Да ты и пожару-то этого не помнишь, этому лет сорок будет.

1-й. Что бы это такое, братец ты мой, тут нарисовано было? Довольно затруднительно это понимать.

2-й. Это геенна огненная.

1-й. Так, братец ты мой!

2-й. И едут туда всякого звания люди.

1-й. Так, так, понял теперь.

2-й. И всякого чину.

1-й. И арапы?

2-й. И арапы.

1-й. А это, братец ты мой, что такое?

2-й. А это литовское разорение. Битва — видишь? Как наши с Литвой бились.

1-й. Что ж это такое — Литва?

2-й. Так она Литва и есть.

1-й. А говорят, братец ты мой, она на нас с неба упала.

2-й. Не умею тебе сказать. С неба так с неба.

Женщина. Толкуй еще! Все знают, что с неба; и где был какой бой с ней, там для памяти курганы насыпаны.

1-й. А что, братец ты мой! Ведь это так точно!

Входят Дикой и за ним Кулигин без шапки. Все кланяются и принимают почтительное положение.

Явление второе

Те же, Дикой и Кулигин.

Дикой. Ишь ты, замочило всего. *(Кулигину.)* Отстань ты от меня! Отстань!

(С сердцем.) Глупый человек!

Кулигин. Савел Прокофьич, ведь от этого, ваше степенство, для всех вообще обывателей польза.

Дикой. Поди ты прочь! Какая польза! Кому нужна эта польза?

Кулигин. Да хоть бы для вас, ваше степенство, Савел Прокофьич. Вот бы, сударь, на бульваре, на чистом месте, и поставить. А какой расход? Расход пустой: столбик каменный *(показывает жестами размер каждой вещи)*, дощечку медную, такую круглую, да шпильку, вот шпильку прямую *(показывает жестом)*, простую самую. Уж я все это прилажу и цифры вырежу уже все сам. Теперь вы, ваше степенство, когда изволите гулять или прочие которые гуляющие, сейчас подойдете и видите, который час. А то этакое место прекрасное, и вид, и все, а как будто пусто. У нас тоже, ваше степенство, и проезжие бывают, ходят

туда наши виды смотреть, все-таки украшение — для глаз оно приятней.

Дикой. Да что ты ко мне лезешь со всяким вздором! Может, я с тобой и говорить-то не хочу. Ты должен был прежде узнать, в расположении ли я тебя слушать, дурака, или нет. Что я тебе — ровный, что ли! Ишь ты, какое дело нашел важное! Так прямо с рылом-то и лезет разговаривать.

Кулигин. Кабы я со своим делом лез, ну тогда был бы я виноват. А то я для общей пользы, ваше. степенство. Ну что значит для общества каких-нибудь рублей десять! Больше, сударь, не понадобится.

Дикой. А может, ты украсть хочешь; кто тебя знает.

Кулигин. Коли я свои труды хочу даром положить, что же я могу украсть, ваше степенство? Да меня здесь все знают, про меня никто дурно не скажет.

Дикой. Ну и пущай знают, а я тебя знать не хочу.

Кулигин. За что, сударь Савел Прокофьич, честного человека обижать изволите?

Дикой. Отчет, что ли, я стану тебе давать! Я и поважней тебя никому отчета не даю. Хочу так думать о тебе, так и думаю. Для других ты чест-

ный человек, а я думаю, что ты разбойник, вот и все. Хотелось тебе это слышать от меня? Так вот слушай! Говорю, что разбойник, и конец! Что ж ты, судиться, что ли, со мной будешь? Так ты знай, что ты червяк. Захочу — помилую, захочу — раздавлю.

Кулигин. Бог с вами, Савел Прокофьич! Я, сударь, маленький человек, меня обидеть недолго. А я вам вот что доложу, ваше степенство: «И в рубище почтенна добродетель!»

Дикой. Ты у меня грубить не смей! Слышишь ты!

Кулигин. Никакой я грубости вам, сударь, не делаю; а говорю вам потому, что, может быть, вы и вздумаете когда что-нибудь для города сделать. Силы у вас, ваше степенство, много; была б только воля на доброе дело. Вот хоть бы теперь то возьмем: у нас грозы частые, а не заведем мы громовых отводов.

Дикой *(гордо)*. Все суета!

Кулигин. Да какая же суета, когда опыты были?

Дикой. Какие-такие там у тебя громовые отводы?

Кулигин. Стальные.

Дикой *(с гневом)*. Ну, еще что?

Кулигин. Шесты стальные.

Дикой *(сердясь более и более)*. Слышал, что шесты, аспид ты этакой; да еще-то что? Наладил: шесты! Ну, а еще что?

Кулигин. Ничего больше.

Дикой. Да гроза-то что такое, по-твоему, а? Ну, говори.

Кулигин. Электричество.

Дикой *(топнув ногой)*. Какое еще там елестричество! Ну, как же ты не разбойник! Гроза-то нам в наказание посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами какими-то, прости господи, обороняться. Что ты, татарин, что ли? Татарин ты? А, говори! Татарин?

Кулигин. Савел Прокофьич, ваше степенство, Державин сказал:

Я телом в прахе истлеваю,

Умом громам повелеваю.

Дикой. А за эти слова тебя к городничему отправить, так он тебе задаст! Эй, почтенные, прислушайте-ко, что он говорит!

Кулигин. Нечего делать, надо покориться! А вот когда будет у меня миллион, тогда я поговорю. *(Махнув рукой, уходит.)*

Дикой. Что ж ты, украдешь, что ли, у кого!

Держите его! Этакой фальшивый мужичонко! С этим народом какому надо быть человеку? Я уж не знаю. *(Обращаясь к народу.)* Да вы, проклятые, хоть кого в грех введете! Вот не хотел нынче сердиться, а он, как нарочно, рассердил-таки. Чтоб ему провалиться! *(Сердито.)* Перестал, что ль, дождик-то?

1-й. Кажется, перестал.

Дикой. Кажется! А ты, дурак, сходи да посмотри. А то — кажется!

1-й *(выйдя из-под сводов)*. Перестал!

Дикой уходит, и все за ним. Сцена несколько времени пуста. Под своды быстро входит Варвара и, притаившись, высматривает.

Явление третье

Варвара и потом Борис.

Варвара. Кажется, он!

Борис проходит в глубине сцены.

Сс-сс!

Борис оглядывается.

Поди сюда. *(Манит рукой.)*

Борис входит.

Что нам с Катериной-то делать? Скажи на милость!

Борис. А что?

Варвара. Беда ведь, да и только. Муж приехал, ты знаешь ли это? И не ждали его, а он приехал.

Борис. Нет, я не знал.;

Варвара. Она просто сама не своя сделалась!

Борис. Видно, только я и пожил десяток деньков, пока! его не было. Уж теперь не увидишь ее!

Варвара. Ах ты какой! Да ты слушай! Дрожит вся, точно ее лихорадка бьет; бледная такая, мечется по дому, точно чего ищет. Глаза, как у помешанной! Давеча утром плакат принялась, так и рыдает. Батюшки мои! что мне с ней делать?

Борис. Да, может быть, пройдет это у нее!

Варвара. Ну, уж едва ли. На мужа не смеет глаз поднять. Маменька замечать это стала, ходит да все, на нее косится, так змеей и смотрит; а она от этого еще хуже. Просто мука глядеть-то на нее! Да и боюсь я.

Борис. Чего же ты боишься?

Варвара. Ты ее не знаешь! Она ведь чудная какая-то у нас. От нее все станется! Таких дел наделает, что…

Борис. Ах, боже мой! Что же делать-то? Ты бы с ней поговорила хорошенько. Неужели уж нельзя ее уговорить?

Варвара. Пробовала. И не слушает ничего. Лучше и не подходи.

Борис. Ну, как же ты думаешь, что она может сделать?

Варвара. А вот что: бухнет мужу в ноги да и расскажет все. Вот чего я боюсь.

Борис *(с испугом)*. Может ли это быть?

Варвара. От нее все может быть.

Борис. Где она теперь?

Варвара. Сейчас с мужем на бульвар пошли, и маменька с ними. Пройди и ты, коли хочешь. Да нет, лучше не ходи, а то она, пожалуй, н вовсе растеряется.

Вдали удар грома.

Никак, гроза? *(Выглядывает.)* Да и дождик. А вот и народ повалил. Спрячься там где-нибудь, а я тут на виду стану, чтоб не подумали чего.

Входят несколько лиц разного звания и пола.

Явление четвертое

Разные лица и потом Кабанова, Кабанов, Катерина и Кулигин.

1-й. Должно быть, бабочка-то очень боится, что так торопится спрятаться.

Женщина. Да уж как ни прячься! Коли кому на роду написано, так никуда не уйдешь.

Катерина *(вбегая)*. Ах, Варвара! *(Хватает ее за руку и держит крепко.)*

Варвара. Полно, что ты!

Катерина. Смерть моя!

Варвара. Да ты одумайся! Соберись с мыслями!

Катерина. Нет! Не могу. Ничего не могу. У меня уж очень сердце болит.

Кабанова *(входя)*. То-то вот, надо жить-то так, чтобы всегда быть готовой ко всему; страху-то бы такого не было.

Кабанов. Да какие ж, маменька, у нее грехи такие могут быть особенные: все такие же, как и у всех у нас, а это так уж она от природы боится.

Кабанова. А ты почем знаешь? Чужая душа потемки.

Кабанов *(шутя)*. Уж разве без меня что-нибудь, а при мне, кажись, ничего не было.

Кабанова. Может быть, и без тебя.

Кабанов *(шутя)*. Катя, кайся, брат, лучше, коли в чем грешна. Ведь от меня не скроешься: нет, шалишь! Все знаю!

Катерина *(смотрит в глаза Кабанову)*. Голубчик мой!

Варвара. Ну, что ты пристаешь! Разве не видишь, что ей без тебя тяжело?

Борис выходит из толпы и раскланивается с Кабановым.

Катерина *(вскрикивает)*. Ах!

Кабанов. Что ты испугалась! Ты думала-чужой? Это знакомый! Дядюшка здоров ли?

Борис. Слава богу!

Катерина *(Варваре)*. Что ему еще надо от меня?.. Или ему мало этого, что я так мучаюсь. *(Приклоняясь к Варваре, рыдает.)*

Варвара *(громко, чтобы мать слышала)*. Мы с ног сбились, не знаем, что сделать с ней; а тут еще посторонние лезут! *(Делает Борису знак, тот отходит к самому выходу.)*

Кулигин *(выходит на середину, обращаясь к толпе)*. Ну, чего вы боитесь, скажите на милость! Каждая теперь травка, каждый цветок радуется, а мы прячемся, боимся, точно напасти какой! Гроза убьет! Не гроза это, а благодать! Да, благодать! У вас все гроза! Северное сияние загорится, любоваться бы надобно да дивиться премудрости: «с полночных стран встает заря», а вы ужасаетесь да придумываете: к войне это или к мору. Комета ли идет, — не отвел бы глаз! Красота! Звезды-то уж пригляделись, все одни и те же, а это обновка; ну, смотрел бы да любовался! А вы боитесь и взглянуть-то на небо, дрожь вас берет! Изо всего-то вы себе пугал наделали. Эх, народ! Я вот не боюсь. Пойдемте, сударь!

Борис. Пойдемте! Здесь страшнее!

Уходят.

Явление пятое

Те же без Бориса и Кулигина.

Кабанова. Ишь какие рацеи развел 2. Есть что послушать, уж нечего сказать! Вот времена-то пришли, какие-то учители появились. Коли старик так рассуждает, чего уж от молодых-то требовать!

Женщина. Ну, все небо обложило. Ровно шапкой, так и накрыло.

1-й. Эко, братец ты мой, точно клубком туча-то вьется, ровно что в ней там живое ворочается. А так на нас и ползет, так и ползет, как живая!

2-й. Уж ты помяни мое слово, что эта гроза даром не пройдет! Верно тебе говорю; потому знаю. Либо уж убьет кого-нибудь, либо дом сгорит, вот увидишь: потому, смотри, какой цвет необыкновенный.

Катерина *(прислушиваясь)*. Что они говорят? Они говорят, что убьет кого-нибудь.

Кабанов. Известно, так городят, зря, что в голову придет.

Кабанова. Ты не осуждай постарше себя! Они больше твоего знают. У старых людей на все приметы есть. Старый человек на ветер слова

не скажет.

Катерина *(мужу)*. Тиша, я знаю, корову убьет.

Варвара *(Катерине тихо)*. Ты уж хоть молчи.

Кабанова. Ты почем знаешь?

Катерина. Меня убьет. Молитесь тогда за меня.

Входит Барыня с лакеями. Катерина с криком прячется.

Явление шестое

Те же и Барыня.

Барыня. Что прячешься? Нечего прятаться! Видно, боишься: умирать-то не хочется! Пожить хочется! Как не хотеться! — видишь, какая красавица. Ха-ха-ха! Красота! А ты молись богу, чтоб отнял красоту-то! Красота-то ведь погибель наша! Себя погубишь, людей соблазнишь, вот тогда и радуйся красоте-то своей. Много, много народу в грех введешь! Вертопрахи на поединки выходят, шпагами колют друг друга. Весело! Старики старые, благочестивые об смерти забывают, соблазняются на красоту-то! А кто отвечать будет? За все тебе отвечать придется. В омут лучше с красотой-то! Да скорей, скорей!

Катерина прячется.

Куда прячешься, глупая? От бога-то не уйдешь! Все в огне гореть будете в неугасимом! *(Уходит.)*

Катерина. Ах! Умираю!

Варвара. Что ты мучаешься-то, в самом деле? Стань к сторонке да помолись: легче будет.

Катерина *(подходит к стене и опускается на колени, потом быстро вскакивает)*. Ах! Ад! Ад! Геенна огненная!

Кабанов, Кабанова и Варвара окружают ее.

Все сердце изорвалось! Не могу я больше терпеть! Матушка! Тихон! Грешна я перед богом и перед вами! Не я ли клялась тебе, что не взгляну ни на кого без тебя! Помнишь, помнишь? А знаешь ли, что я, беспутная, без тебя делала? В первую же ночь я ушла из дому...

Кабанов *(растерявшись, в слезах, дергает ее за рукав)*. Не надо, не надо, не говори! Что ты! Матушка здесь!

Кабанова *(строго)*. Ну, ну, говори, коли уж начала.

Катерина. И все-то десять ночей я гуляла... *(Рыдает.)*

Кабанов хочет обнять ее.

Кабанова. Брось ее! С кем?

Варвара. Врет она, она сама не знает, что говорит.

Кабанова. Молчи ты! Вот оно что! Ну, с кем же?

Катерина. С Борисом Григорьичем.

Удар грома.

Ах! *(Падает без чувств на руки мужа.)*

Кабанова. Что, сынок! Куда воля-то ведет! Говорила я, так ты слушать не хотел. Вот и дождался!

Действие пятое

Декорация первого действия. Сумерки.

Явление первое

Кулигин (сидит на лавочке), Кабанов (идет по бульвару).

Кулигин *(поет).*

Ночною темнотою покрылись небеса.
Все люди для покою закрыли уж глаза… и пр.

(Увидав Кабанова.) Здравствуйте, сударь! Далеко ли изволите?

Кабанов. Домой. Слышал, братец, дела-то наши? Вся, братец, семья в расстройство пришла.

Кулигин. Слышал, слышал, сударь.

Кабанов. Я в Москву ездил, ты знаешь? На дорогу-то маменька читала, читала мне наставления-то, а я как выехал, так загулял. Уж очень рад, что на волю-то вырвался. И всю дорогу пил, и в Москве все пил, так это кучу, что на-поди! Так, чтобы уж на целый год отгуляться. Ни разу про дом-то и не вспомнил. Да хоть бы и вспомнил-

то, так мне бы и в ум не пришло, что делается. Слышал?

Кулигин. Слышал, сударь.

Кабанов. Несчастный я теперь, братец, человек! Так ни за что я погибаю, ни за грош!

Кулигин. Маменька-то у вас больно крута.

Кабанов. Ну да. Она-то всему и причина. А я за что погибаю, скажи ты мне на милость? Я вот зашел к Дикому, ну, выпили; думал — легче будет, нет, хуже, Кулигин! Уж что жена против меня сделала! Уж хуже нельзя…

Кулигин. Мудреное дело, сударь. Мудрено вас судить.

Кабанов. Нет, постой! Уж на что еще хуже этого. Убить ее за это мало. Вот маменька говорит: ее надо живую в землю закопать, чтобы она казнилась! А. я ее люблю, мне ее жаль пальцем тронуть. Побил немножко, да и то маменька приказала. Жаль мне смотреть-то на нее, пойми ты это, Кулигин. Маменька ее поедом ест, а она, как тень какая, ходит безответная. Только плачет да тает, как воск. Вот я и убиваюсь, глядя на нее.

Кулигин. Как бы нибудь, сударь, ладком дело-то сделать! Вы бы простили ей, да и не поминали никогда. Сами-то, чай, тоже не без греха!

Кабанов. Уж что говорить!

Кулигин. Да уж так, чтобы и под пьяную руку не попрекать. Она бы вам, сударь, была хорошая жена; гляди — лучше всякой.

Кабанов. Да пойми ты, Кулигин: я-то бы ничего, а маменька-то… разве с ней сговоришь!..

Кулигин. Пора бы уж вам, сударь, своим умом жить.

Кабанов. Что ж мне, разорваться, что ли! Нет, говорят, своего-то ума. И, значит, живи век чужим. Я вот возьму да последний-то, какой есть, пропью; пусть маменька тогда со мной, как с дураком, и нянчится.

Кулигин. Эх, сударь! Дела, дела! Ну, а Борис-то Григорьич, сударь, что?

Кабанов. А его, подлеца, в Тяхту, к китайцам. Дядя к знакомому купцу какому-то посылает туда на контору. На три года его туды.

Кулигин. Ну, что же он, сударь?

Кабанов. Мечется тоже, плачет. Накинулись мы давеча на него с дядей, уж ругали, ругали, — молчит. Точно дикий какой сделался. Со мной, говорит, что хотите, делайте, только ее не мучьте! И он к ней тоже жалость имеет.

Кулигин. Хороший он человек, сударь.

Кабанов. Собрался совсем, и лошади уж готовы. Так тоскует, беда! Уж я вижу, что ему проститься

хочется. Ну, да мало ли чего! Будет с него. Враг ведь он мне, Кулигин! Расказнить его надобно на части, чтобы знал…

Кулигин. Врагам-то прощать надо, сударь!

Кабанов. Поди-ка, поговори с маменькой, что она тебе на это скажет. Так, братец Кулигин, все наше семейство теперь врозь расшиблось. Не то что родные, а точно вороги друг другу. Варвару маменька точила-точила, а та не стерпела, да и была такова, — взяла да и ушла.

Кулигин. Куда ушла?

Кабанов. Кто ее знает. Говорят, с Кудряшом с Ванькой убежала, и того также нигде не найдут. Уж это, Кулигин, надо прямо сказать, что от маменьки; потому стала ее тиранить и на замок запирать. «Не запирайте, — говорит, — хуже будет!» Вот так и вышло. Что ж мне теперь делать, скажи ты мне? Научи ты меня, как мне жить теперь? Дом мне опостылел, людей совестно, за дело возмусь — руки отваливаются. Вот теперь домой иду: на радость, что ль, иду?

Входит Глаша.

Глаша. Тихон Иваныч, батюшка!

Кабанов. Что еще?

Глаша. Дома у нас нездорово, батюшка!

Кабанов. Господи! Так уж одно к одному! Гово-

ри, что там такое?

Глаша. Да хозяюшка ваша…

Кабанов. Ну что ж? Умерла, что ль?

Глаша. Нет, батюшка; ушла куда-то, не найдем нигде. Сбились с ног искамши.

Кабанов. Кулигин, надо, брат, бежать искать ее. Я, брат, знаешь, чего боюсь? Как бы она с тоски-то на себя руки не наложила! Уж так тоскует, так тоскует, что ах! На нее-то глядя, сердце рвется. Чего же вы смотрели-то? Давно ль она ушла-то?

Глаша. Недавнушко, батюшка! Уж наш грех, недоглядели. Да и то сказать: на всякий час не остережешься.

Кабанов. Ну, что стоишь-то, беги?

Глаша уходит.

И мы пойдем, Кулигин!

Уходят.

Сцена несколько времени пуста. С противоположной стороны выходит Катерина и тихо идет по сцене.

Явление второе

Катерина *(одна)*. Нет, нигде нет! Что-то он теперь, бедный, делает? Мне только проститься с ним, а там… а там хоть умирать. За что я его в беду ввела? Ведь мне не легче от того! Погибать бы

мне одной! А то себя погубила, его погубила, себе бесчестье — ему вечный позор! Да! Себе бесчестье — ему вечный позор. *(Молчание.)* Вспомнить бы мне, что он говорил-то? Как он жалел-то меня? Какие слова-то говорил? *(Берет себя за голову.)* Не помню, все забыла. Ночи, ночи мне тяжелы! Все пойдут спать, и я пойду; всем ничего, а мне — как в могилу. Так страшно в потемках! Шум какой-то сделается, и поют, точно кого хоронят; только так тихо, чуть слышно, далеко-далеко от меня… Свету-то так рада сделаешься! А вставать не хочется: опять те же люди, те же разговоры, та же мука. Зачем они так смотрят на меня? Отчего это нынче не убивают? Зачем так сделали? Прежде, говорят, убивали. Взяли бы да и бросили меня в Волгу; я бы рада была. «Казнить-то тебя, — говорят, — так с тебя грех снимется, а ты живи да мучайся своим грехом». Да уж измучилась я! Долго ль еще мне мучиться? Для чего мне теперь жить? Ну, для чего? Ничего мне не надо, ничего мне не мило, и свет божий не мил! А смерть не приходит. Ты ее кличешь, а она не приходит. Что ни увижу, что ни услышу, только тут *(показывает на сердце)* больно. Еще кабы с ним жить, может быть, радость бы какую я и видела… Что ж: уж все равно, уж душу свою я ведь погубила. Как мне по нем скучно! Ах,

как мне по нем скучно! Уж коли не увижу я тебя, так хоть услышь ты меня издали! Ветры буйные, перенесите вы ему мою печаль-тоску! Батюшки, скучно мне, скучно! *(Подходит к берегу и громко, во весь голос.)* Радость моя, жизнь моя, душа моя, люблю тебя! Откликнись! *(Плачет.)*

Входит Борис.

Явление третье

Катерина и Борис.

Борис *(не видя Катерины)*. Боже мой! Ведь это ее голос! Где же она? *(Оглядывается.)*

Катерина *(подбегает к нему и падает на шею)*. Увидела-таки я тебя! *(Плачет на груди у него.)*

Молчание.

Борис. Ну, вот и поплакали вместе, привел бог.

Катерина. Ты не забыл меня?

Борис. Как забыть, что ты!

Катерина. Ах, нет, не то, не то! Ты не сердишься?

Борис. За что мне сердиться?

Катерина. Ну, прости меня! Не хотела я тебе зла сделать; да в себе не вольна была. Что говорила, что делала, себя не помнила.

Борис. Полно, что ты! что ты!

Катерина. Ну, как же ты? Теперь-то ты как?

Борис. Еду.

Катерина. Куда едешь?

Борис. Далеко, Катя, в Сибирь.

Катерина. Возьми меня с собой отсюда!

Борис. Нельзя мне, Катя. Не по своей я воле еду: дядя посылает, уж и лошади готовы; я только отпросился у дяди на минуточку, хотел хоть с местом-то тем проститься, где мы с тобой виделись.

Катерина. Поезжай с богом! Не тужи обо мне. Сначала только разве скучно будет тебе, бедному, а там и позабудешь.

Борис. Что обо мне-то толковать! Я — вольная птица. Ты-то как? Что свекровь-то?

Катерина. Мучает меня, запирает. Всем говорит и мужу говорит: «Не верь ей, она хитрая». Все и ходят за мной целый день и смеются мне прямо в глаза. На каждом слове все тобой попрекают.

Борис. А муж-то?

Катерина. То ласков, то сердится, да пьет все. Да постыл он мне, постыл, ласка-то его мне хуже побоев.

Борис. Тяжело тебе, Катя?

Катерина. Уж так тяжело, так тяжело, что умереть легче!

Борис. Кто ж это знал, что нам за любовь нашу так мучиться с тобой! Лучше б бежать мне тогда!

Катерина. На беду я увидала тебя. Радости видела мало, а горя-то, горя-то что! Да еще впереди-то сколько! Ну, да что думать о том, что будет! Вот теперь тебя видела, этого они у меня не отнимут; а больше мне ничего не надо. Только ведь мне и нужно было увядать тебя. Вот мне теперь гораздо легче сделалось; точно гора с плеч свалилась. А я все думала, что ты на меня сердишься, проклинаешь меня…

Борис. Что ты, что ты!

Катерина. Да нет, все не то я говорю; не то я хотела сказать! Скучно мне было по тебе, вот что, ну, вот я тебя увидала…

Борис. Не застали б нас здесь!

Катерина. Постой, постой! Что-то я тебе хотела сказать… Вот забыла! Что-то нужно было сказать! В голове-то все путается, не вспомню ничего.

Борис. Время мне, Катя!

Катерина. Погоди, погоди!

Борис. Ну, что же ты сказать-то хотела?

Катерина. Сейчас скажу. *(Подумав.)* Да! Поедешь ты дорогой, ни одного ты нищего так не пропускай, всякому подай да прикажи, чтоб молились за мою грешную душу.

Борис. Ах, кабы знали эти люди, каково мне прощаться с тобой! Боже мой! Дай бог, чтоб им

когда-нибудь так же сладко было, как мне теперь. Прощай, Катя! *(Обнимает и хочет уйти.)* Злодеи вы! Изверги! Эх, кабы сила!

Катерина. Постой, постой! Дай мне поглядеть на тебя в последний раз. *(Смотрит ему в глаза.)* Ну, будет с меня! Теперь бог с тобой, поезжай. Ступай, скорее ступай!

Борис *(отходит несколько шагов и останавливается)*. Катя, нехорошо что-то! Не задумала ли ты чего? Измучусь я дорогой-то, думавши о тебе.

Катерина. Ничего, ничего. Поезжай с богом!

Борис хочет подойти к ней.

Не надо, не надо, довольно!

Борис *(рыдая)*. Ну, бог с тобой! Только одного и надо у бога просить, чтоб она умерла поскорее, чтоб ей не мучиться долго! Прощай! *(Кланяется.)*

Катерина. Прощай!

Борис уходит. Катерина провожает его глазами и стоит несколько времени задумавшись.

Явление четвертое

Катерина *(одна)*. Куда теперь? Домой идти? Нет, мне что домой, что в могилу — все равно. Да, что домой, что в могилу!.. что в могилу! В могиле лучше… Под деревцом могилушка… как хорошо!..

Солнышко ее греет, дождичком ее мочит… весной на ней травка вырастет, мягкая такая… птицы прилетят на дерево, будут петь, детей выведут, цветочки расцветут: желтенькие, красненькие, голубенькие… всякие *(задумывается),* всякие… Так тихо, так хорошо! Мне как будто легче! А о жизни и думать не хочется. Опять жить? Нет, нет, не надо… нехорошо! И люди мне противны, и дом мне противен, и стены противны! Не пойду туда! Нет, нет, не пойду… Придешь к ним, они ходят, говорят, а на что мне это? Ах, темно стало! И опять поют где-то! Что поют? Не разберешь… Умереть бы теперь… Что поют? Все равно, что смерть придет, что сама… а жить нельзя! Грех! Молиться не будут? Кто любит, тот будет молиться… Руки крест-накрест складывают… в гробу? Да, так… я вспомнила. А поймают меня да воротят домой насильно… Ах, скорей, скорей! *(Подходит к берегу. Громко.)* Друг мой! Радость моя! Прощай! *(Уходит.)*

Входят Кабанова, Кабанов, Кулигин и работник с фонарем.

Явление пятое

Кабанов, Кабанова и Кулигин.

Кулигин. Говорят, здесь видели.

Кабанов. Да это верно?

Кулигин. Прямо на нее говорят.

Кабанов. Ну, слава богу, хоть живую видели-то.

Кабанова. А ты уж испугался, расплакался! Есть о чем. Не беспокойся: еще долго нам с ней маяться будет.

Кабанов. Кто ж это знал, что она сюда пойдет! Место такое людное. Кому в голову придет здесь прятаться.

Кабанова. Видишь, что она делает! Вот какое зелье! Как она характер-то свой хочет выдержать!

С разных сторон собирается народ с фонарями.

Один из народа. Что, нашли?

Кабанова. То-то что нет. Точно провалилась куда.

Несколько голосов. Эка притча! Вот оказия-то! И куда б ей деться!

Один из народа. Да найдется!

Другой. Как не найтись!

Третий. Гляди, сама придет.

Голоса за сценой: «Эй, лодку!»

Кулигин *(с берега)*. Кто кричит? Что там?

Голос: «Женщина в воду бросилась!»

Кулигин и за ним несколько человек убегают.

Явление шестое

Те же, без Кулигина.

Кабанов. Батюшки, она ведь это! *(Хочет бежать.)*

Кабанова удерживает его за руку.

Маменька, пустите, смерть моя! Я ее вытащу, а то так и сам… Что мне без нее!

Кабанова. Не пущу, и не думай! Из-за нее да себя губить, стоит ли она того! Мало она нам страму-то наделала, еще что затеяла!

Кабанов. Пустите!

Кабанова. Без тебя есть кому. Прокляну, коли пойдешь!

Кабанов *(падая на колени)*. Хоть взглянуть-то мне на нее!

Кабанова. Вытащат — взглянешь.

Кабанов *(встает. К народу)*. Что, голубчики, не видать ли чего?

1-й. Темно внизу-то, не видать ничего.

Шум за сценой.

2-й. Словно кричат что-то, да ничего не разберешь.

1-й. Да это Кулигина голос.

2-й. Вон с фонарем по берегу ходят.

1-й. Сюда идут. Вон и ее несут.

Несколько народу возвращается.

Один из возвратившихся. Молодец Кулигин! Тут близехонько, в омуточке, у берега с огнем-то оно в воду-то далеко видно; он платье и увидал и вытащил ее.

Кабанов. Жива?

Другой. Где уж жива! Высоко бросилась-то: тут обрыв, да, должно быть, на якорь попала, ушиблась, бедная! А точно, ребяты, как живая! Только на виске маленькая ранка, и одна только, как есть одна, капелька крови.

Кабанов бросается бежать; навстречу ему Кулигин с народом несут Катерину.

Явление седьмое

Те же и Кулигин.

Кулигин. Вот вам ваша Катерина. Делайте с ней, что хотите! Тело ее здесь, возьмите его; а душа теперь не ваша: она теперь перед судией, который милосерднее вас! *(Кладет на землю и убегает.)*

Кабанов *(бросается к Катерине)*. Катя! Катя!

Кабанова. Полно! Об ней плакать-то грех!

Кабанов. Маменька, вы ее погубили, вы, вы, вы…

Кабанова. Что ты? Аль себя не помнишь? За-

был, с кем говоришь?

Кабанов. Вы ее погубили! Вы! Вы!

Кабанова *(сыну)*. Ну, я с тобой дома поговорю. *(Низко кланяется народу.)* Спасибо вам, люди добрые, за вашу услугу!

Все кланяются.

Кабанов. Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться! *(Падает на труп жены.)*

Старый друг лучше новых двух*

Картины из московской жизни, в трех действиях

Действие первое

ЛИЦА:

Татьяна Никоновна, мещанка, хозяйка небольшого деревянного дома.

Оленька, ее дочь, портниха, 20-ти лет.

Пульхерия Андревна Гущина, жена чиновника.

Прохор Гаврилыч Васютин, титулярный советник.

Небольшая комната; направо окно на улицу, подле окна стол, на котором лежат разные принадлежности шитья; прямо дверь; налево за перегородкой кровать.

Явление первое

Оленька (*сидит у стола, шьет и поет вполголоса*):

Я тиха, скромна, уединенна,
Целый день сижу одна.
И сижу обнакновенно
Близ камина у огня.

Ах, житье, житье! (*Вздыхает.*) Надо опять к Ивану Яковличу сходить, погадать про судьбу свою. Прошлый раз он мне хорошо сказал. По его словам выходит, что чуть ли мне не быть барыней. А ведь что ж мудреного? нешто не бывает? На грех мастера нет. Прохор Гаврилыч ведь обещал жениться, так, может, и сдержит свое обещание. Хорошо бы было; доходы он получает большие; можно бы тону задать. Вот только разве семья-то у него, а то бы он женился, он на это прост. Да ведь и все они судейские-то такие. Я прежде сама дивилась, как это они, при своих чинах, да на нашей сестре женятся; а теперь, как поглядела на них, так ничего нет удивительного. Тяжелые все да ленивые, компанию такую водят, что им хороших барышень видеть негде: ну, да и по жизни по своей они в хорошем обществе быть не могут, — ему тяжело, он должен там тяготиться. Ну, а с нами-то ему ловко, за ним ухаживают, а он и рад. Ему без няньки одного дня не прожить, ему и платок-то носовой в карман положь, а то он забудет. Ходит только в свой суд да денег носит, а уж другим чем заняться ему лень. Пристану-ка я к Прохору Гаврилычу: «Что ж, мол, ты жениться обещал», — разные ему резонты подведу — авось у нас дело-то как-нибудь и сладится. Уж как я

тогда оденусь! Вкусу-то мне не занимать стать, — сама портниха. (*Поет.*)

Я тиха, скромна, уединенна,
Целый день сижу одна

и т. д.

Татьяна Никоновна входит.

Явление второе

Оленька и Татьяна Никоновна.

Татьяна Никоновна. Знаешь что, Оленька, я хочу тут к окну-то занавеску повесить. Оно, конечно, красота небольшая, а вес как будто лучше.

Оленька. А я так думаю, что не к чему.

Татьяна Никоновна. А к тому, что прохожие всё заглядывают.

Оленька. Что ж, вы боитесь, что сглазят нас с вами?

Татьяна Никоновна. Сглазить-то не сглазят, да ты-то все у меня повесничаешь.

Оленька. Вот что! Скажите пожалуйста!

Татьяна Никоновна. Да, толкуй тут себе, а я все вижу.

Оленька. Что же такое вы видите? Скажите, очень интересно будет послушать.

Татьяна Никоновна. А ты бы вот меньше тарантила! А то не дашь матери рта разинуть, на каждое слово десять резонтов найдешь. Ты только знай, что от меня ничего не скроется.

Оленька. Тем для вас больше чести: означает, что вы проницательная женщина.

Татьяна Никоновна. Да уж конечно.

Оленька. А коли вы проницательны, так, значит, вы знаете моих обожателев.

Татьяна Никоновна. Разумеется, знаю.

Оленька. А вот ошиблись: у меня их нет!

Татьяна Никоновна. Ты мне зубы-то не заговаривай.

Оленька. Ну, скажите, коли знаете!

Татьяна Никоновна. Екзамент, что ли, ты мне хочешь делать? Сказано, что знаю, вот ты и мотай себе теперь на ус. Ты думаешь обмануть мать — нет, шалишь: будь ты вдесятеро умней, и то не обманешь.

Оленька. Коли вы чувствуете себя, что вы так длинновидны, пускай это при вас и останется.

Татьяна Никоновна. Да-с, длинновидны-с; потому что вам доверия сделать нельзя-с.

Оленька. Отчего вы так воображаете обо мне, что мне нельзя сделать доверия?

Татьяна Никоновна. Потому что все вы ба-

ловницы, вот почему; а особенно которые из магазина. Вот ты долго ли в магазине-то пожила, а прыти-то в тебе сколько прибыло!

Оленька. Когда вы так гнушаетесь магазином, отдали бы меня в пансион.

Татьяна Никоновна. В какой это пансион? Из каких это доходов? Да я так думаю, что тебе это и не к лицу, нос короток! Пожалуй, сказали бы: залетела ворона в высоки хоромы.

Оленька. Не хуже бы других были, не беспокойтесь. Ну, да уж теперь тосковать об этом поздно.

Татьяна Никоновна. Да, вот, сударыня, я было и забыла! Позвольте-ка вас спросить: какого вы это чиновника приучили мимо окон шляться?

Оленька. Никого я не приучала, а и запретить, чтобы по нашей улице не ходили, тоже никому нельзя. Никто нашего запрету не послушает.

Татьяна Никоновна. Что ты мне толкуешь! И без тебя я знаю, что запретить никому нельзя. Жильцы-то вон что говорят: что как он пройдет, ты накинешь что-нибудь на плечи да и потреплешься за ним.

Оленька. Кому это нужно за мной наблюдать, я удивляюсь!

Татьяна Никоновна. А ты думала перехитрить всех? Нет, уж нынче никого не обманешь. Скажи

ты мне, сударыня, с чего это ты выдумала шашни-то заводить?

Оленька. Какие шашни?

Татьяна Никоновна. Да такие же. Ты у меня смотри, я ведь гляжу-гляжу да примусь по-своему.

Оленька. Что же вы со мной сделаете?

Татьяна Никоновна. Убью до смерти.

Оленька. Уж будто и убьете?

Татьяна Никоновна. Убью, своими руками убью. Лучше ты не живи на свете, чем страмить меня на старости лет.

Оленька. Не убьете, пожалеете.

Татьяна Никоновна. Нет, уж пощады не жди. Да я и не знаю, что с тобой сделаю, так, кажется, пополам и разорву.

Оленька. Вот страсти какие!

Татьяна Никоновна. Ты меня не серди, я с тобой не шутя говорю.

Оленька. А я думала, что вы шутите.

Татьяна Никоновна. Нисколько таки не шучу, и не думала шутить.

Оленька. Так неужели же в самом деле вы верите нашим жильцам?

Татьяна Никоновна. Как не верить-то, когда все говорят?

Оленька. Вот прекрасно! Как же вы обо мне понимаете, после этого? Что же я такое, по-вашему? Всякий меня может поманить с улицы, а я так и пойду?

Татьяна Никоновна. Нешто я тебе такими словами говорила?

Оленька. Нет, позвольте! Коли вы считаете, что я такого неосновательного поведения, зачем же вы живете со мной вместе? Для чего вам себя страмить? Я себе везде место найду, меня во всякий магазин с радостью возьмут.

Татьяна Никоновна. Что ты еще выдумываешь-то! Пущу я тебя в магазин, как же!

Оленька. Однако вы мне столько обидного наговорили, что ни одна девушка не может перенесть этого.

Татьяна Никоновна. Ты, видно, не любишь, когда тебе дело-то говорят.

Оленька. Какое дело? Нешто вы сами видели? Когда сами увидите, тогда и говорите; а до тех пор нечего вам толковать да казни разные придумывать.

Татьяна Никоновна. То-то уж я и вижу, что ты губы надула. Ну, извините-с (*приседает*), что об такой особе да смели подумать. Извините-с! Пардон, мадмуазель!

Оленька. Нечего извиняться-то! Вы всегда сначала обидите, а потом и извиняетесь.

Татьяна Никоновна. Больно уж ты что-то обидчива стала! Ну, да хороню, изволь, больше не буду об этом говорить. Теперь довольны вы?

Оленька. Даже очень довольна-с.

Татьяна Никоновна. Только все-таки помни ты, что ежели я замечу…

Оленька. Так убьете. Я уж слышала.

Татьяна Никоновна. Да, и убью.

Оленька. Ну, хорошо, так и будем ожидать. (*Взглянув в окно*.) Ну, радуйтесь! Теперь вам новостей на неделю будет.

Татьяна Никоновна. А что?

Оленька. Пульхерия Андревна идет.

Татьяна Никоновна. Это наш телеграф; нам газет не нужно получать. А ведь и достается ей, бедной, за сплетни; ну, да благо невзыскательна; поругают, прогонят: она опять придет как ни в чем не бывала! Уж я сколько раз гоняла, а вот все идет.

Пульхерия Андревна входит.

Явление третье

Те же и Пульхерия Андревна.

Пульхерия Андревна. Здравствуйте, здрав-

ствуйте! Сейчас нашу трактирщицу встретила, идет такая разряженная, платье новое. Я таки довольно долго ей вслед посмотрела. К чему, думаю, к чему!.. Муж-то вон уж задолжал много, говорят. Ну, как поживаете? Иду мимо, думаю: как не зайти? ну и зашла.

Татьяна Никоновна. Садитесь! Что новенького?

Пульхерия Андревна. Какие у нас новости, в нашей глуши! С тоски пропадешь; словечка перемолвить не с кем.

Татьяна Никоновна. Уж вам еще новостей не знать, так кому же! Знакомство у вас большое.

Пульхерия Андревна. Да помилуйте, какое знакомство? Народ все грубый, обращения никакого не знает; не то чтобы что-нибудь любопытное сказать, а норовят всё, как бы тебя обидеть, особенно купечество. Я даже со многими перессорилась теперь за их обращение. Вот хотя бы сейчас; зашла я к соседям, они приданое шьют, старшую дочь выдают. Отдают-то за лавочника, а приданое сделали графское, ну смех, да и только. Вот, говорю: «Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив; с нечесаной-то бородой да какое приданое возьмет». Так кабы вы посмотрели, как они все накинулись на меня, а особенно старуха, —

она у них пренасмешница и преругательниица, да еще какую-то злобу к нашему благородному сословию имеет. Уж чего-чего она не прибрала! Да все в насмешку, словами непристойными, да все с рифмой. Я просто со стыда сгорела, насилу выкатилась. Знаете сами, я не люблю, когда со мной дурно обращаются; я хочу себя поддержать, как прилично благородной даме. А если мне позволить всякому наступить мне на ногу, я должна буду тогда свое звание уронить.

Татьяна Никоновна. Ну, конечно, что за оказия ронять себя!

Пульхерия Андревна. Я вам скажу, что во мне гордости даже очень много. Я и в порок этого себе не ставлю, потому что моя гордость благородная. Против себе равных у меня нет гордости, а против таких людей, которые, при всем их необразовании, превозносятся своим богатством, я всегда стараюсь показать, что я много выше их.

Татьяна Никоновна. Супруг ваш здоров ли?

Пульхерия Андревна. Ах, помилуйте, что ему делается! Деревянный человек, сами знаете, чувств не имеет; значит, что же его может тревожить в жизни? Только толстеет. Наградил бог муженьком, уж нечего сказать!

Татьяна Никоновна. Ну, вам грех на мужа жа-

ловаться, он у вас добышник хороший.

Пульхерия Андревна. Оно так, Татьяна Никоновна, только он по характеру мне совсем не пара; у меня характер легкий, увлекательный, а он сидит точно бирюк, ни до чего ему дела нет. А все-таки мы живем не хуже людей. Возьмемте хоть соседей: у Крутолобых через день драка. У Кумашниковых в неделю раз, уж это положенное.

Татьяна Никоновна. Сохрани господи!

Пульхерия Андревна. У нас хоть по крайней мере этого нет. А у Чепчуговых вчера история-то вышла: мне кухарка их сегодня на рынке сказывала, — вот так уж комедия!

Татьяна Никоновна. Что же такое?

Пульхерия Андревна. Сила-то, что ли, у ней не берет, так она какую же штуку придумала: взяла да мужу вареньем и лицо и бороду и вымазала. Насилу отмыли. Ну, скажите, на что это похоже!

Татьяна Никоновна. Хорошего немного.

Пульхерия Андревна. Вот так-то нынче жены-то с мужьями живут, Татьяна Никоновна, а всё люди женятся. Да еще на ком женятся-то! Норовят всё выше себя взять. Вот сейчас была я у Васютиных.

Оленька прислушивается.

Татьяна Никоновна. У каких это Васютиных?

Пульхерия Андревна. Как это вы не знаете! Да вот Ольга Ивановна его знает.

Оленька. А мне почем знать?

Пульхерия Андревна. Полноте, полноте! Еще вы были в магазине, так он к вашей хозяйке ходил.

Оленька. Это белокурый такой, что ли?

Пульхерия Андревна. Да, да! Я очень хорошо знаю, что вы его знаете.

Татьяна Никоновна (*взглянув на дочь*). Так что же такое у Васютиных-то? Расскажите.

Пульхерия Андревна. Нет, я к тому говорю, Татьяна Никоновна, как люди возмечтать-то вдруг могут о себе! Ну, положим, что им счастье, да что же уж так возноситься-то! К чему это?

Татьяна Никоновна. Да какое же им счастье-то?

Пульхерия Андревна. Да такое же и счастье, что сыну невесту нашли, и с крестьянами, видите ли, и образованную; а и крестьян-то всего тринадцать душ. Вот я и говорю, Татьяна Никоновна, как люди-то не умеют себя вести. Вы бы посмотрели только, что с старухой-то делается. Так нос подняла, что и глядеть ни на кого не хочет. Я тоже не захотела себя перед ней унизить. Мы с ней в одинаковом чине; с чего же она взяла

важничать передо мной? Ну, я и ограничила ее, сколько могла. Так это, изволите ли видеть, ей не понравилось; такую подняла историю, что я даже думаю совсем оставить это знакомство. Хоть мне и не хотелось с ней ссориться, ну да что делать? язык мой — враг мой.

Оленька, видимо потревоженная, надевает шляпку и мантилью.

Татьяна Никоновна. Куда ты?

Оленька. Я, маменька, сейчас приду; мне нужно. (*Уходит.*)

Явление четвертое

Пульхерия Андревна и Татьяна Никоновна.

Татьяна Никоновна. Что это с ней сделалось? Она как будто плачет.

Пульхерия Андревна. Знаю я. все знаю; мне только при ней говорить-то не хотелось. А вы вот ничего не знаете, а еще мать! А я думала, что вам все известно, а то бы давно сказала.

Татьяна Никоновна. Как же, узнаешь от нее что-нибудь! Она так дело обделает, что концов не найдешь.

Пульхерия Андревна. Нет, Татьяна Никоновна, как ни остерегайся, а всякое дело со временем все уж откроется. Вот у богатых да у знатных

такие-то пассажи бывают, так уж как стараются скрыть! а глядишь, после через людей или через кого-нибудь и выдет наружу. Ну, а уж в нашей стороне, кажется, муха не пролетит, чтобы этого не знали.

Татьяна Никоновна. Да послушайте, Пульхерия Андревна, неужели ж вы что серьезное про Оленьку знаете?

Пульхерия Андревна. Серьезное не серьезное, там как рассудите. Конечно, для девушки мараль. Только вы не подумайте, чтобы я кому-нибудь, кроме вас, сказывала. Сохрани меня господи! Ну, разумеется, Васютин обольстил ее тем, что жениться на ней обещал; мне ее товарка сказывала.

Татьяна Никоновна. Ах-ах-ах-ах-ах-ах! Да когда же, матушка, когда? (*Плачет.*)

Пульхерия Андревна. А когда она жила у хозяйки. Они и теперь видятся, и я знаю даже где.

Татьяна Никоновна. Ну, уж погоди же, теперь вернись только домой, я тебе задам! Эко наказанье с дочерьми! (*Утирает слезы.*)

Пульхерия Андревна. Уж теперь ни бранью, ни слезами дела не поправите, а вы лучше смотрите за ней хорошенько.

Татьяна Никоновна. Уж я ее теперь с глаз не

спущу.

Пульхерия Андревна. Однако прощайте! Заболталась я с вами, а мне еще надобно кой-куда зайти. Прощайте! (*Целуются. Уходит и сейчас же возвращается.*) А ведь Илья-то Ильич вчера опять пьяный домой приехал. Скажите, пожалуйста, я вас спрашиваю, когда это кончится? Ведь ты женатый человек, ведь ты обязан семейством! Коли нет в тебе стыда перед людьми-то, ты хоть бы стен посовестился! Сколько у него детей-то? Знаете? Ведь пятеро. Каково же это! Прощайте! Некогда, право некогда. (*Уходит и опять возвращается.*) А я и забыла вам сказать. Ведь я в горе.

Татьяна Никоновна. Что за горе у вас? может, так, шутите?

Пульхерия Андревна. Какие шутки! Этакого варварства… Этакого тиранства… Нет, этого нигде не бывает. Разве только уж в самом низком классе.

Татьяна Никоновна. С мужем опять что-нибудь?

Пульхерия Андревна. Ведь уж все нынче носят бурнусы, уж все; кто же нынче не носит бурнусов?

Татьяна Никоновна. Ну так что же?

Пульхерия Андревна. Ну вот одна знакомая и

продает бурнус, совсем новенький. Я в надежде-то на своего дурака и говорю ей: «Вы, моя милая, не беспокойте себя, не носите ни к кому, а приносите прямо ко мне: мы его у вас купим». Ну вот она его и приносит. Думаю: что делать? И себя-то поддержать перед ней хочется, да и мужа-то боюсь; ну. как он при постороннем человеке историю заведет! Подымаюсь я на хитрости. Надеваю бурнус, беру на себя равнодушный тон и говорю ему: «Поздравь меня, мой друг, с обновкой!» Я думала, что хоть после он и побранит меня, уж так и быть, а все-таки при чужом человеке не захочет уронить меня и себя.

Татьяна Никоновна. А что же он?

Пульхерия Андревна. Что он? Обыкновенно что. Для него первое удовольствие жену унизить, и норовит все при посторонних людях. И шутки у него, знаете, самые неприличные: «Вы, говорит, ее не слушайте; это она к зубам грезит; с ней, говорит, это бывает». — «Но за что же, однако, позвольте вас спросить, такое тиранство?» — говорю я ему. А он мне все-таки на это ни одного слова не ответил, а продолжает говорить той даме: «Она бы, говорит, всего накупила, да купило-то у ней притупилось; а я ей на глупости денег не даю». Пошел, да и сел за свои бумаги, и двери затворил.

Острамил меня, решительно острамил.

Татьяна Никоновна. Да что вы, молоденькая, что ли, рядиться-то?

Пульхерия Андревна. Это, Татьяна Никоновна, не от лет, — это бывает врожденный вкус в человеке; и от воспитания тоже много зависит.

Татьяна Никоновна. Вот и с воспитанием-то беда: затей-то много, а денег нет.

Пульхерия Андревна. Кабы вы понимали, что значит благородная дама, вы бы так не рассуждали; а то вы сами из простого звания, так вы и судите.

Татьяна Никоновна. Я сужу, как умею; а званием своим вам передо мной нечего гордиться, немного вы от меня ушли.

Пульхерия Андревна. Далеко вам до меня; я из вашего-то звания себе прислугу нанимаю.

Татьяна Никоновна. А коли так, я и не знаю, что вам за охота с простыми людьми знакомство иметь! — знались бы только с благородными.

Пульхерия Андревна. Да, уж конечно, у благородных людей совсем другие понятия, чем у вас.

Татьяна Никоновна. Ну, и ступайте к ним, а об нас уж вы не беспокойтесь; мы об вас плакать не будем.

Пульхерия Андревна. Да-с, прощайте! Много я

от вас обиды видела, всё переносила; а уж этого не перенесу; после этих слов я у вас оставаться не могу.

Татьяна Никоновна. Вот и прекрасно, так и запишем. Прощайте! И вперед просим не жаловать.

Пульхерия Андревна. Я еще с ума не сошла, чтобы с вами знакомство водить после этого.

Татьяна Никоновна. И очень рады будем.

Пульхерия Андревна (*подходя к двери*). За дочерью-то бы лучше смотрели!

Татьяна Никоновна. Не ваша печаль чужих детей качать.

Пульхерия Андревна. Уж теперь ни ногой.

Татьяна Никоновна. Скажите, какая жалость!

Пульхерия Андревна уходит.

Явление пятое

Татьяна Никоновна и потом Оленька.

Татьяна Никоновна. Какая ехидная бабенка, просто средств нет! А что ж это у меня Ольга-то делает! Убить ее мало за эти дела. Что она нейдет-то? Благо, у меня сердце-то не прошло. Беда мне с моим характером: расходится сердце, ничем не удержишь.

Оленька входит, раздевается и, плача, садится

на свое место.

Ты что же это, сударыня, делаешь? Что ты об своей голове думаешь? Где была, говори сейчас?

Оленька. Ах, маменька, оставьте! Мне и без вас тошно.

Татьяна Никоновна. А! теперь тошно; а то так матери не слушаться! Вот ты и знай! Да ты еще погоди у меня!

Оленька (*встает и одевается*). Ах, боже мой!

Татьяна Никоновна. Что ты еще выдумала? Куда это ты?

Оленька. Пойду куда глаза глядят. Что мне за охота брань-то слушать!

Татьяна Никоновна. Что ж, мне тебя хвалить, что ли, за твои дела?

Оленька. Да ведь и бранью-то ничего не поможете. Не маленькая уж я, мне не десять лет.

Татьяна Никоновна. Так что ж мне делать-то, по-твоему?

Оленька (*садясь к столу и закрывая лицо руками*). Пожалеть меня, бедную.

Татьяна Никоновна (*несколько взволнованная*). Да... ну что ж... ну... (*Молчит несколько времени, потом подходит к дочери, гладит ее по голове и садится подле нее.*) Ну что ж там такое у тебя случилось?

Оленька (*плача*). Да женится.

Татьяна Никоновна. Да кто женится-то?

Оленька. Прохор Гаврилыч.

Татьяна Никоновна. Это Васютин-то?

Оленька. Ну да.

Татьяна Никоновна. Вот видишь ты, вот видишь ты, до чего вас своя-то воля доводит, что значит без присмотру-то жить!

Оленька. Опять вы за свое.

Татьяна Никоновна. Ну, хорошо, ну, не буду.

Оленька. Ведь как божился-то! Как клялся-то!

Татьяна Никоновна. Божился? А! скажите пожалуйста! (*Качает головой.*)

Оленька. Как же мне было не поверить ему? Разве я тогда понимала людей?

Татьяна Никоновна. Где понимать еще! Какие года!

Оленька (*прилегая к матери*). Зачем же он обманул меня?

Татьяна Никоновна. А ты думаешь, это ему так и пройдет? Ему самому бог счастья не даст за это. Вот посмотри, что ему это даром не пройдет.

Оленька (*взглянув в окно*). Ах, бесстыжие глаза! Да он еще сюда идет — хватило у него совести-то! Маменька, пускай он к нам войдет; не идти же мне к нему на улицу со слезами-то!

Татьяна Никоновна. Ну что ж, пускай войдет.

Васютин (*в окно*). Ольга Петровна, можно войти?

Татьяна Никоновна. Пожалуйте, пожалуйте!

Оленька *(умоляющим голосом)*. Мамшька!

Татьяна Никоновна. Что тебе еще?

Оленька (*плача*). Маменька, мне стыдно! Уйдите! Как я стану при вас с ним говорить!

Татьяна Никоновна (*грозя пальцем*). То-то вот ты! Ох ты мне!

Оленька. Маменька!

Татьяна Никоновна. Ну, уж право... уж! Так вот только браниться-то не хочется. (*Уходит за перегородку*.)

Явление шестое

Оленька и Прохор Гаврилыч.

Прохор Гаврилыч (*в дверях*). Ты, Вавила Осипыч, подожди! Я сейчас. (*Входит*.)

Оленька. Садиться милости просим.

Прохор Гаврилыч. Нет, я ведь так — на минуточку.

Оленька. Все-таки присядьте, коли вам у нас не противно. Или вы, может быть, уж теперь нас гнушаетесь.

Прохор Гаврилыч (*садясь*). Да нет. Вот какого

роду дело… Вот видишь ты, я сам ей-богу бы никогда, да маменька…

Оленька. Что же маменька?

Прохор Гаврилыч. Все меня бранит за мою жизнь. Говорит, что я неприлично себя веду, что совсем дома не живу.

Оленька (*чертит ножницами по столу*). Да-с. Вам неприлично себя так вести, вы благородный, служащий…

Прохор Гаврилыч. Ну вот все и пристает ко мне, чтобы я женился, чтобы я жил семейно, как порядочному человеку следует. Ну, понимаешь, все-таки мать.

Оленька. Понимаю-с, как не понять! Так вы хотите маменькино желанье исполнить? Что ж, это очень благородно с вашей стороны, потому что старших всегда надобно уважать. Вы же так свою маменьку любите и во всем ее слушаетесь… Ну, так что же-с?

Прохор Гаврилыч. Ну вот я…

Оленька. И женитесь?

Прохор Гаврилыч. И женюсь.

Оленька. Честь имею вас поздравить! Что же, вы с большим состоянием берете?

Прохор Гаврилыч. Ну нет, не очень.

Оленька. Отчего же так? Вы, в надежде на вашу

красоту, могли бы за миллионщицу посвататься. Или вы, может быть, хотите облагодетельствовать собой какую-нибудь бедную барышню? Это доказывает, что у вас доброе сердце.

Прохор Гаврилыч. Какое же тут сердце! Я для маменьки делаю. Конечно, нам с маменькой приятно, что она в пансионе воспитывалась, по-французски говорит.

Оленька. Ну да как же вам, с вашим умом и образованием, да жениться на невоспитанной! Это для вас очень низко! Вот женитесь, будете с своей супругой по-французски и на разных языках говорить.

Прохор Гаврилыч. Да я не умею.

Оленька. Вы притворяетесь, что не умеете. Вы не хотите только перед нами, простыми людьми, своего образования показывать, а перед барышней вы себя покажете.

Прохор Гаврилыч. Так вот я и пришел к тебе…

Оленька. Напрасно себя беспокоили.

Прохор Гаврилыч. Надо же было сказать…

Оленька. Стоит ли вам об нас думать!

Прохор Гаврилыч. Как же не думать! Кабы я тебя не любил; а то ведь я люблю тебя.

Оленька. Очень вам благодарна за вашу любовь!

Прохор Гаврилыч. Ты на меня, Оленька, не сердись: я сам вижу, что поступаю против тебя дурно, даже можно сказать — подло.

Оленька. Коли вы так понимаете об себе, пускай это при вас и останется.

Прохор Гаврилыч. Нет, право, Оленька, я ведь не то что другие: бросил, да и знать не хочет.

Оленька. А вы что же?

Прохор Гаврилыч. Да я все, что тебе угодно. Ты мне скажи, что тебе нужно.

Оленька. Ничего мне от вас не нужно! Вы меня обижать так не смеете. Что же, я вас из-за денег любила? Я, кажется, этого виду не показывала. Я вас любила, потому что всегда знала, что вы на мне женитесь, а иначе я бы ни за что на свете…

Прохор Гаврилыч. Да мне что! Разве я бы не женился? да вот семья-то.

Оленька. Вы должны были это знать.

Прохор Гаврилыч. Как же мне с тобой быть, — я, право, уж и не знаю.

Оленька. Это довольно странно для меня. Вы свое дело сделали: обманули, насмеялись, — чего вам еще нужно? Остается поклон, да и вон. Об чем вам еще беспокоиться! Чтобы я жаловаться не пошла кому-нибудь? Так я за это не возьму миллиона от одного только от стыда.

Прохор Гаврилыч. Я не об себе беспокоюсь, а о тебе.

Оленька. А обо мне что вам беспокоиться! Да и кто вам поверит, что вы обо мне думаете сколько-нибудь!

Прохор Гаврилыч. Нет, Оленька, ты мне этого не говори! Мне, право, совестно. Я ведь человек простой, откровенный…

Оленька. Тем лучше для вас.

Прохор Гаврилыч. Только характер у меня такой, путаный. Ведь вот я теперь буду мучиться об тебе.

Оленька. Скажите!

Прохор Гаврилыч. Мне до смерти жаль тебя… Да ты мне позволь как-нибудь заходить к тебе хоть на минуту.

Оленька. Нет, уж увольте! Вам нужно, чтобы везде слава пошла. Я хочу замуж идти.

Прохор Гаврилыч. Так уж никогда и не видаться?

Оленька. Разумеется, никогда. Ведь, кроме страму, от вас прибыли-то никакой нет.

Прохор Гаврилыч. Ну, так простимся без сердца по крайней мере.

Оленька. Прощайте!

Васютин хочет поцеловаться.

Не для чего!

Прохор Гаврилыч (*после непродолжительного молчания*). Как же это, право… Подло, уж сам вижу, что подло! А как поправить — не знаю.

Оленька. Мне даже смешно слушать! Ступайте! Вас товарищ дожидается.

Прохор Гаврилыч. Какой это товарищ! Это купец, кутила. Вот ты какая! Тебе ничего, а я ночи не сплю. Право.

Оленька. Смотрите не захворайте!

Прохор Гаврилыч. Нет, пожалуйста, коли тебе что понадобится: деньги или что другое, ты, сделай милость — пришли! Для меня даже это будет приятно.

Оленька. Нет, уж я лучше с голоду умру. За кого вы меня принимаете?

Прохор Гаврилыч. Мне, право, так жалко тебя; я хоть заплакать готов.

Оленька. Это будет очень интересно!

Прохор Гаврилыч. Позволь нынче вечерком заехать.

Оленька. С чего это вы выдумали!

Прохор Гаврилыч. Ну, прощай! Бог с тобой! (*Уходя.*) Ты, ради бога, не сердись! А то все и будешь думать об тебе.

Оленька. Прощайте! Прощайте!

Васютин уходит; входит Татьяна Никоновна.

Явление седьмое

Оленька и Татьяна Никоновна.

Татьяна Никоновна. Ну что? Ушел?

Оленька. Ушел. (*Садится к столу и плачет, закрывшись платком.*) Как я выдержала, это только один бог знает.

Татьяна Никоновна. Поплачь, поплачь, легче будет. Да и совсем его из головы надо выкинуть, чтоб пусто ему было! (*Взглянув в окно.*) Ну, опять Андревна мимо идет.

Оленька. Маменька, покличьте ее.

Татьяна Никоновна. Да ведь я с ней побранилась.

Оленька. Помиритесь! Мне нужно, нужно!

Татьяна Никоновна. Помириться долго ли! (*В окно.*) Пульхерия Андревна! Пульхерия Андревна! (*Дочери.*) Идет. Благо, еще не спесива, хоть то хорошо. Только зачем она тебе понадобилась, я уж этого не придумаю.

Оленька. А вот увидите.

Пульхерия Андревна входит.

Явление восьмое

Оленька, Татьяна Никоновна и Пульхерия Андревна.

Татьяна Никоновна. Вы меня, пожалуйста, извините, Пульхерия Андревна; я давеча по своему глупому характеру погорячилась.

Пульхерия Андревна. Коли вы, Татьяна Никоновна, говорите это от раскаяния, так я на вас ни в каком случае сердиться не могу. Я очень снисходительна к людям, даже больше, чем следует.

Оленька. Вы, Пульхерия Андревна, знаете, на ком Васютин женится?

Пульхерия Андревна. Еще бы мне не знать!

Оленька. Вы знакомы с ними?

Пульхерия Андревна. Нет, незнакома. Да разве долго познакомиться!

Оленька. Сделайте милость, Пульхерия Андревна, разузнайте хорошенько…

Пульхерия Андревна. Что разузнать-то?

Оленька (*плача*). Хороша ли его невеста? Любит ли он ее? Любит ли она его?

Пульхерия Андревна. Только?

Оленька. Только! (*Садится к столу и закрывает лицо руками.*)

Татьяна Никоновна. Ну, оставимте ее. Бог с

ней!

Уходят.

Действие второе

ЛИЦА:

Гаврила Прохорыч Васютин, старик, отставной чиновник.

Анфиса Карповна, жена его.

Прохор Гаврилыч Васютин, сын их.

Вавила Осипович Густомесов, купец, лет 35-ти, одет по-русски.

Орест, лакей, лет 50-ти, важный, неповоротливый, в засаленном сюртуке, часто вынимает табакерку с генералом.

Гостиная в доме Васютиных: налево дверь в кабинет Прохора Гаврилыча, прямо выходная дверь, направо — во внутренние комнаты. Налево от зрителей диван, направо стол.

Явление первое

Орест (*проводит просителя в кабинет*). Пожалуйте! Пожалуйте! Мы ваше дело знаем: ваше дело правое. (*Проситель уходит.*) Правда, пословица-то говорится: «У всякого плута свой расчет!» Вот хоть бы нашего барина взять! Ума у него нет.

С судейскими со своими или и с нашим братом хорошего разговору от него нет, умного (нюхает табак), чтобы стоило внимания. Лепечет много языком-то, а ничего не складно, безо всякого рассудка, что к месту, что не к месту — так, как шелаш какой. А вот с просителями так он свое дело знает, — такой тон держит, что любо на него смотреть. Строгость на себя напустит, точно в меланхолии в какой сделается, и язык-то у него не ворочается; так проситель-то вздыхает, вздыхает, пот его прошибет; выйдет из кабинета-то, точно из бани; и шинель-то станет надевать — вздыхает, и по двору-то идет — все вздыхает да оглядывается. А с кем так и лаской: и по плечу треплет и по животу гладит. Вот эту-то политику он знает! Нужды нет, что не умен, а на эти дела тонок. Ну, и живет себе, как сыр в масле катается. Так-то вот и наш брат, — всякий должен себя понимать! Кто что умеет, то и делай, а не за свое дело не берись! Я теперь… я все могу, а в хороший дом я служить не пойду. Потому, во-первых — лета, во-вторых — болезнь во мне: в ногах лом стоит; опять же по временам слабость у меня к этой дряни (*плюет*), к этому проклятому вину. В хорошем доме ума не нужно, там ловкость, и чтобы в струне человек был, потому завсегда

ты на виду. А мне теперь нужен покой! Мне, по моему характеру, только и жить у подьячих! Ни одёжи от тебя не требуется, ни чистоты, — знай только обращение с просителями. А коли я умею обойтись с человеком, так мне и жаловаться не нужно. У барина свой доход, а у меня свой: потому в моей власти допустить к барину и не допустить. И ежели бы я не был подвержен, по своей слабости, этой временной болезни дня на три и на четыре в месяц, большие бы у меня капиталы были; по здешнему дому оно, конечно, сокращать себя не стоит, — удовольствия этого лишать; да только вот что: как наберешься этого угару, так много у тебя зря денег выходит.

Входит Анфиса Карповна.

Явление второе

Орест и Анфиса Карповна.

Анфиса Карповна. Есть кто-нибудь у барина?

Орест. Проситель сидит.

Анфиса Карповна. Купец или благородный?

Орест. По-немецки, а должно быть, купец.

Анфиса Карповна. Я тебе, Орест, давно говорила, чтобы ты с купцов денег не просил, а ты все-таки своей привычки не оставляешь. Я ведь все вижу. В передней помешают тебе, так ты за

ворота выскочишь да там пристаешь, словно нищий.

Орест. Эх, сударыня!

Анфиса Карповна. Что: эх, сударыня? И для нас это страм; подумают, что вы у нас нужду терпите.

Орест. Эх, барыня! Из чего служить-то?

Анфиса Карповна. Ты жалованье получаешь.

Орест. Какое жалованье, сударыня! Стоит ли оно внимания.

Анфиса Карповна. Так зачем же ты живешь, коли ты недоволен жалованьем?

Орест. Эх, сударыня! Затем и живу, что доход есть. Уж это от начала вселенной заведено, что у служащего человека камердинер свой доход имеет. Ну, а которые из просителей этого обыкновения не имеют, тем и напомнишь.

Анфиса Карповна. Да все-таки это мараль.

Орест. Никакой, сударыня, марали нет.

Анфиса Карповна. А я вот Прошеньке скажу, чтоб он тебе запретил.

Орест. Никогда они мне не запретят, по тому самому, что они тоже доходом живут, жалованье тоже небольшое получают. Они могут рассуждать правильно, сообразно с рассудком.

Анфиса Карповна. А я, по-твоему, неправильно

рассуждаю, несообразно с рассудком? Как ты смеешь так говорить со мной?

Орест. Вот что, сударыня, извините вы меня: всякий свое дело знает. Одно дело вы можете рассудить, а другое дело мужского рассудка требует. Как же вы говорите, чтобы не брать! Господи боже мой! Да с чем это сообразно! Ну, положим, не я у вас буду служить, другой будет; так нешто он не станет брать? — тоже станет; женщину заставьте служить, и та станет брать. Коли есть такое положение, чтобы брать деньги с просителей, как же вы мне приказываете не брать? Для чего же мне от своего счастья отказываться? Это даже смешно слушать!

Анфиса Карповна. Ты такой грубиян, такой грубиян стал, что просто терпенья нет с тобой! Я непременно на тебя сыну пожалуюсь.

Орест. Эх, сударыня! Какой же я грубиян! А что, конечно, которое дело до вас не касающее, так скажешь…

Анфиса Карповна. Как не касающее? Все, что до сына касается, и до меня касается, потому что я всячески стараюсь его хоть немножко облагородить.

Орест. Все это я, сударыня, понимаю-с, только никак нельзя.

Анфиса Карповна. Отчего же нельзя? Вот он теперь женится на барышне образованной, так совсем другой порядок в доме пойдет.

Орест. Никак этого нельзя-с.

Анфиса Карповна. Как нельзя? Вот ты увидишь, что очень можно.

Орест. Разве службу оставят.

Анфиса Карповна. И службу оставлять не станет, только деликатнее вести себя будет, уж и людей таких держать будет…

Орест. Каких хотите, сударыня, держите, все это одно. Хоть теперь барин и женится, да ежели не оставит службу, так круг знакомства у них все тот же будет, все те же служащие да купечество, та же самая канитель, что и теперь; так и люди, глядя на господ, себя в строгости содержать не будут. И брать деньги тоже будут, потому что купцы даже любят, когда с них деньги берут. Если с него не взять, так он опасается, — уж у него такой развязности в разговоре нет, точно он чего боится. С купечеством тоже надо уметь обойтись! А что насчет благородства, так этак всякий бы, пожалуй, захотел…

Анфиса Карповна. Ну уж молчи, пожалуйста, когда тебя не спрашивают.

Орест. Я замолчу; только уж, видно, сударыня,

выше лба глаза не растут.

Анфиса Карповна. Где твое место? Твое место в передней! Что же ты здесь толчешься! В комнаты ты должен войти, когда тебя позовут…

Орест. Известно, в передней: потому хам. А тоже и господа господам рознь, и потому только одно это название, что он господин, а по делу совсем напротив выходит. Хоть бы теперь барин жениться хочет…

Анфиса Карповна. Я тебе сказала, чтоб ты шел в переднюю.

Орест. Я пойду. Эх, сударыня! Говорить-то только не приходится, а то бы я сказал. Тоже смыслим кой-что. Надо жену-то по себе брать. (*Уходит*.)

Явление третье

Анфиса Карповна и потом Гаврила Прохорыч.

Анфиса Карповна. Какое наказание с этим народом! Сколько уж у нас людей перебывало, все такие же. Сначала недели две поживет ничего, а потом и начнет грубить либо пить. Конечно, всякий дом хозяевами держится. А у нас какие хозяева-то! Только сердце болит, на них глядя. С сыном вот никак не соображу: молодой еще человек, а как себя неприлично держит. Знакомства-то, что ли, у него нет, заняться-то ему не

у кого? Или уж в отца, что ли, уродился? тоже, знать, пути не будет! Хоть бы мне уж женить-то его поскорее! Отец от безобразной жизни уж совсем рассудок потерял. Ну, вот люди-то, глядя на них, и меня не уважают. Всю жизнь я с мужем-то маялась, авось хоть сын порадует чем-нибудь! Хоть бы месяц пожить как следует; кажется, для меня это дороже бы всего на свете. А и мне еще люди завидуют, что сын много денег достает. Бог с ними, и с деньгами, только б жил-то поскромнее. Есть же такие счастливые, что живут да только радуются на детей-то, а я вот…

Входит Гаврила Прохорыч.

Вот еще давно не видались. Зачем это? Не слыхать ли?

Гаврила Прохорыч (*приседает, как барышня, и шепотом*). За газетами-с. (*Берет со стола газеты.*)

Анфиса Карповна. Сидели бы наверху у себя. Кому нужно на вас глядеть-то! Тут, чай, люди ходят. Сына-то только стыдите!

Гаврила Прохорыч. Сына стыдите! У! у! (*Делает гримасы.*)

Анфиса Карповна. Ну, пожалуйста, не паясничайте, я не люблю этого.

Гаврила Прохорыч (*злобно*). Кого я могу сты-

дить! Я титулярный советник.

Анфиса Карповна. Важное кушанье!

Гаврила Прохорыч. Да-с! Дослужитесь подите! Что такое титулярный советник? Капитан-с! А! Какова штука-то! Вот и думайте, как знаете!

Анфиса Карповна. Что думать-то! Думать-то нечего! Много вашего брата по кабакам-то шляется. Знаю я одно, что тридцать лет с вами маялась, да и теперь маюсь.

Гаврила Прохорыч. Ну, не очень гневайтесь, уйду-с. А то сына стыдить! Сам он меня стыдит. (*Уходит, потом возвращается и плачет.*)

Анфиса Карповна. Это что еще?

Гаврила Прохорыч. Прошенька скоро женится.

Анфиса Карповна. Ну, так что же?

Гаврила Прохорыч. Жалко Прошеньку.

Анфиса Карповна. Ведь это не вы плачете; это вино в вас плачет. Плачут-то, когда дочерей отдают, а когда сыновей женят, так радуются. Вы забыли.

Гаврила Прохорыч. Нет, так что-то чувствительно стало; а то я ничего, — я радуюсь. Он ко мне почтителен; он меня, старика, уважает, к слабостям моим нисходит.

Анфиса Карповна. Вы и его-то этим слабостям

выучили. А вы бы вот оделись да нынче с сыном к невесте съездили, благо, вы в своем виде, а то ведь не скоро этого дождешься.

Гаврила Прохорыч. Хорошо, я пойду оденусь.

Анфиса Карповна. Да ведите-то себя приличней.

Гаврила Прохорыч. Что вы меня учите! Я знаю, как себя вести. Как ведут себя благородные люди, так и я себя стану вести. (*Уходит*.)

Анфиса Карповна. Как же! Похоже на то, что ты будешь вести себя, как благородные люди ведут! Ну, да с старика-то не взыщут.

Входит купец с кульком в руках

Явление четвертое

Анфиса Карповна и купец.

Анфиса Карповна. А, Вавила Осипыч! Вы к Прошеньке?

Купец. Точно так-с.

Анфиса Карповна. Он занят теперь.

Купец. Подождем-с.

Анфиса Карповна. Садитесь, пожалуйста!

Купец. Покорнейше благодарим-с. Не извольте беспокоиться-с. (*Садится*.)

Анфиса Карповна. Что это такое у вас? Вино, должно быть?

Купец. Оно самое-с.

Анфиса Карповна. Что это вы всё вино носите?

Купец. Потому завсегда требуется-с.

Анфиса Карповна. Да уж часто вы его носите-то, да и помногу.

Купец. Изойдет-с. Для дому вещь необходимая-с.

Анфиса Карповна. Что ваше дело?

Купец. Прикончено-с.

Анфиса Карповна. Что ж, вы довольны?

Купец. Не то что довольны, а так надобно сказать, что должны век бога молить за Прохора Гаврилыча. За это дело я теперича, кажись, по гроб моей жизни все, что только им угодно. Скажи они мне: Вавила Осипыч!.. меня, сударыня, Вавила Осипыч зовут… достань птичьего молока! Всю вселенную пешком обойду, а уж достану.

Анфиса Карповна. Да, ему многие благодарны.

Купец. Отменный человек-с.

Анфиса Карповна. Его купечество очень любит.

Купец. Нельзя не любить-с; потому, первое дело, человек деловой-с, всякому нужный; а второе дело, невзыскательны-с. С нашим братом компанию водит, все равно что с равным, безобразия

нашего не гнушается; даже я так замечаю, что им очень нравится. Ну, и выпить ежели, так как у нас этот порядок заведен, — я вам доложу, сударыня, мы временем бываем довольно безобразны, так нам для этого нужна компания, — так они никогда от этого не прочь, а завсегда с нами по душе. И не то чтоб отставать или компанию ломать, а могут посидеть вплотную и со всеми равняются. Да другой и из наших против них не выстоит. Ну, и значит, человек стоит уважения. Ведь и у нас тоже не всякого полюбят, а с разбором-с, кто чего стоит.

Анфиса Карповна. Только уж он много пьет-то с вами.

Купец. Нет, что за много-с! Соразмерно пьют.

Анфиса Карповна. Нет, уж не очень соразмерно.

Купец. Оно точно, кто редко, так, может быть, и много покажется-с; а ежели пить постепенно, вот как мы-с, так оно ничего. На все привычка-с.

Анфиса Карповна. Знаете ли, Вавила Осипыч, я его женить собираюсь.

Купец. Оченно прекрасно-с.

Анфиса Карповна. Он теперь в таких летах.

Купец. В самом разе-с.

Анфиса Карповна. Ну, а я стара стала; ведь не

знаешь, когда бог по душу пошлет, так хочется его устроить при жизни. Познакомилась я недавно с одной барыней, у ней дочка только что из пансиона вышла; поразговорились мы с ней, я ей сына отрекомендовала; так у нас дело и пошло. Я ей как-то и намекнула, что вот бы, мол, хорошо породниться! «Я, говорит, не прочь! Как дочери понравится!» Ну, уж это, значит, почти кончено дело. Долго ли девушке понравиться? Она еще и людей-то не видала. А с состоянием, и деньги есть, и имение.

Купец. Самое настоящее дело-с.

Анфиса Карповна. Я вам скажу, Вавила Осипыч, я никак не думала, что он такой дельный будет. Ученье ему не давалось — понятия ни к чему не было, так что через великую силу мы его грамоте выучили, — больших хлопот нам это стоило. Ну, а уж в гимназии и совсем ничего не мог понять; так из второго класса и взяли. К этому же времени отец-то его совсем ослаб. Столько я горя перенесла тогда, просто выразить вам не могу! Определила я его в суд, тут у него вдруг понятие и открылось. Что дальше, то все лучше; да вот теперь всю семью и кормит. Да еще что говорит! Я, говорит, маменька, службой не дорожу; я и без службы, только частными делами

состояние себе составлю. Вот какое понятие ему вдруг открылось!

Купец. И теперича их работа самая дорогая и самая тяжелая, потому что все надо мозгами шевелить. Без мозгов, я так полагаю, ничего не сделаешь.

Выходят из кабинета Прохор Гаврилыч и проситель. Купец встает.

Явление пятое

Те же, Прохор Гаврилыч и проситель.

Прохор Гаврилыч (*провожая просителя до двери*). Я вам сказал, что хлопотать буду; ну, а там что бог даст.

Проситель. Сделайте милость, Прохор Гаврилыч! (*Уходит в дверь.*)

Прохор Гаврилыч (*в дверь*). Хлопотать я буду, уж я вам сказал; а там, как взглянут.

Проситель (*из передней*). Уж похлопочите, Прохор Гаврилыч. Прощенья просим!

Прохор Гаврилыч. Прощайте! (*К купцу.*) А, друг! Что это ты, вина принес?

Купец. Особенного.

Прохор Гаврилыч. Ну вот спасибо! Так попробовать надо. Орест!

Входит Орест.

Откупори да подай рюмок!

Орест берет кулек.

Купец. Ты двух сортов откупори. А те, что с долгим горлышком-то, для другого разу оставь. Да постой, я покажу тебе.

Купец и Орест уходят.

Анфиса Карповна. Ты ведь к невесте хотел ехать.

Прохор Гаврилыч. Я и поеду.

Анфиса Карповна. А зачем же вино-то пить?

Прохор Гаврилыч. Так, маменька, что-то я нынче в расположении. Все сидел за делом, так хочется голову освежить, чтобы фантазия была.

Входят купец и Орест с бутылками и рюмками на подносе и ставят его на стол.

Купец (*Оресту*). А ты, братец, поглядывай! Коли видишь, что которая опросталась, ты и перемени, свеженькую подставь. Не все же тебя кликать.

Орест уходит.

Прохор Гаврилыч (*садится*). Ну, вот теперь сядем да потолкуем.

Купец. Сейчас-с! (*Наливает вино о рюмки и подносит Прохору Гаврилычу*.) Пожалуйте-с!

Прохор Гаврилыч берет и пьет.

Вас, сударыня, прикажете просить?

Анфиса Карповна. Я его и видеть-то не могу.

Купец. Как будет угодно; неволить не смею-с. Вот теперь сам выпью-с. (*Наливает себе.*) Желаю вам быть здоровым, сударыня!

Анфиса Карповна. Покорно благодарю! Кушайте на здоровье.

Купец (*пьет*). Теперь разве вдруг по другой? А то с одной-то не разберешь.

Прохор Гаврилыч. Наливай!

Купец наливает.

Анфиса Карповна. Будет вам!

Прохор Гаврилыч. Полноте, маменька! Что мы, дети, что ли! Я себя знаю.

Купец (*подавая рюмки*). Пожалуйте-с! Честь имею поздравить! (*Пьет сам.*)

Прохор Гаврилыч. С чем?

Купец. Как с чем! Да нынче что?

Прохор Гаврилыч. А что?

Купец. Первая пятница на этой педеле. Ну, вот и честь имеем поздравить.

Прохор Гаврилыч. Ах ты голова! Маменька, каков молодец!

Анфиса Карповна. Поезжай ты поскорее!

Прохор Гаврилыч. Маменька, я понимаю. Вот сейчас и поедем.

Купец. Прикажете?

Прохор Гаврилыч. Наливай!

Анфиса Карповна. Этому конца не будет!

Прохор Гаврилыч и купец пьют.

Прохор Гаврилыч (встает и подходит к матери; в это время купец еще наливает по рюмке). Маменька, я вижу, что вы обо мне заботитесь, и чувствую это. Пожалуйте ручку! (*Целует руку*.) Я грязную жизнь веду, — я это понимаю; какой же матери это приятно! Ну, я и оставлю. Женюсь и оставлю. Вам не угодно, чтобы я такую жизнь вел, ну, я и оставлю. (*Опять целует руку*.) Я для вас все, что вам угодно.

Анфиса Карповна. Дай-то бог!

Прохор Гаврилыч (*подходит к столу и пьет*). Я уж сказал, маменька! У меня сказано — сделано.

Купец. А я тебя, барин, вчера долго ждал. Я с вашим сынком теперь, сударыня, все равно что неизменное копье: куда он, туда и я. Вот уж другую неделю с ним путаемся, расстаться не могу, все и ездим вместе. Коли он по делу куда зайдет, я на дрожках подожду либо в трактире посижу. А глядишь, к вечеру-то кулечек захватим, да и за город махнем, на травке полежать. Под кустиком-то оно приятно.

Прохор Гаврилыч. Мы и нынче с тобой вместе поедем.

Анфиса Карповна. Ты с отцом поедешь.

Прохор Гаврилыч. Ну, что ж! Он за нами поедет. Ты подожди в трактире! Я оттуда скоро. Что там долго-то делать? Посидим, поговорим, да и кончено дело. Там ведь сухо; кроме чаю, ничем не попотчуют. Да и разговаривать-то с ними, из пустого-то в порожнее пересыпать, тоже скука возьмет.

Купец. Канитель... (*Наливает себе и Прохору Гав рилычу*.)

Прохор Гаврилыч (*пьет*). Уж именно, брат, канитель.

Анфиса Карповна (*умоляющим голосом*). Проша!

Прохор Гаврилыч. Маменька, я чувствую. Что у меня — каменное, что ли, сердце-то! Я ведь понимаю, что вам эта жизнь не нравится, и мне она не нравится. Вы находите, что грязно, — и я вижу, что грязно. Вижу, вижу, маменька. Вам не нравится, ну я и оставлю: я для вас это удовольствие сделаю.

Анфиса Карповна. Что же не оставляешь?

Прохор Гаврилыч. Маменька, оставлю. Уж будьте покойны, оставлю, и в рот не буду брать.

Купец (*наливая*). Зачем совсем оставлять!

Прохор Гаврилыч (*берет и пьет*). Нет, я, брат, совсем оставлю. Только, маменька, нельзя же

вдруг.

Купец. Даже вред может быть от этого.

Анфиса Карповна. Как же ты к невесте-то поедешь?

Прохор Гаврилыч. Маменька, я себя знаю. Надобно так к невесте ехать, не то чтобы пьян, это уж скверно; а чтобы фантазия в голове была. Что я без фантазии буду с ними, маменька, разговаривать? Об чем? Кабы я знал что-нибудь или читал книги какие, тогда бы другое дело. Значит, мне фантазия и нужна.

Купец. С фантазией лучше.

Прохор Гаврилыч. Я без фантазии с женщинами никогда и не разговариваю; мне как-то робко подойти. А как есть маленькая фантазия, так откуда смелость возьмется!

Входит Орест, ставит бутылку на стол, а пустую уносит.

Анфиса Карповна. Сходи наверх, скажи барину, что пора ехать.

Орест. Они не могут.

Анфиса Карповна. Отчего?

Орест. Я из передней-то отлучился ненадолго, а они унесли бутылку да, должно быть, ее и кончили.

Анфиса Карповна. Тиранит он меня! Хоть вы-

то поезжайте.

Прохор Гаврилыч. Мы, маменька, сейчас. Нука, на дорожку. Орест, вели лошадь подавать!

Орест уходит.

Купец. И по закону следует. (*Наливает*.)

Прохор Гаврилыч. А где такой закон? Где он написан? (*Пьет*.)

Купец. Да хоть он и не написан, а всякий его исполняет.

Прохор Гаврилыч. Ну, какие же у тебя планы? Куда мы с тобой нынче вечером?

Купец. А какие планы? Планы у меня вот какие: перво-наперво в Марьину рощу съездить засветло; а оттуда по дороге в Ельдораду.

Прохор Гаврилыч. Ну, хорошо. Я недолго пробуду, часу до девятого, не больше.

Анфиса Карповна. Да поезжайте! Лошадь дожидается.

Прохор Гаврилыч. Сейчас, маменька. Надобно же столковаться-то; а то там рассуждай после, куда ехать, а время-то идет.

Купец. Это настоящее дело-с.

Прохор Гаврилыч (*встает*). Ну, поедем! Прощайте, маменька! (*Целует руку*.) Видите, маменька, я еду. Я для вас все… Что прикажете, то я и сделаю. Вот теперь я себя чувствую, что я

могу разговаривать. Я теперь об чем хотите… А без фантазии просто смерть, рот боишься разинуть. (*Нагибается к матери.*) А вы, маменька, не беспокойтесь насчет того; там все кончено. Ну, то есть насчет Оленьки… Вам Пульхерия Андревна насплетничала, вы огорчились этим; я сейчас же понял, что вам это неприятно, ну и кончил все. Я из вашего лица заметил, что вам неприятно, ну я и кончил.

Анфиса Карповна. Ну и хорошо.

Прохор Гаврилыч. Кончил, кончил. Прощайте! (*Целует руку.*)

Купец. И посошок на дорогу. (*Наливает.*)

Анфиса Карповна. Какой еще посошок?

Купец. Уж без этого нельзя-с.

Пьют.

Прохор Гаврилыч (*взяв шляпу*). Маменька, прощайте!

Купец. Прощения просим, сударыня! Вы нас извините; потому, как, собственно, мы из расположения, а не с тем, чтобы что-нибудь дурное. (*Кланяется.*)

Прохор Гаврилыч (*уходя*). А вы, маменька, насчет того не беспокойтесь. Я вам сказал — так оно и есть. Кончил я все, кончил.

Уходят.

Анфиса Карповна. Ну, слава богу, уехали! Ну, вот надо бы прогнать этого купца, а как его прогонишь? — нужный человек! Что делать, должность такая. Она бы служба-то и не трудна, да вот этим-то уж очень тяжела — знакомством-то. Тяжелая служба! Ты его стараешься как на путь наставить; а по службе-то он должен вот этакую компанию водить. Не водить компанию — не иметь доходу; а водиться с ними, так сопьешься с кругу. Вот тут как хочешь и раскидывай умом. А матери-то и то больно, и другое не сладко. Деньги-то, знать, никому даром не достаются.

Входит Пульхерия Андревна.

Это еще какими судьбами!

Явление шестое

Анфиса Карповна и Пульхерия Андревна.

Пульхерия Андревна. Вы не удивляйтесь! Хоть мы с вами и поссорились, но я все-таки всегда желала вам добра и никогда вас не могу променять на мещанку какую-нибудь. А теперь выходит такое дело, что я должна вас предупредить; потому я и думаю, что лучше мне позабыть все, что между нами было. По крайней мере вы из слов моих увидите, сколько во мне благородства против вас.

Анфиса Карповна. Покорно вас благодарю.

Пульхерия Андревна. Потому что как бы мы с вами ни ссорились, а вы всегда дороже для меня, по своему званию, какой-нибудь мещанки.

Анфиса Карповна. В чем дело-то? Я вас не пойму.

Пульхерия Андревна. Дело в том, Анфиса Карповна, что есть люди, которые, при всем своем ничтожестве, много об себе думают и много себе позволяют. Но по глупости своей, которая в их круге врожденная, не могут никак скрыть своих хитростей.

Анфиса Карповна. Вы уж очень мудрено говорите.

Пульхерия Андревна. Кажется, вам бы можно понять; теперь же у вас такое дело, которое требует с вашей стороны осторожности и оглядки.

Анфиса Карповна. Что же такое за дело? Что я хочу сына женить, так это дело очень обыкновенное.

Пульхерия Андревна. А ежели есть люди, которым это очень не нравится?

Анфиса Карповна. А мне-то что за дело!

Пульхерия Андревна. Ежели бы не было дела, разве бы я к вам пришла?

Анфиса Карповна. Пустяки какие-нибудь.

Пульхерия Андревна. Хотя ваши слова для меня и обидны, но я вам скажу, что не пустяки. Если б пустяки, я бы к вам не пошла. Я должна была переломить себя, чтобы идти к вам; а ежели бы были пустяки, для чего бы мне переламывать себя и идти к вам?

Анфиса Карповна. Ну, так скажите, коли знаете что.

Пульхерия Андревна. Разумеется, знаю.

Анфиса Карповна. Что же такое?

Пульхерия Андревна. Я вам говорила про одну девушку.

Анфиса Карповна. Помню, помню.

Пульхерия Андревна. Ну, так они хотят помешать вашему намерению. Я у них нынче была, они мне об этом говорили. Я притворилась, что их слушаю; но, вы сами можете понять, могу ли я стерпеть, чтобы какая-нибудь мещанка сделала такую неприятность благородной даме? Они воображают, что я могу быть с ними заодно; но они очень ошибаются.

Анфиса Карповна. Да чем же они могут помешать?

Пульхерия Андревна. Ах, боже мой! Точно вы не понимаете! Пойдут к невесте в дом, ну и расскажут все.

Анфиса Карповна. Да что же все-то?

Пульхерия Андревна. Какого Прохор Гаврилыч поведения, и разные другие поступки.

Анфиса Карповна. Да кто же им поверит?

Пульхерия Андревна. Отчего же не поверить?

Анфиса Карповна. Да стоит только взглянуть на моего сына, чтоб не поверить никаким сплетням. А они его часто видят; вот он и теперь к ним поехал.

Пульхерия Андревна. Что же уж вы так очень высокого мнения об вашем сыне?

Анфиса Карповна. Да если он этого стоит.

Пульхерия Андревна. Ну, а насчет крепких напитков-то, что вы скажете?

Анфиса Карповна. Кто же его видел пьяным?

Пульхерия Андревна. Вот прекрасно! Да я думаю, все видали. Трезвым-то редко видят, а пьяным-то чуть не каждый день.

Анфиса Карповна. Так затем-то вы пришли, чтоб моего сына мне в глаза позорить?

Пульхерия Андревна. Хотя и не затем, но что же делать, когда вы так ослеплены? Должна же я вам выразить то, что все об нем знают.

Анфиса Карповна. Вы можете это про себя знать, а я вперед этого слушать не желаю и покорнейше вас прошу…

Пульхерия Андревна (*встает*). Не беспокойтесь, не беспокойтесь! Я уж давно сама себя внутренно проклинаю, что мне пришло в мысль зайти к вам. Я хотела для вашей пользы…

Анфиса Карповна. Да сделайте одолжение, не нужно…

Пульхерия Андревна. И если же после этого когда-нибудь нога моя…

Анфиса Карповна. Очень, очень будем рады.

Пульхерия Андревна (*уходя*). Не пришлось бы и мне кланяться.

Анфиса Карповна (*провожая ее*). Не дай-то господи!

Пульхерия Андревна (*из двери*). Осыпь меня, кажется, золотом, так уж я к вам никогда! (*Скрывается*.)

Анфиса Карповна (*в дверях*). Я молебен отслужу.

Действие третье

ЛИЦА:
Татьяна Никоновна.
Оленька.
Пульхерия Андревна.
Прохор Гаврилыч.
Вавила Осипыч.

Декорация первого действия.

Явление первое

Татьяна Никоновна и Оленька сидят за столом и шьют.

Оленька. Нейдет что-то наша Пульхерия Андревна.

Татьяна Никоновна. Мало ли у ней дела-то! У ней ведь опека большая, не одни мы с тобой. Разве скоро всю нашу палестину-то обходишь! А она уж как вышла из дому, так всех знакомых навестит.

Оленька. Уж она, чай, все разнюхала; хоть бы рассказала пришла.

Татьяна Никоновна. Что-то ты уж очень сло-

бодно разговариваешь! А у самой, чай, кошки на сердце скребут…

Оленька. Ровнехонько таки ничего.

Татьяна Никоновна (*взглянув в лицо Оленьке*). Поверю я тебе, как же! Так только куражишь себя.

Оленька. Да, пожалуй, не верьте; мне-то какая надобность! Вы, может быть, потому так заключаете, что я вчера плакала?

Татьяна Никоновна. А хоть бы и потому.

Оленька. Так это только одна глупость была с моей стороны. Не стоит внимания жалеть-то его. Вообразила я себе сдуру-то, что он на мне женится: оттого и обидно стало. А так-то не велика находка! Хуже-то мудрено найти, а лучше-то хоть сейчас.

Татьяна Никоновна. Ты что еще придумываешь? Смотри у меня!

Оленька. Ничего. Не беспокойтесь!

Татьяна Никоновна. То-то, ничего! Я тебя замуж выдам, и таки скорехонько.

Оленька. За кого это, позвольте спросить? За мастерового за какого-нибудь?

Татьяна Никоновна. А хоть бы и за мастерового.

Оленька. Нет, уж увольте, сделайте милость.

Идти ли, нет ли, — за благородного; а то так и не надо.

Татьяна Никоновна. Мало бы ты чего захотела! А коли благородных-то не припасено для тебя…

Оленька. Не припасено, так и не надо. Проживу и так.

Татьяна Никоновна. Да я-то не хочу, чтоб ты так жила да ветреничала.

Оленька. Все будет по-вашему, только не горячитесь, пожалуйста! Нарисуйте мне рисунок, как жить; так точно я и буду.

Татьяна Никоновна. Рисовать нечего. Потому что узоры не мудреные.

Входит Пульхерия Андревна и садится.

Явление второе

Те же и Пульхерия Андревна.

Пульхерия Андревна. Ну, можете себе представить, как я узнала…

Татьяна Никоновна. Здравствуйте!

Оленька. Как дела?

Пульхерия Андревна. А вот сейчас расскажу все по порядку. Ну, вот-с: ведь была я там, у невесты-то…

Оленька. Были?

Пульхерия Андревна. Была. Даже только сей-

час от них.

Оленька. Каким же это манером?

Пульхерия Андревна. А вот каким: у соседки нашей продается шаль — презент, понимаете ли. Так как много ей этих презентов делают, так она половину продает. Ну вот подхватила я эту шаль в охапку, да я марш к Шишанчиковым. Шишанчиковы им фамилия-то. Направляю это туда стопы свои, да и думаю: приду будто продавать, а там распущу разговор, не выгонят же. Мне только бы в дом взойти! Так точно и случилось! Прихожу, докладывают; выходит ко мне сама старуха, женщина солидная, обстоятельная... Начинаю разговор: я, говорю, сама благородная дама, наслышана об вас, что вы дочку отдаете, так приятно будет для меня услужить вам. Поверьте, говорю, что я не из интересу, а собственно для вас; ну и пошла, дальше да больше, уж я за словом в карман не полезу. Просят меня кофеем; я располагаюсь как дома. Только мне старуха-то и говорит: «Это точно, я было, говорит, дочь просватала, да теперь у нас, кажется, это дело должна разойтись».

Татьяна Никоновна и **Оленька**. Как так? Что вы говорите?

Пульхерия Андревна. А вот слушайте! «Вче-

рашний, говорит, день нас жених в большое сомнение ввел». А он, знаете ли, какую штуку отколол! Поехал из дому-то уж выпивши, с приятелем со своим, с подрядчиком, да, видно, им мало показалось, так они еще по разным местам заезжали. Где уж они там плутали — это неизвестно; только к невесте-то он явился уж часу в одиннадцатом и все с этим с Вавилой Осипычем. Ну, можете себе представить, каковы соколы налетели! Старуха-то мне и говорит: «Поглядим на них с дочерью, поглядим, да выдем, говорит, в другую комнату; потолкуем-потолкуем, да опять придем поглядим; да опять выдем — потолкуем. Нет, видим, дело не годится, так и ушли к себе и легли спать; как уж они уехали, и не знаем». Ну уж, Татьяна Никоновна, и напела же я им! Я, говорю, ваши речи послушала, теперь послушайте моих! Да уж и отчитала его, друга милого! Дивлюсь, откуда только у меня слова брались! Такие слова, самые поразительные! Они тут же при мне написали записку с отказом и послали ему с человеком. Сегодня суббота: он в присутствие не ходит, так уж теперь он ее и получил давно; я таки у них еще с полчаса после этого посидела.

Татьяна Никоновна. Теперь ведь, гляди, сюда придет.

Оленька. Сегодня же придет, уж я его знаю. (*Задумывается.*)

Татьяна Никоновна. Что ты задумалась?

Оленька. Да надобно язвительных слов побольше придумать.

Татьяна Никоновна. Придумывай, придумывай! И я после подбавлю. Что, дурочка, рада небось?

Оленька. Да, разумеется, рада; только погодите, маменька, не мешайте! Слова-то в голове, одно за другим, так и вьются клубком, только бы не забыть.

Пульхерия Андревна. А уж как я довольна, Татьяна Никоновна, что им форс-то сбили! А то бы с ними и не сговорил. Теперь спеси-то у них поубудет вершка на два.

Татьяна Никоновна (*взглянув в окно*). Никак, едет? Он! Он! Да и с купцом.

Пульхерия Андревна. Вы меня спрячьте куда-нибудь! Не хотелось бы мне, чтоб он меня здесь видел.

Татьяна Никоновна. А вот пожалуйте за перегородку!

Пульхерия Андревна уходит.

Ну, Оленька, теперь поругать его хорошенько, да и прогнать. Поставить на порог, да в три шеи

до ворот.

Оленька. Прогнать-то не хитро! Прогнать-то всегда успеем.

Татьяна Никоновна. А что же?

Оленька. А надобно его жениться заставить, вот что!

Татьяна Никоновна. Уж ты, девка, больно ловка хочешь быть!

Оленька. Чего ж зевать-то! Дураков-то уж нынче, говорят, меньше стало; еще жди, скоро ли другой-то набежит.

Васютин входит и останавливается в дверях.

Явление третье

Татьяна Никоновна, Оленька и Прохор Гаврилыч.

Прохор Гаврилыч (*в дверях*). Смотри же, Вавила Осипыч, ты подожди!

Оленька. Я даже, маменька, не могу понять, как это могут люди не иметь совсем совести! Наделают в жизни столько гадостей, и не стыдно им людям в глаза смотреть!

Татьяна Никоновна. Разные люди-то бывают. У иного стыд есть, а другому хоть ты кол на голове теши, так ему все равно.

Прохор Гаврилыч (*садится*). Ну да что вы тол-

куете! Вы знаете ли, зачем я к вам пришел-то?

Оленька. Нам и знать-то не нужно. Мы и думать-то про вас забыли.

Татьяна Никоновна. Непрошеный гость хуже татарина.

Прохор Гаврилыч. А ведь я жениться-то раздумал.

Оленька. Какое же нам до этого дело! Женитесь вы или не женитесь, нам решительно все равно.

Татьяна Никоновна. Да полно, сами ли раздумали?

Оленька. Не карету ли подали?

Прохор Гаврилыч. Кому это карету? Мне-то? Посмотрел бы я! Я сам не захотел. Что, думаю, связывать-то себя! Жениться-то я еще всегда успею. Невест, что ли, мало в Москве-то!

Татьяна Никоновна. Да-с, да-с! Что вам за охота себя связывать!

Обе хохочут.

Прохор Гаврилыч. Да вы что смеетесь-то! Вы, значит, человека ценить не умеете. Почем вы знаете, может быть, я из любви к ней (*показывает на Оленьку*) не женился?

Татьяна Никоновна. Не захотели девушку обидеть. Это очень хорошо с вашей стороны.

Хохочут.

Прохор Гаврилыч. Ну да! Что ж такое! Оттого и не женился. Тебя не захотел обидеть, оттого и не женился. Вот я каков! Захотел тебе доказать, что люблю тебя, и доказал. Уж какая была невеста — прелесть! Не хочу, говорю, да и все тут. Оленька, говорю, дороже для меня всего на свете.

Оленька. Очень много вам за это благодарна!

Прохор Гаврилыч. Так маменьке и говорю: «Невеста влюблена в меня; ну и пускай она страдает! А я Оленьку ни на кого не променяю».

Татьяна Никоновна. Так вы мою дочку очень любите?

Прохор Гаврилыч. Да нельзя ее и не любить, Татьяна Никоновна! Я вам вот что скажу: никого я так не любил, да никогда и любить не буду. Ее озолотить надо: вот какая она девушка!

Оленька. Какие вы жестокости говорите.

Прохор Гаврилыч. Что за жестокости! У меня уж такой характер. Коли я кого полюбил, я уж ничего не пожалею. Что только душе угодно, я сейчас. Деньги я считаю ни за что.

Оленька. Нет, уж это очень жестоко для моего сердца! Я даже и не знаю, что вам отвечать на такие нежности. Помилуйте, стою ли я такой любви от вас?

Татьяна Никоновна. Чего доброго, ты, смотри,

к нему на шею не кинься за такие благодеянья!

Оленька. Да уж и то, маменька, насилу могу совладать с своими чувствами! (*Хохочет*.) Вот как нас любят, маменька!

Татьяна Никоновна. Очень вам, батюшка, благодарны. (*Кланяется*.)

Оленька. Вы всю свою любовь выразили, или еще что-нибудь осталось?

Прохор Гаврилыч. Я могу и на деле доказать.

Оленька. Очень сожалеем, что ваша любовь пришла не ко времени.

Прохор Гаврилыч. Отчего же не ко времени?

Оленька. Немного поздно вы хватились. Я выхожу замуж.

Татьяна Никоновна. Да, батюшка, я ей жениха нашла.

Прохор Гаврилыч. Как замуж? За кого?

Татьяна Никоновна. Уж это, батюшка, наше дело.

Прохор Гаврилыч. Не может быть! Вы, должно быть, нарочно.

Татьяна Никоновна. Хотите верьте, хотите нет, — это дело ваше. Только, батюшка, вот что: вы уж не беспокойте себя, не ходите к нам.

Оленька. Да, уж сделайте такую милость, я вас прошу.

Прохор Гаврилыч. Да когда ж вы это успели?

Татьяна Никоновна. Долго ли, батюшка! Оленька, тебе одеться надо!

Оленька. Да, маменька. Я думаю, скоро жених придет.

Прохор Гаврилыч. Так у вас, значит, кончено?

Татьяна Никоновна. Кончено, батюшка, кончено. Да и в комнате-то нужно прибрать.

Прохор Гаврилыч. Нет, как хотите, а я не пойду отсюда.

Татьяна Никоновна. Так благородные люди не делают. Пришли неизвестно зачем, уселись как дома, и выгнать вас нельзя.

Прохор Гаврилыч. Что хотите требуйте от меня, берите с меня что хотите, только не выходи замуж. Я ни за чем не постою. Ты знаешь, как я привык к тебе; я без тебя с ума сойду.

Оленька. Я бы не пошла ни за кого; но маменька этого хочет.

Татьяна Никоновна. Отчего бы ты не пошла?

Оленька. Вы сами знаете.

Татьяна Никоновна. Знаю, знаю. Против тебя подлости делают, а ты все готова простить, потому что у тебя сердце доброе. Ты плачешь да убиваешься об нем, а он и взгляду-то твоего не стоит. Прощайте, батюшка!

Прохор Гаврилыч. Нет, постойте! Разве она плачет обо мне?

Татьяна Никоновна. Разумеется, плачет. Это она при вас нарочно виду не подает, веселой прикидывается; а без вас, посмотрите-ка, что делает… Да вы нас когда же в покое-то оставите?

Прохор Гаврилыч. Сейчас, сейчас! Так, значит, ты меня любишь? Да это я всегда знал.

Оленька. Конечно, люблю; но маменька, узнавши все это, непременно хочет, чтобы я шла замуж. Я из воли маменькиной не выйду; я и так чувствую себя, что я против нее много виновата.

Татьяна Никоновна. Да, уж я теперь ее ни на шаг не отпущу от себя, пока замуж не выдам.

Оленька. Само собой, что я по своей любви к тебе не могу тебя равнодушно оставить; кажется бы, век не рассталась…

Татьяна Никоновна. На то я и мать, чтобы смотреть за тобой! Да что ж вы нейдете! Будет ли этому конец?

Прохор Гаврилыч. Не пойду я от вас, и свадьбы вашей не бывать; я сам женюсь на ней.

Татьяна Никоновна. А когда это случится? После дождичка в четверг?

Прохор Гаврилыч. Ну, через месяц.

Татьяна Никоновна. Долго ждать, батюшка! В

месяц много воды утечет.

Прохор Гаврилыч. Ну, да уж вы поверьте мне.

Оленька. Поверить-то нельзя.

Прохор Гаврилыч. Отчего же?

Оленька. Оттого, что ты все врешь. Ведь ты нам тут что наговорил; а мы всё знаем. Знаем, как ты вчера к невесте пьяный приезжал, как тебе нынче поутру записку прислали.

Татьяна Никоновна. Вот, значит, вам верить-то и нельзя.

Прохор Гаврилыч. Ну да вот что: с отцом мне нечего много толковать, мне только маменьку уговорить. Значит, я вам через полчаса дам ответ. Коли маменька согласна, так хоть завтра же свадьба.

Татьяна Никоновна. Через полчаса — уж очень скоро; зачем так торопиться? А вот если к вечеру вы нам не дадите ответу, так мы ее вечером образом благословим.

Прохор Гаврилыч. Ну, так до свиданья! Прощай, Оленька! (*Целует ее*.)

Оленька (*провожая его*). Ты только никуда с купцом-то не заезжай!

Прохор Гаврилыч. Нет, я прямо домой. (*Уходит*.)

Татьяна Никоновна. Уж теперь, должно быть,

не сорвется.

Оленька. Да, похоже на то. А ведь я, маменька, буду барыня хоть куда!

Татьяна Никоновна. Еще бы! Только, ох — как пуст малый-то!

Оленька. Все-таки лучше мастерового.

Татьяна Никоновна. Что говорить!

Оленька. А вот я его после свадьбы-то к рукам приберу.

Входит Пульхерия Андревна.

Явление четвертое

Те же и Пульхерия Андревна.

Пульхерия Андревна. Ну что, прогнали?

Татьяна Никоновна. Зачем гнать! Добрых людей не гоняют.

Пульхерия Андревна. Давно ли это он стал для вас добрый человек?

Оленька. Он всегда был добрый человек, только он немножко рассеян.

Пульхерия Андревна. Из ваших слов я замечаю, что вы с ним помирились. Это для меня очень странно! После всего того, что он против вас сделал, я бы на вашем месте его и на глаза к себе не пустила.

Оленька. Уж поверьте, что я бы то же сделала.

Но он показал себя очень с благородной стороны против меня. Даже в нынешнем свете очень немного таких людей.

Пульхерия Андревна. Я уж не пойму этого, извините меня.

Татьяна Никоновна. Что ж тут не понять-то! Очень просто. Он женится на Оленьке.

Пульхерия Андревна. Он! На Оленьке! Вы шутите или смеетесь надо мной?

Татьяна Никоновна. Нисколько не думаем. Да и что же это для вас так удивительно! Что вы тут такого странного находите, хотела бы я знать?

Пульхерия Андревна. Да что же он, помешался, что ли, от пьянства-то?

Татьяна Никоновна. Из чего это вы заключаете, что он помешался?

Пульхерия Андревна. Да изо всего.

Татьяна Никоновна. Нет, однако?

Пульхерия Андревна. Да разве в здравом уме можно такие дела сделать?

Оленька. Хотел же он жениться на другой; отчего ж ему на мне не жениться? Я себя нисколько не считаю хуже других.

Пульхерия Андревна. Все-таки он не должен марать своего звания.

Оленька. Да чем же это марать-то?

Татьяна Никоновна. Да вас-то муж взял, разве вы были лучше Оленьки?

Пульхерия Андревна. Тогда были совсем другие понятия об жизни, чем теперь.

Татьяна Никоновна. Значит, вам не нравится, что Васютин женится на моей дочери?

Пульхерия Андревна. Разумеется, она ему не пара.

Татьяна Никоновна. Ну извините, что не спросясь вас, дело сделали! Вперед будем спрашиваться. Как это мы оплошали, я уж и не знаю! С такой умной дамой да не посоветовались! Да и он-то как осмелился без вашего позволения, для меня удивительно! Ему бы к вам прийти да спросить: что, мол, мне, Пульхерия Андревна, жениться на Оленьке или нет?

Пульхерия Андревна. Вы мне колкостей не говорите! Я от вас их слушать не желаю.

Татьяна Никоновна. А мы-то, вы думаете, желаем вас слушать? Да с чего вы взяли нам свою важность-то показывать! Кому она нужна! Что вы величаетесь-то перед нами!

Оленька. Оставьте, маменька! Пущай говорят что хотят.

Татьяна Никоновна. Нет, погоди! Я тебя в обиду никому не дам. Это уж и на свете жить не

надо, коли у себя в доме да над собой же ругаться позволить.

Пульхерия Андревна (*встает*). Вы, по своему необразованию, можете ругаться; а я никогда себе этого не позволю, потому что считаю за невежество. А я все-таки вам скажу и всегда буду говорить, что ваша дочь никаким образом не пара Васютину.

Татьяна Никоновна. Говорить вам никто не запрещает. Говорите что хотите, только где-нибудь в другом месте, а не у нас.

Пульхерия Андревна. Вам только таких дураков и опутывать, как Васютин.

Оленька. Вы очень умны; да жаль, что некстати.

Татьяна Никоновна. Эк вам чужое-то счастье поперек горла становится! Да еще погодите, мы вам то ли покажем! Вот мы с дочерью-то разоденемся, да будем в коляске на своих лошадях разъезжать. Что-то вы тогда скажете?

Пульхерия Андревна. Вы и сидеть-то в коляске не умеете.

Татьяна Никоновна. К вам учиться не пойдем, не беспокойтесь!

Пульхерия Андревна. Не об чем мне беспокоиться; я очень покойна.

Татьяна Никоновна. А покойны, так и прекрасно. Вы бы и нас-то тоже в покое оставили!

Пульхерия Андревна. И оставлю. Я секунды не могу остаться после таких оскорбительных для меня слов.

Татьяна Никоновна. Да уж и напредки-то…

Пульхерия Андревна. Само собою. (*Подходя к двери.*) Нет, какова нынче благодарность! Ведь это если людям сказать, так не поверят. По чьей милости Васютину-то отказали?

Татьяна Никоновна. Небось по вашей? Да если бы и по вашей, так все-таки вы не для нас делали; да никто вас об этом и не просил, а так, свое сердце тешили. Разве вы можете жить без кляузов?

Пульхерия Андревна. Что же я, аспид, по-вашему? Покорно вас благодарю за такое мнение.

Татьяна Никоновна. Не стоит благодарности. Чего другого, а за этим у меня дело не станет.

Пульхерия Андревна. Нет, уж это нестерпимо даже, как вы себе много воли даете!

Татьяна Никоновна. Да кого ж мне в своем доме бояться! Кто чего стоит, так я и ценю.

Пульхерия Андревна. Я всегда дороже вас была и буду.

Татьяна Никоновна. Для кого это вы дороги-то? Ну, да ваше счастье! Вы туда бы и ходили, где вас

высоко-то ценят! А мы народ неблагодарный, ваших благодеяниев не чувствуем, благородством вашим не нуждаемся, так что вам за охота с нами знакомство водить!

Пульхерия Андревна. Ну, уж теперь кончено! Теперь я вас очень хорошо поняла.

Татьяна Никоновна. И слава богу!

Пульхерия Андревна. Так поняла, что даже считаю ваше знакомство низким для себя!

Татьяна Никоновна. Ну а низко, так и танцуйте от нас!

Пульхерия Андревна. Вот воспитание!

Татьяна Никоновна. Извините! В другой раз придете, так поучтивее прогоним.

Пульхерия Андревна. До чего я себя довела! Где я? Боже мой! Сколько еще в нашей стороне невежества, так это и описать нельзя. И с такими-то понятиями люди, да еще находят женихов из благородного звания! Должно быть, конец света скоро будет. (*В дверях.*) Хотя я себя никак с вами не равняю, но все-таки я вашей обиды не забуду. (*Уходит.*)

Татьяна Никоновна (*подойдя к двери*). Танцуйте, танцуйте! (*Дочери.*) Ну, уж теперь долго не придет. Отчитала я ее, будет помнить!

Оленька. Сами без нее соскучитесь. (*Глядит*

в окно.)

Татьяна Никоновна. Ну, нет, не скоро. Грешная я: точно, поболтать люблю, посудачить, и очень рада, когда мне есть с кем разговоры развести; да уж ехидством-то своим она меня доехала. С ней часто говорить нельзя, много крови портится. Кого ты глядишь?

Оленька. Так, смотрю.

Татьяна Никоновна. Что скрывать-то! Друга милого поджидаешь. А он, гляди, кантует теперь где-нибудь с купцом с этим и думать о тебе забыл.

Оленька. А вот ошиблись. Идет.

Татьяна Никоновна. Ужли идет?

Оленька. Право!

Татьяна Никоновна. Ну, что-то бог даст! У меня, девушка, сердце так и застучало.

Оленька. И у меня тоже, маменька.

Васютин входит. Обе молча глядят на него.

Явление пятое

Те же и Прохор Гаврилыч.

Прохор Гаврилыч. Что вы на меня так смотрите?

Татьяна Никоновна. Ждем, что скажешь. Разве не видишь, у нас дух захватило?

Прохор Гаврилыч. Что говорить-то! Теперь уж ваш, хоть в телегу запрягайте!

Оленька бросается к нему на шею.

Татьяна Никоновна. Поцелуй уж и меня, старуху. (*Целует его*.) Ну, вот и ладно! Нынче же мы вас и благословим; а через недельку и свадьбу сыграем.

Прохор Гаврилыч. Как хотите. Чем скорей, тем для меня лучше. Обвенчался, да и к стороне, чтоб меньше разговору было.

Татьяна Никоновна. Уж само собой. Ну что, как дома-то уладил?

Прохор Гаврилыч. Насилу маменьку уговорил. Уж чего-чего я не прибирал! Да после вчерашнего-то голова болит, так мыслей никак не соберу; а то бы я ей не то наговорил. «Вы, говорю, хотите, маменька, чтобы я в тоску впал. Знаете, говорю, что от тоски человек делает, к чему его тянет?» Ну, испугалась; согласилась, только чтобы врозь жить.

Оленька. Да это еще лучше.

Прохор Гаврилыч. Да и для меня свободнее. Ну, потом рассмешил ее, ручки у ней расцеловал. Благословила она меня, я к вам и пошел.

Татьяна Никоновна. Ах, голубчик мой! Ну, уж я за тобой теперь стану ухаживать, что твоя

родная мать.

Оленька. Надо б тебя поругать, надо бы; ну, да уж бог с тобой!

Прохор Гаврилыч. А за что это?

Оленька. А за то, что ты мне изменить хотел. Ведь что ты выдумал-то! На образованной барышне жениться! Во-первых, ты всю мою душу истерзал, а во-вторых, глупость-то какая с твоей стороны! Маменька, уж как мне обидно было, что он меня обманывает, как досадно, что он дурака из себя разыгрывает. Нет, погоди, я тебе еще это вымещу. Ведь куда и лезет-то! Ну, пара ли она тебе?

Прохор Гаврилыч. Что ж такое! Я сам…

Оленька. Что ты сам? Ничего. Ей нужно жениха барина; а какой ты барин? С которой стороны? Только денег-то награбили, да уж и думаете об себе, что вам все покоряться должны.

Прохор Гаврилыч. Коли ты так обо мне думаешь, какая же может быть у тебя любовь ко мне! Да и мне что ж за охота…

Оленька. Погоди, не перебивай! Дай ты мне высказать-то все: сердце свое облегчить, чтобы зла не оставалось, а потом уж всё целоваться будем.

Прохор Гаврилыч. Ну, болтай, пожалуй, коли язык чешется!

Оленька. Ну, положим, что ты женился б на ней; что ж бы вышло из этого хорошего? Если у ней вольный дух, так она смеялась бы над тобой да любовника завела; а если смирная, так иссохла бы, глядя на тебя. А ведь уж я-то тебя знаю; жизнью своей безобразной ты меня не удивишь! Я тебя и остановить умею, и гостей твоих знаю, как принимать, да еще и вкусу тебя научу, как одеваться и как вести себя благородней. А ты было меня совсем бросить хотел! Ну какой же ты человек после этого! (*Плачет*.)

Прохор Гаврилыч. Прости! Ведь по нашей жизни замотаешься; а тут еще маменька пристает.

Оленька. Ну, бог с тобой! Расстроила только я себя. Давай помиримся.

Целуются.

Татьяна Никоновна. Вот так-то лучше! Дай вам бог совет да любовь!

Прохор Гаврилыч. Что это Вавила Осипыч нейдет?

Вавила Осипыч входит с кульком вина.

Явление шестое

Те же и Вавила Осипыч.

Купец. А вот и я здесь! Хозяюшке наше почтение! Барышня, желаю здравствовать. (*Кланя-*

ется.)

Прохор Гаврилыч. Что ты замешкался?

Купец. А я забежал, кулечек винца захватил. Хозяюшка, нет ли какой посудины? Коли бокальчиков нет, так из чайной чашки можно; нам случалось не раз, мы народ бывалый.

Татьяна Никоновна. Как бокальчиков не быть! (*Уходит за перегородку*.)

Купец. А уж штопор, барышня, я завсегда с собой ношу. У меня складной, с ножичком, да теперь его и не требуется. Только ножичек нужно. Я, барин, велел и смолку сбить и проволоку отвернуть; только веревочки подрезать — и конец. (*Вынимает из кармана штопор*.)

Татьяна Никоновна (*приносит стаканы на подносе*). Вот, батюшка, стаканчики!

Купец. Стаканчиком-то оно еще способнее! (*Откупоривает, наливает и подносит Татьяне Никоновне*.) Честь имеет поздравить! Пожалуйте, хозяюшка!

Татьяна Никоновна. Ох, много!

Купец. Пожалуйте, без церемонии-с!

Татьяна Никоновна (*берет стакан*). Ну, дай вам бог всякой радости. (*Целуется с Васютиным и дочерью, отпивает немного*.)

Купец (*не принимая стакана*). Просим обо

всей-с!

Татьяна Никоновна. Тяжело, батюшка!

Купец. Ничего-с. Не хмельное, пройдет.

Татьяна Никоновна допивает и отдает стакан. Он наливает и подносит Оленьке.

Пожалуйте-с.

Оленька. Я не пью.

Купец. Нельзя-с!

Оленька. Право, не могу.

Купец. Никак невозможно-с.

Татьяна Никоновна. Выпей немножко!

Оленька целуется с Васютиным и отпивает немного.

Купец. Этого нельзя-с. Зла не оставляйте-с!

Оленька. Я вас уверяю, что не могу.

Купец. Пожалуйте! Не задерживайте-с!

Прохор Гаврилыч. Выпей, поневольсь!

Оленька допивает.

Купец (*наливает и подносит Васютину*). Пожалуйте-с.

Прохор Гаврилыч. Маменька, за ваше здоровье! Оленька, за твое здоровье! (*Целуется и пьет.*)

Купец (*наливает*). Вот теперь я сам выпью-с! Честь имеем, на многие лета! Чтобы вам богатеть, а нам на вас радоваться, да завсегда компанию

водить! (*Пьет и целуется со всеми.*) Оченно приятно-с! Уж мы теперь, хозяюшка, к вам каждый вечер.

Татьяна Никоновна. Милости просим, батюшка!

Прохор Гаврилыч. Мы, маменька, теперь уж ваши гости.

Купец. Мы здесь гнездышко совьем! Только вы, хозяюшка, насчет провианту не беспокойтесь на будущее время, — это уж моя забота. Я к вам завтрашнего числа зараз побольше привезу, чтоб надолго хватило. (*Откупоривает еще бутылку и наливает.*)

Прохор Гаврилыч. Опять тем же порядком!

Купец. Как водится. Сначала дамам.

Татьяна Никоновна. Батюшка, увольте!

Купец. Уж это, Прохор Гаврилыч, так чин чином по порядку у нас линия и пойдет. (*Подносит Татьяне Никоновне.*)

Татьяна Никоновна. Да ты дай хоть вздохнуть-то немножко!

Купец. Не задерживайте-с!

Свои собаки грызутся, чужая не приставай![*]

Картины московской жизни

Картина первая

ЛИЦА:

Павла Петровна Бальзаминова, вдова.

Михайло Дмитрич Бальзаминов, сын ее.

Акулина Гавриловна Красавина, сваха.

Матрена, кухарка.

Павлин Иваныч Устрашимов, сослуживец Бальзаминова. Брюнет, большого роста, лицом мрачен и рябоват.

Бедная комната у Бальзаминовых.

Явление первое

Бальзаминова (*одна, сидит с чулком в руках*). У Миши, должно быть, опять какие-нибудь планы в голове. Прибежит из присутствия, пообедает наскоро, да и был таков, и пропал на целый день. Где-то он, бедный, бродит? Должно быть, далеко-далеко куда-нибудь ходит! Придет всегда такой измученный, усталый, и лица-то на нем нет, и не ест ничего, только все вздыхает. Надо полагать, он в Рогожскую бегает; а пожалуй что и в Лефортово! Все разбогатеть-то ему, бедному,

хочется. Ну, да это ничего, пускай бегает; это еще здорово, говорят. Теперь время летнее, дел у него никаких нет особенных; все-таки лучше: пусть на воздухе бегает, чем в комнате-то сидеть; да еще и польза может произойти. Только я все что-то боюсь за него; все как-то мне не верится, чтобы он уж очень богатую-то невесту себе нашел. А уж сколько у него к этому делу старания! Даже удивительно это видеть. По его-то старанию ему бы уж давно надо миллионщицу приспособить. Должно быть, счастья нет! Без счастья, сколько уж ни старайся, ничего не выходишь. Говорят, и грибы искать — счастье нужно; а уж невест-то и подавно. Вот был же случай у Ничкиных; а из-за чего разошлись? Так, из пустяков. Нужно же было этому облому приехать! И как на грех его принесло в такое время! Кабы не он, жили бы мы теперь, как сыр в масле катались. Есть же такие злые люди на свете! Ну, что ему нужно было? Себе он пользы никакой не сделал, только Мишу моего обидел.

Матрена входит с письмом.

Явление второе

Бальзаминова и Матрена.

Матрена. Письмо вот принесли. (*Подает.*)

Бальзаминова. Кто принес?

Матрена. Должно, что почтальон, одет так, по-военному. Говорит: городская почта.

Бальзаминова. От кого бы это? Я уж и не знаю.

Матрена. И я не знаю. Да вот что: вы мне дайте письмо-то.

Бальзаминова. Зачем тебе?

Матрена. Я догоню солдата-то да назад ему отдам.

Бальзаминова. Что ты! как можно назад, когда оно к Мише писано.

Матрена. Должно быть, солдат-то по ошибке занес; часто бывает, что в другой дом заносят.

Бальзаминова. Да я тебе говорю, что к нам. Вот и на адресе написано.

Матрена. Нет, право, лучше назад отдадим от греха. Кто к нам письма писать станет? Кому нужно! Ведь письма-то пишут, коли дела какие есть али знакомство; а у нас что!

Бальзаминова. Какая ты глупая! Ну, слушай: «Его благородию…»

Матрена. Ишь ты, «благородию»!

Бальзаминова. «Михаилу Дмитриевичу Бальзаминову».

Матрена. Ну, да хоть и написано, а все лучше назад отдать; а то еще, пожалуй, солдата-то в

ответ введешь перед начальством. Давайте! Что, право!

Бальзаминова (*кладет письмо в стол*). С тобой ведь не сговоришь. Ты смотри, не вошел бы кто в кухню-то!

Матрена. Украсть-то там нечего, хошь и войдет кто. (*Уходит и возвращается.*) Там идет кто-то по двору-то.

Бальзаминова. Кто ж такой?

Матрена. Кто его знает! Черный, долговязый такой. Гляди, приказный; а то кому ж! Словно как он бывал тут.

Бальзаминова. Устрашимов, должно быть.

Матрена уходит. Входит Устрашимов.

Явление третье

Бальзаминова и Устрашимов.

Устрашимов (*кланяется*). Михайло дома?

Бальзаминова. Нет. Ушел куда-то.

Устрашимов (*подходит к окну и молча, мрачно смотрит на улицу*). Да это верно?

Бальзаминова. Ах, батюшка, что мне тебя обманывать-то!

Устрашимов (*продолжает глядеть в окно*). Бывает, иногда (*многозначительно*) прячутся. Ну, да ведь это не поможет. Нет, шалишь!

Бальзаминова. Вы такие странные слова говорите, что и понять вас нет никакой возможности.

Устрашимов. Нет, Миша, это, брат, дудки! Атанде-с!

Бальзаминова. Вы мне объясните, в чем ваше дело и что вам угодно: так я сыну и передам.

Устрашимов (*со вздохом, продолжая глядеть в окно*). Тут, брат, два года хожено. Это не другое что-нибудь. Этого уступить нельзя. Ты моим несчастьем вздумал воспользоваться! Ты рыть яму ближнему! Погоди еще, может быть, сам туда попадешь! Боже мой, боже мой! Как это случилось? Как это могло случиться!

Бальзаминова. Если вы Мишу ждете, так напрасно беспокоите себя: он обыкновенно к ночи приходит.

Устрашимов (*оборачивается*). Нет ли у вас воды? Разве вы не видите: я ужасно расстроен.

Бальзаминова. Ах, батюшка, какое же мне дело, что ты расстроен!

Устрашимов (*садится*). Прикажите мне дать воды! Ну, я вас прошу, наконец.

Бальзаминова. Что ты, угорел, что ли? Матрена, подай стакан воды!

Устрашимов. Да-с, бывают случаи! жизнь не

мила, вот оно как-с. Вы этого не понимаете.

Бальзаминова. Где понимать!

Устрашимов. А отчего? Отчего, я вас спрашиваю?

Бальзаминова. Да что ты пристал?

Устрашимов. Все от своей гордости да от женского каприза. Вот отчего-с.

Матрена входит со стаканом воды на тарелке.

Матрена. Кому воды-то?

Устрашимов. Мне. *(Берет и в рассеянности, за-думчиво смотрит на Матрену.)*

Матрена. Что ты глаза-то выпучил?

Устрашимов *(рассеянно)*. Выпучишь. *(Пьет и отдает стакан Матрене.)*

Матрена уходит. Устрашимов подходит к Бальзаминовой.

Да-с! Так вы скажите ему, что я был здесь, что я очень расстроен; он поймет. Или нет!.. (*Подумав.*) Вы скажите ему (*грозно и с расстановкой*), что если он осмелится туда хоть нос показать, так я... Постойте! Скажите ему, что я ста тысяч не возьму, умру там у ворот... Уж он знает где. Нам двоим жить на свете нельзя. Понимаете вы, нельзя. Либо он, либо я!..

Бальзаминова (*отворачиваясь*). Надоел, го-

лубчик!

Устрашимов. Да что тут надоел! Вы войдите в мое-то положение.

Бальзаминова. Очень мне нужно!

Устрашимов. Или вот что! Я и забыл. Отдайте ему это письмо. (*Достает письмо и подает.*) Я его написал на случай, если не застану. Он поймет: знает кошка, чье мясо съела. Ну, да еще он увидит! Он будет меня знать! Я смирный человек; но если дело коснется женщины либо интересу, тогда уж я неумолим. Прощайте! (*Уходит.*)

Бальзаминова. Что он тут мне наплел? Должно быть, за одной ухаживают. Да, так точно! По его словам-то, так и надо полагать. Ишь ты, еще пугать выдумал! Так его и побоялись! Так ему Миша и уступит! Как же! Тебе ходить мимо окон не мешают, и ты другим не мешай! Кому бог пошлет, того и счастье. Чтой-то на нем больно много этих разных штук нацеплено — и колец, и всего! Должно быть, сам-то интересан, так вот ему и завидно, чтобы другим не доставалось. И письмо-то надо бы за окно выбросить. Как бы только Миша не рассердился. (*Прячет в стол.*) Я так Мише и скажу: «Нечего тебе на них смотреть; много их тут найдется; а ты свое дело делай. Волка бояться, в лес не ходить! Дома-то сидя, ничего не

высидишь! Не пойдут невесты тебя отыскивать; сам должен ходить да искать хорошенько». А то, ишь ты, нагородил тут с три короба, да и думает, что его побоятся. Нет, брат, тут дело серьезное, денежное! Стражаться так стражаться, чья возьмет. Никак, Миша идет?

Бальзаминов входит.

Явление четвертое

Бальзаминова и Бальзаминов (входит и садится в раздумье).

Бальзаминова. Что это ты скоро воротился, али забыл что?

Бальзаминов (*садится*). Так, раздумал, маменька. У меня такая примета есть. И уж эта примета самая верная. Если ты идешь и задумал что-нибудь, и вдруг тебе встреча нехорошая: лучше воротись, а то ничего не будет. Если так идешь, без мысли, так еще можно продолжать дорогу; а коли есть мысль — воротись.

Бальзаминова. Какой ты, Миша! Молодой еще ты, можно сказать мальчик, а приметы разбираешь, точно старуха какая.

Бальзаминов. Конечно, маменька, если рассуждать правильно, так все эти приметы — бабья болтовня, вздор; только все-таки в нашем деле

нельзя приметам не верить, потому что, маменька, в нашем деле все от счастья, решительно все.

Бальзаминова. Да в каком же это в вашем деле?

Бальзаминов. Да как же, маменька! У другого дело верное, так что ему до примет! Он так наверное и идет, куда ему нужно. А у нас все от случая, все от счастья. Мы никуда наверное не ходим. Иду по улице — вдруг понравился, ну, и богат, и счастлив; не понравился — ну, всю жизнь бедствуй. А ведь это, маменька, с одной стороны, даже заманчиво. Я, бедный молодой человек, решительно голь, ну голь, как есть во всей форме, хожу себе, гуляю где-нибудь и вдруг… Вы только представьте это себе, маменька, вдруг вижу я под окном даму или девицу. Раз прохожу, два — бросаю нежный взгляд; она мне отвечает тем же. Я знакомлюсь через кого-нибудь, и вдруг, представьте, дом этот, в котором я ее видел, — мой; и сижу я поутру за чашкой кофею в бархатном халате… (*Быстро встает.*) Вот это — жизнь! Боже мой милостивый! И может быть, маменька, мне это счастье суждено; может, оно ждет меня где-нибудь; я только не знаю, где оно: там, или там, или там. Я только не знаю, куда идти, где его искать-то… и вдруг судьба…

Бальзаминова. Мечты ведь это все, мой друг, так все одно — облако.

Бальзаминов. Ах, маменька, зачем вы меня перервали! Вы не знаете, какое это удовольствие — мечтать. Иногда так занесешься, занесешься, даже вскрикнешь: «Эй, четверню закладывать в карету!»

Бальзаминова. Оно, пожалуй, и сладко мечтать-то; да только ничего этого быть не может.

Бальзаминов. Ну, нет, маменька, вы не говорите этого! Как же можно так говорить! Да вот вы увидите, что в нынешнем месяце что-нибудь да уж будет хорошее.

Бальзаминова. Откуда это? Из каких земель?

Бальзаминов. Уж я не знаю откуда, а будет. Вы видели, как я вчера был весел?

Бальзаминова. Ну, так что же?

Бальзаминов. А знаете ли, отчего? Разве уж сказать? Я, маменька, молодой месяц видел с правой стороны.

Бальзаминова. Только-то?

Бальзаминов. Позвольте, позвольте! Вы разве не верите в эту примету?

Бальзаминова. Да как же верить-то! Я сколько раз на своем веку видала месяц-то с правой стороны, а вот ничего не случилось особенного.

Бальзаминов. А вот увидим! Нет уж, я так уверен, что хоть на пари готов. Давайте, маменька, поспорим о чем-нибудь. Если случится что, так вы проиграли; а если не случится, так я.

Бальзаминова. Эх, какой ты глупый! что тут спорить-то! Я уж знаю, что ничего не будет.

Бальзаминов. Подождите, подождите, увидим. А уж если это не сбудется, я не знаю, чему тогда и верить после этого!

Бальзаминова. Ну, да вот заметим давай, с которого числа по которое.

Бальзаминов. Надо считать, маменька, от нового месяца и опять до нового. В это-то время, маменька, и нужно ждать чего-нибудь. У меня просто сердце не на месте; так вот и жду, так вот и жду каждую минуту…

Красавина входит, Бальзаминов ее не замечает.

вдруг случится что-нибудь…

Явление пятое

Те же и Красавина.

Красавина. Да и случится.

Бальзаминов (*остолбеневши, смотрит на Красавину*). Ах!

Красавина (*целуясь с Бальзаминовой*). Здрав-

ствуйте, матушка Павла Петровна!

Бальзаминова. Здравствуйте! Садитесь! Что, опять с вестями?

Красавина. Я, что птица вещая, даром не покажусь!

Бальзаминова. Не опять ли по-прежнему?

Красавина. Уж, видно, не судьба; а я не причинна. Сами видели, я свой оборот сделала; а я за всех не ответчица, коли они всякому в своем доме волю дают. (*Бальзаминову*.) Ну что, получил? — Бальзаминов. Что получил?

Бальзаминова. Я и забыла; ведь тебе письмо принесли. (*Достает письмо*.)

Красавина. Про него-то я и спрашиваю.

Бальзаминов. Как это вы, маменька! Вы, должно быть, мне совсем счастья не желаете! Как можно забывать такие вещи! Ведь тут, может быть, вся судьба моя. (*Берет письмо*.)

Красавина. Тут она и есть.

Бальзаминов. Ну, вот видите! Эх, маменька! Батюшки, не распечатаю никак, руки так и ходят, так и ходят. (*С сердцем*.) Ну, затряслись! затряслись! Экий характер! экий подлый характер! Сам не рад, ей-богу не рад.

Красавина. Да и есть от чего. Как тут рукам не затрястись! Еще то ли бывает.

Бальзаминов. Да постой ты! Я в себя не приду, а ты еще подбавляешь.

Красавина. Да ну тебя! уж и сказать ничего нельзя!

Бальзаминова. Тут тебе еще есть письмо; ну да это не важное.

Бальзаминов. Маменька, маменька! что вы со мной делаете! Боже мой милостивый! До того ли мне?

Бальзаминова. Ну, я его тут на столе положу; после прочитаешь на досуге, это от Устрашимова; он заходил без тебя.

Бальзаминов (*распечатывает*). Ух! насилу распечатал.

Бальзаминова. Да от кого это? скажите вы мне.

Красавина. А вот, изволите видеть: ходит-бродит он, добрый молодец, по таким палестинам, что другому и на ум не взойдет. Доходился он до край-Москвы, видит он: стоит нов-высок терем; а во этом терему, во купеческом дому, такая пава, что только «ах», да и все тут. Не скажу чтобы красавица, а пышна уж очень. Так пышна, что нынче мало можно найти таких женщин, вот как! Уж именно что на ловца и зверь бежит. Вот он ходил-ходил мимо окон-то, да не будь дурень,

амурное письмо и напиши. Да таково складно: я видела письмо-то. Пишет это так учтиво, безо всякого охальства. Другой ведь напишет, просто страм; а это хоть барышне дай, так ничего. От этого письма она и приди в чувство; уж оченно ей понравилось, что учтиво пишет-то, что охальства-то никакого нет. А он еще в конце-то стих прибавил: «Взвейся, вихорь-ветерочек, отнеси ты сей листочек в объятия тому, кто мил сердцу моему». А на пакете-то написал: «Лети туда, где примут без труда». Стихом-то уж он ее больше и убедил.

Бальзаминов (*все время слушал*). Неужели стихом?

Красавина. Стихом. Она в стихи очень верует, потому, говорит, коли что стихами написано, уж это верно: значит, от души человек писал, без всякой фальши. А я и случись тут, как он письмо-то в окошко бросил.

Бальзаминова. В окошко бросил?

Красавина. В окошко. Вижу ее в таких чувствах от его учтивости-то: напишите, говорю, ему на ответ, и адрес твой сказала. Она и написала.

Бальзаминова. Кто же такая?

Красавина. Вдова, Антрыгина. При больших деньгах, а одна как есть. Ну, теперь читай, что

тебе на ответ написано.

Бальзаминов (*читает*). «Вы пишете, что, может, ваше письмо будет неприятно, но ежели бы оно было неприятно, вам бы, напротив того, ничего не отвечали. Поймите из этого! Завсегда видно но поступкам, кто чего стоит; по этому самому ваше знакомство для нас будет очень приятно; то и можете меня видеть в известном вам доме, когда вам угодно. Заочно посылаю вам воздушный поцелуй...» (*Перестает читать*) Маменька! Что же это такое, я вас спрашиваю? Умереть! Больше ничего не остается. Да я когда-нибудь и умру от этого. (*Садится в задумчивости.*)

Красавина. Такая женщина, я вам скажу, одно слово — король! И характеру самого слободного.

Бальзаминова. Как же это так, матушка, слободного-то?

Красавина. Так, слободного, да и все тут. Ходит это по комнатам, размахивает руками. «Никого, говорит, я не боюсь, что хочу, то и творю; нет, говорит, надо мной старших!» Да и точно, кого ей бояться? ни мужа у нее, ни отца; одна как есть. Да и сторона же у них такая глухая.

Бальзаминов. Что мне теперь делать? Научи ты меня, сделай милость!

Красавина. Да что тебя учить-то! Приходи ужо

вечером, вот и все тут; а там уж по делу видно будет, какой оборот вести. Известное дело, зевать нечего! Куй железо, пока горячо!

Бальзаминов. Так прямо и приходить?

Красавина. Так прямо и приходи.

Бальзаминов. А что говорить?

Красавина. Что в голову придет, то и говори. Если и соврешь что, так не важность; на первый раз не взыщут.

Бальзаминов. Ах, боже мой! Боже мой! Совсем точно потерянный. Понимаю ведь я сам, что теперь нужно делать-то, и другого, пожалуй, научу; да как же мне быть с моим характером-то? Теперь бы поскорей да поумней, так и можно бы дело обделать; а у меня вон руки и ноги трясутся. Вот ты и толкуй тут что хочешь. Такая робость нападает, точно тебя казнить ведут.

Красавина. Кого это робеть-то? бабы-то? А ты напусти на себя еройский дух, вот и все.

Бальзаминов. Хорошо тебе говорить-то: «Геройский дух». А где его взять-то?

Красавина. Ну, а негде взять, так плохо дело! А я думала, что ты ходСк на эти дела. А еще чиновник называешься, при форме ходишь! Да будь я мужчиной, так я, кажись бы, всех заполонила. (*Встает.*) Ну, я свое дело сделала, сказала тебе; а

там уж ты как хочешь.

Бальзаминова. Куда же вы? Посидели бы, чайку бы напились!

Красавина. А вот мне тут, по соседству, нужно бобы развести; к чаю-то я еще к вам поспею.

Бальзаминова. Ну, так я велю самовар поставить да вас поджидать буду.

Красавина (*Бальзаминову*). Ну, теперь ты видел мою службу?

Бальзаминов. Видел.

Красавина. Ты человек казенный?

Бальзаминов. Как казенный?

Красавина. Ну, да так же, казенный! Ведь ты при должности?

Бальзаминов. При должности.

Красавина. Праву знаешь?

Бальзаминов. Какую праву?

Красавина. Такую же праву, документы там ваши и законы всякие.

Бальзаминов. Знаю.

Красавина. Служит кто задаром али нет?

Бальзаминов. Кому же охота задаром служить!

Красавина. Ну вот видишь ли! Значит, и мне тоже по Москве-то даром трепаться нужда не велика.

Бальзаминова. Да уж вы, матушка, об этом не беспокойтесь.

Красавина. Как же не беспокоиться? Кому охота свои труды терять! Ведь этак, пожалуй, добрые люди дурой назовут.

Бальзаминов. Ты мне только скажи, что тебе нужно; а уж я ни за чем не постою.

Красавина. А мы вот что сделаем! Ты завтра в суд пойдешь, так принеси лист гербовой бумаги; мы с тобой для верности условие и напишем.

Бальзаминов. Уж ты будь покойна, уж я все... Маменька, что такое деньги? Прах! Нет их — так они дороги; а теперь для меня что они значат? Ровно ничего.

Бальзаминова. Ну и мотать-то тоже ничего нет хорошего!

Бальзаминов. Я, маменька, мотать не стану; а пожить — поживу, с шиком поживу.

Красавина. Еще б не пожить! Будет уж, победствовал! Видел нужду-то, в чем она ходит; теперь можно себе и отвагу дать. Однако прощайте! (*Кланяется*.) Хорошо вам тут разговаривать, вам делать-то больше нечего; а у меня еще дела-то по уши.

Бальзаминова. Так я вас жду.

Красавина. Уж теперь ваша гостья. Прощай

сокол — вороньи крылья! (*Уходит.*)

Явление шестое

Бальзаминов и Бальзаминова.

Бальзаминов. Ну, маменька, что вы на это скажете? месяц-то, месяц-то!

Бальзаминова. Что сказать-то тебе? По-моему, еще очень-то радоваться нечему! Еще верного ничего нет.

Бальзаминов. А все-таки, маменька, видно, что она в меня влюблена. И дом, маменька, у нее каменный. Ах, блаженство!

Бальзаминова. Уж и влюблена! Понравился ты ей так, с виду, вот и все. А ты того не забудь, что ты еще с ней ни одного слова не говорил. Что-то она тогда скажет, как поговорит-то с тобой! Умных ты слов не знаешь…

Бальзаминов. Это, маменька, нужды нет. В нашем деле все от счастья; тут умом ничего не возьмешь. Другой и с умом, да лет пять даром проходит; я вот и неумен, да женюсь на богатой.

Бальзаминова. Вот что, Миша, есть такие французские слова, очень похожие на русские: я их много знаю, ты бы хоть их заучил когда, на досуге. Послушаешь иногда на именинах или где на свадьбе, как молодые кавалеры с барышнями

разговаривают — просто прелесть слушать.

Бальзаминов. Какие же это слова, маменька? Ведь как знать, может быть, они мне и на пользу пойдут.

Бальзаминова. Разумеется, на пользу. Вот слушай! Ты все говоришь: «Я гулять пойду!» Это, Миша, нехорошо. Лучше скажи: «Я хочу проминаж сделать!»

Бальзаминов. Да-с, маменька, это лучше. Это вы правду говорите! Проминаж лучше.

Бальзаминова. Про кого дурно говорят, это — мараль.

Бальзаминов. Это я знаю-с.

Бальзаминова. Коль человек или вещь какая-нибудь не стоит внимания, ничтожная какая-нибудь, — как про нее сказать? Дрянь? Это как-то неловко. Лучше сказать по-французски: «Гольтепа!»

Бальзаминов. Гольтепа. Да, это хорошо.

Бальзаминова. А вот если кто заважничает, очень возмечтает о себе, и вдруг ему форс-то собьют, — это «асаже» называется.

Бальзаминов. Я этого, маменька, не знал, а это слово хорошее. Асаже, асаже…

Бальзаминова. Дай только припомнить, а то я много знаю.

Бальзаминов. Припоминайте, маменька, припоминайте! После мне скажете. Теперь сбегать в цирюльню завиться, да и бежать. Вот, маменька, полечу-то я, кажется, и ног-то под собою не буду слышать от радости. Ведь вы только представьте: собой не дурна, дом каменный, лошади, деньги, одна, ни. родных, никого. Вот где счастье-то! Я с ума сойду. Кто я буду? Меня тогда и рукой не достанешь. Мы себя покажем.

Бальзаминова. На-ка, вот еще письмо к тебе. (*Отдает письмо Устрашимова.*)

Бальзаминов (*берет письмо и распечатывает*). Мы себя покажем, маменька! Мы себя покажем. (*Читает.*) Боже мой! (*С отчаянием садится на стул.*) Все кончено, все!

Бальзаминова. Что там еще за беда случилась?

Бальзаминов. Все, все кончено! Нечего теперь и думать и мечтать… Как обухом так и ошарашил.

Бальзаминова. Наладил одно! Да ты скажи мне, что такое?

Бальзаминов. Нечего и завиваться идти. И не пойду. Вот тебе и дом. Точно как я все это во сне видел.

Бальзаминова. Эх, глуп ты, Миша!

Бальзаминов. Да, глуп! Хорошо вам разгова-

ривать-то! Поглупеешь, как вот эдакие письма получать будешь. Я вот сижу, маменька, а ведь я убитый…

Бальзаминова. Да читай! Что за страсти такие!

Бальзаминов. Эко наказанье! Ну что я ему сделал? Слушайте, маменька! (*Хочет читать и останавливается.*) Разбойник! Право, разбойник! (*Читает.*) «Михайло! я давно слышал, что ты ходишь мимо известного тебе дома; но не верил…» И рожа-то у него, маменька, разбойницкая! (*Читает.*) «но не верил; я думал, что ты, зная меня, не посмеешь этого сделать. Теперь я сам тебя видел и знаю, что ты кинул в окно записку. Такой подлости я от тебя не ожидал!» В чем же тут подлость, позвольте вас спросить? А он сам разве этого не делает! Откуда ж у него перстни да цепочки-то?

Бальзаминова. Да ты читай!

Бальзаминов. Сейчас, маменька! (*Читает.*) «Я уж два года знаком с этой дамой…» Кто ж его знал! Разве я знал это?

Бальзаминова. Ну, а если б знал?

Бальзаминов. Разумеется бы, не пошел.

Бальзаминова. А отчего бы это не пойти? Что, он тебе начальник, что ли? Ведь она еще не же-

на ему! Кому удастся, того и счастье. Ну, читай дальше! А то: «не пошел бы»! То-то вот ты тетеря у меня: вот что мне и горько!

Бальзаминов. Это я, маменька, так сказал. Может быть, я и пошел бы.

Бальзаминова. Ну, что там дальше?

Бальзаминов (*читает*). «Теперь у нас вышла ссора из капризу…»

Бальзаминова. Вышла ссора. Ну вот и прекрасно! Ты и должен этим пользоваться.

Бальзаминов. Да, как же, прекрасно! Вы послушайте, что он дальше-то пишет. (*Читает.*) «Но я надеюсь помириться с ней; следовательно, ты мне мешать не должен. Если бы она была поумней, я бы тебя не боялся; а то она по глупости готова всякому дураку кинуться на шею…»

Бальзаминова. И чудесно, и чудесно!

Бальзаминов. Ах, маменька, да уж вы не перебивайте! (*Читает.*) «По этому самому ты и не смей ходить в ту сторону». Вот он что! (*Читает.*) «Если тебе жизнь еще не надоела, чтобы и нога твоя там не была!» Как это вам покажется?

Бальзаминова. Небось страшно?

Бальзаминов. А то не страшно? Ведь я, чай, один у вас сын-то! Ну, а вот дальше-то. (*Читает.*) «А то я тебя изувечу или совсем убью. Так ты и

знай! Вот тебе и вся недолга».

Бальзаминова. Что такое? Я недослышала.

Бальзаминов (*робко*). «Вот тебе и вся недолга!»

Бальзаминова. Скажите пожалуйста! Так вот вас и испугались! Ну, что ж ты молчишь?

Бальзаминов. Что ж мне говорить-то? Точно меня чем ошибло, ничего не помню, из головы все вылетело, словно как пустая теперь.

Бальзаминова. Что ж, ты пойдешь или нет?

Бальзаминов. Как идти-то, маменька? Разве мне жизнь-то не мила, что ли? Как ни бедствуешь, а все пожить-то хочется.

Бальзаминова. А дом-то каменный, а лошади, а деньги!

Бальзаминов. Ах, не терзайте вы меня! (*Хватает себя за голову*.) Что мне делать? Батюшки, что мне делать?

Бальзаминова. Так ты в самом деле боишься, что он убьет тебя?

Бальзаминов. Убьет, маменька, убьет! Уж я его знаю. (*Стоит задумавшись*.)

Бальзаминова. А я так думаю, что не убьет. Глупый ты человек, ведь за это в Сибирь ссылают. Кому охота! Побить, может быть, побьет — это я не спорю, коли он сильнее тебя.

Бальзаминов (*в задумчивости*). Сильней.

Бальзаминова. Зато, коли ты понравишься, какой ты ему нос-то натянешь!

Бальзаминов (*все в задумчивости*). Асаже?

Бальзаминова. Да, асаже славное сделаешь.

Бальзаминов (*несколько времени стоит молча*). Ну, была не была! Прощайте! Побегу завиваться.

Бальзаминова. Ступай. Волка бояться, в лес не ходить!

Бальзаминов. Именно! Ну, Устрашимов, посмотрим, чья возьмет! (*Уходит.*)

Картина вторая

ЛИЦА:

Анфиса Даниловна Антрыгина, вдова, 30-ти лет.

Анна Прокловна Пионова, ее знакомая, 25-ти лет.

Маша, горничная Антрыгиной.

Бальзаминов.

Устрашимов.

Красавина.

Богатая гостиная в доме Антрыгиной.

Явление первое

Маша (*одна; смотрит в окно и кланяется*). Павлин Иваныч, здравствуйте! Что? Говорите громче, здесь никого нет.

Голос Устрашимова: «Сделай милость, Маша, узнай, за что на меня твоя барыня сердится?»

Да как узнаешь-то? они не сказывают.

Устрашимов: «Рубль серебром, Маша».

Обманете!

Устрашимов: «Ну, вот еще!»

Побожитесь!

Устрашимов: «Да что божиться; я тебе вперед отдам».

Ну, хорошо! Уж постараюсь как-нибудь.

Устрашимов: «Так ты вот что: ты как узнаешь, так прибеги в лавочку к заставе. Я буду там дожидаться».

Хорошо, хорошо! (*Кланяется.*) Прощайте! Отчего сердится? Известно отчего, от ревности. Надо только узнать, к кому она его ревнует. А он-то, бедный, мучится, думает, что она его разлюбит. Не разлюбит, не бойся! Она хоть и прикидывается, будто ей ничего, и какого-то белобрысого чиновника теперь приманивает; а все это только один отвод, помучить хочется. Кабы в самом-то деле захотела бросить Павлина Иваныча, так бы с утра до ночи на трефового короля не гадала. Нет уж, видно, как полюбишь вашего брата, так не скоро развяжешься. Эка эта любовь! И зачем только она сотворена. Уж про нашу сестру нечего говорить — слабое творение; а и мужчины — и те от нее муку видят. А все-таки без любви никто не жилет! И стыда от нее много бывает; случается, что и горя натерпишься, а без нее все-таки скучно. Вот тут у меня как-то перемежка вышла, так не знала, куда деться от тоски. Хожу как не своя,

точно как потеряла что. А как есть предмет, так то ли дело!..

Входит Антрыгина и молча ложится на диван.

Явление второе

Антрыгина и Маша.

Маша. Что это вы, сударыня, какие нынче скучные?

Антрыгина (*томно, со вздохом*). Так.

Маша. Нет, уж это, сударыня, что-нибудь да не так; прежде с сами этого не было.

Антрыгина. Оттого и скучаю, что мне на свете все надоело, ничто меня в жизни не занимает. И зачем я живу? Я не понимаю.

Маша. Да давно ли это, сударыня? Вы прежде были такие веселые. Даже очень приятно было видеть вас, что вы всегда в хорошем расположении бываете.

Антрыгина. Да, может быть, я и была весела; но только для виду. Я давно поняла, что такое жизнь; следовательно, что же меня может к ней привлекать!

Маша. Вы еще так молоды, сударыня.

Антрыгина. Что ж из этого? Коли я вижу, что все в жизни обман, что никому поверить нельзя,

что на свете только суета одна, — что я должна делать? Я должна удаляться от света. С хитростью, с политикой женщина может жить в свете; а с чувством, с нежным сердцем должна только страдать. Следовательно, я лучше буду жить как отшельница, чем за все свое расположение и за свое добро видеть от людей обиду или насмешку.

Маша. Конечно, сударыня, вы это изволите говорить правду, что людям нельзя большого доверия делать, особенно мужчинам; только для чего же из-за этого из-за самого вы будете себя мучить! Разве мало может быть для вас развлечений?

Антрыгина. Каких это развлечений?

Маша. Мало ли, сударыня, развлечений! Можете ехать на гулянье, в гости, у себя гостей принимать, зимой — в театр, в собрание.

Антрыгина. Для чего? для кого?

Маша. А как знать, сударыня, может, вам кто-нибудь понравится, выйдете замуж и будете жить да поживать.

Антрыгина. Я? Никогда! Чтобы я когда-нибудь поверила мужчине! Да если он все клятвы произнесет, я и тогда не поверю! *(Молчание.)* Я в монастырь пойду.

Маша. Что вы, сударыня! Как это можно!

Антрыгина. А вот увидишь. Уж если я на что решилась…

Маша. Едет кто-то. (*Подходит к окну и смотрит.*) Военный… к нам в окны смотрит… с аполетами…

Антрыгина. С густыми?

Маша. С густыми.

Антрыгина. Молод?

Маша. Не очень.

Антрыгина. Уж если я на что-нибудь решилась… Да, может быть, это он так взглянул?

Маша. Должно быть. Что-то не оборачивается.

Антрыгина. Ну его! Уж коли я на что решилась, так я и сделаю. Ты еще моего характера не знаешь. Ты, может быть, думаешь, что я буду жалеть о разных глупостях? Как же, нужно очень! Я уж давно все шалости из головы выкинула. У меня и в помышлении-то нет ничего такого. (*Задумывается с улыбкой.*)

Маша (*указывая глазами на карты*). Не раскинуть ли?

Антрыгина. Кинь!

Маша. На трефового короля прикажете?

Антрыгина (*рассеянно*). Ну, да.

Маша *(гадает).* Очень, очень недурно, сударыня.

Антрыгина. Что там у тебя?

Маша. А вот извольте посмотреть.

Антрыгина (*встает и смотрит*). И то ведь хорошо.

Маша (*со смехом показывая на карту*). А вот извольте посмотреть, что здесь-то!

Антрыгина (*улыбаясь, смешивает карты*). Ах, пустяки какие! Неужели ты веришь?

Маша. Никогда не врут, сударыня. А уж это-то завсегда сбывается.

Антрыгина. Ну, болтай еще! Чего ты не выдумаешь!

Молчание.

Хоть бы шарманка, что ли, пришла: тоска такая.

Маша. Барыня, подъехал кто-то.

Антрыгина. Беги посмотри, кто такой?

Маша уходит. Антрыгина поправляется перед зеркалом, потом смотрит в окно.

Вчера не приходил и нынче нейдет. Ах, противный! Коли завтра не придет, так надо будет Машу посылать! Пускай она, как будто от себя, и скажет, что я замуж выхожу; вот мы тогда и посмотрим. Ему первому покориться не хочется, потому что мужчины все горды; ну уж и я, кажется, ни за что на свете не покорюсь.

Входят Пионова и Маша.

Явление третье

Антрыгина, Пионова и Маша (у дверей).

Антрыгина. Ах, Анета! Что это ты пропала?

Целуются и садятся.

Пионова. Хорош тебе разговаривать-то, ты сама себе госпожа; а у меня муж, да и дела куча. Я и заехала-то к тебе не надолго, поговорить нужно об одном деле. У нас в доме такая тоска.

Антрыгина. Я воображаю.

Пионова. Поверишь ли, не с кем слова перемолвить. Иногда так нужно бывает, так нужно, а решительно не с кем, ну и едешь к тебе за семь верст.

Антрыгина. Разве есть что?

Пионова. Нет еще, серьезного ничего нет.

Антрыгина. Где поймала?..

Пионова. В Сокольниках.

Антрыгина. Хорош?

Пионова. Недурен. Ну, да об этом после. Что твой?

Антрыгина. Ах, оставь, сделай милость! Я и думать-то забыла о нем.

Пионова. Да отчего с тобой вдруг такая перемена, скажи на милость?

Антрыгина. Оттого, что мерзавец!

Пионова. Ах, Анфиса! Ты ли это говоришь!

Антрыгина. Уж коли я говорю, так, значит, я знаю.

Пионова. Помилуй! Такой прекрасный молодой человек! Так тебя любит!

Антрыгина. Да, любит; оно и видно.

Пионова. Разумеется, видно. Неужели ты в этом сомневаешься? Это ни на что не похоже! И ты до сих пор все его мучишь, все не принимаешь?

Антрыгина. Еще бы! Да и нога его здесь не будет.

Пионова. Что ты! Что ты!

Антрыгина. И таки — никогда, никогда!

Пионова. Ну, уж я не знаю! Ты каменная какая-то! Железо, просто железо! Да и то подается. Чего тебе еще нужно? Красивый мужчина, очень милый, влюблен без памяти…

Антрыгина. Да тебе-то что за дело?

Пионова. Да не могу я этого видеть равнодушно! Делать такие тиранства над человеком, который, может быть, ни душой ни телом не виноват, это ужасно!

Антрыгина. Нет, он стоит, он еще не того стоит!

Пионова. Попался тебе мужчина с кротким

сердцем, можно сказать, с ангельским, так его и мучить.

Антрыгина. Хороши ваши мужчины, нечего сказать!

Пионова. Ну, уж и женщины-то ваши тоже хороши.

Антрыгина. Разумеется, лучше мужчин.

Пионова. Ну, едва ли!

Антрыгина. Про какое это ты ангельское сердце говоришь?

Пионова. Конечно, про Устрашимова.

Антрыгина. Разве у фальшивых людей может быть ангельское сердце? Давно ли это?

Пионова. Кто же сказал, что он фальшивый человек? Против кого он фальшивый человек?

Антрыгина. Решительно против всех.

Пионова. Но только не против тебя. Он такой душка, прелесть что такое!

Антрыгина. Бессовестный!

Пионова. Ангел, а не человек.

Антрыгина. Мерзавец, каких свет не производил.

Пионова. Очарование, что за мужчина!

Антрыгина. Ну и возьми его себе, коли он тебе нравится.

Пионова. Мне не надобно-с. Не извольте обо

мне беспокоиться! Конечно, я умею ценить людей, не то что ты. Скажи же ты мне наконец, за что ты на него сердишься?

Антрыгина. Тебе хочется знать? Изволь. Постой, когда это… да на той неделе во вторник — еду я мимо Чистых прудов, вдруг вижу: этот господин идет под ручку с какой-то дамой, садятся на лавочку и так это горячо разговаривают…

Пионова. Да ты хорошо ли рассмотрела?

Антрыгина. Где ж было рассмотреть? Оно бы и нужно было остановиться, да уж я себя не помнила. Во всех членах трясение сделалось. Вместо того чтобы сказать кучеру «стой!» я кричу: «Скорей, скорей!» Как домой доехала, уж не помню. Сейчас же не велела его пускать и писем от него принимать…

Маша уходит.

Пионова. Да, может быть, это не он был. Надо узнать.

Антрыгина. Как же узнать? У него, что ли, спросить? Так он разве скажет! Известное дело, обманет, перевернет все в другую сторону. Нет, уж лучше бог с ним. (*Подносит платок к глазам.*)

Пионова. А сама плачешь, да вот и трефовый король тут на столе. Значит, ты об нем думаешь.

Антрыгина. И не воображала.

Пионова. Анфиса, помирись с ним! (*Целует ее.*) Ну, сделай милость! Ну, для меня! Душенька!

Антрыгина. Ни за что на свете.

Пионова. Успокой ты меня! Я ни одной ночи не усну, пока вы не помиритесь.

Антрыгина. Нет, уж у меня другой есть на примете. Выду за него замуж; он же такой скромный, учтивый.

Пионова. И ты решишься этакое варварство сделать?

Антрыгина. Что за варварство?

Пионова. Да как же не варварство? Променять такого человека на какую-нибудь дрянь.

Антрыгина. Совсем не дрянь. Во-первых, он не то, что другие, он любит меня.

Пионова. Да, как же, любит! Он тебя обманывает, прикидывается только.

Антрыгина. Во-первых, это сейчас видно, кто обманывает; а во-вторых…

Пионова. Да, как же! увидишь ты у них!

Антрыгина. У кого у них?

Пионова. У мужчин. Так тебя проведут, что и не услышишь. Уж обмануть — их дело. Тем только всю жизнь и занимаются. Мы им на жертву созданы; вот они и потешаются над нами.

Антрыгина. У тебя, Анета, семь пятниц на

неделе; давеча хвалила мужчин, а теперь уж нехороши стали.

Пионова (горячо). Ну что ж такое! Давеча одно говорила, а теперь говорю другое; а все-таки Устрашимов — бесподобный мужчина, а этот твой новый — дрянь. Устрашимов никогда не позволит себе обмануть женщину, а этот обманывает. Это очень ясно. Вот тебе и все. Да этого и не может быть, чтобы Устрашимов был тебе неверен. Да вот, давай сейчас загадаем на картах, вот все и узнаем. (*Раскладывает карты.*)

Антрыгина. Гадай, коли тебе хочется.

Входит Красавина.

Явление четвертое

Те же и Красавина.

Антрыгина. А, бабушка-старушка! Ну, что скажешь? Была?

Красавина (*садится*). Была и мед пила, по усам текло, а в рот не попало.

Антрыгина. Ну, здесь попадет. Что же?

Красавина. Сокол в путь снаряжается: чай, скоро прилетит.

Пионова (*строго*). Анфиса!

Антрыгина. Пускай прилетит, мы его примем как должно.

Пионова (*бросив карты*). Нет, это из рук вон! Ты так ветрена, так ветрена, ни на что не похоже!

Красавина. А что ж такое в этом дурного, теперича спросить у тебя. Ты еще понимаешь ли, какое это дело, как оно называется? Ведь это — судьба. А что такое судьба? Понимаешь ли ты это? Может, ей на роду написано быть за ним замужем. Так разве можно от своей судьбы бегать? Где это видано?

Пионова. Тебя послушай только! У вас все судьба; все свахи так говорят. Известное дело — в этом вам интерес, вот вы и хлопочете.

Красавина. А что такое сваха? Сваха — великое слово! Не у всякого хватит ума, как его понимать! Если рассудить хорошенько, так нас бы надобно всякими разными чинами жаловать, вот что я тебе скажу. Нами только и государство-то держится, без нас никакое государство стоять не может. Вот оно какое слово — сваха. Не будь нас, ну и конец, и род человеческий прекратится.

Пионова. Не беспокойся, не прекратится.

Красавина. Где тебе знать! Ты еще молода для этого!

Антрыгина. А что, Гаврилиха, каково они живут? С достатком или нет?

Красавина. Уж какие достатки у приказных!

Мне перед тобой таить нечего; живут не больно авантажно. Избушка на курьих ножках, маленько — тово… набок; рогатого скота: петух да курица; серебряной посуды: крест да пуговица. Да тебе что за дело до достатков? У тебя у самой много, тебе человека нужно. Да вот, никак, и он пришел, кто-то в передней толчется. (*Встает и заглядывает в дверь.*) Войди, ничего, не бойся! Войди, говорят тебе! Чего бояться-то!

Бальзаминов входит и раскланивается.

Явление пятое

Те же и Бальзаминов.

Антрыгина. Здравствуйте, Михайло Дмитрич! Я давно хотела с вами познакомиться и очень рада, что вы пришли. Садитесь, пожалуйста!

Красавина. Ну, и сядь!

Бальзаминов (*Красавиной*). Да уж я сам-с… (*Раскланивается.*)

Красавина. И садись, коли просят.

Бальзаминов садится.

Антрыгина. У вас, должно быть, служба не очень грудная?

Бальзаминов. С девяти часов до половины третьего-с; а на дом редко когда дают-с.

Пионова. Оно и видно, что вам делать-то нече-

го; то-то вы по всей Москве и ходите.

Антрыгина. Ах, какая ты, Анета! Отчего ж и не ходить? Погода теперь прекрасная.

Бальзаминов. Проминаж-с.

Пионова. Хорош проминаж, через нею Москву!

Антрыгина. Разумеется, без цели не стоит ходить. У них, может быть, есть цель; почем ты знаешь! Может быть, им кто-нибудь нравится в этой стороне. Вероятно, вы за этим и ходите в нашу сторону?

Бальзаминов (*конфузясь*). Да-с, так точно-с!

Антрыгина. Вот видите ли, я и угадала.

Пионова. Мудрено было угадать! (*Бальзаминову*.) А можно вас спросить, кто это вам нравится в этой стороне?

Бальзаминов. Это я должен сохранять в глубине души своей-с.

Антрыгина. И очень вы ее любите?

Бальзаминов. Для моей любви нет границ и нет слов-с, чтобы выразить.

Антрыгина. Вот как! Это, должно быть, очень приятно, когда так любят. Слышишь, Анета?

Пионова. А я так думаю, что оттого и нет слов, что сказать-то нечего.

Бальзаминов. Конечно, кто знает много стихов хороших-с, тот сейчас может прибрать на всякий

случай-с; а кто если не знает, как же он выразит свои чувства!

Антрыгина. А вы много стихов знаете? Я ужасно люблю стихи.

Бальзаминов. Я больше все чувствительными стихами занимаюсь, которые выражают любовь-с и разные страдания. А то много ведь стихов написано теперь и таких, которые ничего не выражают; так те для меня неинтересны-с.

Антрыгина. Скажите какие-нибудь, мы послушаем!

Красавина. Ну, и скажи, послушаем!

Бальзаминов. Прикажете чувствительные?

Антрыгина. Ах, сделайте милость, чувствительные.

Бальзаминов.

Льются слезы, дух мятется,
Томно сердце, томно бьется:
Где любезная моя?
Нет ея!

Красавина. Что-то, брат, нескладно.

Бальзаминов. Есть и другие-с.

Антрыгина. Какие же это такие?

Бальзаминов. Пастух, ищущий своей пастушки. Голос нежный. Так и в книжке напечатано. А

то я знаю и жестокие-с.

Антрыгина. Скажите жестокие!

Бальзаминов.

Злой пастух!
Весь твой дух
Ныне переменился:
Ты иной
Красотой,
Знать, теперь пленился?[10]

Красавина. Да что ты все про пастухов наладил? Нужно очень! Вот невидаль какая! Ты хорошие какие-нибудь скажи! Про ерцогиню какую либо про прынца.

Бальзаминов. У меня дома тетрадь есть для стихов-с. я в нее и вписываю; если прикажете, я принесу-с. Только что хороших стихов достать негде-с, у нас в суде никто этим не занимается, только разве один Устрашимов.

Антрыгина. А вы разве в одном суде служите?

Бальзаминов. В одном-с и даже за одним столом-с.

Пионова. Как я вам завидую.

---

[10] Примечания: 10

Стихотворение А. П. Сумарокова, печатавшееся без имени автора в популярных песенниках XVIII — начала XIX века.

Антрыгина. Вы, значит, его хорошо знаете?

Бальзаминов. Как же не знать-с? Пять лет вместе служим-с.

Пионова (*тихо Антрыгиной*). Ну, вот и спроси про вторник.

Антрыгина. Мне хотелось бы от вас слышать, что он за человек. Одна моя знакомая очень им интересуется.

Бальзаминов. Я не знаю, как говорить-с. Как бы не вышло чего.

Антрыгина. А что же может выйти?

Бальзаминов. А ежели он узнает-с.

Антрыгина. Не беспокойтесь, не узнает. А разве он дурной человек?

Бальзаминов. Одно слово, разбойник-с.

Антрыгина. Как разбойник?

Бальзаминов. Душегубец-с.

Пионова. Какой вы вздор говорите! Скучно слушать!

Бальзаминов. Помилуйте, какой же вздор, когда есть примеры-с.

Антрыгина (*с испугом*). Что вы говорите? Ах, боже мой! Он убил кого-нибудь?

Бальзаминов. Нет, не убил-с, а хочет убить до смерти-с.

Пионова. Уж не вас ли?

Бальзаминов. Да, меня-с. Ей-богу! (*Антрыгиной.*) Только уж вы, сделайте одолжение, ему ничего не говорите-с!

Антрыгина. Да что вы! Я его и не знаю.

Бальзаминов. Нет, это вы нарочно-с. Он сказывал, что вы с ним знакомы, только у вас теперь ссора вышла.

Антрыгина. Ну да! То есть мы были знакомы, а теперь уж все кончено.

Бальзаминов. Это очень хорошо-с.

Пионова. В самом деле? Вам это нравится?

Бальзаминов. Да как же-с! Что же можно от него ожидать, коли он разбойник. Кроме неприятности, ничего-с. Теперь вы представьте себе: за что же он меня хочет убить до смерти-с? За то, что я к вам в дом пришел-с? Так уж ведь это кому счастье-с! Зачем же мне от своего счастья бегать! Притом же, я человек с большим вкусом-с, у меня вкусу-то гораздо больше, чем у Устрашимова, а средств к жизни нету-с. Следственно, я должен их искать. Кабы мне теперь средства-с… А про Устрашимова я бы много мог сказать, да по-товарищески не годится. Я только одно скажу, что человек самой черной души.

Пионова. Вы нам вот что скажите: во вторник Устрашимов был в суде?

Антрыгина. Да, сделайте одолжение!

Бальзаминов. Во вторник? Позвольте-с! Он во вторник был дежурный, целый день в суде-с и ночевал там.

Пионова (*Антрыгиной*). Ну, что! говорила я тебе.

Бальзаминов. Если человек со вкусом, да не имеет средств, это ужасное положение-с! В мечтах все представляется богатство и даже во сне-с…

Маша показывается в дверях.

Маша. Барыня, пожалуйте сюда!

Антрыгина подходит, говорит шепотом, возвращается и садится.

Пионова (*тихо*). Что?

Антрыгина (*тоже тихо*). Письмо.

Бальзаминов. Я говорю-с, когда много вкусу и притом в мечтах…

Антрыгина. Не угодно ли вам по саду погулять.

Бальзаминов. Ничего-с. Мне и здесь хорошо-с.

Антрыгина. Уж сделайте одолжение! Мне нужно тут заняться кой-чем.

Пионова. И мы сейчас к вам придем.

Красавина. Ну, уж пойдем! Знать, им что-нибудь нужно.

Уходят.

Явление шестое

Антрыгина, Пионова и Маша (в дверях).

Пионова. Ну, читай, скорее читай! Антрыгина *(распечатывает и читает)*. «Милостивая государыня Анфиса Даниловна! Наконец я узнал, отчего происходит ваш гнев на меня. Маша мне все сказала. Но я ни в чем не виноват, в чем вы сами можете легко убедиться. Стоит вам только спросить у кого-нибудь из моих товарищей, где я был во вторник, вам всякий скажет, что я был дежурный. Спросите хоть у Бальзаминова, у своего нового обожателя. Он столько глуп, что не сумеет солгать, хотя бы и хотел. Если я и теперь не дождусь от вас ответа или приглашения, то — вы меня знаете, я человек решительный — вам придется отвечать за меня перед богом, правительством и публикой. Мрачную душу мою стерегут злые демоны; я отдал ее им на жертву; я чувствую их приближение. Пистолет заряжен и ждет меня; я с радостью встречу смерть и с адским хохотом закрою глаза свои. Прежде ваш, а теперь ничей, Павлин Устрашимов».

Пионова. Ах, какие чувства! Ах, как ты счастлива, Анфиса, что тебя так любят! Ах, боже мой! Отвечай ему скорей!

Антрыгина. Что ты разахалась! Я сейчас пошлю за ним, он тут у ворот дожидается. Маша, позови Павлина Иваныча!

Маша уходит.

Что же мне делать с Бальзаминовым?

Пионова. Я пойду в сад, удержу его. А потом, когда мы придем сюда, он сам увидит, что ему здесь делать нечего.

Антрыгина. Ну и прекрасно.

Пионова (*целуя Антрыгину*). Милочка! (*Уходит.*)

Антрыгина садится на диван и смотрит в противоположную сторону от двери. Входит Устрашимов.

Явление седьмое

Антрыгина и Устрашимов.

Устрашимов. Вы меня звали?

Антрыгина. Не стоять же вам у ворот.

Устрашимов (*видя, что Антрыгина на него не смотрит, пожимает плечами и отходит к противоположному окну*). Что же вам угодно?

Антрыгина. Вы хотели меня видеть: что вам угодно?

Устрашимов. Я хотел перед вами оправдаться.

Антрыгина. Что вам оправдываться! Мужчины

всегда правы. Да я совсем и не за то сержусь, за что вы думаете.

Устрашимов. Так за что же?

Антрыгина. Уж я знаю за что.

Устрашимов. Но однако?

Антрыгина. Всего не перескажешь.

Устрашимов. Если вы меня звали только затем, так прощайте.

Антрыгина (*вполовину оборотясь*). Куда же вы?

Устрашимов. Для вас, я думаю, это решительно все равно, куда бы я ни пошел!

Антрыгина. По чему же вы так заключаете?

Устрашимов. По всему: по приему вашему, по тому, что у вас здесь Бальзаминов. А впрочем, какое же мне теперь до этого дело! Прощайте!

Антрыгина (*взглянув на Устрашимова*). Останьтесь с нами чай пить.

Устрашимов (*взглянув на Антрыгину*). К чему же мне оставаться? Ну, скажите, к чему? (*Кладет шляпу на стол.*)

Антрыгина. Вы хотите, чтобы вас просили? Как вы горды!

Устрашимов. Я горд, да, я горд; но не против вас.

Антрыгина. Докажите на деле, что не горды.

Устрашимов. Я вам это доказывал несколько раз и готов доказать когда угодно. (*Подходит к Антрыгиной и становится перед ней на колени.*) Вы видите, горд ли я! Я ни в чем не виноват перед вами, но я прошу у вас извинения.

Антрыгина молча протягивает руку, он целует.

Вы не сердитесь?

Антрыгина. Встаньте! Не сержусь.

Устрашимов (*встает*). Вы меня измучили.

Антрыгина (*ударяет его по плену*). Кто старое помянет, тому глаз вон.

Устрашимов (*обнимает ее и целует в щеку*). Ура! Победа!

Антрыгина (*сопротивляясь*). Что вы! Что вы! Ну войдет кто-нибудь. Какой неосторожный! Обрадовался уж очень! На все есть время.

Входит Пионова.

Явление восьмое

Те же и Пионова.

Пионова (*вопросительно смотрит на них*). Помирились?

Антрыгина. Помирились.

Пионова (*Устрашимову*). Я все время за вас заступалась. Вот спросите ее.

Устрашимов (*целуя у ней руку*). Покорно вас благодарю!

Входят Красавина и Бальзаминов.

Явление девятое

Те же, Красавина и Бальзаминов.

Бальзаминов (*не замечая Устрашимова*). Какой у вас прекрасный сад-с, и всяких цветов очень много-с! Только если бы я был богат-с… (*Увидав Устрашимова, остается с открытым ртом.*)

Устрашимов. Что ж бы ты?

Бальзаминов. Я бы-с… Как же это? Зачем же-с?..

Устрашимов. Зачем я-то, это очень просто. Ты-то зачем?

Антрыгина. Да вот все Гавриловна! Навязывается с женихами! И кто ее просит! (*Делает Красавиной знак глазами, достает из кармана ассигнацию и потихоньку отдает ей.*) Я и не думала, а ты тут со сватовством.

Красавина. Ну, кто же тебя знал! Я думала угодить. (*Тихо.*) Увести, что ль?

Антрыгина утвердительно кивает головой.

(*Громко.*) Наше дело такое! Где тебе спасибо скажут, а где так и в шею вытолкают. И не рад, да будь готов.

Бальзаминов. Да как же-с, ведь вы поссорились.

Пионова. Они поссорились, они и помирились. Это уж их дело.

Бальзаминов. А как же я-то теперь-с? При чем же-с?

Пионова. А вы знаете русскую пословицу: свои собаки грызутся, чужая не приставай?

Бальзаминов. Извините, я не понимаю-с. В каком смысле-с?..

Красавина. А вот пойдем, я тебе дорогой растолкую.

Бальзаминов. Как-с? так и идти?

Устрашимов. И чем скорей, тем лучше.

Красавина. Уж что тут еще! Видимое дело, что тем же трахтом, да и назад пожалуйте!

Бальзаминов. А как же я маменьке-с… опять же я с правой стороны-с… при всем том…

Все. Прощайте! Прощайте!

Красавина. Ну, совет да любовь!

Бальзаминов раскланивается. Красавина уводит его за руку.

Пионова. И прекрасно, и прекрасно! Вот теперь сядем чай пить.

Антрыгина. Маша, давай самовар.

За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзаминова)*

Картины московской жизни

Картина первая

ЛИЦА:

Павла Петровна Бальзаминова, вдова.

Михайло Дмитрия Бальзаминов, сын ее.

Акулина Гавриловна Красавина, сваха.

Матрена, кухарка.

Лукьян Лукьяныч Чебаков, офицер в отставке. Очень приличный господин средних лет, с усами, лысоват, сюртук застегнут на все пуговицы. Выражение лица насмешливо.

Бедная комната у Бальзаминовых.

Явление первое

Бальзаминова *(пьет чай)* и Матрена *(стоит у двери)*.

Бальзаминова. Хорошо теперь, Матрена, чайку-то, после бани-то!

Матрена. Уж это на что лучше! По всем жилкам, по всем суставам пройдет.

Бальзаминова. А где же Миша? Что-то не видать его.

Матрена. Спит, умаялся.

Бальзаминова. Ну, пускай спит.

Матрена. Что ж! пущай спит. Никакие важных дел за ним нет; остановки не будет. А я соследила, куда он ходит.

Бальзаминова. Куда же?

Матрена. Тут близехонько. Только он не прямо ходит, а круг большой делает, чтобы соседям виду не показать. Таково далеко уйдет, да потом и воротится переулками: глаза отводит.

Бальзаминова. Да будет ли толк-то какой-нибудь?

Матрена. Кто ж его знает? Уж это его дело. Надо полагать, что и тут ничего себе не выиграет.

Бальзаминова. Отчего же ты так, Матрена, думаешь?

Матрена. Мало виду из себя имеет, польститься-то не на что! Ну и чином еще не вышел.

Бальзаминова *(встает).* Пей, Матрена, чай-то! А я пойду посмотрю, Миша не проснулся ли. *(Уходит.)*

Матрена садится к столу и пьет. Бальзаминова возвращается. Матрена встает.

Сиди!

Матрена садится, только оборотившись к Бальзаминовой задом.

Спит еще. (*Садится.*) А как их по фамилии-то,

где он ходит?

Матрена (*оборотив голову*). Пеженовых.

Бальзаминова. Кто ж они такие?

Матрена. Сами по себе.

Бальзаминова. Как же таки сами по себе?

Матрена. По своей части.

Бальзаминова. Экая ты бестолковая. Что же они, служащие или купцы?

Матрена. Должно, торгуют.

Бальзаминова. Кто ж у них из женского-то полу?

Матрена. Две сестры — обе девки, уж в летах. Только выходу им никакого нет; сидят наверху у себя взаперти, все одно под замком.

Бальзаминова. Отчего же?

Матрена. Такой приказ от братьев.

Бальзаминова. Зачем же такой приказ?

Матрена (*дуя в блюдечко и оборачиваясь*). Потому страм.

Бальзаминова. Какой же страм?

Матрена. Очень на мужчин бесстыжи. Такие, говорят, завистливые, что беда. (*Накрывает чашку.*) Покорно благодарствуйте! (*Встает и уносит самовар.*)

Бальзаминова. Говорят: за чем пойдешь, то и найдешь! Видно, не всегда так бывает. Вот Миша

ходит-ходит, а все не находит ничего. Другой бы бросил давно, а мой все не унимается. Да коли правду сказать, так Миша очень справедливо рассуждает: «Ведь мне, говорит, убытку нет, что я хожу, а прибыль может быть большая; следовательно, я должен ходить. Ходить понапрасну, говорит, скучно, а бедность-то еще скучней». Что правда то правда. Нечего с ним и спорить.

Шум за сценой.

Что там у вас?

Входит Бальзаминов.

Явление второе

Бальзаминова и Бальзаминов.

Бальзаминов. Что же это такое, маменька! Помилуйте! На самом интересном месте…

Бальзаминова. Что такое?

Бальзаминов. Да Матрена меня разбудила на самом интересном месте. И очень нужно ей было там чашки убирать.

Бальзаминова. Разве ты что-нибудь во сне видел?

Бальзаминов. Да помилуйте! на самом интересном месте! Вдруг вижу я, маменька, будто иду я по саду; навстречу мне идет дама красоты необыкновенной и говорит: «Господин Бальза-

минов, я вас люблю и обожаю!» Тут, как на смех, Матрена меня и разбудила. Как обидно! Что бы ей хоть немного погодить? Уж очень мне интересно, что бы у нас дальше-то было. Вы не поверите, маменька, как мне хочется доглядеть этот сон. Разве уснуть опять? Пойду усну. Да ведь, пожалуй, не приснится.

Бальзаминова. Разумеется, не приснится.

Бальзаминов. Экая досада! Мне бы теперь, по моим делам, очень нужно такой сон видеть; может быть, он мне что-нибудь и напророчил бы. Что, маменька, меня никто не спрашивал?

Бальзаминова. Это что еще за новости! Кому тебя спрашивать?

Бальзаминов. Я, маменька, новое знакомство завел. Лукьян Лукьяныч Чебаков, отличнейший человек. Он капитан в отставке.

Бальзаминова. К чему это?

Бальзаминов. Как к чему? Что вы говорите! Вы знаете, маменька, какая у нас сторона! Я уж теперь далеко не хожу, а хожу тут поблизости.

Бальзаминова. Так что же?

Бальзаминов. Как что же? Какое необразование свирепствует в нашей стороне, страсть! Обращения не понимают, человечества нет никакого! Пройду по рынку мимо лавок лишний раз

— сейчас тебе прозвище дадут, кличку какую-нибудь. Почти у всяких ворот кучера сидят, толстые, как мясники какие, только и дела что собак гладят да играют с ними; а собаки-то, маменька, как львы. Ведь по нашему делу иногда нужно раз десять мимо окон-то пройти, чтобы заметили тебя, а они разве дадут? Сейчас засвищут, да и давай собаками травить.

Бальзаминова. Как же это можно живого человека собаками травить?

Бальзаминов. Как можно? Что вы, маменька! Разве они знают учтивость? Ему бы только хохотать, дураку, благо горло широко, а там хоть человека до смерти загрызи, ему все равно.

Бальзаминова. Какое необразование!

Бальзаминов. Меня раза три травили. Во-первых, перепугают до смерти, да еще бежишь с версту, духу потом не переведешь. Да и страм! какой страм-то, маменька! Ты тут ухаживаешь, стараешься понравиться — и вдруг видят тебя из окна, что ты летишь во все лопатки. Что за вид, со стороны-то посмотреть! Невежество в высшей степени… что уж тут! А вот теперь, как мы с Лукьян Лукьянычем вместе ходим, так меня никто не смеет тронуть. А знаете, маменька, что я задумал?

Бальзаминова. А что?

Бальзаминов. Я хочу в военную службу поступить.

Бальзаминова. Да ты проснулся ли совсем-то, или еще все бредишь?

Бальзаминов. Нет, позвольте, маменька: это дело рассудить надо.

Бальзаминова. Да что тут рассуждать-то! Много ли ты лет до офицерства-то прослужишь?

Бальзаминов. Сколько бы я ни прослужил: ведь у меня так же время-то идет, зато офицер. А теперь что я? Чин у меня маленький, притом же я человек робкий, живем мы в стороне необразованной, шутки здесь всё такие неприличные, да и насмешки… А вы только представьте, маменька: вдруг я офицер, иду по улице смело; уж тогда смело буду ходить; вдруг вижу — сидит барышня у окна, я поправляю усы…

Бальзаминова. Все вздор какой говоришь! А чем жить-то мы будем, пока ты в офицеры-то произойдешь?

Бальзаминов. Ах, боже мой! Я и забыл про это, совсем из головы вон! Вот видите, маменька, какой я несчастный человек! Уж от военной службы для меня видимая польза, а поступить нельзя. Другому можно, а мне нельзя. Я вам, маменька,

говорил, что я самый несчастный человек в мире: вот так оно и есть. В каком я месяце, маменька, родился?

Бальзаминова. В мае.

Бальзаминов. Ну вот всю жизнь и маяться. Потому, маменька, вы рассудите сами, в нашем деле без счастья ничего не сделаешь. Ничего не нужно, только будь счастье. Вот уж правду-то русская пословица говорит: «Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив». А все-таки я, маменька, не унываю. Этот сон… хоть я его и не весь видел, — черт возьми эту Матрену! — а все-таки я от него могу ожидать много пользы для себя. Этот сон, если рассудить, маменька, много значит, ох как много!

Бальзаминова. Да ты помнишь ли в лицо ту даму, которую видел во сне-то?

Бальзаминов. Помню, маменька; как сейчас гляжу: лицо такое, знаете, снисходительное…

Бальзаминова. Это хорошо.

Бальзаминов. Это, маменька, для нас первое дело. У кого в лице строгость, я ведь с тем человеком разговаривать не могу, маменька.

Бальзаминова. Да и я не люблю.

Бальзаминов. Другой на тебя смотрит — точно допрос тебе делает. Ну, что ж тут хорошего!

Конечно, если строго разобрать, так мы имеем недостатки в себе, в образовании, ну и в платье тоже. Когда на тебя смотрят строго, что ж тут делать? Конфузиться да обдергиваться.

Бальзаминова. Разумеется. А вот ты коли ждешь кого, так оделся бы пошел; что в халате-то сидишь!

Бальзаминов. Да, маменька, я сейчас оденусь. Лукьян Лукьяныч ведь человек светский; какие у него трубки, с какими янтарями, маменька! (*Уходит.*)

Бальзаминова. Какой странный сон! Уж очень прямо; так что-то даже неловко: «Я вас люблю и обожаю»... Хорошо, как так и наяву выдет, а то ведь сны-то больше всё наоборот выходят. Если бы она ему сказала: «Господин Бальзаминов, я вас не люблю и вашего знакомства не желаю», — это было бы гораздо лучше.

Красавина входит.

Явление третье

Бальзаминова и Красавина.

Красавина. С повинной, матушка! Не вели казнить, вели речь говорить.

Бальзаминова. Есть же люди на свете, которые стыда не имеют!

Красавина. Есть, матушка, есть всякого народа.

Бальзаминова. Конечно, мы люди бедные, маленькие, но, однако же, ведь надобно, Гавриловна, немножко и совесть знать.

Красавина. Нешто я, матушка, не понимаю? У меня совесть-то чище золота, одно слово — хрусталь, да что ж ты прикажешь делать, коли такие оказии выходят? Ты рассуди, какая мне радость, что всякое дело все врозь да врозь. Первое дело — хлопоты даром пропадают, а второе дело — всему нашему званию мараль. А просто сказать: «Знать, не судьба!» Вот и все тут. Ну да уж я вам за всю свою провинность теперь заслужу.

Бальзаминова. Ну, признаться сказать, я от тебя, кроме насмешки, ничего ожидать не могу.

Красавина. Не такая душа у меня. Ежели я против кого виновата, так уж я пополам разорвусь, а за свою вину вдвое заслужу. Вот у меня какая душа! Хоша оно в нынешнем свете с такой добродетелью жить трудно, милая…

Бальзаминова. Ты лучше, Гавриловна, и не говори! я тебе в этом верить не могу. Мы люди бедные, какой тебе интерес?

Красавина. А не веришь, так я тебе вот что скажу: хороший-то который жених, ловкий, и

без свахи невесту найдет, а хоть и со свахой, так с него много не возьмешь; ну а твой-то плох: ему без меня этого дела не состряпать; значит, я с него возьму что мне захочется. Знаешь русскую пословицу: «У всякого плута свой расчет»? Без расчету тоже в нынешнем свете жить нельзя.

Бальзаминова. Ты не взыщи, Гавриловна, что я тебя так приняла. Мне обидно, что моим сыном как дураком помыкают.

Красавина. Ничего, матушка; брань на вороту не виснет. Нам не привыкать стать к брани-то: наше звание такое. А сынка твоего мы обеспечим, ты не беспокойся.

Бальзаминова. Чайку не хочешь ли?

Красавина. Ну его! И без него жарко. Что такое чай? Вода! А вода, ведь она вред делает, мельницы ломает. Уж ты меня лучше ужо как следует попотчуй, я к тебе вечерком зайду. А теперь вот что я тебе скажу. Такая у меня на примете есть краля, что, признаться сказать, согрешила — подумала про твоего сына, что, мол, не жирно ли ему это будет?

Бальзаминова. Кто ж такая?

Красавина. Ну, об этом речь впереди. Вот, видишь ты, дело какого роду: она вдова и с большим капиталом, от этого самого и скучает.

Бальзаминова. Скажите пожалуйста!

Красавина. Так точно. И как, матушка моя, овдовела, так никуда не выезжает, все и сидит дома. Ну, а дома что ж делать? известно — покушает да почивать ляжет. Богатая женщина, что ж ей делать-то больше!

Бальзаминова. Отчего же это она при таком капитале никуда не ездит и знакомства не имеет?

Красавина. Ленива. Уж сколько раз я ей говорила: «Что, мол, ты никуда не съездишь али к себе гостей не позовешь?» В гости ехать, говорит, одеваться надобно; а приедешь — разговаривать нужно.

Бальзаминова. Разве она и разговаривать не любит?

Красавина. Как не любить! Только чтобы не торопясь, с прохладой. Ну, таким-то родом, сударыня ты моя, от этакой-то жизни стала она толстеть и тоску чувствовать. И даже так, я тебе скажу, тяжесть такая на нее напала, вроде как болезнь. Ну сейчас с докторами советоваться. Я была при одном докторе. Вот доктор ей и говорит: «Вам, говорит, лекарства никакого не нужно; только чтоб, говорит, развлечение и беспременно чтоб замуж шли».

Бальзаминова. А она что ж?

Красавина. Она ему сейчас в руку три целковых бумажку. Порядок этот знает.

Бальзаминова. Нет, я не про то! Я насчет того, что замуж-то идти?

Красавина. «Я, говорит, замуж не прочь; только где его найдешь, дома-то сидя?» — «А я-то, говорю, на что?» — «Ну, говорит, хлопочи!» Так вот какие дела и какие оказии бывают.

Бальзаминова. Ну, а как насчет состояния?

Красавина. Сверх границ. Одних только денег и билетов мы две считали-считали, счесть не могли, так и бросили. Да я так думаю, что не то что нам, бабам, а и мужчинам, если двух хороших взять, и то не счесть!

Бальзаминова. Как же это не счесть?

Красавина. Так вот и не счесть. Посчитают-посчитают, да и бросят. Ты думаешь, считать-то легко? Это, матушка, всем вам кажется, у кого денег нет. А поди-ка попробуй! Нет, матушка, счет мудреное дело. И чиновники-то, которые при этом приставлены, и те, кто до сколька умеет, до столька и считает: потому у них и чины разные. Твой Михайло до сколька умеет?

Бальзаминова. Да я думаю, сколько ни дай, всё сочтет.

Красавина. Ну где ему! Тысяч до десяти сочтет,

а больше не сумеет. А то вот еще какие оказии бывают, ты знаешь ли? Что-то строили, уж я не припомню, так артитехторы считали, считали, цифирю не хватило.

Бальзаминова. Может ли это быть?

Красавина. Верно тебе говорю. Так что же придумали: до которых пор сочтут, это запишут, да опять цифирь-то сначала и оборотят. Вот как! Так что ж тут мудреного, что мы денег не сочли? Ну деньги деньгами — это само по себе, а еще дом.

Бальзаминова. Большой?

Красавина. А вот какой: заведи тебя в середку, да оставь одну, так ты и заблудишься, все равно что в лесу, и выходу не найдешь, хоть караул кричи. Я один раз кричала. Мало тебе этого, так у нас еще лавки есть.

Бальзаминова. Ты уж что-то много насказала! Я боюсь, понравится ли мой Миша такой невесте-то.

Красавина. Это уж его дело. Да что это его не видать?

Бальзаминова. Не знаю, он дома был. Миша!

Бальзаминов входит.

Явление четвертое

Те же и Бальзаминов.

Красавина. Красота ты моя писаная, разрисованная! Всё ли ты здоров? А у нас все здоровы: быки и коровы, столбы и заборы.

Бальзаминов. Я еще и говорить-то с тобой не хочу. Вот что!

Бальзаминова. Нет, Миша, ты с ней не должен таким манером обращаться; ты еще не знаешь, какую она пользу может тебе сделать.

Красавина. Не тронь его, пущай! Что это ты такой гордый стал? Аль нашел на дороге сумму какую значительную?

Бальзаминов. Она-то пользу сделает? Что вы, маменька, ей верите? Она все обманывает.

Красавина. Я обманываю? Значит, ты души моей не знаешь. Ты слыхал ли когда песню:

Никто души моей не знает
И чувств моих не могут описать.

Бальзаминов. За что она меня, маменька, обманывает? Что я ей сделал? Она сваха — она и должна сватать, а не обманывать.

Красавина. А ты ищи себе под пару, так тебя никто и не будет обманывать; а то ты всё не под

масть выбираешь-то. Глаза-то у тебя больно завистливы.

Бальзаминов. А тебе какое дело? Да и совсем не от зависти я хочу жениться на богатой, а оттого что у меня благородные чувства. Разве можно с облагороженными понятиями в бедности жить? А коли я не могу никакими средствами достать себе денег, значит я должен жениться на богатой. (*Садится*.) Ах, маменька, какая это обида, что все на свете так нехорошо заведено! Богатый женится на богатой, бедный — на бедной. Есть ли в этом какая справедливость? Одно только притеснение для бедных людей. Если б я был царь, я бы издал такой закон, чтоб богатый женился на бедной, а бедный — на богатой; а кто не послушается, тому смертная казнь.

Красавина. Ну вот когда такой закон от тебя выдет, тогда мы и будем жить по-твоему; а до тех пор, уж ты не взыщи, все будет по старому русскому заведению: «По Сеньке шапка, по Еремке кафтан». А то вот тебе еще другая пословица: «Видит собака молоко, да рыло коротко».

Бальзаминов. Вот видите, маменька, вот она опять все на смех. Зачем она пришла? Кто ее просил?

Красавина. Мне ведь как хотите! Я из-за своего

добра кланяться не стану. Какая мне оказия?

Бальзаминова. Что это ты, Гавриловна? Ты видишь, он не в своем уме. Как тебе, Миша, не стыдно!

Красавина. Что ж он важность-то на себя напустил? Навязывать ему, что ли? Уж это много чести будет! Москва-то не клином сошлась: найду не хуже его.

Бальзаминова. Нет, ты этого, Гавриловна, не делай. Это тебе грех будет! Ты, Миша, еще не знаешь, какие она нам благодеяния оказывает. Вот ты поговори с ней, а я пойду: признаться сказать, после бани-то отдохнуть хочется. Я полчасика, не больше.

Красавина. Да хоть и больше, так кто ж тебе запретит?

Бальзаминова уходит.

Явление пятое

Красавина, Бальзаминов, потом Матрена.

Бальзаминов. Вот ты сердиться-то умеешь, а каково мне было тогда, как меня из дому выгнали? Вот так асаже!

Красавина. А ты еще все не забыл? Видишь, какой ты злопамятный! Ну вот за этот-то самый афронт я и хочу тебе заслужить.

Бальзаминов. Чем же ты заслужишь?

Красавина. Невесту нашла.

Бальзаминов. Ну уж не надо. Опять то же будет. Я сам нашел.

Красавина. Мудрено что-то! Где ж это?

Бальзаминов. Как же! так я и сказал тебе!

Красавина. Ничего у тебя не выдет.

Бальзаминов. А вот посмотрим.

Красавина. И смотреть нечего.

Входит Матрена и становится у двери, приложив руку к щеке.

Ты сам рассуди! Какую тебе невесту нужно?

Бальзаминов. Известно какую, обыкновенную.

Красавина. Нет, не обнаковенную. Ты человек глупый, значит…

Бальзаминов. Как же, глупый! Ишь ты, дурака нашла!

Матрена. А что, умен?

Бальзаминов. Ты молчи, не твое дело!

Красавина. Ты послушай! ты человек глупый, значит тебе…

Бальзаминов. Да что ты все: глупый да глупый! Это для тебя я, может быть, глуп, а для других совсем нет. Давай спросим у кого-нибудь.

Красавина. Давай спросим! Да нечего и спра-

шивать. Ты поверь мне: я человек старый, обманывать тебя не стану.

Матрена. Какой ты, Михайло Митрич, как погляжу я на тебя, спорить здоровый! Где ж тебе с ней спорить?

Бальзаминов. Как же не спорить, когда она меня дураком называет?

Матрена. Она лучше тебя знает. Коли называет, значит правда.

Бальзаминов. Да что вы ко мне пристали! Что вам от меня надо?

Красавина. Постой, погоди! Ты не шуми! Ты возьми терпение, выслушай! Ты глупый человек, значит тебе умней себя искать невесту нельзя.

Матрена. Само собой.

Красавина. Значит, тебе нужно искать глупей себя. Вот такую-то я тебе теперь…

Бальзаминов (*встает*). Что ты ко мне пристаешь! Что ты ко мне пристаешь! Я тебе сказал, что я слушать тебя не хочу. А ты все с насмешками да с ругательством! Ты думаешь, я вам на смех дался? Нет, погоди еще у меня!

Красавина. Что же ты сделаешь?

Бальзаминов. Я знаю, что сделать! Ты меня не тронь! Я служащий, обидеть меня не смеешь! Я на тебя и суд найду!

Красавина. Суд? Что ты, в уме ли? А судиться так судиться! Ты думаешь, я испугалась! Давай судиться! Подавай на меня просьбу! Я ответ найду. В какой суд на меня жаловаться пойдешь?

Бальзаминов. Это уж мое дело.

Красавина. Да ты все ли суды знаешь-то? Чай, только магистрат и знаешь? Нам с тобой будет суд особенный! Позовут на глаза — и сейчас решение.

Бальзаминов. Для меня все равно.

Красавина. Что же станешь на суде говорить? Какие во мне пороки станешь доказывать? Ты и слов-то не найдешь; а и найдешь, так складу не подберешь! А я и то скажу, и другое скажу; да слова-то наперед подберу одно к другому. Вот нас с тобой сейчас и решат: мне превелегию на листе напишут…

Бальзаминов. Какую привилегию?

Красавина. Против тебя превелегию, что я завсегда могу быть лучше тебя и во всем превозвышена; а тебя в лабет поставят.

Бальзаминов. В какой лабет? Что ты врешь!

Красавина. А еще мужчина, еще служащий, а не знаешь, что такое лабет! Где ж тебе со мной судиться!

Матрена. У! Бесстыдник!

Бальзаминов. Так что ж это вы меня со свету сжить, что ли, хотите? Сил моих не хватит! Батюшки! Ну вас к черту! (*Быстро берет фуражку*.) От вас за сто верст убежишь. (*Бросается в дверь и сталкивается с Чебаковым*.)

Явление шестое

Те же и Чебаков.

Чебаков. Что это вы? Что это вы, господин Бальзаминов?

Матрена. Батюшки! Он в уме повихнулся.

Бальзаминов. Ах, извините-с! Такое невежество! Вы не можете себе представить! Это ужас что такое!

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов, что с вами такое?

Бальзаминов. Ничего-с! Очень вам благодарен! Конечно, с моей стороны неучтивость… Извините! Покорнейше прошу садиться!

Чебаков (*садясь*). Послушайте, Бальзаминов, вы что-то не в своей тарелке.

Бальзаминов. Да помилуйте-с, Лукьян Лукья-ныч, никак невозможно! Необразование, насмешки…

Чебаков. Ну, да это в сторону! Послушайте, что же, вы исполните, что обещали или нет?

Бальзаминов. Как же можно! Непременно-с.

Чебаков. То-то же! А то ведь вы, пожалуй…

Бальзаминов. Уж ежели я что, Лукьян Лукьяныч, обещал-с…

Чебаков. Ну да, разговаривайте! Знаем мы вас. Только послушайте, Бальзаминов, вам надо башмачником одеться.

Матрена. Батюшки!

Бальзаминов. Зачем же это-с?

Чебаков. А вот я вам сейчас объясню.

Красавина. Ну прощай, башмачник! Уж я к тебе больше не пойду; потому, мой друг, что хлеб за брюхом не ходит. (*Уходит, и Матрена за ней.*)

Явление седьмое

Бальзаминов и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, это сваха, должно быть?

Бальзаминов. Так точно-с. Конечно, невежество…

Чебаков. Так вот что, Бальзаминов: нельзя иначе, надо непременно башмачником. А то как же вы к ним в дом войдете? А вы наденьте сертук похуже, да фуражку, вот хоть эту, которая у вас в руках, волосы растреплите, запачкайте лицо чем-нибудь и ступайте. Позвоните у ворот, вам отопрут, вы и скажите, что, мол, башмачник,

барышням мерку снимать. Там уж знают, вас сейчас и проведут к барышням.

Бальзаминов. А потом что же-с?

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов! Вы чудак. Как же вы спрашиваете, что делать! Вы влюблены или нет?

Бальзаминов. Влюблен-с.

Чебаков. Так ведь надо же вам объясниться. И кстати письмо отдадите. Моей отдайте вот это письмо (*отдает письмо*), а своей откройтесь в любви, скажите, что хотите ее увезти, станьте на колени. Да вы, послушайте, не перемешайте: моя старшая, а ваша младшая; моя Анфиса, а ваша Раиса.

Бальзаминов. Помилуйте! Как можно! А вы, Лукьян Лукьяиыч, уж открылись-с?

Чебаков. Давно уж…

Бальзаминов. Мы их, Лукьян Лукьяныч, скоро увезем-с?

Чебаков. Как будут согласны, так и увезем.

Бальзаминов. Моя будет согласна-с, потому что она на меня так смотрит, когда мы мимо проходим, что даже уму непостижимо-с.

Чебаков. Послушайте, ну вот и прекрасно.

Бальзаминов. Только, Лукьян Лукьяныч, как бы нам не ошибиться насчет…

Чебаков. Насчет денег? Нет, господин Бальзаминов, я в этом никогда не ошибаюсь.

Бальзаминов. То вы, а то я-с.

Чебаков. Они сестры, у них поровну капитал от отца. Братья оттого не отдают их замуж, что денег жаль.

Бальзаминов. Ну, так я сейчас-с, только сертук надену-с. (*Уходит*.)

Явление восьмое

Чебаков (*один*). Экой дурачина! Вот олух-то! Воображает, что в него влюбятся. А впрочем, если смотреть на жизнь с философской точки зрения, так и такие люди полезны. Кого нынче заставишь башмачником одеться! А эта штука мне может стоить полтораста тысяч. Из-за этого куша я здесь другой год живу, нарочно поблизости квартиру нанял. Только, черт их возьми, живут очень крепко! Не то что видеться, а и письмо-то передать больших трудов и издержек стоит. Если мне этот дурак поможет ее увезти, я его, голубчика, в поминанье запишу.

Входит Бальзаминов в сюртуке.

Явление девятое

Чебаков и Бальзаминов.

Чебаков. Послушайте, вы настоящий сапожник.

Бальзаминов. Башмачник-с.

Чебаков. Только послушайте, ну, как ваше начальство узнает, что вы башмачным мастерством занимаетесь?

Бальзаминов. Да, нехорошо-с, да и от товарищей тоже-с…

Чебаков. Нет, я шучу. Помилуйте, кто же это узнает! Послушайте, я вам даже завидую. Вы будете разговаривать с любимой женщиной, а я должен страдать в одиночестве.

Бальзаминов. Да-с. А уж как я рад-с, я хоть плясать-с готов-с.

Чебаков. Именно на вашем месте плясать надобно. Послушайте, Бальзаминов, а ну как вас там высекут?

Бальзаминов. Что же это, Лукьян Лукьяныч! Я не пойду-с! Как же вы сами посылаете, а потом говорите, что высекут? На что же это похоже-с.

Чебаков. Как вы, Бальзаминов, шуток не понимаете!

Бальзаминов. Хорошо, как шутки, а ежели в

самом деле-с?

Чебаков. Уж будьте покойны! Я бы вас не послал.

Бальзаминов. Покоен-то я покоен, а все-таки…

Чебаков. Послушайте, ну полноте! Пойдемте! Я за вами буду сзади следить.

Бальзаминов. Пойдемте-с. (*Подходит к двери.*) Матрена! Скажи маменьке, что я ушел.

Матрена (*за дверью*). Сама увидит.

Уходят.

Картина вторая

ЛИЦА:

Домна Евстигневна Белотелова, вдова лет тридцати шести, очень полная женщина, приятного лица, говорит лениво, с расстановкой.

Анфиса Панфиловна и Раиса Панфиловна Пеженовы, девицы лет под тридцать, ни хороши ни дурны, ни худы ни толсты; одеты в простых ситцевых блузах, но в огромной величины кринолинах.

Химка *(Афимка)*, горничная девочка Пеженовых.

Бальзаминов.

Красавина.

Сцена представляет два сада, разделенные посередине забором: направо от зрителей сад Пеженовых, а налево — Белотеловой; в садах скамейки, столики и проч.; в саду Белотеловой налево две ступеньки и дверь в беседку; у забора с обеих сторон кусты.

Явление первое

В саду на левой стороне.

Белотелова и Красавина сидят на лавочке.

Белотелова. Вот мы тут посидим, потом пойдем в беседку, там закусим, посидим. Там закуска приготовлена. Да потом опять сюда придем посидим.

Красавина. Еще бы! Своя воля, что хотим, то и творим.

Белотелова. Что ж ты мне жениха, скоро?

Красавина. Скоро, красавица моя, скоро. Нельзя же вдруг! Ведь женихов у меня много, да всё не тот сорт. Для тебя я уж особенно займусь, хорошего тебе сыщу.

Белотелова. Сыщи хорошего.

Красавина. Уж ты будь покойна, это наших рук дело. Есть у меня один на примете, а рекомендовать боюсь.

Белотелова. А что же?

Красавина. Он бы и ничего, да дурашен, бог с ним.

Белотелова. Очень дурашен?

Красавина. Да таки порядочно. Да ты об этом деле не печалься; без мужа не останешься.

Белотелова. Ну хорошо.

Красавина. Веришь ты, я для тебя всей душой! Коли есть женихи на дне моря, я и со дна моря для твоего удовольствия достану. Да уж и ты меня не обидь.

Белотелова. Я не обижу, я добрая.

Красавина. Кто ж этого не знает! Весь свет знает. А это я к тому говорю, красавица ты моя писаная, что от кого же нам и жить-то, бедным сиротам, как не от вас, богатых людей? Вам жить да нежиться, а нам для вас служить. Ты сиди только да придумывай, а я уж для тебя все, окромя разве птичьего молока.

Белотелова. Ничего не придумаешь.

Красавина. Лень тебе, красавица моя, а то как бы не придумать. Я бы на твоем месте, да с твоими деньгами, такое веселье завела, таких чудес бы натворила, что ни об чем бы, кроме меня, и не разговаривали.

Белотелова. А что ж бы ты сделала?

Красавина. Да вот тебе первое. Коли не хочешь ты никуда ездить, так у себя дома сделай: позови баб побольше, вели приготовить отличный обед, чтобы вина побольше разного, хорошего; позови музыку полковую: мы будем пить, а она чтоб играла. Потом все в сад, а музыка чтоб впереди, да так по всем дорожкам маршем; потом опять

домой да песни, а там опять маршем. Да так чтобы три дня кряду, а начинать с утра. А вороты вели запереть, чтобы не ушел никто. Вот тебе и будет весело.

Белотелова. Весело, только хлопот много.

Красавина. А ты мне прикажи, я все хлопоты на себя возьму. Я орел на эти дела.

Белотелова. Ну хорошо, как-нибудь сделаем.

Красавина. Да скорей бы! Хорошего дела никогда откладывать не должно!

Белотелова. Не пойти ли нам в беседку?

Красавина. Погоди! Посидим здесь; хорошо на воздухе-то. Поговорим об чем-нибудь для времяпровождения.

Белотелова. Я уж не знаю, об чем говорить. Нет ли по Москве разговору какого?

Красавина. Мало ли разговору, да всему верить-то нельзя. Иногда колокол льют, так нарочно пустую молву пускают, чтоб звончее был.

Белотелова. Войны не слыхать ли?

Красавина. Войны не слыхать. Тихо везде; по всей земле замирение вышло. Земля трясется местами, об этом слух есть; местах в трех трясение было.

Белотелова. Нехорошо.

Красавина. Что хорошего! Сама знаешь, писано

есть об этом. Да вот еще, для всякой осторожности, надобно тебе сказать: шайка разбойников объявилась.

Белотелова. Откуда ж они?

Красавина. Из диких лесов, говорят. Днем под Каменным мостом живут, а ночью ходят по Москве, железные когти у них надеты на руки и все на ходулях; по семи аршин ходули, а атаман в турецком платье.

Белотелова. Зачем на ходулях?

Красавина. Для скорости, ну и для страху.

Белотелова. Пойдем в беседку, посидим, закусим!

Красавина. Пойдем! Какой у тебя аппетит, дай тебе бог здоровья, меня ижно завидки берут. Уж чего лучше на свете, коли аппетит хорош! Значит, весь человек здоров и душой покоен.

Уходят.

Явление второе

На правой стороне.

Выходят Анфиса Панфиловна и Раиса Панфиловна.

Раиса. Тоска, Анфиса.

Анфиса. Тоска.

Раиса. Ой, батюшки, как скучно!

Молчание.

Анфиса. И нейдет и не шлет никого!

Раиса. Да кого же прислать! Ты знаешь, к нам ходу нет.

Анфиса. Он в прошлом письме писал, что придумает что-нибудь. Не послать ли Химку в лавочку: не дожидается ли он там с письмом?

Раиса. За Химкой-то уж подсматривать стали. Бабушка все ворчит на нее, должно быть, что-нибудь заметила; да старуха нянька все братцам пересказывает. Выходи, Анфиса, поскорей замуж, и я бы к тебе переехала жить: тогда своя воля; а то ведь это тоска.

Анфиса. Еще какая тоска-то! А за кого я пойду? Я лучше умру, а уж не пойду за тех женихов, что братцы сватают. Невежество-то мне и дома надоело. А мы сами немножко виноваты: тогда, как тятенька умер, уж мы много себе вольности дали.

Раиса. Вот золотое-то было времечко! Есть чем вспомнить!

Анфиса. Вот братцы-то нас и присадили. Такая тоска в этом положении.

Раиса. Хоть волком вой! Ах, тоска, Анфиса! Ах, тоска!

Анфиса. Я думала-думала, да придумала одну

штуку.

Раиса. Что же ты придумала?

Анфиса (*оглядываясь*). Бежать с Лукьян Лукьянычем.

Раиса. Что ты, сестрица! Как это можно!

Анфиса. А что ж такое! Жалко, что ль, мне кого здесь? Взяла да и ушла. Конечно, пока мы здесь живем, так братья над нами власть имеют; а как из ворот, так и кончено. И деньги свои потребую, какие мне следовают.

Раиса. Это, я думаю, страшно, сестрица, когда увозят.

Анфиса. Ничего, Раиса, не страшно. Ведь уж меня увозили, ты помнишь?

Раиса. Помню. Только ты тогда скоро воротилась.

Анфиса. Ну, что старое вспоминать! Вот я теперь и жду от Лукьяна Лукьяныча письма об этом об самом. Только как он его передаст?

Раиса. Уж как-нибудь придумает.

Анфиса. Тогда тебя к себе жить возьму.

Раиса. Вот мы, Анфиса, заживем-то! По всем гуляньям, по всем дачам будем ездить. Я себе тоже военного выберу.

Анфиса. А что же этот, твой-то?

Раиса. Белобрысый-то? Ну, что за крайность!

Кабы ничего лучше в предмете не было, так уж так бы и быть — от скуки.

Анфиса. Разве он тебе не нравится?

Раиса. Он мне что-то, Анфиса, гнусненек кажется.

Анфиса. Зачем же ты с ним кокетничаешь?

Раиса. От тоски. Все-таки развлечение. Ах, тоска! Ах, тоска!

Анфиса. А он, пожалуй, подумает, что ты в него влюблена.

Раиса. Пускай его думает, убытку-то мне немного.

Анфиса. Знаешь, Раиса, что я тебе говорила-то, что бежать-то с Лукьян Лукьянычем? Ведь это, может быть, очень скоро будет. Я уж, что нужно на первый раз, приготовила; хоть сейчас собраться, да и была такова.

Раиса. Вот я посмотрю, как ты убежишь, да и я, может, то же сделаю. Не умирать же тут с тоски в самом деле!

Химка вбегает, дрожа от страха и запыхавшись.

Явление третье

Анфиса, Раиса и Химка.

Анфиса. Что ты, Химка?

Химка. Пришел… пришел…

Анфиса. Кто пришел?

Химка. Башмачник пришел, башмачник пришел.

Анфиса. Какой башмачник?

Химка. Не знаю какой, не знаю. Батюшки, страсти! Говорит, знакомые послали, барышням мерку снимать, мерку снимать.

Раиса. Это от Лукьян Лукьяныча, должно быть?

Анфиса. Непременно. Кто ж его пустил?

Химка. Я пустила; все спят, я пустила. Ах, страсти!

Анфиса. Где же он?

Химка. У садовой калитки дожидается. Он у калитки…

Анфиса. Веди его сюда скорей, да смотри, чтоб не увидали.

Химка. Сейчас, сейчас! Батюшки! сейчас! (*Убегает.*)

Раиса. Ишь ты какой придумщик! Башмачника прислал.

Анфиса. Благородного человека сейчас видно: у него все и поступки благородные. Ну кто придумает башмачника прислать, кроме благородного человека? Никто на свете.

Раиса. Мы этого башмачника на весь дом шить башмаки заставим, он нам и будет письма переносить.

Входят Бальзаминов и Химка.

Явление четвертое

Анфиса, Раиса, Бальзаминов и Химка.

Анфиса (*тихо*). Да ведь это твой белобрысый.

Раиса. Вот суприз!

Анфиса. Беги, Химка, постереги у калитки: коли в доме проснутся, так ты дай знак какой-нибудь.

Химка. Сейчас! Сейчас! Вот страсти-то! (*Убегает.*)

Анфиса. Однако как вы смелы!

Бальзаминов. Любовь все преодолевает-с.

Анфиса. Лукьяна Лукьяныча давно ли видели?

Бальзаминов. Даже только сейчас-с. Я от них к вам письмо имею.

Анфиса. Так давайте!

Бальзаминов (*подает письмо*). Извольте-с, Они ответ просили-с.

Анфиса отходит, распечатывает и читает.

Раиса. Вас зовут Михайло Дмитрич?

Бальзаминов. Точно так-с. Это я собственно для вас-с.

Раиса. Что для меня?

Бальзаминов. В таком виде-с.

Раиса. Покорно вас благодарю.

Анфиса. Раиса, поди сюда! Вы, господин Бальзаминов, извините, нам нужно поговорить. Вы посидите на лавочке, подождите.

Раиса подходит к Анфисе.

Бальзаминов (*садится на лавочку у забора*). Оченно хорошо-с.

Анфиса (*читает*). «У меня все готово. Докажите, что вы меня любите не на словах только, а на самом деле. Доказательств моей любви вы видели много. Для вас я бросил свет, бросил знакомство, оставил все удовольствия и развлечения и живу более года в этой дикой стороне, в которой могут жить только медведи да Бальзаминовы…»

Раиса. Ах, это правда.

Анфиса. Правда! (*Читает.*) «Кажется, этого довольно. Больше я ждать не могу. Из любви к вам я решаюсь избавить вас от неволи; теперь все зависит от вас. Если хотите, чтоб мы оба были счастливы, сегодня, когда стемнеет и ваши улягутся спать, что произойдет, вероятно, не позже девятого часа, выходите в сад. В переулке, сзади вашего сада, я буду ожидать вас с коляской. Забор вашего сада, который выходит в переулок, в одном месте плох…»

Раиса. Да, братец давно говорил об этом. На этой неделе хотят починить.

Анфиса (*читает*). «Мы разберем несколько досок, и вы будете на свободе. Мы с вами поедем верст за пятнадцать, где меня ждут мои приятели и уже все готово, даже и музыка…»

Раиса. И музыка! Ах, как это весело! А здесь-то какая тоска!

Анфиса. Ах, Раиса! Вот что значит благородный человек! Увозит девушку, все устроил отличным манером и потом даже с музыкой! Кто, кроме благородного человека, это сделает? Никто решительно.

Раиса. Что же, Анфиса, ты поедешь?

Анфиса. Еще бы после этого да я не поехала! Это даже было бы неучтиво с моей стороны. (*Читает.*) «Впрочем, может быть, вам ваша жизнь нравится и вся ваша любовь заключается в том, чтобы писать письма и заставлять обожателей во всякую погоду ходить по пятнадцати раз мимо ваших окон? В таком случае извините, что я предложил вам бежать со мной…»

Раиса. Отчего же он об нас так низко думает?

Анфиса. Я ему докажу, что я совсем не таких понятий об жизни. (*Читает.*) «Конечно, очень похвально слушаться братцев, бабушек и тету-

шек…»

Раиса. Анфиса, это он в насмешку!

Анфиса. Разумеется. (*Читает.*) «Но зачем же губить свою молодость и отказывать себе в удовольствиях? С нетерпением жду вашего ответа. Если вы сегодня не решитесь, я завтра уезжаю на Кавказ. Целую ваши ручки. Весь ваш…»

Раиса *(заглядывая в письмо)*. А это что?

Анфиса. А это Люди, Червь, значит: Лукьян Чебаков. Ну, Раиса, я пойду напишу ему ответ, а ты тут посиди с Бальзаминовым. Ты мне после скажи, что он тебе будет говорить.

Раиса. А как же Бальзаминов выдет отсюда? Ведь его никто не видал, как он вошел!

Анфиса. Вот еще беда-то!

Раиса. Знаешь что, Анфиса: я его как-нибудь спроважу через забор.

Анфиса. Ну хорошо. Ответ я с Хммкой пришлю. Прощайте, господин Бальзаминов! (*Уходит.*)

Раиса (*Бальзаминову*). Я сейчас к вам приду. (*Провожает Анфису.*)

Бальзаминов. Ведь вот теперь надо в любви открываться, а я ничего не придумал, никаких слов не прибрал. Эка голова! Что ты будешь делать! Будь тут столб или дерево покрепче, так бы взял да и разбил ее вдребезги. Сваха-то давеча правду

говорила, что я дурак. Что ж в самом деле? не стоять же столбом! На счастье буду говорить, что в голову придет: может быть, и хорошо выйдет. Вот каковы приятели! Сколько раз просил, чтобы показали, как в любви объясняться — ни один не показал. Всё из зависти, всякий для себя бережет.

Раиса возвращается.

Вот идет! Вот, что мы будем делать?

Явление пятое

Бальзаминов и Раиса.

Раиса. Извините, что мы вас заставили дожидаться!

Бальзаминов. Ничего-с! Очень приятно-с!

Молчание.

Они куда же пошли-с?

Раиса. Она пошла ответ писать.

Бальзаминов. Они скоро-с?

Раиса. Нет, она очень долго пишет. Мы скоро не умеем; для этого привычка нужна, а мы, кроме писем, ничего не пишем.

Бальзаминов. Я теперича все скучаю-с.

Раиса. И мы тоже скучаем. Такая тоска, вы не поверите!

Бальзаминов. Да вы, может быть, не оттого-с.

Раиса. Оттого, что всё сидим взаперти, не ви-

дим никаких развлечений.

Бальзаминов. А я от другого-с.

Раиса. Отчего же вы?

Бальзаминов. Я даже по ночам не сплю-с.

Раиса. Может быть, днем спите?

Бальзаминов. Нет, совсем не оттого-с.

Раиса. А отчего же?

Бальзаминов. От чувств-с.

Раиса. От каких же это чувств?

Бальзаминов. Я так чувствую себя, что я самый несчастный человек в жизни.

Раиса. Довольно странно это слышать от вас. Мужчины вообще счастливей женщин.

Бальзаминов. Но не все-с.

Раиса. У женщины несчастие заключается оттого, что она завсегда подо что-нибудь подвластна.

Бальзаминов. А у мужчины несчастие заключается от любви-с.

Раиса. Значит, надобно так полагать, что вы влюблены?

Бальзаминов. Так точно-с.

Раиса. Кто же эта женщина, которая могла вас прельстить собою?

Бальзаминов. Я не смею вам этого открыть-с.

Раиса. Отчего же?

Бальзаминов. Вам, может быть, будет против-

но меня слушать-с.

Раиса. Нисколько не противно: даже совсем напротив.

Бальзаминов. В таком случае-с позвольте вам выразить, что эта женщина — вы самые-с и есть-с.

Раиса. Ах, скажите! Я этого никак не ожидала.

Бальзаминов. Могу я сколько-нибудь надежду иметь-с или нет-с?

Раиса. Я еще ничего не слыхала от вас.

Бальзаминов. Для моей любви нет слов-с. Я бы и желал выразить-с, но никак не могу-с.

Раиса. Говорите хотя то, что можете сказать!

Бальзаминов. Одно только я могу сказать-с, что сам себе тиран.

Раиса. Какое же в этом тиранство?

Бальзаминов. Самое жестокое тиранство-с. Ежели человек влюблен-с, и даже не спит ночи, и не знает слов-с…

Раиса. Вы давно в меня влюблены?

Бальзаминов. В четверг после обеда, на прошлой неделе.

Раиса. Так это недавно! Лукьян Лукьяныч любит Анфису полтора года.

Бальзаминов. И я могу-с… даже больше.

Раиса. Ну, это еще неизвестно. Может быть, вы

непостоянный кавалер?

Бальзаминов. Я считаю это в мужчинах за низкость-с.

Раиса. Коли вы влюблены, отчего же вы мне письма не написали? Влюбленные всегда пишут письма.

Бальзаминов. Я не смел-с. А ежели вы так снисходительны, то я первым долгом почту написать вам даже нынче. А вы мне напишете на ответ-с?

Раиса. Отчего же не написать.

Бальзаминов. А ежели бежать-с, вы согласны будете?

Раиса. Уж это очень скоро.

Бальзаминов (*становится на колени*). Сделайте такое одолжение-с! Лукьян Лукьяныч тоже хотят увезти вашу сестрицу, так уж и я-с, чтобы вместе-с…

Раиса. Ну хорошо, я подумаю. Встаньте! Ну, увидит кто-нибудь? Вон Химка бежит.

Бальзаминов встает. Вбегает Химка.

Химка (*подает Бальзаминову письмо*). Вот письмо, вот письмо! Батюшки, страсти! Проснулись, все проснулись! (*Убегает.*)

Раиса. Ах, как же быть! Куда же мне вас деть? Через двор теперь нельзя.

Бальзаминов (*оглядывается по сторонам и*

подпрыгивает). Что же я-с? Как же я-с? А-я-яй! А-я-яй!

Раиса. Разве через забор? Вы умеете?

Бальзаминов. Раз, два, три-с… раз, два, три — и там-с.

Раиса. Так ступайте скорей!

Бальзаминов. Сейчас-с! (*Бежит за куст и лезет на забор налево*.)

Раиса. Не туда, не туда! Это в чужой сад.

Бальзаминов не слушает.

Явление шестое

На левой стороне.

Белотелова и Красавина выходят из беседки и останавливаются на ступенях.

Белотелова. Ты говоришь, что разбойники на ходулях ходят? Может быть, это колокол льют.

Красавина. Уж это так точно, поверь моему слову! Вот видишь — забор. Так выше этого забора у них ходули.

Бальзаминов показывается на заборе.

Белотелова. Ах! Вот они. (*Убегает в беседку*.)

Сваха от испуга садится на ступеньке.

Бальзаминов (*спрыгнув с забора*). А-я-яй! Ой-ой-ой!

Раиса (*за забором*). Что с вами?

Бальзаминов. В крапиву-с.

Раиса. Ну, прощайте! (*Уходит*.)

Явление седьмое

Красавина и Бальзаминов.

Красавина. Ах ты, батюшки мои, как перепугал, окаянный! Все сердце оторвалось. Чтоб тебе пусто было!

Бальзаминов выходит из-за куста.

Ишь тебя где луканька-то носит!

Бальзаминов. Где же это я? Вот и ты здесь!

Красавина. Я-то здесь; ты-то как попал?

Бальзаминов. Я оттуда…

Красавина. Видно, хорошо приняли, да, может, и угостили чем-нибудь? Шенпанским, что ли, чем ворота запирают? Аль собаками травили?

Бальзаминов. Ты меня выведи как-нибудь отсюда.

Красавина. Тебя-то? Скажи ты мне, варвар, что ты с нами сделал? Мы дамы тучные, долго ли до греха! Оборвется сердце — и конец. Нет, мы тебе руки свяжем да в часть теперича.

Бальзаминов. Да за что же?

Красавина. А за то, что не лазий по заборам! Разве показано по заборам: ворам дорогу указывать? Ты у меня как хозяйку-то испугал, а? Как?

Так что теперь неизвестно, жива ли она там в беседке-то! Вот что, друг ты мой!

Бальзаминов. Что же это такое? Боже мой! Несчастный я человек!

Красавина. Ты полно сиротой-то прикидываться! Ты скажи, как тебя счесть? За вора?

Бальзаминов. Да какой же я вор?

Красавина. А за что за другое, так тебе же хуже будет. Она честным манером вдовеет пятый год, теперь замуж идти хочет, и вдруг через тебя такая мараль пойдет. Она по всем правам на тебя прошение за свое бесчестье подаст. Что тебе за это будет? Знаешь ли ты? А уж ты лучше, для облегчения себя, скажи, что воровать пришел. Я тебе по дружбе советую.

Бальзаминов. Ах, боже мой! Да как же это, страм какой! Акулина Гавриловна, сделай милость, выпусти как-нибудь!

Красавина. Теперь «сделай милость», а давеча так из дому гнать! Ты теперь весь в моей власти, понимаешь ты это? Что хочу, то с тобой и сделаю. Захочу — прощу, захочу — под уголовную подведу. Засудят тебя и зашлют, куда Макар телят не гонял.

Бальзаминов. Долго ль меня напугать? я человек робкий. Уж я тебе все, что ты хочешь, только

ты не пугай меня.

Красавина (*встает*). Ну вот что: две тысячи целковых.

Бальзаминов. Где же я возьму?

Красавина. Уж это не твое дело. Будут. Только уж ты из-под моей власти ни на шаг. Что прикажу, то и делай! Как только хозяйка выдет, говори, что влюблен. (*Показывая на забор*.) Там тебе нечего взять, я ведь знаю; а здесь дело-то скорей выгорит, да и денег-то впятеро против тех.

Бальзаминов. Что же это такое? Я умру. В один день столько перемен со мной! Это с ума сойдешь! Я тебя золотом осыплю.

Красавина. Завтра приду к тебе, условие напишем; а теперь говори одно, что влюблен. (*Заглядывает в беседку*.) Домна Евстигневна! выходи, ничего!

Белотелова выходит.

Явление восьмое

Бальзаминов, Красавина и Белотелова.

Белотелова. Как я испугалась, думала, умру.

Красавина. Ты б выпила чего-нибудь покрепче! От испугу это хорошо.

Белотелова. Я выпила.

Красавина. Ну и ничего, и пройдет. Ты не бойся,

это знакомый, он по ошибке. (*Берет Балъзаминова за руку и хочет подвести к Белотеловой.*)

Бальзаминов (*тихо*). Уж оченно они полны.

Красавина. Ты еще разговаривать стал! (*Подводит.*) Вот тебе Михайло Дмитрич Бальзаминов. (*Балъзаминову.*) Целуй ручку!

Бальзаминов целует.

Белотелова. Зачем же вы?

Бальзаминов. Влюблен-с.

Красавина. Ну да, влюблен. Так точно. Это он верно говорит. Вот и потолкуйте, а я по саду погуляю. (*Уходит за кусты.*)

Белотелова. Лучше сядем.

Садятся на скамейку.

Как же это вы?

Бальзаминов. Через забор-с.

Белотелова. Отчего через забор?

Бальзаминов. От любви-с. Вы не сердитесь на меня-с?

Белотелова. Нет, я никогда не сержусь. Я добрая. Вы что делаете?

Бальзаминов. Я? ничего-с.

Белотелова. И я тоже ничего. Скучно одной-то ничего не делать, а вместе веселее.

Бальзаминов. Как же можно-с, гораздо веселее!

Белотелова (*кладет руку на плечо Бальзаминову*). Вы хотите вместе?

Бальзаминов. Даже за счастие почту-с.

Белотелова. Я очень добрая, я всему верю; так уж вы меня не обманите.

Бальзаминов. Как же это можно-с! Я за низкость считаю обманывать.

Белотелова. Ну хорошо! Вы меня любите, и я вас буду…

Бальзаминов. Покорнейше благодарю-с. Пожалуйте ручку поцеловать!

Белотелова. Нате! (*Дает руку*.) А то подвиньтесь поближе: я вас так… (*Бальзаминов подвигается, она его целует*.)

Сваха выходит из-за кустов.

Красавина. Ну вот и прекрасно! Значит, делу конец!

Белотелова (*встает*). Пойдемте в беседку.

Бальзаминов (*Красавиной*). Мне бы домой-с.

Красавина. Мы лучше его отпустим. Ты ступай! Поцелуй ручку и ступай! Так прямо, из калитки в ворота, никто тебя не тронет.

Бальзаминов (*целует руку у Белотеловой*). Прощайте-с.

Белотелова. До свидания.

Красавина. До завтра, до завтра.

Бальзаминов уходит.

А мы вот с тобой потолкуем. Ну, как тебе?

Белотелова. Он мне понравился. Ты мне его!

Красавина. Ну, его так его. Все это в наших руках. Вот у нас теперь и пированье пойдет, дым коромыслом. А там и вовсе свадьба.

Белотелова. Свадьба долго; а он чтоб и прежде каждый день… ко мне…

Красавина. Стоит об этом толковать. Что ж ему делать-то! Так же бегает. А уж теперь пущай тут с утра до ночи.

Белотелова (*смеется*). Вот мне теперь гораздо веселей.

Красавина (*смеется*). Ах ты, красавица моя писаная! Ишь ты, развеселилась! Вот я тебя чем утешила. Еще ты погоди, какое у нас веселье будет!

Смеются обе.

Пойдем в беседку, я тебя проздравлю как следует.

Уходят.

Картина третья

ЛИЦА:
Бальзаминова.
Бальзаминов.
Чебаков.
Красавина.
Матрена.

Комната у Бальзаминовых та же, что и в первой картине.

Явление первое

Бальзаминова (*одна*). Ах, как я долго проспала! Уж смеркается. В голове так тяжело, и сны всё такие снились страшные. Все Мишу во сне видела. Уж разумеется, о чем думаешь, то и во сне видишь. Где-то он теперь? А что-нибудь либо делается с ним, либо сделается необыкновенное. Сна-то никак не распутаю; уж очень много видела-то я. Чего-чего не было! Я отроду таких снов не видала. Вот кабы умного человека найти, сейчас бы и посоветовалась, а одной не разобрать. Вот разве как вдвоем с Матреной не разберем ли.

Ум хорошо, говорят, а два лучше. Простая она женщина-то, необразованная совсем; пожалуй что в снах-то понятия-то большого не имеет. Ведь простой человек спит крепко, а если что и видит, так ему все равно, у него на это понятия нет. Матрена!

Входит Матрена.

Явление второе

Бальзаминова и Матрена.

Бальзаминова. Ты, Матрена, умеешь сны разбирать?

Матрена. Да что их разбирать-то! Мало ли что снится!

Бальзаминова. Конечно, не всякий сон к чему-нибудь; бывают сны и пустые, так, к погоде. А вот ты заметь, коли чему быть, так непременно прежде сон увидишь.

Матрена. Да чему быть-то! Быть-то нечему!

Бальзаминова. Разные перевороты могут быть с человеком: один из богатства в бедность приходит, а другой из бедности в богатство.

Матрена. Не видать что-то этих переворотов-то: богатый богатым так и живет, а бедный, как ни переворачивай его, все бедный.

Бальзаминова. Как ты глупо рассуждаешь!

Разве не бывает, что на дороге находят значительные суммы? Ну вот Миша жениться может на богатой: вот богат и будет.

Матрена. Оно точно, что говорить! Чем черт не шутит! Только уж на редкость это дело будет, как наш да на богатой женится!

Бальзаминова. Разумеется, на редкость. А все-таки может случиться; такие ли еще дела бывают.

Матрена. Что говорить! Всяко случается. На грех-то, говорят, и из палки выстрелишь.

Бальзаминова. Ну вот видишь ли! Значит, что ж мудреного, что Миша женится на богатой? Вот в этаком-то случае сон-то и много значит, когда ждешь-то чего-нибудь. Такой уж я, Матрена, сон видела, такой странный, что и не знаю, чему приписать! Вижу: будто я на гулянье, что ли, только народу, народу видимо-невидимо.

Матрена. Это к снегу, говорят.

Бальзаминова. К какому же снегу! Что ты, в уме ли! В августе-то месяце!

Матрена. Ну, так к дождю.

Бальзаминова. Да и не к дождю.

Матрена. Ну, а коли не к дождю, уж я больше не умею сказать, к чему это.

Бальзаминова. Не умеешь, так и молчи, а то

ты только перебиваешь. Я уж и так половину перезабыла; уж очень много со мной во сне приключениев-то было. Только тут ли, после ли, вдруг я вижу корабль. Или нет, корабль после.

Матрена. Уплывет что-нибудь.

Бальзаминова. Погоди! Сначала я вижу мост, и на мосту сидят всё бабы с грибами и с ягодами…

Матрена. Мост — это с квартиры съезжать на другую.

Бальзаминова. Постой, не перебивай ты меня! Только за мостом — вот чудеса-то! — будто Китай. И Китай этот не земля, не город, а будто дом такой хороший, и написано на нем: «Китай». Только из этого Китая выходят не китайцы и не китайки, а выходит Миша и говорит: «Маменька, подите сюда, в Китай!» Вот будто я сбираюсь к нему идти, а народ сзади меня кричит: «Не ходи к нему, он обманывает: Китай не там, Китай на нашей стороне». Я обернулась назад, вижу, что Китай на нашей стороне, точно такой же, да еще не один. А Миша будто такой веселый, пляшет и поет: «Я поеду во Китай-город гулять!»

Матрена. Ну уж это, вот режь ты меня сейчас на части, ни за что не пойму, к чему приписать!

Бальзаминова. Где тут понять! Да это что! Много я еще чудес-то видела, и все-то Миша в глазах,

все-то Миша.

Матрена. Все сокрушаешься об нем, об его малом разуме, вот и видишь.

Бальзаминова. То он пляшет, то догоняет кого-то, то за ним кто-то гонится. То пропадет куда-то, то вдруг явится.

Матрена. Да это и наяву все так же: то пропадет, то явится. Вот давеча пропал, а теперь, гляди, явится. Хоть бы его в суде за дело за какое присадили: поменьше бы слонялся, слоны-то продавал.

Бальзаминова. Какое уж ему дело давать, по его ли разуму?

Матрена. Да вот он, на помине-то легок.

Входит Бальзаминов.

Явление третье

Те же и Бальзаминов.

Бальзаминов (*садится*). Ну, маменька, кончено.

Бальзаминова. Значит, благополучно?

Бальзаминов. Еще как благополучно-то! Так, маменька, что я думаю, что не переживу от радости. Теперь, маменька, и дрожки беговые, и лошадь серая, и все… Ух, устал!

Бальзаминова. А какой я без тебя сон видела!

Бальзаминов. Что сон! Со мной наяву то было, что никому ни в жизнь не приснится. У своей был… и у той был, что сваха-то говорила, у Белотеловой, я фамилию на воротах прочел, как выходил оттуда; а туда через забор…

Матрена. Ишь ты, нелегкая-то тебя носит!

Бальзаминов. Молчи ты! Ты еще не знаешь, с кем ты теперь говоришь! Маменька, вот они, мечты-то мои! Ан вот правда выходит. Ух, дух не переведу!

Бальзаминова. Что, богато она живет?

Бальзаминов. Богато. Дом, лошади, сад, деньги, все…

Бальзаминова. Значит, правду сваха-то говорила, что денег счету нет?

Бальзаминов. Правду.

Бальзаминова. Ну что ж ты?

Бальзаминов. Женюсь.

Бальзаминова. На ком?

Бальзаминов. На обеих.

Матрена. Что ты татарин, что ли! Очувствуйся хоть малость!

Бальзаминова. Что это ты, Миша, право! Обрадуешься, так уж себя не помнишь! Говоришь такие слова, что ни на что не похоже.

Бальзаминов. Погодите, постойте! А то я поме-

шаюсь в мыслях. Этакое счастье и вдруг, в один день…

Матрена. Не было ни гроша, да вдруг алтын!

Бальзаминов. Да замолчи ты! Я, маменька, себе человека найму, камердинера; а Матрену прочь… за грубость.

Матрена. И давно бы ты нанял. (*Уходит.*)

Бальзаминова. Ну, а эта, как ее, Пеженова, что ли? У нее сколько?

Бальзаминов. Полтораста тысяч.

Бальзаминова. У этой много поменьше, чем у той.

Бальзаминов. Зато эта, маменька, помоложе, а та постарше, ну, так у ней побольше.

Бальзаминова. И согласна она за тебя замуж идти, Пеженова-то?

Бальзаминов. Обе согласны. Только одна, чтоб увезти; а другая так дома. Не отдохну никак.

Бальзаминова. Ну как же ты?

Бальзаминов. Погодите, маменька, погодите! Вот он сад-то я нынче во сне-то видел! Я в двух садах был.

Бальзаминова. А я, Миша, Китай видела. Уж не знаю, к чему?

Бальзаминов. У Белотеловой лавка в Китай-городе, вот и весь ваш сон.

Бальзаминова. И то правда.

Бальзаминов (*быстро встает*). Что же это такое! Боже мой! Представьте, маменька…

Бальзаминова. Да ты посиди, отдохни.

Бальзаминов. Ах, маменька, не мешайте! Представьте, маменька, я, бедный молодой человек, хожу себе по улице, и вдруг что же? И вдруг теперь поеду в коляске! И знаете, что мне в голову пришло? Может быть, за Пеженовой сад отдадут в приданое: тогда можно будет забор-то разгородить, сады-то у них рядом, и сделать один сад. Разных беседок и аллей…

Бальзаминова. Да ты, никак, в самом деле на обеих хочешь жениться?

Бальзаминов. Вот вы меня, маменька, всегда останавливаете! Никогда не дадите помечтать. Что ж такое! я этим никому вреда не делаю. Коли нельзя жениться на обеих, я бы хоть помечтал по крайней мере, а вы меня расстроили.

Бальзаминова. Ну мечтай, бог с тобой!

Бальзаминов (*задумывается. Молчание*). Нет, маменька, сам чувствую, что начинает все путаться в голове, так даже страшно делается. Планов-то много, а обдумать не могу. Сейчас я думал об доме, ну и представился мне в уме дом, большой, каменный, и львы на воротах; только

лев будто и разевает рот, каменный-то, да и залаял, а я об этом и думать не хотел, обо льве-то. Хочу его из головы-то выкинуть, никак нейдет. А отчего это? Оттого, что я не привык думать, как богатые люди думают; все думал так, как бедные думают; вот оно теперь богатство-то в голове и не помещается. А вот привыкну, так ничего.

Бальзаминова. Что мудреного, что не помещается! Этакая пропасть! Иной раз и о пустяках думаешь, да ум за разум заходит; а тут, с такими деньгами — просто беда!

Бальзаминов (*задумавшись*). Если башню выстроить, большую, чтобы всю Москву видно было! Можно будет там и голубей держать…

Бальзаминова. Оставь, Миша! Не думай, хуже будет!

Бальзаминов. Само думается, маменька. Правду говорят, маменька, что с состоянием-то много заботы бывает.

Бальзаминова. А ты давай-ка лучше поговорим об чем-нибудь другом! А то, сохрани господи, долго ли до греха, пожалуй совсем свихнешься.

Бальзаминов. Извольте, маменька! Другой бы сын, получивши такое богатство-то, с матерью и говорить не захотел; а я, маменька, с вами об чем угодно, я гордости не имею против вас. Нужды

нет, что я богат, а я к вам с почтением. И пусть все это знают. С другими я разговаривать не стану, а с вами завсегда. Вот я какой! (*Садится.*)

Бальзаминова. Еще бы! А которая лучше лицом-то из них?

Бальзаминов. Мне, маменька, все богатые невесты красавицами кажутся; я уж тут лица никак не разберу.

Бальзаминова. Что же ты мне не расскажешь, как у вас дело-то было?

Бальзаминов. До того ли мне, маменька, помилуйте! Вот Красавина придет, расскажет. (*Задумывается.*) У меня теперь в голове, маменька, лошади, экипажи, а главное — одежда чтобы к лицу.

Бальзаминова. Брось, Миша, брось, не думай! Право, я боюсь, что ты с ума сойдешь. Да что же это мы в потемках-то сидим! Ишь как смерклось. Пойду велю огня зажечь.

Бальзаминов. Погодите, маменька! Не нужно огня, в потемках лучше.

Бальзаминова. Ну что хорошего впотьмах сидеть?

Бальзаминов. Впотьмах, маменька, мечтать лучше. Оно можно и при огне, только надобно зажмуриться, а в потемках можно и так, с откры-

тыми глазами. Я теперь могу себя представить как угодно. И в зале могу себя представить в отличной, и в карете, и в саду; а принесите вы свечку, я сейчас увижу, что я в самой бедной комнате, мебель скверная, ну и все пропало. Да и на себя-то взгляну — совсем не тот, какой я в мечтах-то.

Бальзаминова. Какой же ты?

Бальзаминов. В мечтах я себя представляю, маменька, что я высокого роста, полный и брюнет.

Бальзаминова. Разумеется, лучше.

Бальзаминов. Вот смотрите, маменька; вот я вам буду сказывать, что мне представляется. Вот будто я сижу в зале у окошка, в бархатном халате; вдруг подходит жена…

Бальзаминова. Ну, а потом что ж?

Бальзаминов. «Поедем, говорит, душенька, на гулянье!»

Бальзаминова. Отчего ж не ехать, коли погода хорошая?

Бальзаминов. Отличная, маменька, погода. Я говорю: «Поди, душенька, одеваться, и я сейчас оденусь». — «Человек!» Приходит человек. «Одеваться, говорю, давай, и приготовь голубой плащ на бархатной подкладке!» Вот не нравится мне. маменька, у него улыбка-то какая противная. Как

точно он смеется надо мной.

Бальзаминова. Уж с этим народом беда!

Бальзаминов. Вот и грубит. Ну, я этого прогоню, я себе другого возьму. (*Что-то шепчет про себя.*)

Бальзаминова. Что ж ты замолчал?

Бальзаминов. Это мы, маменька, с женой разговариваем и целуемся. Вот, маменька, садимся мы с женой в коляску, я взял с собой денег пятьдесят тысяч.

Бальзаминова. Зачем так много?

Бальзаминов. Как знать, может быть, понадобятся!

Бальзаминова. Ты бы лучше дома оставил.

Бальзаминов. Еще украдут, пожалуй. Вот едем мы дорогой, все нам кланяются. Приезжаем в Эрмитаж, и там все кланяются; я держу себя гордо. (*В испуге вскакивает и ходит в волнении.*) Вот гадость-то! Ведь деньги-то у меня, пятьдесят-то тысяч, которые я взял, пропали.

Бальзаминова. Как пропали?

Бальзаминов. Так и пропали. Должно быть, вытащил кто-нибудь.

Бальзаминова. А ты не бери с собой!

Бальзаминов. В самом деле не возьму. Все равно и дома украдут. Куда ж бы их деть? В саду спрятать, в беседке под диван? Найдут. Отдать

кому-нибудь на сбережение, пока мы на гуляньето ездим? Пожалуй, зажилит, не отдаст после. Нет, лучше об деньгах не думать, а то беспокойно очень; об чем ни задумаешь, всё они мешают. Так я без денег будто гуляю.

Бальзаминова. Гораздо покойнее.

Бальзаминов. Вот, маменька, выхожу я из саду, жандарм кричит: «Коляску Бальзаминову!»

Входит Чебаков.

А я будто, маменька, генерал…

Явление четвертое

Те же и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов, это вы-то генерал?

Бальзаминова. Ах, батюшка, извините! Мы и не видали, как вы вошли.

Бальзаминов. Ах, я и не знал, что вы здесь-с. Я так, по-домашнему, с маменькой-с… а то я при вас бы не стал таких глупостей говорить-с! Впрочем, что ж такое, в сумерках отчего ж и не заняться иногда, не помечтать-с?

Чебаков. Уж вы бы лучше об чем-нибудь другом, а не об генеральстве.

Бальзаминов. Нет, отчего же, в сумерках-с…

Чебаков. Да и в сумерках нельзя. Нет, вы брось-

те это занятие!

Бальзаминова. Что же это мы в потемках-то сидим! Извините, батюшка! я сейчас пойду огня принесу.

Чебаков. Послушайте, не беспокойтесь, мы и так друг друга знаем.

Бальзаминова. Все-таки лучше, пристойнее. (*Уходит.*)

Явление пятое

Бальзаминов и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, ваше превосходительство, нам надо будет отправиться.

Бальзаминов. Куда же-с?

Чебаков. Всё туда же, Нас там ждут.

Бальзаминов. Зачем же это они нас ждут-с? Ведь я вам письмо принес; а завтра можно опять-с.

Чебаков. Вот в письме-то и написано, чтоб мы приходили сегодня.

Бальзаминов. И я-с?

Чебаков. И вы.

Бальзаминов. Что же мы там делать будем-с?

Чебаков. Вам хочется знать? Ну уж этого я вам не скажу. Вот пойдемте, так сами увидите.

Бальзаминов. А я-то что ж буду делать-с? Ведь

уж я теперь в любви объяснился; уж после этого что мне делать, я не знаю-с.

Чебаков. Я вас научу.

Бальзаминов. Вот вы давеча говорили — увезти, а я вас, Лукьяи Лукьяныч, и забыл спросить: куда же это их увозят-с?

Чебаков. Куда хотите.

Бальзаминов. А на чем же я увезу-с?

Чебаков. Послушайте, я вас этому всему научу, только пойдемте.

Бальзаминов. Я сейчас-с. (*Берет фуражку.*)

Входит Бальзаминова.

Явление шестое

Те же и Бальзаминова.

Бальзаминова. Куда же это ты, Миша?

Бальзаминов. К Пеженовым-с.

Бальзаминова. Разве уж ты решился?

Бальзаминов. Нет, маменька, как можно решиться! Да вот Лукьян Лукьяныч говорит, что надо идти.

Чебаков. Послушайте, разумеется, надо.

Бальзаминов. Вот видите, маменька! А решиться я не решился-с. Потому, извольте рассудить, маменька, дело-то какое выходит: ежели я решусь жениться на одной-с, ведь я другую должен

упустить. На которой ни решись — все другую должен упустить. А ведь это какая жалость-то! Отказаться от невесты с таким состоянием! Да еще самому отказаться-то.

Чебаков. Послушайте, вы скоро?

Бальзаминов. Сейчас-с.

Бальзаминова. Так зачем же ты идешь?

Бальзаминов. Ну уж, маменька, что будет то будет, а мне от своего счастья бегать нельзя. Все сделано отлично, так чтоб теперь не испортить. Прощайте.

Уходят.

Явление седьмое

Бальзаминова и потом Матрена.

Бальзаминова. Такие мудреные дела делаются, что и не разберешь ничего! Теперь одно только и нужно: хорошую ворожею найти. Так нужно, так нужно, что, кажется, готова последнее отдать, только бы поговорить с ней. Что без ворожеи сделаешь? И будешь ходить как впотьмах. Почем мы знаем с Мишей, которую теперь невесту выбрать? Почем мы знаем, где Мишу счастье ожидает в будущем? С одной может быть счастье, а с другой — несчастье; опять же и дом: иной счастлив, а другой нет; в одном всё ко двору, а в другом ни-

чего не держится. А какой — нам неизвестно. Как же это так наобум решиться! Солидные-то люди, которые себе добра-то желают, за всякой малостью ездят к Ивану Яковличу, в сумасшедший дом, спрашиваться; а мы такое важное дело да без совета сделаем! Уж что не порядок, так не порядок. Нет ли тут поблизости хоть какой-нибудь дешевенькой? Она хоть и не так явственно скажет, как дорогая ворожея, а все-таки что-нибудь понять можно будет. Матрена!

Входит Матрена.

Нет ли у нас тут где недалеко ворожеи какой-нибудь?

Матрена. Какой ворожеи?

Бальзаминова. Гадалки какой-нибудь.

Матрена. Вам про что спрашивать-то?

Бальзаминова. Об жизни, об счастье, обо всем.

Матрена. Таких нет здесь.

Бальзаминова. А какие же есть?

Матрена. Вот тут есть одна: об пропаже гадает. Коли что пропадет у кого, так сказывает. Да и то по именам не называет, а больше всё обиняком. Спросят у нее: «Кто, мол, украл?» А она поворожит, да и скажет: «Думай, говорит, на черного или на рябого». Больше от нее и слов нет. Да и то, говорят, от старости, что ли, все врет больше.

Бальзаминова. Ну, мне такой не надо.

Матрена. А другой негде взять.

Бальзаминова. Вот какая у нас сторона! Уж самого необходимого, и то не скоро найдешь! На картах кто не гадает ли, не слыхала ль ты?

Матрена. Есть тут одна, гадает, да ее теперича увезли.

Бальзаминова. Куда увезли?

Матрена. Гадать увезли, далеко, верст за шестьдесят, говорят. Барыня какая-то нарочно за ней лошадей присылала. Лакей сказывал, который приезжал-то, что барыня эта расстроилась с барином.

Бальзаминова. С мужем?

Матрена. Нет, оно выходит, что не с мужем, а так у ней, посторонний. Так повезли гадать, когда помирятся. А больше тут никаких нет.

Бальзаминова. Ты не знаешь, а то, чай, как не быть. Такая ты незанимательная женщина: ни к чему у тебя любопытства нет.

Матрена. А на что мне? Мне ворожить не об чем: гор золотых я ниоткуда не ожидаю. И без ворожбы как-нибудь век-то проживу.

Бальзаминова. Загадаю сама, как умею. (*Достает карты и гадает*.) Вот что, Матрена: теперь, гляди, сваха зайдет, так поставь-ка закусочки

какой-нибудь в шкап.

Матрена приносит закуску и уходит. Входит Бальзаминов.

Явление восьмое

Бальзаминова и Бальзаминов.

Бальзаминова. Что ты так скоро?

Бальзаминов (*садится*). Кончено, маменька! Таким дураком меня поставили, что легче бы, кажется, сквозь землю провалиться.

Бальзаминова. Да каким же это манером? Расскажи ты мне.

Бальзаминов. Очень просто. Приходим мы с Лукьян Лукьянычем к ихнему саду, гляжу — уж и коляска тут стоит. Только Лукьян Лукьяныч и говорит мне: «Ну, господин Бальзаминов, теперь наше дело к концу подходит». Так у меня мурашки по сердцу и пошли! «Давайте, говорит, теперь за работу, забор разбирать». Так я, маменька, старался, даже вспотел! Вот мы три доски сняли, а те уж тут дожидаются. Вот он старшую, Анфису, берет за руку: «Садитесь, говорит, в коляску». Потом, маменька, начинают все целоваться: то сестры промежду себя поцелуются, то он и ту поцелует, и другую. Что мне тут делать, маменька, сами посудите? Как будто мне и неловко, и точно

как завидно, и словно что за сердце сосет… уж я не знаю, как вам сказать. Я сейчас в ревность.

Бальзаминова. Ты это нарочно?

Бальзаминов. Само собой, что нарочно. Надо же себя поддержать против них. Я, маменька, хотел показать Раисе-то, что я в нее влюблен. Я и говорю Лукьян Лукьянычу: «Какое вы имеете право целовать Раису Панфиловну?» Они как захохочут все. Я, маменька, не обращаю на это внимания и говорю Раисе Панфиловне: «Когда же, говорю, мы с вами бежать будем?» А она, маменька, вообразите, говорит мне: «С чего вы это выдумали?» А сама целуется с сестрой и плачет. Потом Лукьян Лукьяныч сели в коляску с Анфисой и уехали. А Раиса, маменька, прямехонько мне так и отпечатала: «Подите вы от меня прочь, вы мне надоели до смерти», — да, подобравши свой кринолин, бегом домой. Что ж мне делать? Я и воротился.

Бальзаминова. Это оттого, Миша, что ты все от меня скрываешь, никогда со мной не посоветуешься. Расскажи ты мне, как у вас это дело было с самого начала.

Бальзаминов. Порядок, маменька, обыкновенный. Узнал я, что в доме есть богатые невесты, и начал ходить мимо. Они смотрят да улыбаются,

а я из себя влюбленного представляю. Только один раз мы встречаемся с Лукьян Лукьянычем *(я еще его не знал тогда)*, он и говорит: «За кем вы здесь волочитесь?» Я говорю: «Я за старшей». А и сказал-то так, наобум. «Влюбитесь, говорит, в младшую, лучше будет». Что ж, маменька, разве мне не все равно?

Бальзаминова. Разумеется!

Бальзаминов. Я и влюбился в младшую. «Я, говорит, вам помогать буду, потом мы их вместе увезем». Я на него понадеялся, а вот что вышло! Вот, маменька, какое мое счастье-то!

Бальзаминова. Как же ты, Миша, не подумал, куда ты увезешь невесту и на чем? Ведь для этого деньги нужны.

Бальзаминов. Я, маменька, на Лукьян Лукьяныча надеялся.

Бальзаминова. Очень ему нужно путаться в чужие дела! Всякий сам о себе хлопочет.

Бальзаминов. А впрочем, маменька, коли правду сказать, я точно в тумане был; мне все казалось, что коли она меня полюбит и согласится бежать со мной, вдруг сама собой явится коляска; я ее привезу в дом к нам…

Бальзаминова. На эту квартиру-то?

Бальзаминов. Вы не поверите, маменька, как,

бывало, начну думать, что увожу ее, так мне и представляется, что у нас дом свой, каменный, на Тверской.

Бальзаминова. Жаль мне тебя, Миша! Совсем еще ты дитя глупое.

Бальзаминов. Уж очень мне, маменька, разбогатеть-то хочется.

Бальзаминова. Ничего-то ты в жизни не сделаешь!

Бальзаминов. Отчего же, маменька?

Бальзаминова. Оттого что не умеешь ты ни за какое дело взяться. Все у тебя выходит не так, как у людей.

Бальзаминов. Нет, маменька, не оттого, что уменья нет, а оттого, что счастья нет мне ни в чем. Будь счастье, так все бы было, и коляска, и деньги. И с другой невестой то же будет: вот посмотрите. Придет сваха, да такую весточку скажет, что на ногах не устоишь.

Красавина входит.

Да вот она! Вот она!

Бальзаминов и Бальэаминова встают.

Явление девятое

Те же и Красавина.

Бальзаминова. Чем, матушка, обрадуете? Мы

тут без вас завяли совсем.

Бальзаминов (*Красавиной*). Погоди, не говори! я зажмурюсь, все легче будет.

Красавина. Ох, далеко я ехала, насилу доехала. (*Садится*.)

Бальзаминова. Откуда ж это, матушка?

Красавина. Отсюда не видать.

Бальзаминов. Погодите, маменька, погодите!

Красавина. Ехала селами, городами, темными лесами, частыми кустами, быстрыми реками, крутыми берегами; горлышко пересохло, язык призамялся.

Бальзаминов. Хлопочите, маменька! Хлопочите скорей!

Бальзаминова достает из шкафа водку и закуску и ставит на стол.

Вот, пей, да и говори уж что-нибудь одно.

Бальзаминова (*наливает рюмку*). Кушайте на здоровье!

Красавина. Выпью, куда торопиться-то.

Бальзаминов. Ну, ну, поскорее! А то я умру сейчас, уж у меня под сердце начинает подступать.

Красавина. Ишь ты какой скорый! Куда нам торопиться-то! Над нами не каплет.

Бальзаминов. Что ж она не говорит! Маменька, что она не говорит? Батюшки, умираю! Чувствую,

что умираю! (*Садится.*)

Красавина. Не умрешь! А и умрешь, так и опять встанешь. (*Берет рюмку.*) Ну, честь имею поздравить! (*Пьет.*)

Бальзаминова. С чем, матушка, с чем?

Красавина. Как с чем! А вот стрелец-то твой подстрелил лебедь белую.

Бальзаминова. Неужли, матушка, вправду? Слышишь, Миша?

Бальзаминов. Говорите что хотите, я умер,

Красавина. Много он маху давал, а теперь попал — под самое под правое крылышко.

Бальзаминова. В последнее-то время, знаете ли, много с нами таких несчастных оборотов было, так уж мы стали очень сумнительны.

Красавина. Да что тут сумлеваться-то! Хоть завтра же свадьба! Так он ей понравился, что говорит: «Сейчас подавай его сюда!» Ну сейчас, говорю, нехорошо, а завтра я тебе его предоставлю. «А чтоб он не сумлевался, так вот снеси ему, говорит, часы золотые!» Вот они! Отличные, после мужа остались. Ну, что, ожил теперь?

Бальзаминов (*вскакивает*). Ожил! Ожил! Давай их сюда! (*Берет часы.*) Что ж это, маменька, я вас спрашиваю?

Бальзаминова. Это тебе за долгое твое терпе-

нье счастье выходит.

Красавина. А ты помнишь наш уговор? Ты на радостях-то не забудь!

Бальзаминов. Ты просила две?

Красавина. Две.

Бальзаминов. Ну, так вот ты знай же, какой я человек! Маменька, смотрите, какой я человек! Я тебе еще пятьдесят рублей прибавлю.

Красавина. Ишь ты, расщедрился! Ну, да уж нечего с тобой делать, и то деньги.

Бальзаминов. Маменька, уж вы теперь смотрите за мной, как бы со мной чего не сделалось. Батюшки мои! Батюшки мои! (*Прыгает от радости.*) Я теперь точно новый человек стал. Маменька, я теперь не Бальзаминов, а кто-нибудь другой!

Красавина. Давай пляску сочиним на радости!

Бальзаминов. Давай! А вы, маменька, говорили, что я сделать ничего не умею! А ты говорила, что я дурак!

Красавина. Я, брат, и теперь от своих слов не отступлюсь.

Бальзаминова. А ты, Миша, не обижайся! Пословица-то говорит, что «дуракам счастье». Ну, вот нам счастье и вышло. За умом не гонись, лишь бы счастье было. С деньгами-то мы и без

ума проживем.

Бальзаминов. Еще бы! На что мне теперь ум? А давеча, маменька, обидно было, как денег-то нет, да и ума-то нет, говорят, А теперь пускай говорят, что дурак: мне все одно.

Красавина. А то вот еще есть пословица. Ты долго за невестами ходил?

Бальзаминов. Долго.

Красавина. А пословица-то говорит: «За чем пойдешь, то и найдешь».

Бальзаминова. И то, матушка, правда.

Бальзаминов (*Красавиной*). Ну, давай плясать! Становись!

Сваха становится в позу.

Комментарии

Не сошлись характерами![*]

Печатается по первому прижизненному собранию сочинений Островского (А. Н. Островский, Соч., т. II, изд. Г. А. Кушелева-Безбородко, СПБ., 1859).

Пьеса задумана в феврале 1856 г., начата 13 ноября и окончена 29 ноября 1857 г.

В первой редакции пьеса называлась: «Приданое. Семейные сцены», и состояла из двух сцен.

В процессе работы над пьесой драматург изменил ее заглавие на «Не сошлись характерами!» (автографы хранятся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина).

27 июня 1856 г. Островский писал в «Современник» Некрасову: «Пьесу „Не сошлись характерами!“ я вам пришлю к августовской книжке». Но вскоре планы драматурга переменились. Он оставил работу над пьесой и принялся за обработку своего сюжета в форме рассказа.

18 октября 1856 г. Островский писал в «Современник» И. И. Панаеву: «Получив ваше письмо, я принялся за работу и хотел отвечать самым де-

лом, т. е. выслать вам поскорее рассказ». Однако драматург, не удовлетворившись сделанным, вернулся к своему произведению лишь через год и продолжал его переработку в драматической форме. Во второй половине ноября 1857 г. Островский довел работу над пьесой до конца. Он дал новую редакцию произведения, поправив и дополнив первоначальный вариант пьесы, называвшейся «Приданое». Немаловажную роль при этом сыграл и незавершенный текст рассказа (рассказ «Не сошлись характерами!» см. в т. XIV наст. Собр. соч.).

Окончательно отделывая пьесу, Островский, по всей вероятности из цензурных соображений, смягчил заключительный монолог Поля. В рукописи непосредственно после слов: «скакали по вашим наследственным полям» было: «и хлестали своими хлыстами по глазам мужиков, которые не сворачивали с дороги».

2 декабря 1857 г. Островский писал Некрасову: «Посылаю вам пьеску, она хоть маленькая, а, как мне кажется, серьезная».

Впервые пьеса появилась в «Современнике», 1858, № 1.

Во втором собрании сочинений Островского (изд. Д. Е. Кожанчикова), вышедшем в более тя-

желых цензурных условиях, из монолога Поля драматург исключил слова:

«Я блистал бы в обществе наперекор всем этим ученым и современно образованным людям с новыми идеями. Мне это было бы легко: они большой симпатией не пользуются». В таком виде монолог печатался в дальнейшем и в прижизненных и в посмертных изданиях.

Впервые пьеса «Не сошлись характерами!» была поставлена 1 сентября 1858 г. в Петербурге в Александрийском театре, с участием Линской (Улита Никитишна), Горбунова (кучер Толстогораздова), Чернышева (Прежнев), Орловой (Прежнева), Яблочкина (Поль), Вороновой (Перешивкина), Зуброва (Толстогораздов), Федоровой (Серафима Карповна).

На сцене Московского Малого театра пьеса впервые была представлена 23 октября 1858 г. с участием Турчанинова и Е. Н. Васильевой (Прежневы), Шумского (Поль), Живокини (Толстогораздов), П. М. Садовского (кучер Толстогораздова), Кавалеровой (Перешивкина), Акимовой (Улита Никитишна), Бороздиной 1-й (Серафима Карповна).

Воспитанница[*]

Впервые пьеса была опубликована в журнале

«Библиотека для чтения», 1859, № 1.

«Воспитанница» задумана Островским в 1855 году как драма в двух действиях. В том же году, 12 июля, он составил список действующих лиц и набросал план 1-го акта, но уже на следующий день работа над пьесой была им оставлена. В первоначальном плане имелись персонажи, впоследствии исключенные драматургом: отставной чиновник Захар Зверобоев и купец Савва Трифоныч Брусков.

К работе над пьесой, которая в то время носила название «Кошке игрушки, мышке слезки. Картина деревенской жизни», Островский вернулся лишь в апреле 1858 года. Он предполагал закончить ее в короткий срок, поэтому 21 апреля сообщал А. В. Дружинину, редактору журнала «Библиотека для чтения»: «У меня начата пьеса „Кошке игрушки, мышке слезки“, которую я скоро кончу и перешлю или привезу сам к Вам в Петербург» (т. XIV, стр. 70). Но планы Островского не осуществились. Работа над пьесой была закончена лишь 7 декабря 1858 года, отдельные же исправления стилистического характера вносились и позже. Уже в последний момент, при переписке набело, Островский вернулся к первоначальному заглавию — «Воспитанница».

Представители революционно-демократического лагеря высоко оценили идейно-художественные достоинства пьесы.

М. Е. Салтыков-Щедрин в письме критику П. В. Анненкову от 29 января 1859 года писал: «Сцены Островского прелестны, и самая мысль этих сцен великолепна» (Полн. собр. соч., Гослитиздат, Л. 1937, т. XVIII, стр. 142–143).

Н. А. Добролюбов в рецензии (1859) на пьесу назвал ее «весьма замечательной» (Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в трех томах, Гослитиздат, М. 1952, т. 2, стр. 490). В этой рецензии и, позднее, в статье «Темное царство» он отмечал яркое обличение в пьесе дворянско-крепостнического самодурства, показ его разлагающего влияния на еще не испорченные натуры, глубокое раскрытие внутреннего облика действующих лиц, умение придать самым простым их положениям поэтическую прелесть. Эта «пьеса… — писал Добролюбов, — объясняет нам весь процесс душевной борьбы предшествующей неразумному увлечению девушки, убиваемой самодурною силою» (там же, стр. 255). Критик подчеркнул высокое художественное мастерство драматурга: «В этом произведении вовсе нет резких и грубых черт, к каким прибегают иногда писатели для

того, чтобы ярче выставить пошлость и гадость изображаемого ими предмета. Вся пьеса отличается необыкновенно спокойным, сдержанным характером» (там же, стр. 490).

С особым восхищением Добролюбов писал об образе Нади: «Ее ощущения переданы в пьесе Островского с изумительной силой и яркостью; таких глубоко истинных очерков немного во всех произведениях нашей литературы» (там же, стр. 259).

Суждения Добролюбова встретили полную поддержку прогрессивной критики, и в дальнейших высказываниях о «Воспитаннице» они лишь развивались и дополнялись.

Д. И. Писарев в статье «Схоластика XIX века» (1861) писал: «…Как много говорит эта небольшая драма, какие живые личности и положения выступают перед воображением читателя!» (Д. И. Писарев, Соч. в четырех томах, Гослитиздат, М. 1955, т. 1, стр. 106).

Реакционная критика стремилась опорочить пьесу. Так, Ник. Д. Ахшарумов обвинял Островского в эскизности и карикатурности показанных в пьесе образов, в том, что он изобразил будто бы натуралистически лишь грязные пятна жизни, что все действующие лица пьесы, кроме Нади,

представляют собою «эссенции и экстракты», «какие-то отвлеченные, перегнанные и фильтрованные дозы разного рода человеческой грязи, от которых на душе у читателя остается самое тяжелое и неприятное впечатление» («Весна. Литературный сборник на 1859 год», СПб. 1859, стр. 351). Против измышлений Ахшарумова выступил Добролюбов; он высмеял Ахшарумова за «отсутствие критического такта» и назвал его статью «выходкой», «противоречащей здравому смыслу» (Собр. соч. в трех томах, Гослитиздат, М. 1952, т. 2, стр. 524).

26 сентября 1859 года «Воспитанница» была одобрена к представлению Театрально-литературным комитетом, но не единогласно. Против пьесы выступили два наиболее реакционных члена: сам председатель С. П. Жихарев и, как выразился И. Ф. Горбунов в письме к Островскому от 3 октября 1859 года, «еще один барин А. Г. Рогчев» («Неизданные письма к А. Н. Островскому», М. — Л. 1932, стр. 669). В том же письме Горбунов извещал и о нависшей над «Воспитанницей» угрозе со стороны драматической цензуры. Опасения Горбунова подтвердились — 23 октября пьеса была запрещена.

В 1861 году Ф. А. Бурдин безуспешно хлопотал

о снятии запрещения. Начальник III отделения царской канцелярии А. Л. Потапов так мотивировал свой отказ: «Время ли теперь говорить о крепостном праве и злоупотреблениях?., дворяне представлены в таком дурном виде… Они в настоящее время и без того заколочены… за что же их добивать окончательно, выводя подобным образом на сцену… Она должна играться в Москве, там будут выборы… это может оскорбить дворянство» («А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма». Госиздат, М.-Пг. 1923, стр. 12).

Когда же Бурдин, возражая Потапову, сказал, что в пьесе не задеты ни крепостное право, ни благородные чувства дворянства, то Потапов ответил: «Конечно, ничего прямо не говорится, но мы не так просты, чтобы не уметь читать между строк» (Ф. Бурдин, «Из воспоминаний об Островском», «Вестник Европы», 1886, XII, стр. 671).

По особому разрешению эта пьеса игралась в Петербурге в Купеческом клубе в пользу семьи знаменитого русского артиста А. Е. Мартынова и затем 27 января 1862 года в театре Санкт-Петербургского пассажа Обществом любителей сценического искусства в пользу Литературного фонда. Но официально для казенной и частной сцены она была разрешена лишь в 1863 году, да

и то благодаря тому, что в это время обязанности начальника III отделения временно исполнял генерал-адъютант Н. А. Анненков, двоюродный брат либерального критика П. В. Анненкова.

Последний помог друзьям Островского добиться разрешения. 27 июля 1863 года Театрально-литературный комитет вторично рассмотрел и одобрил «Воспитанницу», а в начале сентября она была дозволена драматической цензурой.

7 сентября 1863 года Бурдин писал драматургу: «Твоя „Воспитанница“ дозволена. Сейчас я узнал об этом в цензуре и спешу об этом уведомить. Теперь милости просим скорее к нам — твои друзья ждут тебя с нетерпением» («А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма», Госиздат, М.-Пг. 1923, стр. 17).

21 октября 1863 года «Воспитанница» в первый раз была представлена в московском Малом театре, в бенефис Л. А. Карской. В спектакле были заняты: П. М. Садовский — Потапыч, Н. В. Рыкалова — Уланбекова, А. И. Колосова — Надя, Х. И. Таланова — Василиса Перегриновна, А. И. Погонин — Леонид, С. П. Акимова — Гавриловна, А. А. Рассказов — Гриша, В. Д. Ленский — Негли-гентов, М. В. Васильева — Лиза, В. Д. Стрекалова — девушка.

Спектакль прошел с большим успехом.

Рецензент газеты «Московские ведомости» писал, что Рыка-лова в роли Уланбековой была «ни дать ни взять московская барыня, времен вскоре после нашествия неприятеля», то есть после 1812 года. Верностью передачи типов пьесы отличалась игра и других артистов, и лишь А. И. Колосова (Надя) иногда «чересчур плакала в ущерб естественности и простоте», да Х. И. Таланова (Василиса Перегриновна) излишне жеманилась и манерничала (Н. Пановский, «Бенефисы в Малом театре», «Московские ведомости», 1863, № 235, 30 октября).

На сцене Александрийского театра, в Петербурге, «Воспитанница» шла в первый раз 22 ноября 1863 года, в бенефис Е. Н. Жулевой.

Зрители встретили этот спектакль очень тепло. Общая оценка прессы была, как правило, восторженной.

Критик Мих. Федоров писал: «„Воспитанница“ г. Островского дает нам великолепную картину русской помещичьей жизни, а артисты наши постарались воспроизвести эту картину с верностью до мельчайших подробностей и доставили нам несколько отраднейших минут, редко испытываемых нами в русском театре — тех

минут, которые составляют полное эстетическое наслаждение…» (Мих. Федоров, «Спектакль 22 ноября „Воспитанница“», «Голос», 1863, № 314, 26 ноября).

А. Григорьев дал этому спектаклю самую высокую оценку («Якорь», 1863, № 42). Особенное восхищение вызывала игра Е. В. Владимировой (Надя) и Ю. Н. Линской (Василиса Перегриновна).

П. Д. Боборыкин писал об игре Линской: «Точно живая стоит в нашей памяти уксусная дева в желтой шали, с огромным гребнем в жидкой косе, с ехидно-слащавой мимикой, с кошачьими движениями, с глухими, но язвительными интонациями голоса».

Другие роли исполняли: Уланбекова — А. И. Сабурова, Леонид — А. А. Нильский, Потапыч — П. В. Васильев, Гавриловна — П. К. Громова, Гриша — И. Ф. Горбунов.

По мнению Григорьева, игра Горбунова была «правдой до цинизма, беспощадная и нисколько не преувеличенная» (там же).

22 ноября, сразу же после спектакля, Бурдин сообщал А. Н. Островскому: «„Воспитанница“ очень понравилась; Линская была совершенство, Владимирова превзошла себя, столько страсти, столько правды, что восторг, прочие роли были

сыграны более чем удовлетворительно — словом, общий голос, что пьеса была так сыграна, как не многие, — тебя вызывали, но объявили, что в театре не находишься» («А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин, Неизданные письма», М.-Пг. 1923, стр. 19).

О крупном успехе «Воспитанницы» драматургу писал 4 января 1864 года и его брат М. Н. Островский.

Пресса, признавая большие достоинства спектакля, восторгаясь им, указывала и на его частные недостатки. Некоторым рецензентам казалось, что Сабуровой иногда недоставало строгости, Линской — ехидства, а Васильеву — важности; Владимирова в иных местах без необходимости говорила плачущим дрожащим голосом, а Нильский в последней сцене «ударился в мелодраму», Горбунов и Бурдин были уже староваты для своих ролей («Санкт-Петербургские ведомости», 1863, № 263, 26 ноября; «Голос», 1863, № 314, 26 ноября).

Из последующих исполнительниц роли Нади, наиболее сложной в этой пьесе, более других выделялась М. Г. Савина.

«Роль Нади, исполненная г-жою Савиной в сценах г. Островского „Воспитанница“, — писал А. А. Соколов, выступавший под псевдонимом

„Театральный нигилист“, — одно из первоклассных сценических созданий, и именно по своей правде, по своему художеству, по своей простоте. Каждое слово идет от сердца…» («Петербургский листок», 1874, № 72, 17 апреля).

Лучшей постановкой «Воспитанницы» в советское время явился спектакль Малого театра (1955). В нем особенно удачной была игра Л. В. Орловой, показавшей простосердечие Гавриловны, Э. Д. Сергеева, раскрывшего тупость и своеволие Гриши, В. А. Обуховой, ярко воплотившей человеконенавистничество желчно-ядовитой, смешной и отвратительной Василисы Перегриновны, Л. В. Юдиной, глубоко выразившей осознание Надей своего трагического положения, и Н. Н. Шамина, убедительно обрисовавшего Потапыча, доброго по натуре, но принужденного раболепствовать.

Старый друг лучше новых двух[*]

Впервые пьеса была опубликована в журнале «Современник», 1860, № 9.

Начало работы над пьесой, очевидно, относится к концу 50.-х годов. Первые четыре явления и часть пятого (д. 1), включая слова Татьяны Никоновны: «Пожалуйте, пожалуйте!» (стр. 285–297 наст, изд.), были опубликованы в журнале «Московский вестник», 1859, № 29 (цензурное

разрешение 31 июля 1859 г.).

С июня по октябрь 1859 года драматург писал «Грозу» и только после ее окончания вернулся к прерванной работе над комедией «Старый друг лучше новых двух». Он завершил ее 17 апреля 1860 года.

По свидетельству А. А. Стаховича, прототипом Густомесова в известной мере был дядя Прова Садовского Сергей Семенович Кошеверов. «Вспомнились мне, — писал об этом Стахович, — неистощимые ласкательные и поощрительные поговорки Сергея Семеновича для каждой предлагаемой им рюмки вина или водки и финальная фраза „Не задерживайтесь!“, чтобы кончили одну серию выпивки или задушевный тост и переходили бы к следующим. Эту обычную фразу Кошеверова (отчасти и его самого) поместил Ал. Ник. в лице купца в комедии „Старый друг лучше новых двух“» (А. А. Стахович, «Клочки воспоминаний», М. 1904, стр. 84).

Посылая пьесу в «Современник», Островский просил И. И. Панаева в письме от 28 августа 1860 года: «…Сделайте милость, прикажите получше просмотреть корректуру» (т. XIV, стр. 86).

Критика отнеслась к новой комедии Островского по-разному. Так, рецензент журнала «Русское

слово» В. Иванов считал, что новая пьеса Островского слабее всех его произведений («Русское слово», 1860, ноябрь, стр. 81).

Иначе оценили комедию Н. А. Некрасов и Н. А. Добролюбов: «Мы с Добролюбовым, — сообщал Некрасов драматургу, — ее прочли и нашли, что ока в своем роде великолепна — то есть вполне достойна Вашего дарования» («Неизданные письма к А. Н. Островскому», Academia, М. — Л. 1932, стр. 280).

О персонажах комедии «Старый друг лучше новых двух» Оленьке и Пульхерии Андревне И. И. Панаев писал: «С глубокою тонкостью и верностью очерчено г. Островским в его „Старом друге“ лицо Оленьки… Это, по нашему мнению, лучшее лицо комедии, не исключая и Пульхерии Андревны, на которой движется вся пьеса и которая мастерски изображена автором: но таких лиц уже пытались не раз изображать наши авторы более или менее удачно. Писателю, как г. Островский, ничего не стоило изобразить типически Пульхерию Андревну; с Оленькой справиться было гораздо труднее, и именно в выполнении этого характера по преимуществу обнаруживается сила таланта г. Островского. Оленька, по нашему мнению, принадлежит к удачнейшим женским

характерам г. Островского» («Современник», 1860, сентябрь, стр. 402). Пьесу же в целом Панаев оценил как «мастерски набросанные картинки», «так поразительно верные натуре».

В 1860 году в этой комедии выступил сам Островский в роли Густомесова в любительском спектакле в Москве на сцене так называемого Красноворотского театра, в доме Давыдова. Близкий знакомый драматурга Н. А. Дубровский, служивший в Московской дворцовой конторе, записал в своем дневнике: «15 сентября возобновились спектакли у Давыдова. Я играл роль Васютина из новой пьесы Островского „Старый друг лучше новых двух“. Сам автор играл роль купца. Присутствующие остались игрой нашей очень довольны. Жаль, что мы играли только одно второе действие» («Театральный дневник 1860 г. г. Дубровского». Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, лист 18 — оборот и 19). 15 декабря 1863 года по просьбе Московского кружка любителей драматического искусства Островский еще раз выступил в роли Густомесова (т. XIV, стр. 111).

На профессиональной сцене комедию впервые представил Александринский театр в Петербурге 10 октября 1860 года. Спектакль шел в пользу се-

мьи умершего А. Е. Мартынова. Роли исполняли: Татьяна Никоновна — П. К. Громова, Оленька — Ф. К. Снеткова 3-я, Пульхерия Андревна — Ю. Н. Линская, Густомесов — Ф. А. Бурдин, Анфиса Карповна — Е. А. Сабурова, Орест — И. Ф. Горбунов, Прохор Гаврилыч — А. И. Максимов, Гаврила Прохорыч — П. И. Зубров.

Критика особенно выделяла игру Снетковой 3-й, Линской и Бурдина. Так, И. И. Панаев писал в «Современнике»: «…Почти ни одной фальшивой ноты не было слышно в голосе г-жи Снетковой 3-й, она воспроизвела эту роль тонко, просто, верно, без малейшей фальшивой сценической идеализации… Роль Пульхерии Андревны разыграна г-жою Линскою безукоризненно. Эта роль как будто создана для нее. Г-н Бурдин был очень хорош в роли купца» («Современник», 1860, октябрь, стр. 402–403).

На той же сцене комедия «Старый друг лучше новых двух» была возобновлена в 1863 году в бенефис Бурдина, затем в 1875 году в бенефис Горбунова, она ставилась неоднократно и в другие годы. Лучшей в Петербурге признана первая постановка.

Однако в Александрийском театре не могли полностью раскрыть содержание пьесы и

создать запоминающийся спектакль. Лучшее сценическое воплощение ее было осуществлено московским Малым театром 14 октября 1860 года, в бенефис Бороздиной 2-й, с которой Островский сам «проходил» роль Оленьки и которая сыграла ее превосходно. Хорошо играла также С. П. Акимова в роли мещанки Татьяны Никоновны. Другие роли исполняли: Густомесов — П. М. Садовский, Пульхерия Андревна — Бороздина 1-я, Прохор Гаврилыч — И. В. Востоков, Анфиса Карповна — Н. В. Рыкалова, Гаврила Прохорыч — П. Г. Степанов, Орест — В. В. Живокини.

Театральный критик А. Баженов с восторгом писал об игре Садовского: «…Исполнение это было верх комического совершенства; каждое слово решительно отчеканивалось им, а невозмутимое хладнокровие, с которым отпускал он самые уморительные прибаутки и балагурства, вроде, например, поздравления с первой пятницей на этой неделе, или уговоры допить все вино: „нельзя-с! — не оставляют“, — было поразительно» («Искусство», 1860, № 3, октябрь, стр. 50–51).

Новый сценический успех пьесы «Старый друг лучше новых двух» связан с именами Ольги Осиповны и Михаила Провыча Садовских.

Впервые О. О. Садовская сыграла роль Пульхе-

рии Андревны Гущиной еще при поступлении на сцену Малого театра. «В этих сценах… несмотря на однообразие впечатления, — писал П. Боборыкин, — г-жа Садовская сумела каждый раз быть забавной. У ней много комических оттенков в разговоре. Московским разночинным жаргоном она владеет замечательно хорошо» («Русские ведомости», 1879, 24 октября, № 266). В дальнейшем О. Садовская довела роль Гущиной до высшей степени совершенства. Вот как описывает ее выступление Любовь Гуревич:

«Посмотрите в изображении Садовской на скверную старушонку Гущину — мелкую злюку, сплетницу, кляузницу, изображающую из себя чванную даму, а на самом деле совершенно лишенную чувства собственного достоинства… На ней нарядное золотистое платье, из-под белого чепца с кружевом и ниспадающими по плечам желтыми лентами выглядывают рыжеватые, слегка вьющиеся волосы; у нее большой недобрый рот с иронически опущенными углами и круглые голубые глаза. И вы угадываете по какому-то неуловимому оттенку в выражении глаз, что в молодости Гущина очень много смотрелась в зеркало, и кокетничала, и жеманилась; может быть, даже она и впрямь была когда-то

красивая... в поворотах ее главы, в пожимании плеч под шалью в ней еще чувствуются следы самодовольства и жеманства и, вероятно, она и посейчас, одеваясь, долго вертится перед зеркалом и кажется себе барыней, сохранившей долю былого очарования. Всего этого нет в словах ее роли; но, вычитывая характеристику Гущиной из текста Островского, артистка углубляет для себя эту характеристику, вносит в нее интимные психологические черты, — и опять мы видим перед собою не извне схваченную бытовую фигуру, а живой человеческий образ, в котором заключено большое художественное обобщение» («Речь», 1916, № 128, стр. 5).

Неоднократно О. О. Садовская брала роль Пульхерии Андревны Гущиной в дни своих юбилеев. Отмечая 25- и 35-летнее пребывание на сцене Малого театра, она выступила в этой же пьесе.

Другим выдающимся участником в спектаклях «Старый друг лучше новых двух» на сцене Малого театра был М. П. Садовский в роли купца Густомесова. Впервые он сыграл ее в свой бенефис 25 ноября 1897 года. Вот как описывает игру Садовского театральный критик С. Васильев-Флеров: «Этому купцу, по ремарке самого автора, около 35 лет. Да уж и пожил он уж изрядно. По

наружности он старше своих лет. Таким олицетворяет его г. Садовский: что это за прелесть! Как искренне входит он в проект матери относительно женитьбы молодого Васютина. С какою убежденностью говорит, что „вино для дома вещь необходимая, потому что завсегда требуется“. С каким авторитетом опытности и знания рассказывает матери, что в „купечестве“ не всякого полюбят, „а с разбором“, кто чего стоит. С каким лоском, подсмотренным у половых в Троицком трактире, подносит он стакан на подносе. Нельзя представить себе лучшего Вавилы Осиповича» («Московские ведомости», 1897, 8 декабря, № 338).

Свои собаки грызутся, чужая не приставай![*]

Впервые пьеса была опубликована в журнале «Библиотека для чтения», 1861, № 3.

Островский намеревался напечатать «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» в февральском номере журнала «Библиотека для чтения» за 1861 год, но не успел закончить работу к намеченному сроку. А. Ф. Писемский, редактор этого журнала, писал Островскому: «Как ты ни подрезал меня, друг сердечной, но во всяком случае, бога ради, не насилуй себя и не торопись и только по крайней мере — к мартовской книжке изготовь» («А. Ф. Писемский. Материалы и иссле-

дования», 1936, стр. 143).

Работу над этим произведением драматург закончил, видимо, в конце февраля или начале марта 1861 года; в письме Ю. Н. Линской от 20 октября 1861 года он упоминает, что «пьеса была готова еще весной» (т. XIV, стр. 90).

«Свои собаки грызутся, чужая не приставай» является второй частью трилогии о Бальзаминове. В ней образ основного героя дополнен некоторыми новыми чертами. Таково, например, пристрастие Бальзаминова к старомодным чувствительным стишкам и «жестоким» романсам, характеризующее вкусы мещанства.

Новая пьеса Островского была встречена враждебно реакционными и либерально-буржуазными критиками. Они объявили, что вторая часть трилогии «несравненно слабее первой» («Праздничного сна — до обеда»), хотя осудили одинаково обе части за «скудость содержания».

Против недооценки этих пьес, надолго упрочившейся в критике, возражал известный драматург Д. В. Аверкиев. Он писал: «Было бы весьма поучительно в двух последовательных спектаклях поставить всю трилогию о Бальзаминове; тогда бы, думается, значение ее уяснилось для многих, ныне слепотствующих на ее счет» (Д. В. Аверкиев,

«Дневник писателя», 1886, стр. 252).

В артистической среде пьеса «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» вызвала живой интерес. И, Ф. Горбунов выразил желание играть Бальзаминова. Ведущая артистка Александрийского театра Е. М. Левкеева просила пьесу для своего бенефиса. 16 августа 1861 года Островский писал заведующему репертуарной частью петербургских театров П. С. Федорову: «Если я этой малостью могу услужить г-же Левкеевой, я буду очень рад; она так много способствовала успеху моих пьес, что эту может вполне считать своей собственностью» (т. XIV, стр. 89). Однако пьеса к бенефису Левкеевой театром не была подготовлена, и тогда драматург передал ее по просьбе Ю. Н. Линской для ее бенефиса. Островский высоко ценил Линскую как замечательную комическую артистку, выступавшую в его пьесах с выдающимся успехом.

Первые представления пьесы состоялись почти одновременно в Москве и Петербурге. В Малом театре она шла 27 октября 1861 года, в бенефис С. П. Акимовой. Роли исполняли: Бальзаминов — А. А. Рассказов, Антрыгина — Л. П. Никулина-Косицкая, Бальзаминова — Н. В. Рыкалова и др. Первый спектакль в Александрийском театре

был 3 ноября 1861 года, в бенефис Линской, при следующем распределении ролей: Бальзаминов — И. Ф. Горбунов, Устрашимов — П. С. Степанов, Антрыгина — Ю. Н. Линская и др.

По данным А. И. Вольфа, автора «Хроники петербургских театров» (ч. III, СПб. 1884, стр. 78), в последующие годы на Александрийской сцене комедия «Свои собаки грызутся, чужая не приставай», как и «Праздничный сон — до обеда», принадлежала к числу пьес, «чаще прочих игранных».

За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзаминова)[*]

Впервые пьеса была опубликована в журнале «Время», 1861. № 9.

Комедия «За чем пойдешь, то и найдешь» была, видимо, закончена Островским в первой половине августа 1861 года. Она является последней частью трилогии о Бальзаминове.

Отсылая новое свое произведение в Петербург Ф. М. Достоевскому для напечатания в журнале «Время», драматург писал: «Милостивый государь, Федор Михайлович. Посылаю Вам пьеску, которую обещал для Вашего журнала. Нездоровье помешало моей работе, и я кончил ее позже, чем желал бы. Когда прочтете эту вещь, сообщите

мне в нескольких строках Ваше мнение о ней, которым я очень *дорожу*. Вы судите об изящных произведениях на основании вкуса: по-моему, это единственная мерка в искусстве. Вы меня крайне обяжете, если выскажете свое мнение совершенно искренно и бесцеремонно» (т. XIV, стр. 89–90).

Достоевский ответил драматургу 24 августа 1861 года: «Вашего несравненного „Бальзаминова“ я имел удовольствие получить третьего дня… Что сказать Вам о Ваших „сценах“? Вы требуете моего мнения совершенно искреннего и бесцеремонного. Одно могу отвечать: прелесть. Уголок Москвы, на который Вы взглянули, передан так типично, что будто сам сидел и разговаривал с Белотеловой. Вообще, эта Белотелова, девица, сваха, маменька и, наконец, сам герой, — это до того живо и действительно, до того целая картина, что теперь, кажется, у меня она вовек не потускнеет в уме… из всех Ваших свах Красавина должна занять первое место. Я ее видал тысячу раз, я с ней был знаком, она ходила к нам в дом, когда я жил в Москве лет десяти от роду; я ее помню» («Ф. М. Достоевский, Письма», ГИЗ, 1928, стр. 306).

Достоевский организовал у себя чтение пьесы и об интересных для автора впечатлениях слуша-

телей также сообщал в письме: «…Некоторые из слушателей и из слушательниц вашей комедии уже ввели Белотелову в нарицательное имя. Уже указывают на Белотелову и отыскивают в своей памяти девиц Пеженовых» (там же).

Неудачно сложилась театральная судьба «Женитьбы Бальзаминова». Островский просил заведующего репертуарной частью петербургских императорских театров П. С. Федорова принять его новую пьесу «так же благосклонно, как и все прежние» (т. XIV, стр. 89). Но истинное отношение к драматургу со стороны этого чиновника-администратора, как и вообще театрального начальства, бывшее и прежде далеко не благосклонным, теперь обнаружилось открыто — Литературно-театральный комитет, состоявший в большинстве из недоброжелателей Островского, рассмотрев пьесу, постановил: «Не одобряется к представлению». Как тяжело воспринял писатель это оскорбительное постановление, видно из его письма от 26 октября 1861 года, адресованного тому же Федорову: «Давно я слышал, что пьеса моя „За чем пойдешь…“ забракована комитетом, но не верил этому, как делу совершенно невероятному. Теперь эти слухи подтвердились. Как могло это случиться? И по моему собственно-

му убеждению, да и по отзыву людей, наиболее заслуживающих доверия, эта пьеса нисколько не хуже других моих пьес, пропущенных комитетом, не говоря уже о множестве переводных и оригинальных произведений других авторов. Моя вещь не пропущена, а бездна вещей, совершенно никуда не годных, пропускается комитетом… Из всего этого при самом беспристрастном взгляде можно вывести только одно заключение, и именно явное недоброжелательство ко мне комитета» (т. XIV, стр. 91).

Глубоко возмущенный, но лишенный возможности публично обжаловать заключение Литературно-театрального комитета, Островский приходит к мысли о том, что дальнейший его честный писательский труд для сцены невозможен. «Поверьте, — писал он тому же Федорову, — что этот поступок комитета оскорбителен не для одного меня в русской литературе, не говоря уже о театре. Так как гласно протестовать против решения комитета я не могу, то у меня остается только одно: отказаться совершенно от сцены и не подвергать своих будущих произведений такому произвольному суду. Я почти неразрывно связан с театром, десять лет я не сходил со сцены, сколько артистов получили известность в

моих пьесах… Вы согласитесь, что со всем этим расставаться нелегко, нелегко отказываться от дела, которому исключительно посвятил себя! Но иначе я поступить не могу» (т. XIV, стр. 92). О своем решении оставить театр и не иметь дела с Литературно-театральным комитетом Островский сообщал также Ю. Н. Линской (20 октября 1861 года) и Ф. А. Бурдину (осенью 1862 года).

На защиту писателя выступила прогрессивная пресса; инцидент получил общественную огласку. Газета «Русский мир» протестовала против предпочтения, которое Литературно-театральный комитет оказывал низкопробным сценическим изделиям Федорова и Дьяченко перед произведениями Островского. С резкой критикой действий комитета выступил также журнал «Гудок», заявивший без обиняков, что «комитет составлен из таких лиц, которым доверять не имеет никакого уважительного основания ни образованная часть нашей публики, ни литературный кружок, ни артисты… Пьесы Островского не всегда одобряются комитетом для сцены; водевили П. С. Федорова гораздо счастливее пьес Островского» («Гудок», 1862, № 42).

Революционный демократ В. С. Курочкин опубликовал (под псевдонимом Пр. Знаменский) в

журнале «Искра» (1861, № 44) статью, в которой с негодованием писал, что «последние сцены Островского „За чем пойдешь, то и найдешь“, напечатанные в журнале „Время“ и понравившиеся всей грамотной публике, признаны никуда не годными некоторыми ценителями искусства, аматёрами. Что это за люди, откуда они вышли и куда идут? Ничего этого мы не знаем, но уверены вместе с читателями, что мнения каких-нибудь Митрофанов Ивановичей, Назаров Назаровичей, Павлов Степановичей, Андреев Александровичей, Александров Гавриловичей, Петров Ильичей, Ивановичей, Андреичей и всяких других ничтожно перед общим мнением людей, понимающих искусство». Здесь поименованы реальные лица, члены Литературно-театрального комитета: А. Г. Рогов, А. А. Краевский, П. С. Федоров и др.

Под давлением общественного мнения Литературно-театральный комитет пересмотрел свое постановление о «Женитьбе Бальзаминова» и 17 ноября 1862 года большинством голосов (шесть против четырех) допустил пьесу к представлению, с оговоркой, что автор, чье имя приобрело известность, будет сам отвечать за свое произведение, комитет же «не признает большого

литературного и сценического достоинства в пьесе Островского» и делает для нее исключение ввиду бедности репертуара Александрийского театра

1 января 1863 года петербургский Александрийский театр впервые показал пьесу «За чем пойдешь, то и найдешь» при следующем распределении ролей: Бальзаминов — Пав. В. Васильев, Бальзаминова — Ю. Н. Линская, Красавина — Воронова, Чебаков — П. С. Степанов, Белотелова — Е. Н. Васильева 2-я, Раиса — А. П. Натарова, Матрена — Рамазанова.

В московском Малом театре премьера состоялась 14 января 1863 года. Роли исполняли: Бальзаминов — А. А. Рассказов, Бальзаминова — Н. В. Рыкалова, Красавина — С. П. Акимова, Чебаков — В. А. Дмитревский, Белотелова — А. И. Колпакова, Анфиса — В. В. Бороздина, Раиса — А. И. Колосова, Матрена — Х. И. Таланова.

А. А. Рассказова и П. В. Васильева, исполнителей роли Бальзаминова, А. Н. Островский выделял как высокоталантливых артистов. Д. В. Аверкиев вспоминал, что «Павел Васильев в этой роли был само совершенство» («Дневник писателя», 1886, стр. 252). Из актеров более позднего времени лучшим истолкователем образа Бальзаминова

был В. Н. Давыдов.

О все возраставшем сценическом успехе «Женитьбы Бальзаминова» свидетельствовал тот же Аверкиев: «...Одна из...комедий, вначале оцененная весьма немногими, даже отвергнутая Театрально-литературным комитетом, как недостойный фарс, а именно „Женитьба Бальзаминова“, чем дальше, тем более и более станет возвышаться в общем мнении... Бальзаминов не просто бытовой тип, а характер; несмотря на его видимую пустоту и ничтожность, мы все по временам бываем Бальзаминовым точно так же, как и Хлестаковым... Есть ли более яркое изображение пошлости человеческого себялюбия, не находящего правильной оценки своим достоинствам? И посмотрите, как настойчиво он добивается того, в чем полагает должное воздаяние своим достоинствам, именно богатой невесты. И что ж? ведь в конце концов после многих комических злоключений оно и удается ему» (там же, стр. 252).

С. В. Васильев, выдающийся артист Малого театра, в интересной статье «Островский и театр» рекомендовал играть все три пьесы о Бальзаминове «в один вечер, в форме трилогии» («Русское обозрение», 1890, VII, стр. 304).

«Женитьба Бальзаминова» часто ставится советскими театрами. Она с успехом шла в Новосибирске, Перми, Харькове, Свердловске, Москве, Ленинграде, Петрозаводске, Смоленске, Ельце, Одессе, а также в национальных театрах: удмуртском, чувашском, латвийском. Современных зрителей эта пьеса привлекает не только как сатира, блещущая типичным для Островского ярким и «крупным» комизмом, но и как живописная картина старой купеческой и мещанской Москвы.